Академия Наук Эстонской ССР
Отделение общественных наук

И.С. Галкин

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Таллин 1967

В В Е Д Е Н И Е

Марийский язык относится к финно-угорской группе младописьменных языков Советского Союза. В настоящее время он имеет две литературные нормы: лугово-восточную и горно-марийскую, из которых ведущей является лугово-восточная. В школах обучение ведется на родном языке, Марийский государственный педагогический институт готовит учителей родного языка и литературы. На марийском языке издаются республиканские и районные газеты, общественно-политические и литературно-художественные журналы, научно-популярная , общественно-политическая, художественная и переводная литература.

На родном языке марийский народ читает произведения классиков марксизма-ленинизма, великих русских и советских писателей, знакомится с достижениями литературы братских народов и народов зарубежных стран.

На марийском же языке ведутся передачи по радио и телевидению, работает Марийский драматический театр, прозвучала первая марийская опера композитора Э. Сапаева "Акпатыр". Имена марийских писателей С. Чавайна, О. Шабдара, М. Шкетана, Н. Лекайна, С. Николаева, М. Казакова и других стали широко известными не только в Советском Союзе, но и за его пределами.

Начало исследовательской работы в области марийского языка относится сравнительно к далекому прошлому: первая марийская грамматика, приписываемая Пуцеку- Григоровичу, появилась в свет в 1775 году. Таким образом, марийский язык уже в XVIII веке привлекал внимание исследователей, однако необходимо отметить, что в этот период изучение марийского языка носило лишь узко-практический характер. Тем не менее сам факт составления

таких грамматик является весьма примечательным по той причине, что это явилось началом систематического изложения основ грамматического строя марийского языка.

Вплоть до середины XIX века сравнительно-историческим изучением марийского языка не занимались.

В 1845 году появляется работа М. Кастрена "Elementa Grammatices tscheremissae ", Kuopio /Элементы грамматики черемисского языка /. Она положила начало сравнительному изучению марийского языка с другими родственными языками. Правда, грамматика краткая, охватывает далеко не все формы описываемого языка, но имеющиеся в ней материалы весьма ценны. Знаток многих финно-угорских языков, М. Кастрен делает в ней такие сравнения, большинство из которых и по сей день не вызывают сомнений. Так, например, он окончание родительного падежа в марийском языке сравнивает с окончанием финского генетива, окончание дательного падежа-лан -с окончанием финского аллатива-lle, показатель желательного наклонения марийского языка -не -с показателем потенциального наклонения в финском и т.д.

М. Кастрен первый отметил в марийском языке редукцию гласных в любом неударном слоге.

Вслед за М. Кастреном начинается более активный период сравнительного изучения марийского языка. В одно время с М. Кастреном пишет грамматику марийского языка по горному диалекту Ф. Видеман "Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache... Reval , 1847 / опыт грамматики черемисского языка/, хотя его работа появилась в свет на два года позже грамматики М. Кастрена. При написании своей работы Ф. Видеман не мог пользоваться грамматикой М. Кастрена, он познакомился с ней лишь в период подготовки своего труда к печати, что все

же дало возможность использовать, как это пишет сам автор, некоторые положения М. Кастрена. Ф. Видеман отмечает нерасположение марийского языка, как и других финно-угорских языков, к стечению согласных в начале слова, ср. вдруг > трук. Как и Кастрен, Видеман окончание родительного падежа соотносит с прибалтийско-финским генитивом, окончание дательного падежа марийского языка сравнивает с окончанием прибалтийско-финского аллатива и зырянским-лань. Видеман оспаривает мнение Кастрена, что окончания направительного и обстоятельственного падежей являются по происхождению одним: последний он сравнивает с прибалтийско-финским -ksi ,-ks ,-s . Притяжательный суффикс -же, -жо, - жӧ Видеман сравнивает с коми-ыс и мордовским -зе и считает его финно-угорским по происхождению, но этот же суффикс в непритяжательном употреблении он неверно возводит к русскому же.

По мнению Ф. Видемана, разница между двумя спряжениями в марийском языке вызвана только соединительными гласными-а и -е. С некоторой неуверенностью, Ф. Видеман сравнивает суффикс марийского причастия на-ме, -мо, -мӧ с суффиксом имени действия финского языка и инфинитивного окончания эстонского языка - ma /-mä / и с коми причастием на-ӧма. Причастие на -ше, -шо, -шӧ он генетически связывает с инфинитивом на -аш,конечный гласный причастного суффикса, по его мнению, дополнительный, в чем с ним никак нельзя согласиться / см. инфинитивы/. Частицу -ок он неоправдано отожествляет с финской усилительной частицей -ка /-кӓ/.Глагольный суффикс -тар /-дар/ Ф.Видеманом правильно считается тюркским по происхождению, но совершенно неправильно его мнение относительно происхождения глагольного суффикса-лан, который, по его мнению,сложился из

глагольных суффиксов -л и -н. В то время как суффикс -лан является также тюркским заимствованием. Не выдерживает также критики его объяснение происхождения суффикса -талт. Ф. Видеман не ограничивался сравнениями только из родственных языков. Он пользовался также материалами неродственных соседних языков. Так, он отрицательное слово уке "нет" возводит к татарскому дук "нет", суффикс прилагательного -сыр сравнивает с тюркским - siz . Здесь Ф.Видеман также несколько ошибается. Вернее было бы слово уке "нет" сравнить с монгольским угуй "нет", а суффикс прилагательного -сыр -с чувашским -сар/сер/. Совершенно правильно он суффикс сравнительной степени-рак возводит к тюркскому -рак.

Работа Ф. Видемана, несмотря на многие недостатки, не утратила своего значения до сих пор: в ней впервые наиболее полно представлена морфологическая структура марийского языка. После Ф. Видемана в России таких больших работ по марийскому языку с историческим экскурсом не было вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, в 1889 году появляется замечательная работа профессора Казанского университета М. Веске "Исследования о наречиях черемисского языка", но она не касалась истории марийского языка. В ней рассматриваются границы распространения отдельных диалектов марийского языка. В своем труде М. Веске совершен о правильно поставил под сомнение деление марийского языка на горное и луговое наречия по географическому признаку, отмечая, что р. Волга не является границей, отделяющей горное наречие от лугового: горное наречие распространяется и на левый берег р. Волги. В этой работе М. Веске установил ряд междиалектных звуковых соответствий

/луг. о, горн. а, луг.ӱ горн. ӓ и т.д./,дал описание гармонии гласных и т.п.

Во П-ой половине XIX века главенствующую роль в изучении истории марийского языка начинают играть венгерские и финские ученые. Материалы по марийскому языку венгерские ученые черпали главным образом из переводной литературы с русского на марийский язык. Особенно большую помощь в этом деле сказал венгр А. Регули, который возвращаясь из поездки к своим сородичам ханты и манси, в 1845 году побывал среди луговых марийцев и записал 816 марийских предложений. Впоследствии эти материалы были изучены Й.Буденцом, который их использовал при написании своей работы по марийскому языку "Cseremisz tanulmányok " /Черемисские исследования/ Pest ,1864-1865г. Материалы Регули касались лугового наречия марийского языка, но Буденц привлек для сравнения и данные горного наречия.

Первый раздел труда посвящен арабским, персидским, татарским и чувашским заимствованиям в марийском языке. Здесь Й. Буденец дает список заимствованных слов и суффиксов. В марийском языке он находит 11 заимствованных суффиксов:-лык, -ле /куатле/; -сыр,-че /пашаче /,-рак, -лан / тазаланаш /, -дар /-тар//октараш/; -л /пайлаш /;-кал /каласкалаш /; -л / сӱмырлаш /;-н /тайнаш /. Остальные же суффиксы, по мнению Буденца, по-видимому,собственномарийского происхождения или восходят к финно-угорскому периоду. Например: -kt фин. -tt ; пуэн /-н/-фин. -ten , -en : antaen "давая". Вопросы возникновения грамматических категорий Буденцом не затрагиваются.

После Й. Буденца видное место среди венгерских мароведов занимает Э. Беке. Он своей знаменитой "Черемисской грамматикой" /Cseremisz nyelvtan, Budapest , 1911-12 г./прико-

ние всех финно-угроведов. Свою грамматику он написал на основе материалов других исследователей, в частности Регули, Буденца, Видемана и других, а также по материалам переводной литературы на марийском языке. Грамматика охватывает фонетику и морфологию. Автор, наряду с описанием современного состояния языка по диалектам, иногда делает попытку дать исторический экскурс. Большой интерес представляет раздел фонетики, где Э.Беке дает диалектные корреспонденции и на основе этого, а также фактов родственных языков, устанавливает фонетические закономерности.

Однако, несмотря на это, он в целом следует известным традиционным положениям. Так, он вслед за Й.Синнеи утверждает, что в марийском языке состоялся звукопереход n>t, вследствие чего якобы из былого -*sna, -snä суффикс местного падежа развился в -štə, -štə̑ (см.стр.I00); в наречиях тембалне 'близко', тумбалне 'далеко' неоправданно находит финно-угорский суффикс сравнительной степени -*mp.

Э.Беке рассматривает более 50 словообразовательных суффиксов: для отыменных имен: -an, -än(iän 'ледяной'); -n (rožən 'дырявый'); -aš, -äš (ik-iaš 'годовалый'); -ńə, -ne (lepeń'e 'бабочка'); -δe, -te (ßol'aδe 'без воли'); -təmə̑, -təme (ßitəme 'бессильный'); -ts, -c', -č, -t (kelγəts, kelγət 'глубина'); -alγə̑, -älγə (luδalγə̑ 'сероватый'); -rγə, -rγə̑ (joškarγe 'красный'); -kəδə, -kə̑δə̑ (ßiškəδe 'жидкий'); -kata, -kätä (kəlγätä ,приторный'); -se , -sə, -šə, -šə̑ (šeŋgalsə 'задний'); -er (kožer 'ельник'); -la, -lä (kožla 'лес'); -lək, -lə̑k (ßolγəδələk 'свет'); -ze, -zə, -zə̑ (koləzo 'рыбак'); -le, -lə, -lə̑ (tamle 'вкусный'); -rak, -räk (šuerak 'редковатый');

для отглагольных имен: -še, -šə, -šə̑ (šoγəšo 'стоящий'); -šaš, -šäš (kočšaš 'предназначенный для еды'); -mə, -mə̑, -me (kajme 'пройденный'); -maš, -mäš (altalmaš 'обман'); -š, -əš -ə̑š (aškəltə̑š 'шаг'); -aš, -äš (ßolaš 'спуститься'); -en, -ən, -ə̑n (ßučen 'ожидая');

для отыменных глаголов: -t, -d (lümdaš 'назвать'); -št, -ešt (kat´šeštäš 'прогоркнуть'); -t (kašartaš 'заострить'); -kt (šapə̑ktaš 'квасить'); -m, -em (ošemaš 'белеть'); -alt, -ält (pačkeməšaldaš 'темнеть'); -aŋ, -aŋg, -äŋg (küäŋgäš 'каменеть'); -dz, -dž (mund´žaš 'нести яйца'); -n (iaxnaš 'загрязниться'); -lan (kojəšlanaš 'щеголять, рисоваться'); -l (jamdəlaš 'готовить');

для отглагольных глаголов: -l (kəldəläš 'завязывать'); -al, -äl (nöltalaš 'поднять'); -eδ (lukteδaš 'вытаскивать'); -δəl (eryeδəlaš 'бодаться'); -δal (ßurseleδalaš 'ругаться'); -kš (pukšaš 'кормить'); -št (kandəštaš 'носить'); -ed, -et (moδəldaš 'играть', kəškəltaš 'кидать'); -alt, -ald, -ält (~~ta~~ ßaltaš 'топнуть'); -ldal (manəldalaš 'сказать'); -l (purlaš 'укусить'); -al, -äl (rualaš 'отрубить'); -lal, -alal, -äläl (mondalalaš 'позабыть'); -alt, -ald, -ält (muraltaš 'спеть'); -lδal, -lδäl (koδəlδalaš 'остаться'); -lt (počəltaš 'открыться); -alt, -ält (ßolγaltaš 'светиться, рассветать'); -t, -d (amaltaš 'усыпить'); -kt (jörəktaš 'потушить'); -nʒ´ (~c´), -nž (~č), -ndz (~ts) (koń ʒ´aš 'показаться'); -n (šärnäš 'повернуться'); -tar, -tär (jomdaraš 'потерять'); -kal, -käl (šurkalaš 'потыкивать, тыкать').

Историю суффиксов и их значения Э.Беке выяснил не до конца. Например, он необоснованно находит в марийском языке три t -овых

суффикса: каузативный, снабдительный и со значением превращать во что-либо (vmivé tesz).

Автор совершенно не прав, говоря о наличии суффикса -št в сочетании: лап ышташ 'понизить'; ошибка, очевидно, возникла из-за неверного написания данного сочетания в тексте: lapšta 'понижает'. К тому же, он иногда отглагольный глагол приводит в числе отыменных, например: šonəktaš 'заставить думать' от шонаш 'думать'.

Нужно сказать, что Э.Беке не заметил уменьшительно-ласкательных глаголов, поэтому сделал неверный вывод, что в марийском языке есть многократный суффикс -alt, -ält. Сюда же он отнес много примеров с возвратным и однократно-моментальным значениями: kürəltaš 'оборваться' от kürlaš 'оборвать', luktəlδaš 'вытащить' (ласк.) от luktaš 'вытащить', rüzaltaš 'тряхнуть' от rüzaš 'трясти'.

По той же причине автор нашел два (многократный и мгновенный) суффикса -ldal, -lδal; -lδäl, -lδal; но примеры, приведенные им, не имеют многократного и мгновенного значения, например: kojəlδalaš 'казаться' от kojaš 'казаться', lektəlδalaš 'выйти' от lektaš 'выйти', toləldalaš 'прийти' от tolaš 'прийти', koδəlδalaš 'остаться' от koδaš 'остаться'.

Э.Беке правильно находит -l -овый моментальный (однократно-моментальный,- И.Г.) суффикс, но примеры, за исключением purlaš 'укусить' от puraš 'кусать, грызть' и šupšəlaš 'дернуть' от šupšaš 'тянуть' имеют не моментальное, а многократное значение: andžəktəlaš 'показывать' от andžəktaš 'показать', ßandžəlaš 'переходить' от ßandžaš 'перейти' и т.д.

Автор необоснованно полагает, что суффикс -al, -äl по про-

исхождению мог быть многократным.

Он ошибочно называет суффикс -lal, -alal мгновенным, хотя этот суффикс представляет тот же уменьшительно-ласкательный в удвоенном виде, например: ßandžaš, ßandžalalaš 'перейти', koškaš, koškalalaš 'сохнуть'.

Правильно представил автор форму суффикса -alt, -ält с однократно-моментальным значением, но в примерах приводит и уменьшительно-ласкательные глаголы, например: pižam 'пристану, пристаю': pižəlalda 'пристанет, пристает'.

Вместо суффикса -ылт с возвратным значением автор дает форму -lt , тогда как для другого суффикса с тем же значением им приводится форма: -alt, -ält.

Непонятно, на каком основании он полагает, что перед понудительным суффиксом -t был элемент -k, ибо суффиксы -t и -kt совершенно самостоятельны по происхождению. (См.словообразование).

Из всего вышесказанного можно заключить, что труд Э.Беке требует к себе весьма критического подхода, однако, многие правильные суждения и обилие фактического материала являются хорошим подспорьем для исследователя марийского языка.

В период первой империалистической войны Э.Беке впервые встретился с марийцами, попавшими в плен. Благодаря пленным ему удалось собрать обширный языковой и фольклорный материал, который впоследствии он издал в нескольких томах. На основе собранного материала он пишет ряд работ, затрагивающих историю марийского языка. Среди них можно назвать следующие: "Zur Lautgeschichte der tschuwassischen Lehnwörter im tscheremissischen, FUF, XXIII, 1935 г." (К истории звуков чувашских заим-

ствований в черемисском языке), где Э.Беке рассматривает вопрос о переходе а в о и вслед за М.Рясаненом считает, что это явление новое; "Zur Geschichte der tscheremissischen Konjugation, FUF, XXII, 1934 г." (К истории черемисского спряжения), где он рассматривает историю формы III-го лица у глаголов I-го спряжения (-ешт).

В следующей статье: "Die Kollektivzahlwörter im Tscheremissischen, Tartu, 1935" (Коллективные числительные в черемисском языке) Беке дает историю формы на -нек (когынек). По его мнению, суффикс -n'ek образовался путем соединения локативного -n и усилительной частицы -к.

Кроме того, у Э.Беке имеется немало работ, посвященных другим финно-угорским языкам или общим вопросам финно-угроведения, в которых он в какой-то степени так же затрагивает историю марийского языка.

В начале XX века большое место в изучении истории марийского языка занимают финские ученые. Среди них прежде всего следует назвать следующие имена: Х.Паасонен, Г.Рамстедт, Ю.Вихман, П.Равила, М.Рясянен, Э.Итконен. Перу Ю.Вихмана принадлежит большое количество этимологий марийских слов и ряд статей историко-сравнительного характера, такие как: "Über eine art rhotazismus im tscheremissischen, FUF, IX, 1910" (О явлении ротацизма в черемисском языке), "Die türkischen Lehnwörter im tscheremissischen, FUF, XVI, 1917" (Тюркские заимствования в черемисском). В последней Ю.Вихман критикует М.Рясянена за то, что он горномарийское а неверно относит к гласному позднего образования и убедительно доказывает, что этот гласный восходит к финно-угорскому а.

Особенно интересна для нас статья Вихмана "Beiträge zur tscheremissischen nominalbildungslehre, SUSA, XXX, I9I3". (Введение в черемисское именное словообразование). В этой статье Вихман описывает 37 марийских именных суффиксов: -акш (-äкш), -аш (-äш),-кш (-ш), -ыш (-äш), -ш, -вы (-вӹ), -гы (-гӹ), -га (-гä), -и, -ик, -к, -ка (-кä), -л -ла (кожла), -ла (марла), -лан (-лäн), -ле, -мы (-мӹ), -нде, -п, -ра, -ж, -жа (-жä), -та (-тä), -чы (-чӹ), -ак, -к, -ан, -аш, -ш, -кш, -ем, -еж, -ж, -ге, -ис, -л, -ньык и многим из них приводит соответствия из других родственных языков, а некоторым дает даже этимологию.

М.Рясянен известен марийскому читателю своими двумя фундаментальными работами, посвященными тюркским заимствованиям в марийском языке: "Tie tschuwassischen Lehnwörter im tscheremissischen ", Helsinki, I920 (Чувашские заимствования в черемисском языке) и "Die tatarischen Lehnwörter im tscheremissischen", Helsinki, I923 (Татарские заимствования в черемисском языке). Работы эти в основном посвящены фонетической характеристике заимствований, для чего автор использовал 650 чувашских и 500 татарских заимствований в марийском языке.

Перу П.Равила принадлежит статья: "Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugationsystems", FUF, 25, I927 (О возникновении системы спряжения в черемисском языке). В этой статье Равила причину появления двух спряжений в марийском языке объясняет качеством первоначальных гласных основы слова, с чем, конечно, нельзя не согласиться (см.историю спряжения).

Большого внимания заслуживает работа Э.Итконена: "Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im tscheremissi-

schen und in den permischen Sprachen ", FUF , XXXI , 1954 /К истории гласных первого слога в марийском и пермских языках/. В этой работе Э.Итконен исходным пунктом для установления древнего состояния марийсских гласных берет прибалтийско-финские языки. Например, в слове мӱкш "пчела", по мнению Э.Итконена, гласный ӱ вторичного образования, т.к. в финском языке это слово в первом слоге имеет гласный е, и первоначальным он считает его. В целом, конечно, прибалтийско-финские языки в отношении истории гласных дают весьма богатый материал, но все же, как нам кажется, нельзя полностью полагаться и на эти языки, т.к. у каждого языка могли быть и свои особенности. Другая работа Э.Итконена: "Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationsystems", SUSA", Helsinki, 1962 /Заметки о возникновении системы спряжения в черемисском языке/ посвящена возникновению двух спряжений в марийском языке. Здесь автор детально разбирает точку зрения П.Равила и полагает, что древние основы обоих спряжений сохранились в I-ом прошедшем времени марийского языка. Э.Итконену, по-видимому, не была знакома, вышедшая ранее наша работа: "К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке" /сб."Вопросы финно-угорского языкознания", М.-Л. 1962/.

За последние годы интерес к марийскому языку стали проявлять и американские ученые. Из работ американских ученых нужно отметить: Minn, E.K. "Derivation ", 1956 г./словообразование/ и ряд других. В своей работе Минн- Кангасмаа на основе материалов литературы методом структурного анализа впер вые попыталась осветить современное состояние и историю словообразовательных суффиксов марийского

языка. Работа содержит очень много фактических и исторических недостатков. Так, например, без всякого на то основания Кангасмаа-Минн объединяет инструктивный суффикс -ын (йолын 'пешком') с деепричастным суффиксом -эн (руэн 'рубя') и суффиксом родительного падежа -ын (тудын 'его'). Возвратный суффикс -алт автор не признает, по его мнению, в марийском языке выступает не сложный возвратный суффикс -алт, а лишь суффикс -т, с чем, конечно, ни один из финно-угроведов не согласится (см.стр.99).

После Великой Октябрьской социалистической революции финно-угорское языкознание широко развертывается в СССР. Изучением истории марийского языка начинают заниматься сами марийцы, как Кармазин Г.Г., Аттин А. и др. Кармазин написал ряд статей, из которых наибольшего внимания заслуживают следующие: "Из истории финно-угорских гласных в конце слов с двухсложной основой в марийском языке" (1928 г.), "К вопросу о происхождении словообразовательных суффиксов глагола в марийском языке" (1936 г.), "Происхождение формативов множественного числа в марийском языке" (1936 г.). Перу Аттина А. принадлежит статья "О происхождении суффиксов множественного числа в марийском языке" (1928 г.). Статьи Г.Кармазина несколько навеяны духом "нового учения" Н.Марра, поэтому в них немало околонаучного, статья же А.Аттина весьма обстоятельная и убедительная, написана методом сравнительно-исторического анализа. Историей марийского языка занимался также Чхаидзе М.П. В работе "Спряжение глагола в марийском языке в свете стадиального развития речи" (1939 г.), методом палеонтологического анализа он пытается объяснить историю марийского спряжения.

В последней работе "Спаренные глаголы в марийском языке

(I960 г.) М.П.Чхаидзе подробно рассматривает составные глаголы и приходит к заключению, что в марийском языке есть целеустремленный и нецелеустремленный виды глагола. Возникновение составных глаголов он, вслед за Б.А.Серебренниковым, относит к тюркскому влиянию.

Марровское учение в деле изучения истории марийского языка сделало некоторое торможение. Сравнительно-историческое марийское языкознание вновь оживает только после дискуссии I950 года. В последние годы защищено ряд диссертаций по марийскому языку, в которых рассматриваемые вопросы некоторыми диссертантами освещаются исторически, как например, "Н -овые деепричастия в марийском языке" Н.И.Исанбаева, "Прошедшее время глагола в марийском языке" Л.П.Васиковой, "Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке" И.Галкина, "Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке" Ф.И.Гордеева, "Притяжательные суффиксы в марийском языке" Пауля Кокла, "Йошкар-Олинский говор марийского языка" Д.Казанцева, "Яранский говор марийского языка" Г.Тужарова, "Волжский говор марийского языка" Г.Лаврентьева. Кроме диссертаций, марийскими учеными опубликовано немало интересных работ, касающихся истории марийского языка. Так, в статье Н.Пенгитова: "Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке " (Труды МарНИИ, вып.X, I957 г.) довольно подробно рассматривается история числовых форм имени. Работа Н.Исанбаева " "Деепричастия в марийском языке" (Йошкар-Ола, I96I) посвящена детальному анализу современного состояния марийских деепричастий, где автор затрагивает и вопросы истории. Работы Ф.Гордеева: "О происхождении условного союза гын в марийском языке"

/Труды МарНИИ, вып. ХУ, 1960/, "Влияние других языков на развитие категории наклонения марийского языка" /ТрудыМарНИИ, вып. ХУ, 1960/ довольно хорошо раскрывают историю рассматриваемых вопросов.

Ряд работ, посвященных истории марийского языка, опубликовано и автором настоящих строк: "Из истории общефинно-угорской лексики в марийском языке" /Труды МарНИИ, вып. XII, 1958/, "Из истории марийских падежей" /Петрозаводск, 1961/,"К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке" / сб. "Вопросы финно-угорского языкознания",М.-Л. 1962/," Заметки о вокализме глаголообразовательных суффиксов в марийском языке" /Таллин,1958 /,"Историческая грамматика марийского языка",Морфология, ч. I /Йошкар-Ола,1964/, "Историческая грамматика марийского языка". Морфология,ч. П /Йошкар-Ола,1966/ и др.

Кроме специальных исследований, посвященных истории марийского языка, имеется немало работ по общим вопросам финно-угорского языкознания и сравнительной грамматике финно-угорских языков, на некоторые из которых нельзя не указать.

Сравнительным финно-угроведением занимались и занимаются как отечественные финно-угроведы, так и зарубежные.Из отечественных лингвистов, затрагивавших марийский язык, следует указать на такие имена как: М. Веске,Д.В. Бубрих, Б.А. Серебренников,В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская.

Перу М. Веске принадлежат фундаментальные работы: "Славяно-финские культурные отношения по данным языка" /Казань,1890/ и "Untersuchungen zur Vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes", Leipzig,1873 /Исследования по сравнительной

грамматике финно-угорских языков). Первая работа в основном посвящена исследованию лексики, вторая - грамматике. Здесь автор марийскому языку уделил специальный раздел, где дает историю возникновения марийских н -овых падежей, которых он насчитывает 6: локатив (лишне), темпоралис (водно), генитив (пӧртын), модалис (йолын), дистрибутив (иктын), коллектив (кумытын).

Д.В.Бубрих занимался главным образом мордовскими, пермскими и прибалтийско-финскими языками, но в таких работах, как: "Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках" (Л., I948), "К вопросу о происхождении множественного числа в финно-угорских языках" (Тарту, I937), "К вопросу об уменьшительной суффиксации в финно-угорских языках" (Л., I929), он привлекает для сравнения также данные из марийского языка.

Б.А.Серебренников в финно-угроведение вступил только после I950 года. Однако за этот малый промежуток времени им сделано немало, особенно по истории марийского языка. Его докторская диссертация "Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп" (М., I960) весьма обстоятельно рисует историю временных и видовых форм марийского языка. Б.А.Серебренников убедительно доказал, что вид, как грамматическая категория, в марийском языке не развился.

Большого внимания заслуживает другая обстоятельная работа Б.А.Серебренникова "Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках" (Москва, I964), в которой он критически рассматривает до сего времени существовавшие теории относительно древней системы падежей и глагольных форм в протоуральском языке и на основе новой методики дает свою реконструкцию. Новым в работе Серебренникова Б.А. является реконструкция древней системы падежей с учетом вокалических лати-

вов на -а, -е, -і и восстановление будущего времени с показателем -к. Эти мысли Б.А.Серебренникова заставляют историков языка взглянуть несколько по-новому на древнейшую историю развития основы настоящего времени и лично-числовых форм в уральских языках. Кроме того, им написан ряд статей сравнительно-исторического характера. Например: "История языка и история народа" (Таллин, 1956), "О взаимодействии языков" (Вопросы языкознания, № 1, 1955), "К проблеме происхождения суффиксов многократного действия в финно-угорских языках", (СФУ, 3, 1966) и др.

Из иностранных лингвистов прежде всего следует указать на Й.Буденца, Й.Синнеи, Й.Дьерке, Г.Лехтисало, О.Доннер, Э.Сетяля, В.Штейнитца, Б.Коллиндера.

В сравнительном финно-угроведении Й.Буденц известен своими двумя трудами: "Сравнительный словарь финно-угорских языков" (Magyar-ugor összehasonlító szótár, Budapest, 1873-1881) и "Сравнительная морфология финно-угорских языков" (Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana, Budapest, 1884-1894). Особенно интересной для исторической грамматики является последняя его работа. Здесь он на основе богатого фактического материала родственных языков пытается реконструировать морфологическую структуру финно-угорского языка-основы. В качестве сравнительного материала автор приводит и данные марийского языка. Работа имеет ряд существенных недочетов, поэтому требует критического подхода. В этой работе Й.Буденц положил начало для неверного толкования исторического развития слов тумбал 'дальная сторона' и тембал 'близкая сторона', в которых он ошибочно находил финно-угорский суффикс сравнительной степени -mp (стр.

281-282). Однако она представляет весьма большой интерес как первая попытка составления сравнительной морфологии финно-угорских языков. Особенно ценны для нас в этой работе реконструкции древнефинно-угорских форм с критическим подходом к предшествовавшей литературе.

В 1879 году финским ученым О.Доннер была издана работа "Die Gegenseitige Verwandschaft der finnisch-ugrischen Sprachen", Helsingfors (Родство финно-угорских языков). Работа О.Доннера по сути дела является сравнительной грамматикой финно-угорских языков, подобной работе М.Веске.

В одно время с Й.Будендом работал другой финский ученый Э.Сетяля. Перу Сетяля принадлежит целый ряд крупных работ как по сравнительной грамматике, так и по сравнительной фонетике финно-угорских языков. Особенно большой интерес представляет его работа: "Zur Geschichte der Tempus - und Modus-stammbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen", Helsingfors, 1887 (К истории образования времен и наклонений в финно-угорских языках). В этой работе Сетяля, как и Й.Буденц, пытается осветить историю временных форм и наклонений в финно-угорских языках и дать реконструкции общефинно-угорских форм. Он полагал, что финно-угорский язык-основа знал две формы времени: настоящее время с показателем -*k8, -*g8 и прошедшее время с показателем -*j8. В то же время начала развиваться форма настоящего времени на -*p8, -b8. Временные основы первоначально были именными основами (nomen agentis). Из наклонений глагола финно-угорскому языку-основе, по мнению Э.Сетяля, были известны три: изъявительное без показателя, повелительное без показателя и условное с показателем -*n8. Но следует отметить, что

работа Сетяля, хотя и имеет большое значение для изучения истории отдельных финно-угорских языков, однако требует весьма чуткого критического отношения к себе. Э.Сетяля был родоначальником теории чередования ступеней звуков в финно-угорских языках. По его мнению, в финно-угорском языке-основе существовало чередование звуков по долготе наподобие того,что наблюдается в современных прибалтийско-финских языках.

В свое время теория Сетяля получила широкое распространение ею были обворожены многие лингвисты- финно-угроведы. Из венгров сторонником теории чередования звуков был Й.Синнеи.Он написал работу: "Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft ", Berlin-Leipzig /финно-угорское языкознание/,которое выдержало 2 издания: 1910 и 1922. Работа Синнеи посвящена краткому описанию финно-угорских народов и схематическому обзору вопросов сравнительной грамматики финно-угорских языков. Й.Синнеи на основе теории Э.Сетяля пытается дать реконструкцию некоторых форм финно-угорского языка-основы.

Он обобщил все достижения сравнительного финно-угроведения начала двадцатого века и многие его положения до сего времени остались не опровергнутыми. В финно-угорском языке-основе, по мнению Й.Синнеи, все слова оканчивались на краткий гласный и были неодносложными. Категория числа знала четыре показателя множественности: -*t , -*k~-*ʒ, -*i, -*n .Система падежей,кроме именительного, включала n -овый локатив, -*t~d-овый аблатив, -*k~-*ʒ -овый латив,-*s~z -овый латив,*m~b -овый аккузатив и -*n -овый генитив. Глагол имел три формы времени:настоящее на-*k~-*ʒ,прошедшее на-*j или -*i и прошедшее на -*s'~z'.

Однако работа Й.Синнеи не была свободна от недостатков.Он

также,как и Й.Буденц, в словах тембалне "близко", тумбалне "далеко" находил финно-угорский суффикс сравнительной степени-*мр. Суффикс местного падежа -šte в марийском языке он ошибочно выводит из -*šna , -šne .

Другим не менее интересным трудом Й.Синнеи является его книга: "Magyar nyelvhasonlítás "/"Сравнительное изучение венгерского языка"/. Эта книга более богата примерами. Она выдержала 7 изданий, последнее издание было в 1927 году. По содержанию она почти ничем не отличается от предыдущей.

Теория Сетяля в настоящее время признана многими учеными /Л.Кеттунен,Э.Итконен, П. Аристэ и др./несостоятельной. Венгерский ученый Э.Моор в своей работе "Die Ausbildung des ungarischen Konsonantismus ", Budapest , 1952 /Развитие венгерского консонантизма/ подверг резкой и справедливой критике теорию Сетяля.

Немалый интерес для историка марийского языка представляют работы шведского ученого Б.Коллиндера. Его "Сравнительный словарь финно-угорских языков" /Finno -Ugric Vocabulary an Etymological Dictionary of the Uralic, Stockholm , 1955/ дает богатый этимологический материал для лексиколога, а его: "Индоуральское языковое единство" /Indo-uralisches Sprachgut, Upsala , 1934 / и " Comarative Grammar of the Uralic Languages ", Stockholm-Upsala , 1960 /Сравнительная грамматика уральских языков/ являются ценными пособиями для грамматиста.

" Сравнительная грамматика уральских языков" Б. Коллиндера состоит из трех разделов,Первый раздел посвящен восстановлению фонетической системы уральского языка-основы. По его мнению, в уральском языке-основе было девять гласных фонем : а,

o, õ, u, y, ə, e, i, ü. Б.Коллиндер не признает первоначальное наличие редуцированных гласных в уральских языках.

Во втором разделе автор излагает общепринятые положения о структуре уральских языков. Наиболее интересным нам представляется третий раздел под названием "Этимологическая морфология". Здесь Б.Коллиндер схематически показывает как представлены в отдельных уральских языках прауральские морфологические формы и категории. Раздел начинается со словообразования. В марийском языке он обнаруживает следующие прауральские именные и глагольные словообразовательные суффиксы:

отыменные имена: -*c′ (kuwolcə), -*k (južga), -*kk (laksak, kužaka), -*l (kopol), -*m (pükšermə), -*mp (tembalne), -*nt (kukšonde), -*n′(lepené), -*r (moŋgor);

отглагольные имена: -*k (šerge), -*m (šoktəmə);

отыменные глаголы: -*j (purgaja-), -*l (jüštola-), -*m (puremä-), -*n (jahne-), -*t (lümde-);

отглагольные глаголы: -*l (kəldəlä-), -*t (pižedä-), -*kt (muškõktaš).

В системе падежей уральского языка-основы Б.Коллиндер обнаруживает, кроме именительного, четыре косвенных падежа: генитив на -*n; аккузатив на -*m; локатив на -*na (-mä); сепаратив на -*ta (-tä). Следы всех этих падежей он находит и в марийском языке: генитив и аккузатив являются живыми падежами современного марийского языка - это родительный и винительный; локатив и сепаратив сохранились в наречных формах: ончылно 'впереди', ончыч 'спереди'.

Относительно категории числа имен в уральском языке-основе Б.Коллиндер придерживается общепринятой точки зрения, что язык-

основа, кроме единственного, знал множественное и двойственное числа. Категории времени, наклонения глагола также рассматриваются им традиционно. Он указывает на -*k -овый презенс, -i- -овый и -*s' -овый прошедшие времена, на -*k -овый императив из -*k -ового презенса и -*n -овое, по-видимому, условно-потенциальное наклонение, хотя он его никак не называет. Таким образом, приводимый им материал по происхождению возводится не только к финно-угорскому языку-основе, но даже к уральской общности. Ценность его работы заключается не столько в его реконструкциях, сколько в приводимых фактических материалах.

Совсем недавно появились в свет еще две работы обобщающего характера. В 1965 году в Висбадене вышла книга Дьюла Дечи "Введение в финно-угорское языкознание" (Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft), автор которой в сжатой форме дает самые разнообразные сведения по финно-угорскому языкознанию. Особенно интересен нам третий раздел книги, где Д.Дечи дает краткую схему исторической фонетики и грамматики отдельных финно-угорских языков, в том числе и марийского. Д.Дечи вслед за Й.Синнеи суффикс местного падежа -ште (-што, -штӧ) возводит к домарийскому -*sna > šna, что, конечно, не выдерживает никакой критики (см.историю современных падежей).

Совершенно, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением Д.Дечи о том, что деепричастный суффикс -н и суффикс финно-угорского условно-сослагательного наклонения -*ne восходят к одному источнику. Весьма интересным является объяснение Д.Дечи постепенного развития системы падежей. В финно-угорском языке-основе, по его мнению, было всего 5 падежей: I) номинатив без показателя, 2) локатив на -*na (-nä), 3) локатив на -*t, 4) ла-

тив на -*k и 5) латив на -*l, который им в скобках именуется еще аблативом. В финно-пермское, т.е. в прибалтийско-финско-пермско-волжское время появляются новые падежи: I) латив на -*s, 2) латив на -*lan, 3) аккузатив на -*m, 4) адессив на -*l(o)n(o), 5) абессив на -*ttak. Далее, в прибалтийско-финско-волжское время возникают, по-мнению Д.Дечи: I) генитив на -*n, 2) элатив на -*sta, 3) инессив на -*sna и 4) транслатив на -*kse. В это же время укрепляется аккузатив на -*m, который возник еще в прибалтийско-финско-пермско-волжское время. Дальнейшее развитие системы падежей Д.Дечи не рассматривает и полностью упускает из виду вокалические лативы. Однако, несмотря на свою схематичность, книга Д.Дечи представляет весьма большой интерес историкам языка.

Другая не менее интересная и ценная работа вышла в Будапеште в 1966 году под названием "Введение в уральское языкознание" (Bevezetés az urális nyelvtudományba), автором которой является Петер Хайду (Péter Hajdú). Рассматриваемая работа, как и предыдущая, в сжатой форме дает самые различные сведения по уральским языкам. Она состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен общей характеристике уральских народов и вопросу их происхождения. Во втором разделе автор рассматривает предмет и метод уралистики. Третий, самый интересный раздел, назван "язык-основа", где автор дает краткую характеристику фонетического и грамматического строя уральского языка-основы. В отличие от Д.Дечи, который не признает в языке-основе долгих гласных, П.Хайду указывает на четыре: ō, ū, ē, ī. Относительно редуцированных гласных П.Хайду придерживается точки зрения Э.Итконена.

Систему падежей финно-угорского языка-основы П.Хайду представил намного богаче, чем Д.Дечи и, как нам кажется, его точка зрения более основательна. По мнению П.Хайду, финно-угорский язык-основа знал 9 падежей: номинатив без суффикса, генитив на -*n, аккузатив на -*m, локатив на -*na (-nä), локатив на -*t, аблатив на -*ta (-tä), латив-датив на -*n', латив-пролатив на -*k и латив на -*j. Относительно других грамматических категорий П.Хайду придерживается общепринятой точки зрения. Так, например, он, кроме изъявительного наклонения, которое не имело показателя, в языке-основе признает условное наклонение с показателем -*ne, повелительное наклонение с показателем -*k. Категория времени им также рассматривается традиционно: он указывает на настоящее время с показателем -*k и на два прошедших времени - это *i -овое и *s'-овое прошедшие времена.

Четвертый раздел книги посвящен сравнительно-историческому анализу венгерского языка, что очень напоминает работу Й.Синнеи "Magyar nyelvhasonlítás".

Сравнительно-историческому словообразованию финно-угорских языков специально посвящены две большие работы. Венгерский ученый Й.Дьерке в работе "Учение об уральском словообразовании" (первичные словообразовательные суффиксы) (Die Wortbildungslehre des Uralischen (primäre Bildungssuffixe, Tartu, 1934) на основе материалов Сетяля, Синнеи, Буденца делает попытку реконструкции не только финно-угорской, но даже и уральской формы словообразовательных суффиксов. В качестве сравнительного материала он приводит и марийские суффиксы. Недостатком работы Дьерке является то, что автор придерживался теории чередования ступеней Сетяля. Однако фактический материал работы

является весьма ценным.

Й.Дьерке в марийском языке обнаружил следующие словообразовательные суффиксы уральского периода: для отыменных и отглагольных имен:

- *kk~-k(ləpkä 'душный', ßanžak 'переход');
- *-k~-ɣ (juzɣa 'холодный, прохладный', šüžɣe 'колотье');
- *-t~-δ (joŋgəδə 'просторный', puškəδo 'мягкий');
- *-ks или -*sk (jalakš 'штаны', madəš 'игра');
- *-l (šimälɣə 'черноватый', aškəl 'шаг');
- *-m~ß (pəzəl'mə 'рябина', əlem 'жилье');
- *-n (lepen'ə'бабочка', kalasen 'сказав');

для отыменных имен:

- *-tt~-t (kaŋgata 'тощеватый');
- *-t'š или -*t's' (reɣeńd'žə 'мох');
- *-r (iäkter 'сосняк');
- *-mp~mb (tembal 'близкая сторона');
- *-nt~-nd (kukšənde 'сухощавый');

для отглагольных имен:

- *-s'~-z' (puryuž 'сугроб');

для каритивных имен:

- *-tt~-t (šin'džatəmə,безглазый');

для отглагольных и отыменных глаголов:

- *-tt~-t (purtaš 'впустить', iəryeštaš 'округлить');
- *-t~-δ (šakteδaš 'наигрывать', ləmdäš 'назвать');
- *-l (kot'šərtaltəlaš 'поскрипывать', jüštəlaš 'купаться');
- *-nt'š (-n't's') (ukšińd'žaš 'тошнить', üpšinžaš 'нюхать');
- *-ŋk~ŋg (šuraŋgaš 'потемнеть', ipäŋgäš 'искриться');

для отглагольных глаголов:

- *-k~-ɣ (šalɣaš 'стоять');

*-š ~ -ž (kərγəžaš 'бежать');

для отыменных глаголов:

*-t'š или -*t's' (munď'žaš 'нести яйца');

*-j ~ i (puryajaš 'разрыхляться');

*-m ~ -ß (ošemaš 'белеть').

Другой подобной работой является труд финского ученого Т.Лехтисало "О первичных древнеуральских словообразовательных суффиксах" (Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe, Helsinki, 1936). Целью данной работы было также определение первичных уральских суффиксов и реконструкция их форм. Она содержит богатый сравнительный материал и, по сравнению с работой Дьерке, более обстоятельна.

Все суффиксы Т.Лехтисало группирует по согласному элементу. Реконструкция их древнеуральских форм ограничивается также только согласным элементом, за исключением одного суффикса -*ŋə, ŋə. В разделе о вокализме суффиксов он, правда, говорит, что древнеуральские суффиксы могли оканчиваться только на такие гласные: *ə, *ɛ, *ə, *ə. Тем самым, читатель должен представить его восстанавливаемые древнеуральские суффиксы с указанными гласными. Т.Лехтисало признает наличие редуцированных гласных еще в древнеуральское время, в чем, конечно, с ним согласиться вряд ли возможно. Приводимые параллели из марийского языка указывают на сохранение марийским языком, по мнению Т.Лехтисало, следующих древнеуральских словообразовательных суффиксов: *l, образующий отыменные имена существительные (laksikä 'ложбинка'), отыменные прилагательные (kuǯikä 'длинноватый'), и отыменные глаголы (purgajaš 'разрыхляться, рассыпаться'); *m, образующий отыменные имена существительные

(pükšerme 'орешник'), отыменные прилагательные (vizəmše 'пятый'), отглагольные имена (kondəmo 'принесенный'), отыменные глаголы (kugemaš 'увеличиваться'); *n, образующий отглагольные имена (pidən 'связав'); отыменные глаголы (jahnaš 'загрязниться'), отглагольные глаголы с моментальным и инхоативным значением (əlänäš 'зарождаться'); *n' - для отыменных имен (lepeńe 'бабочка') и для отыменных прилагательных (lavran 'грязный'); *nə, na - для отыменных имен (jəžən 'сустав') и для отглагольных имен (mužan 'ворожея, гадалка'); *l , образующий отыменные имена (lišəl 'близкий'), отыменные прилагательные (marla 'по-марийски'), отглагольные имена (oškəl 'шаг'), отыменные глаголы (jüštəlaš 'купаться'), отглагольные глаголы с моментальным значением (kürlaš 'порвать'), отглагольные глаголы с многократным значением (keredəlaš 'втыкать'); *r - для отыменных имен (mogər 'тело') и для отыменных прилагательных (kakar 'синяк'); *s' - для отыменных прилагательных (jəvəža 'нежный, мягкий'), отглагольных имен (punčež 'дерево со свилеватыми волокнами'), для отглагольных глаголов с моментальным и инхоативным значением (əlžaš 'ожить'); *ts' - для отыменных имен (regeńče 'мох'), для отыменных глаголов (munčaš 'нести яйца') и для отглагольных глаголов с моментальным значением (punčaš 'наряжаться в шарпан'); *pp - для отыменных имен (šolən 'тайно'); *t, образующий имена существительные от имен (nulgudo 'пихта'), отыменные имена прилагательные (jongədo 'просторный'), отыменные глаголы (lümdaš 'назвать'), каузативные отглагольные глаголы (voltaš 'спустить'), отглагольные глаголы с моментальным значением (punedaš 'вить'), многократные отглагольные глаголы (neledaš 'глотать'); *tt - для отыменных

имен (čoŋgata 'холмик'), отыменных прилагательных (kaŋgata 'тощеватый'), отыменных глаголов (joškartaš 'ввести в краску, заставить покраснеть'); *k - для отыменных имен (varseŋge 'ласточка'), отыменных прилагательных (šemalge 'черноватый'), отглагольных имен (šerge 'расческа') и для отыменных глаголов (joškargaš 'покраснеть'); *kk - для отыменных имен существительных (üməlka 'тень, силуэт'), отыменных прилагательных (kužaka 'длинноватый'), отглагольных имен (lodak 'ножны') и для многократных отглагольных глаголов (ojərkalaš 'разделять').

Из местоименных суффиксов Т.Лехтисало уральскими в марийском языке считает два *n (tunam 'тогда') и *t (tudo 'тот').

Кроме древнеуральских суффиксов, Т.Лехтисало в марийском языке находит несколько финно-угорских и финно-пермских суффиксов. Финно-угорскими, по его мнению, являются: *s - для отыменных имен (ergaš 'сынок'); *š - для отыменных имен (kurnəž 'ворон') и для отыменных прилагательных (tüžö 'стельная, жеребая'). К финно-пермскому периоду он относит суффикс *st для отглагольных глаголов с моментальным значением (pudeštaš 'взорваться').

Методика реконструкции Т.Лехтисало с учетом только согласного элемента суффиксов не нова и довольно проста, но в то же время не лишена недостатков, так как такой подход к реконструкции нередко приводит самого автора к ошибкам. Так, например, нам неясно, на каком основании Т.Лехтисало помещает в одну рубрику совершенно различные по образованию суффиксы: собирательной множественности -ла (кожерла 'ельник'), отыменных прилагательных -л (лишыл 'близкий'), показатель множественного числа -влак и наречный суффикс -ла (марла 'по-марийски').

Наличие во всех указанных формантах элемента -л ничуть еще не говорит об их общем происхождении. На том же основании он неверно объединяет ласкательный суффикс -ылд (кушкылдаш 'расти'), многократный суффикс -ед (наледаш 'брать') и понудительный суффикс -т (волташ 'спустить'). Чисто формальный подход к анализу привел Т.Лехтисало к тому, что он даже заимствованный из чувашского языка многократный суффикс -кал (-гал) отнес к древнеуральским. Кроме того, Т.Лехтисало не совсем критически подошел к подбору материала, вследствие чего типографскую ошибку принял за истину.

Так у него, вслед за Й.Дьерке, появилось новое слово нулгудо 'пихта' вместо нулго 'пихта'. Совершенно по непонятным причинам он один и тот же суффикс иногда возводит к разным источникам, ср. *-tt (йошкарташ 'ввести в краску, заставить покраснеть') и *-t (лӱмдаш 'назвать'). Вариант -д после согласного -м еще не говорит о былом ином источнике его, ср. шӱмда 'ваше сердце', но пӧртта 'ваш дом'. Однако, несмотря на все недочеты, работа Т.Лехтисало не утратила своей ценности по сей день.

Хотя сравнительно-историческая фонетика не входит в задачу нашей работы, не сказать ни слова о некоторых основных трудах по этой части просто невозможно, т.к. всякое историческое исследование языковых явлений прежде всего начинается с фонетики, ибо историческая фонетика является основной базой для реконструкции грамматических форм. Важными в отношении фонетики являются работы Э.Сетяля, В.Штейница, Э.Итконена и др.

Э.Сетяля написал работы "О родстве финно-угорских и самодийских языков" (Zur Frage nach der Verwandschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen, Helsinki, 1915),

"К финно-угорской фонетике" (Zur finnisch-ugrischen Lautlehre, Helsingfors, I902), "Общефинская история звуков" (Yhteissuomalainen äännehistiria, Helsingfors, I890), в которых он рассматривает фонетику финно-угорских языков сравнительно-исторически. В.Штейнитц (ГДР) написал две работы: "История финно-угорского вокализма" (Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm, I947) и "История финно-угорского консонантизма" (Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus, Stockholm, I952).

Перу Э.Итконена также принадлежат две фундаментальные работы по исторической фонетике - это: "К вопросу о развитии вокализма первого слога в финно-угорских языках особенно в мордовском" (Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen insbesondere im Mordwinischen, Helsinki, I946) и "К истории вокализма первого слога в черемисском и пермских языках" (Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, Helsinki, I954). В этих работах есть специальные разделы, посвященные исторической фонетике марийского языка.

Если в обеих работах по исторической фонетике финно-угорских языков Э.Сетяля исходил из теории чередования ступеней, то В.Штейнитц и Э.Итконен, как было сказано выше, не придерживаются этой теории. В этом большая положительная сторона их работ. Однако в трактовке вопроса о развитии редуцированных гласных в финно-угорских языках мнения В.Штейнитца и Э.Итконена расходятся. По-мнению В.Штейнитца редуцированные гласные существовали уже в финно-угорском языке-основе, Э.Итконен же отрицает

такую возможность. Причем, свою точку зрения В.Штейнитц обосновывает материалами марийского и хантыйского языков, а Э.Итконен,- главным образом,- материалами прибалтийско-финских языков.

В последнее время появилось ряд работ по исторической фонетике марийского языка, в которых вопрос о возникновении редуцированных гласных рассматривался весьма подробно, однако, и в них мы не находим единой точки зрения. Л.П.Грузов в своей книге "Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении" (Йошкар-Ола, 1965), критически рассматривая предыдущие мнения, приходит к выводу, что редуцированные гласные возникли лишь на древнемарийской почве - в результате изменения древнего ударения, падавшего на первый слог. В этом мнение Л.Грузова совпадает с мнением Э.Итконена. (См.также его "Историческую фонетику марийского языка", автореферат докт.диссертации, Ленинград, 1966, стр.10). Д.Казанцев также считает, что редуцированные гласные вторичны по своему образованию, но он их рассматривает как результат влияния тюркских языков (см. "Редуцированные гласные в йошкар-олинском говоре марийского языка", Труды МарНИИ, вып.ХУШ, Йошкар-Ола, 1964, стр.40 и др.). Для исследователя морфологии не так уж важно, по какой причине появились редуцированные гласные, важнее то, когда они появились, т.к. от этого зависит реконструкция древних форм. Но мы видим, что, кроме В.Штейнитца, все фонетисты придерживаются одного мнения - редуцированные гласные в финно-угорских языках не первичны, а вторичны. И это положение нам кажется наиболее вероятным.

Кроме специальных работ по истории марийского языка и работ,

посвященных сравнительной грамматике и фонетике финно-угорских языков, в деле изучения исторической грамматики марийского языка большое значение имеют работы по истории отдельных финно-угорских языков, ибо в них так же приводятся марийские материалы в качестве сравнения. К тому же, знание истории родственных языков является великим подспорьем для более научного освещения вопросов истории родного языка. В этом отношении работы по истории венгерского языка, например, докт. диссерт.К.Е.Майтинской "Развитие системы падежей в венгерском языке" (Москва, 1950), "Словообразование имен в старо- и средне-венгерском языке" (М., 1965), по истории финского языка в особенности "Историческая фонетика" и "Историческая морфология финского языка" Д.Бубриха, "Развитие и структура финского языка" Л.Хакулинена, "Развитие финского языка" Алквиста, по истории пермских языков: "Историческая грамматика коми языка" и "Исторический вокализм пермских языков" В.И.Лыткина, "Историческая фонетика удмуртского языка" Д.Бубриха; по истории мордовских языков "Историческая грамматика эрзянского языка" Д.Бубриха; "Историческая фонетика мордовских языков" Х.Паасонена и многие другие играют весьма большую роль.

Итак, из сказанного можно заключить:

1. Сравнительно-историческое изучение марийского языка началось во 2-й четверти XIX века; начало этому положила Российская Академия наук в лице М.Кастрена и Ф.Видемана.

2. Во второй половине XIX века изучением истории марийского языка занимаются казанские (М.Веске) и венгерские лингвисты (Буденц).

3. В начале XX века (первая четверть) изучением истории ма-

рийского языка занимались венгерские и финские языковеды (Беке, Вихман, Рясянен и др.).

4. После Октябрьской революции центр марийского исторического языкознания переходит в СССР, выходят специалисты из среды самих мари (Кармазин, Аттин и др.).

5. Марийское сравнительное языкознание стало развиваться особенно плодотворно в последнее десятилетие.

x x x

Сравнительно-историческое исследование словарного состава и грамматического строя родственных языков по праву занимает одно из первых мест в советском языкознании, так как только такое изучение дает возможность лучше проследить историю развития как отдельных языков, входящих в ту или иную семью родственных языков, так и всей языковой семьи. Последнее невозможно достигнуть без тщательного изучения исторического развития отдельных языков данной языковой семьи. В этом отношении финно-угорскому языкознанию предстоит еще огромная работа. Достаточно сказать, что большинство финно-угорских языков не имеет разработанной исторической грамматики. Одним из числа таких финно-угорских языков является также марийский язык, поэтому сравнительно-историческое исследование вопросов грамматического строя марийского языка приобретает естественную необходимость как для финно-угорского языкознания вообще, так и для марийского языкознания в частности.

Однако, несмотря на все вышесказанное, мы до сего времени не имели ни одной специальной обобщающей работы по исторической грамматике марийского языка. Были лишь отдельные статьи,

посвященные тем или иным вопросам исторической грамматики марийского языка, и попутные замечания в работах по сравнительной грамматике финно-угорских и уральских языков. Эти замечания и соображения никем еще не обобщены, не говоря уже о критическом пересмотре их на основе последних достижений сравнительного финно-угроведения и марийской диалектологии.

Отсутствие же работ обобщающего характера по исторической грамматике марийского языка является большим препятствием в разработке теоретических и практических вопросов марийского языкознания. Ибо для того, чтобы глубже понять структуру современного марийского языка и перспективы его развития, нам нужно во всей глубине изучить историю его развития в связи с историей его носителя - марийского народа.

Настоящая работа является первой попыткой специального изучения исторической грамматики марийского языка. Она охватывает историю словоизменения и суффиксального словообразования в марийском языке.

При написании работы автор исходил из того, что "материя и форма родного языка становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки"[I].

Историческая морфология в соответствии с характером предмета своего изучения имеет две основные цели: выявить изменение

[I] Энгельс Ф. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр.303.

типов основообразования и типа формообразования.

В настоящей работе автор стремится осветить современное состояние, пути возникновения, фонетического и семантического развития всех основных форм грамматического строя марийского языка.

Х Х Х

Историческая наука немыслима без определенных источников. Только они позволяют исследователю восстановить в той или иной степени ход исторического развития того или иного общественного явления или самого общества.

История языка,как явление общественного и тесно связанного с развитием общества, также требует наличия определенных источников. Этими источниками являются: литературный язык, территориальные диалекты, данные родственных языков, языковые данные взаимоотношений с другими народами, памятники письменности и материалы топонимики. Следует,однако, отметить, что не все языки располагают одинаково всеми вышеназванными источниками: одни языки лишены сравнительных данных родственных языков /баскский,японский/, другие-древних письменных памятников /большинство младописьменных языков/, у третьих нет литературного языка /бесписьменные языки/.

Таким образом, изучение истории одних языков сопряжено с меньшими трудностями, других - с большими, а это всецело зависит от большей или меньшей степени достаточности источников.

Историческое развитие того или иного языка довольно легко поддается изучению, если этот язык имеет более или менее хорошо сохранившиеся древние письменные памятники. Марийский же язык не имеет таких памятников, какие имеют, например, род-

ственные ему языки - венгерский, финский, эстонский (на венгерском языке письменность существует с XIII столетия[1], на финском она появилась в конце XV века, на эстонском - в XVI веке).

Первые письменные сведения по марийскому языку, преимущественно лексического характера, в основном относятся к XVII веку[2] и разбросаны в сочинениях самого различного содержания, а также в рукописных собраниях. Собирателями языковых материалов были ученые, путешественники, как русские, так и заграничные, или даже случайно попавшие в Россию люди, которые наряду с описанием жизни и быта, религиозных верований, различных обрядов и т.п. в своих сочинениях оставили некоторый языковой материал.

Наиболее ранние данные по марийскому языку содержатся в книгах Н.Витзена (1641-1717), Д.Г.Мессершмидта (1685-1735), И.Страленберга, Г.Ф.Миллера и др. Собрания Н.Витзена и И.Страленберга никакого практического значения для нас не могут иметь, так как они были очень кратки и несовершенны. Например, И.Страленберг приводит всего 15 марийских слов, но и то настолько искаженных, что нельзя узнать их без немецкого перевода, ср. Oetziu 'отец' (вм.ача), Annae 'мать' (вм.ава).

Значительной полнотой отличаются языковые материалы, собранные Г.Ф.Миллером во время его продолжительной сибирской экспедиции (1733-1743) и опубликованные в 1756 г. в статье "Описание

---

[1] Балашша Й. Венгерский язык. М. 1951, стр.18.

[2] Эман С. Дореволюционные письменные памятники на марийском языке. Труды МарНИИ, вып.I, 1939, стр.52-53, Патрушев Г.С. Из истории изучения марийского языка. "Ученые записки" Марийского педагогического института, т.16, Йошкар-Ола 1958, стр.5.

трех языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков", которая в 1758 году была перепечатана с дополнением словаря в 313 слов в Ш томе его "Sammlung Russischer Geschichte ", а в 1791 году вышла отдельной книгой на русском языке.

Словарь Миллера, безусловно, может оказать некоторую помощь при изучении истории лексики марийского языка, так его автору, несмотря на несовершенство транскрипции, все же удалось передать многие марийские слова более или менее точно / ср. jüasch "пить", waschküse "ножницы", pört "дом"/, кроме того, среди них имеются и такие, которые в настоящее время не известны /schörech "утро"/. Перевод же молитвы "отче наш", данный Миллером, без оригинала совершенно не понятен.

38 марийских слов содержится в книге И. Фишера "История Сибири" / Sibirische Geschichte ...Peterburg , 1768/, которые, по предложению Г. Патрушева, заимствованы у Миллера [1].

Около 70 марийских слов содержится в Ш томе описания путешествия по России И. П. Фалька / 1786 /, но они для нас не имеют почти никакого значения, так как к этому времени были опубликованы более качественные и обширные материалы /например, сочинения Миллера и марийская грамматика 1775 г./.

В конце ХУШ века сбором языкового материала, опять таки, главным образом, лексического, занимались более интенсивно. К этому времени относится несколько рукописных словарей, содержащих довольно большой лексический материал по марийскому

---

1 Патрушев Г.С. Из истории изучения марийского языка."Ученые записки" Марийского педагогического института, т. 16, Йошкар-Ола 1958, стр. 13.

языку.Так, в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина хранятся: "Словарь языка черемисского"/1783 г./,содержащий около 3 тысяч слов,"Словарь черемисского языка" /1784 г./,содержащий около 6 тысяч слов и др.

Эти словари более ценны историку марийского языка, прежде всего, своим богатством лексического материала ,среди которых немало производных слов, в более первичном виде,дающих некоторое представление о словообразовательных суффиксах того времени, ср. лебякшъ "одеяло", пукшъ "подать".

Кроме указанных словарей, в ХУШ веке были составлены многоязычные словари, такие как: рукописный словарь под названием "Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих,именно Россиян, татар,чувашей,мордвы и черемис" / 1785 г./, обычно называемый словарем Дамаскина; "Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы" / 1787-1789гг./,называемый словарем Палласа и "Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный" под редакцией Янковича-де-Мириево / 1790-1791 /.

Эти многоязычные словари не имеют в настоящее время почти никакой научной ценности, так как достоверность и полнота их, точность звуковой передачи приводимых слов и по тем временам были неудовлетворительными.

Связных текстов, относящихся к ХУШ веку, если не считать перевод молитвы "Отче наш", приведенный в книге Миллера, и трех стихов, из которых два посвящены Екатерине II /1769 и 1782 гг./ и один архиепископу казанскому Амвросию /1797 г./, мы почти ничего не имеем. Эти тексты представляют собой дословный перевод с русского,потому и они совершенно непонятны

для марийца. К тому же они безмерно грешат искажениями.

С начала XIX века на марийском языке стали появляться переводные книги религиозного содержания, значение которых для языковеда очень красочно определено Ф.Васильевым, который писал: "В общем строй речи в этих книгах остается непонятным для природного марийца, потому что это речь не его родная, а наша русская"[I].

Немногочисленные записи XVII века, которые дошли до нас, как было видно из вышесказанного, также не создают цельного представления о марийском языке того периода, так как, во-первых, их очень мало, во-вторых, они охватывают только немногое из отдельных марийских диалектов. Поэтому при изучении истории развития грамматических форм марийского языка эти записи мало чем могут помочь. К тому же, от них нас отделяет сравнительно небольшой отрезок времени, за который марийский язык, в частности его грамматический строй, не претерпел серьезного изменения.

Однако исследователь истории марийского языка и в таком положении не должен отчаиваться: большую помощь в этом отношении ему оказывают современные марийские диалекты и родственные языки, в особенности те родственные языки, историческая грамматика которых уже изучена.

Современный марийский язык, несмотря на относительную малочисленность его носителей (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года марийцев насчитывается 504 тыс.чел.), имеет немало диалектных разновидностей. Он распадается на 4 основ-

---

I Васильев Ф. Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии. Казань 1887, "Предисловие, П.

ных наречия: луговое, восточное, горное и северо-западное, каждое из которых, в свою очередь, делятся на несколько говоров. Так, в луговом наречии марийского языка различаются три основных говора: моркинско-сернурский, йошкар-олинский и волжский. Восточное наречие изучено слабо, и, к сожалению, еще не определены границы основных говоров. Горное наречие имеет два основных говора: южный и северный[1], северо-западное наречие распадается также на несколько говоров, из которых до сего времени изучены тоншаевский и яранский[2]. В самих говорах встречается немало частных диалектных расхождений, которые в рамках одного говора не имеют существенного значения, но для истории языка и они представляют довольно большой интерес.

Данные диалектологии предоставляют в распоряжение историка языка богатейший материал, который оказывает большие услуги в деле разрешения самых различных проблем исторической грамматики того или иного языка. Для истории марийского языка, когда нет в наличии древних письменных памятников, эти данные представляют собой золотой фонд: они позволяют в какой-то мере восстановить некоторые черты древнемарийского языка, определить закономерности его развития, а поэтому к ним должно быть обращено самое пристальное внимание. Правда, и в этом случае отсутствие древних письменных памятников не освобождает исследователя от сравнительно-исторического изучения языковых материалов марийского языка с материалами наиболее близкородственных языков. Так, например, в современном марийском

1 Описание диалектов см. Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола 1960, стр. 14 и др.

2 Галкин И., Грузов Л. Некоторые итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1958 г., Труды МарНИИ, вып. XIII, 1960. Тужаров Г.М. Яранский говор марийского языка /Морфологическая характеристика/. Автореферат канд. диссертации, Тарту, 1966. Иванов И.Г. Фонетика тоншаевского говора марийского языка. Автореферат канд. диссертации, Тарту, 1965

литературном языке имена существительные со значением "предназначенный для чего-либо" образуются при помощи суффикса -аш (парняш 'наперсток' от парня 'палец').

При сравнении подобных имен существительных с данными диалектов обнаруживается, что в диалектах те же имена существительные имеют другой вариант суффикса -акш (северо-зап., волжск.парнакш 'наперсток'). Если последняя форма встречается в большом количестве диалектов, то несомненно, что она древнее первой. В этом мы и убеждаемся. Но наше убеждение становится более прочным, когда оно подкрепляется еще и данными близкородственных языков, например, морд.Э.атякш 'петух' от атя 'отец'.

Диалектологические материалы по марийскому языку начали собирать в середине XIX века, начало этому положил венгр А.Регули, который в 1845 году побывал среди марийцев и записал 816 предложений лугового наречия марийского языка. Эти материалы обработаны Й.Буденцем и изданы в 1864 году[1]. Затем немало марийских диалектологических текстов записали финские ученые В.Поркка[2], Х.Паасонен[3], Г.Рамстедт[4], Ю.Вихман[5], некоторые

---

1 Budenz J. Erdeicseremiszeg Mondat-és szövegközlés. Nyk, III, Pesten, 1864.

2 Porkka V. Tscheremissische Texte mit übersetzung. Herausgegeben von A.Genetz. SUSA, XII, Helsinki, 1895.

3 Paasonen H. Tscheremissische Texte. Herausgegeben von Paavo Siro. SUST, LXXVIII, Helsinki, 1939.

4 Ramstedt G. Bergtscheremissische Sprachstudien. SUST, XVII, Helsingfors, 1902.

5 Wichmann Y. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischen Abriss. Helsingfors, 1923. Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissischen. SUST, LIX, Helsinki, 1931.

материалы опубликованы немецким ученым Э Леви.[1] Особенно много материала по марийским диалектам собрал венгерский ученый Э. Беке[2] во время первой и второй мировых войн. Им охвачены почти все марийские диалекты. Записи каждого из указанных ученых весьма доброкачественные, поэтому при написании настоящей работы мы не обошли ни одного из указанных диалектологических сборников.

Очень богатый диалектологический материал хранится в научном фонде Марийского научно-исследовательского института. Этот институт, начиная с 1934 года, почти ежегодно организует диалектологические экспедиции в различные районы, где проживает марийское население. Работа по изучению марийских диалектов особенно широко развернулась после Великой Отечественной войны. На основе изучения диалектов, как мы уже указывали выше, написано несколько кандидатских диссертаций. Руководителем ряда диалектологических экспедиций был и автор этих строк.

Для сбора новых данных и проверки имеющихся нам пришлось побывать почти во всех тех районах, где ныне проживают марийцы. Так, в 1954 году- у луговых марийцев Моркинского и Советского районов Марийской АССР и у восточных марийцев Татарии,

---

[1] Lewy E. Tscheremissische Texte. Hannover, 1925-1926.

[2] Beke Ö. Tscheremissische Märchen aus Kreise Jaransk. Õpetatug eesti Seltsi Aastaraamat, 1937, II, Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählugen, SUST, LXXVI, 1938, Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde, Oslo, 1931, A cseremiszek (marik) nerköltészete és szokasai. Budapest, 1951, Mari szövegek, I. Budapest 1957, Mari szövegek, III. Budapest 1960.

в 1955 году - у горных марийцев Горномарийского района Марийской АССР, в 1957 году - у луговых марийцев Медведевского, Оршанского, Новоторъяльского районов Марийской АССР и Уржумского, Советского и Пижанского районов Кировской области; в 1958 году - у северо-западных марийцев Шаранского района Кировской области и Тоншаевского района Горьковской области; в 1959 году - у восточных марийцев Шурминского и Малмыжского районов Кировской области; в 1960 году - у восточных марийцев Пермской, Свердловской областей и Башкирской АССР, в 1963 году - у восточных марийцев Кильмезьского района Кировской области и у луговых марийцев Мари-Турекского района Марийской АССР; в 1964 году - у северо-западных марийцев Килемарского района Марийской АССР, в 1965 году - у горных марийцев Горномарийского района Марийской АССР.

Материал главным образом собирался методом непринужденной беседы от лиц разных возрастов и записывался на слух, при необходимости проверялся на месте в присутствии нескольких участников экспедиции.

Во время этих поездок производился сбор как лексического, так и текстового материала. В лексике особое внимание уделялось терминам родства, названиям растительного и животного мира, названиям предметов домашнего обихода, орудий производства, построек и частей построек, ремесел и т.д.

В сборе текстового материала особое внимание уделялось историческим, топонимическим легендам и преданиям, беседам бытового и производственного характера (возделывание конопли, льна, шерстяных и других тканей, вышивание и т.п.). Кроме того, немало записано загадок, пословиц и поговорок, сказок, частушек,

песен, в которых совершенно неожиданно встречаются новые слова, не попавшие в марийские словари, и формы, не отраженные в грамматиках.

Для сбора материала нередко приходилось выходить непосредственно на место производства или охоты. Например, названия рыб и рыболовных снастей, а также описание способов рыбной ловли записывались непосредственно при рыбной ловле прямым показом рыб и снастей.

В камеральных условиях экспедиционные материалы сверялись с ранее собранными материалами.

Кроме того, некоторые данные проверялись при чтении курса лекций и проведении практических занятий по исторической грамматике марийского языка в связи с диалектологией со студентами историко-филологического факультета Марийского Государственного педагогического института имени Н.К.Крупской.

Данные родственных языков, как мы уже говорили выше, также являются одним из важнейших источников при изучении истории языка. Сравнительное изучение материалов марийского и родственных ему языков позволяет выявить наиболее древние общие закономерности развития этих языков, а также установить явления, которые возникли и развились в период самостоятельного бытования марийского языка.

Общеизвестно, что языки, в том числе и родственные, развиваются неравномерно, вследствие чего в одном языке некоторые особенности проявляются в архаическом виде, близком к языку-основе, в другом они исчезают, но сохраняются другие особенности, отражающие древний период развития языка. Исследователю истории языка приходится учитывать все эти особенности.

Финно-угорские языки в этом отношении дают весьма благодатный материал, так как между отдельными их ветвями существует значительное различие, примерно такое же, какое, например, имеется между языками отдельных ветвей индоевропейской семьи.

При реконструкции древних форм любого финно-угорского языка нельзя не учитывать этих особенностей. Особенно важен учет особенностей близкородственных языков.

Данные родственных языков при написании настоящей работы извлекались из двуязычных, диалектологических и этимологических словарей, описательных и исторических грамматик, очерков по диалектологии современных финно-угорских языков и специальной лингвистической литературы.

Немаловажную роль в изучении истории языка, который не имеет древних письменных памятников или имеет ограниченное количество, играет заимствования из соседствующих или соседствовавших неродственных языков. Они позволяют выяснить не только явления взаимовлияния языков, но и историю тех или иных форм, а также установить относительную хронологию в историческом развитии отдельных форм ранее бесписьменного языка.

Марийский язык имел и имеет непосредственные связи с тюркскими языками (татарский, башкирский, чувашский), а теперь уже несколько столетий - с русским языком, и при изучении его истории нельзя обходить эти связи.

Известно, например, что в луговом и восточном наречиях марийского языка лабиальная гармония гласных (пӧртыштӧ 'в доме', портышто 'в порту', ялыште 'в деревне') появилась под влиянием тюркских языков, поэтому при реконструкции древних форм марийского языка исследователь должен исходить из отсут-

ствия лабиальной гармонии в древнемарийском языке.

Доказано также, что в луговом наречии марийского языка показатель множественного числа имен существительных -шамыч состоит из чувашского -сам и марийского -ч из финно-угорского -т (см.историю показателя -шамыч). А это дает возможность нам заключить, что в период активных чувашско-луговомарийских языковых взаимоотношений финно-угорский показатель множественности -т, который сохранился до настоящего времени в личных формах глагола, еще был распространен и в именах существительных: иначе бы не могло произойти слияние двух показателей в единое целое.

Некоторую помощь в историческом изучении языка могут оказать и географические названия. Топонимика марийского края, к сожалению, еще весьма мало изучена, специальным изучением ее до сего времени никто не занимался, а были лишь отдельные попытки объяснения некоторых топонимических типов в связи с изучением других вопросов истории марийского народа (происхождения, расселения и т.д.)[I].

Однако и эти скудные данные по топонимике марийского края и соседних с ним областей при изучении истории марийского языка небесценны. Так, например, на территории марийского края встречается немало топонимов с формантом -беляк, которые обычно в современном марийском произношении звучат -влак, -плак (Керевлак - Керебеляк, Ядыкплак - Ядыкбеляк, Токтавлак - Токтай-беляк и т.д.). И это не случайно, по-видимому, между формантом -беляк и показателем множественности -влак есть исто-

---

I "Происхождение марийского народа". Материалы научной сессии по этногенезу марийского народа. Йошкар-Ола 1965.

рическая связь. В топонимах сохранились наиболее древняя форма и значение древне-тюркского bölăk 'группа, отряд' (см.историю показателя -влак), которое впоследствии стало показателем множественности марийского языка.

Таким образом, несмотря на отсутствие древних письменных памятников на марийском языке, для изучения исторического развития его имеется немало источников, при правильном использовании которых в какой-то мере можно не только восстановить древнюю картину, но и показать процесс постепенного развития.

x x x

Языкознание, как и всякая наука, имеет свой предмет и свои методы исследования. В зависимости от целей и задач лингвистического анализа могут быть использованы различные методы: синхронно-описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и т.д. Основным методом исторического изучения языка является сравнительно-исторический метод, с возникновением которого языкознание как наука получила, по словам Ф.Энгельса, исторический фундамент[I].

Сравнительно-исторический метод, являясь системой научно-исследовательских приемов, служит не только для восстановления картины исторического прошлого изучаемых языков, но и для того, чтобы установить закономерности их последующего исторического развития.

Методика сравнительно-исторического исследования неодинаково разработана применительно к разным родственным языкам. Родственные языки, расхождения между которыми незначительны, до сих пор плохо поддаются сравнительно-историческому исследова-

---

I Энгельс Ф. Анти-Дюринг, М., Госполитиздат, 1952, стр.303-304.

нию. Прав был А.Мейе, который писал, что построение сравнительной грамматики индоевропейских языков оказалось возможным именно потому, что все эти языки изобилуют аномалиями[I]. Однако и языковые "аномалии" не всегда дают возможность сравнительно-историческому методу объяснить все языковые особенности родственных языков.

История языков нередко изобилует такими пробелами, которые совершенно невосполнимы из-за отсутствия каких-либо данных для этого, особенно, если нет древних письменных памятников. Например, в марийском языке общефинно-угорский показатель множественности - в именах существительных заменился другими показателями -влак, -шамыч, однако, мы не имеем никаких возможностей установить, каков был характер самого процесса этой замены, поскольку нет никаких письменных памятников, отражающих это переходное состояние.

Кроме того, сравнительно-исторический метод оказывается совершенно бессильным, если нет надежных в этимологическом отношении сопоставлений. Пользуясь сравнительно-историческим методом, однако, нельзя игнорировать и других методов, ибо только комплексное использование различных методов дает наиболее благодатные результаты исследования.

x x x

Реконструкция древнейшей системы грамматических форм любого языка требует достаточной ясности общей методики реконструкции. Нельзя приложить одну и ту же методику к языкам различных систем. К агглютинативным языкам приложима одна методика, к

I Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л. 1938, стр.66.

флективным - другая. "...Особенность агглютинативных языков, отличающая их от языков флективных, состоит прежде всего в том, что агглютинативные языки обладают удивительной способностью к образованию суффиксов... В агглютинативных языках в целях уточнения значения одного суффикса к последнему прибавляется новый суффикс, в результате чего могут образовываться целые гирлянды суффиксов"[I]. Установление закономерности сочетания этих суффиксов дает возможность более точно определить древнее значение и относительную хронологию возникновения их.

Следует отметить, однако, что методика изучения финно-угорских языков относится к наименее разработанным разделам финно-угорского языкознания. Правда, все основные достижения сравнительно-исторического языкознания, к которым обычно относят: учет фонетических законов, учет различных явлений, связанных с внутренними закономерностями (аналогия, переразложение основ и т.д.), учет семантического фактора при реконструкции грамматических форм, суждение о древнем состоянии форм на основании форм ныне существующих, использование данных письменных памятников и диалектов, метод реконструкций и пр., в какой-то мере использовались и в сравнительно-историческом финно-угроведении.

В традиционном финно-угроведении самым древнейшим или общефинноугорским формантом обычно считался тот, который обнаруживался во всех современных финно-угорских языках. Хронологически поздними считались форманты, встречающиеся в отдельных группах языков и сложные по своему образованию. Однако при этом не всегда учитывалось то обстоятельство, что иногда древнейший

I Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.10.

формант может сохраниться как раз не во всех языках, а лишь в отдельных группах языков. Кроме того, при историческом исследовании того или иного языка всегда нужно помнить, что любой праязык не был лишен диалектных разновидностей. При реконструкции древних форм надо иметь в виду также, что фонетические законы по различным объективным причинам не всегда охватывают все диалекты того или иного языка, а иногда в разных диалектах появляются различные фонетические закономерности и даже хронологически в разные периоды. Один и тот же фонетический закон в одном из диалектов может прекратить свое существование, но продолжает действовать в другом. Поэтому историку языка нужно быть весьма осторожным в подборе материала, нужно уметь отделять от общего частное и в частном находить общее. Одним словом, язык нужно рассматривать во всей его системе[1], особенно, когда нет в наличии древнейших письменных памятников.

При этом, однако, весьма необходимо учитывать причинную связь между языковыми явлениями, ибо более полное раскрытие комплекса причиных связей языковых явлений может способствовать более точному представлению о самом механизме исторических изменений[2].

По этому поводу очень справедливо писал еще Бодуэн де Куртенэ. "Если мы,- настаивал он,- хоть один раз станем объяснять самое ничтожное явление целесообразностью, призванием, свобод-

---

[1] Курилович Е. О методах внутренней реконструкции. Новое в лингвистике, вып.IУ, М. I965, стр.404. Макаев Э.А. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции. О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М.I960,стр.I45. Пауль Г. Принципы истории языка. М. I960, стр.3I3.

[2] Серебренников Б.А. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. Вопросы языкознания, № 3, I964, стр.2I.

ной волею, случаем, догматом и т.д., то последовательно мы должны будем допускать и всегда такое же объяснение, и, таким образом, видя в действительности только кучу несвязных и ничем не соединенных явлений, уничтожать всякую причинность, уничтожать всякую науку"[I].

Таким образом, сравнительно-исторический метод немыслим без тщательного учета самых различных связей изучаемого явления.

Финно-угорские языки, особенно марийский, являются такими, которые не имеют древнейших письменных памятников. Поэтому все реконструируемые формы имеют в большей или меньшей степени предположительный характер, и, в зависимости от методики исследования, у разных исследователей может быть различное количество реконструируемых форм. Так, например, различный подход к реконструкции древней системы падежей в финно-угорском праязыке привел разных исследователей к разным результатам. По мнению Б.Коллиндера, финно-угорский праязык, кроме именительного, знал следующие падежи: родительный на -*n, винительный на -*m, местный на -*na, -nä, сепаратив на -*ta, -tä, локатив на -*tta, -ttä, который он называет фиксативом, или пролативом[2].

Э.Итконен утверждает, что в финно-угорском праязыке, помимо именительного, существовали родительный на -n, винительный на -*m, локатив на -*na, -nä, латив на -*n и латив на -*k[3]. Б.А.Серебр-

---

I Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. Избранные труды по общему языкознанию, т.I, М. 1963, стр.60.

2 Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Upsala, 1960, стр.282.

3 Itkonen E. Die Laut - und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache, UAJb, XXXIV, 1962, стр.201.

ренников критически рассматривает все точки зрения относительно падежной системы финно-угорского языка-основы и, применяя новую методику реконструкции древнейших форм, приходит к выводу, что уже на более поздних этапах развития протоуральского языка, не говоря уж о протофинно-угорском языке, система падежей включала в себя гораздо большее количеств падежей, чем это предполагалось раньше. По его мнению, уральский праязык более позднего времени, кроме именительного, знал следующие падежи: локатив на *-na, -nä, локатив на *-t, латив на *-ka, -kä, -k, латив на *-n, латив на *-s, латив на *-a, латив на *-e, латив на *-i, отложительный падеж на *-ta, родительный на *-n, винительный на *-m[I]. Таким образом, по его мнению, все указанные падежи должны были существовать в финно-угорском праязыке. С мнением Б.А.Серебренникова в принципе вполне можно согласиться. Следовало бы, на наш взгляд, добавить признаваемый им же направительный падеж на *-la[2], а так же абессив на *-ta, -tä и инструктив на *-in.

В схеме Б.А.Серебренникова вызывает некоторые раздумья лишь латив на *-i, правда, он и сам его не относит к древнейшему слою падежей протоуральского языка, но признает его наличие в финно-угорском праязыке. Однако наличие особого лативного суффикса *-i в финно-угорском праязыке противоречило бы возможности существования в непервых слогах финно-угорского слова только трех гласных: *-a, *-ə, *-e. В связи с этим невольно возникает вопрос: нельзя ли допустить, что *-i -овый латив развил-

---

I Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М. 1964, стр.12-72.

2 Серебренников Б.А. ИМПЯ, стр.48.

ся вследствие перехода первоначального -е в -i.

х х х

Морфологический анализ слова, как известно, внешне начинается с выделения в слове значащих элементов (морфем), которые повторяются в других словах, что является самым первым указанием на достоверность морфологического членения слова. Так, например, при анализе морфологического состава марийского слова нелылык 'тяжесть' мы без всякого колебания расчленяем его на две морфемы нелы- и -лык, руководствуясь, во-первых, тем, что первый элемент встречается самостоятельно или выступает в составе ряда других слов: неле 'тяжелый', нелыт 'тяжесть', нелемаш 'тяжелеть' и т.д. и, во-вторых, тем, что второй элемент -лык также выступает в составе многих других слов: сайлык 'качество', ср.сай 'хороший'; шынáлык 'полог', ср.шынá 'комар'; нерлык 'намордник', ср.нер 'нос, клюв' и т.д. Однако это требование не всегда осуществимо и выяснение производного характера слова бывает возможно только сравнительно-историческим путем, например, в случаях омертвелости структурных элементов производного слова. Так, для современного марийского языка слово могыр 'тело' является непроизводным, так как указанным выше путем мы не можем расчленить его на морфемы. Все же сравнительные данные родственных языков позволяют в нем выделить суффикс -ыр, ср.коми-зыр.мыг 'стан рубашки' и корень мог-. Суффикс же -ыр (-ер) встречается и в других словах: кожер 'ельник' от кож 'ель'; пуньыр 'шмель' от пун 'волос'; пистер 'липняк' от писте 'липа' и т.д.

Другим более ярким примером является слово волгыдо 'светлый', в котором исследователи обычно выделяют суффикс -до, срав-

нивая его со словами волгыжаш 'светать', волгаш 'блестеть', хотя в современном марийском языке четко выделяется суффикс -кыдо (-гыдо), ср.лушкыдо 'слабый' от луш 'слабо'; чоткыдо 'крепкий' от чот 'крепко' и т.д., при помощи которого образованы также имена прилагательные. Сравнив слово волгыдо 'светлый' с однокорневыми словами из родственных языков, мы убеждаемся, что и в этом слове выступает сложный суффикс -гыдо, ср.фин. valo 'свет', valoisa 'светлый'; морд.Э.валдо 'светлый', хотя корень вол- в современном марийском языке самостоятельно не употребляется.

Таким образом, современное словообразование тесным образом связано со словообразованием историческим и не всегда может быть понято без последнего.

Кроме того, морфологический анализ слова требует четкого разграничения сложных суффиксов от сочетаний суффиксов.

Сложным мы называем такое сочетание простых суффиксов, которое представляет собой неразрывное единство,независимо от того, существуют ли самостоятельно составляющие этот сложный суффикс элементы в общенародном языке. Так суффикс -ынчо (-ынче) является сложным, хотя составные элементы его в современном марийском языке существуют самостоятельно, ср.луг.лыве 'бабочка', вост.лепене 'бабочка', горн.рехень 'мох', луг.регенче 'мох', но мокшынчо 'налим' от мокш 'печень' не имеет ни в одном из современных марийских диалектов промежуточного производного мокшын. Таким образом, составные элементы сложного суффикса -ынчо определяются лишь при сравнении материалов различных диалектов, в одном и том же диалекте они самостоятельно не существуют, вернее, не участвуют в образовании

новых слов.

Иногда бывает и так, что составные элементы сочетания простых суффиксов существуют в одном и том же диалекте по сей день самостоятельно, но мы его называем сложным суффиксом, так как эти элементы в ряде случаев неразделимы и не имеют промежуточных производных. Например, в луговом наречии мы находим три слова туй, туйо 'больной', туешкаш 'заболеть' и туешке 'склонный к болезням', где последние два являются производными и это как будто бы дает возможность сочетание -ешке считать за простое сочетание суффиксов, а не относить его к сложным суффиксам. Однако такие примеры, как: йолешке 'пешеход', имнешке 'верховой, всданик', в которых сочетание -ешке никак невозможно разделить, дают полное основание ешке считать сложным суффиксом. Именно это отличает сложный суффикс от простого сочетания суффиксов: последнее в любом слове последовательно разложимо на составные части и каждая составная часть будет носить смысловую нагрузку, создавать новую лексему, у сложного же суффикса этих возможностей нет.

В исторических исследованиях, когда нет в наличии древних письменных памятников, почти невозможно установить время образования суффиксов. Лишь материалы диалектов родственных и соседних неродственных языков в некоторой мере позволяют определить относительную хронологию их возникновения. Так, например, наличие наречного суффикса -нек в марийском и мордовском языках указывает на то, что этот сложный суффикс образовался уже в тот период, когда предки современных марийцев и мордвы жили совместно и, очевидно, довольно хорошо понимали друг друга. Таким образом, возраст этого сложного суффикса определяется

тысячелетиями. Или взять тот же суффикс -ешке. В его образовании приняли участие два суффикса: марийский суффикс -ешк для отыменных транслативных глаголов и чувашский суффикс -е для отглагольных прилагательных. По тому как нам известно из гражданской истории, что чувашско-марийские языковые взаимоотношения могли начаться лишь с приходом булгар на Волгу, т.е. не раньше УП-УШ веков н.э., а для заимствования отдельного суффикса необходимо большое количество заимствованных слов с этим суффиксом, для заимствования же слов, в свою очередь, нужно время и не малое, поэтому мы можем сказать, что суффикс -ешке образовался не раньше УШ-IX веков нашей эры.

Еще труднее определить былую продуктивность или непродуктивность суффиксов или словообразовательных типов. Профессор К.Е.Майтинская справедливо замечает, что даже для современного состояния языка или диалекта продуктивность или непродуктивность какого-либо способа словообразования может выяснять лишь тот исследователь, который является носителем изучаемого языка (диалекта), или владеет им почти как родным языком (диалектом), т.е. продуктивность или непродуктивность какого-либо способа словообразования современного языка или диалекта может быть проверена лишь на живой практике, прежде всего, по собственному опыту самого исследователя[I].

Однако, прежде чем определять продуктивность или непродуктивность того или иного суффикса или словообразовательного типа, исследователь должен сам четко уяснить, что нужно понимать под продуктивностью, непродуктивностью и распространенностью

[I] Майтинская К.Е. Словообразование имен в старо- и средневенгерском языке. М. 1965, стр.4.

суффиксов.

Под продуктивностью мы понимаем способность того или иного словообразовательного суффикса создавать новые слова на том или другом этапе развития языка.

В языке мы можем встретить довольно большое количество слов, образованных при помощи того или иного словообразовательного суффикса или относящихся к тому или иному словообразовательному типу, но сам суффикс или словообразовательным тип, однако, на поверку оказывается непродуктивным, т.е. новых образований при помощи данного суффикса или относящихся к рассматриваемому словообразовательному типу мы не находим.

Так, например, многократный суффикс -ед в современном марийском языке встречается в достаточно большом количестве глаголов, но новых производных не образует: нельзя сказать лечитледаш, а можно лишь лечитлылаш 'лечить', и, наоборот, суффикс имен прилагательных -ле (-ло, -лӧ) встречается лишь в небольшом количестве слов, но способен образовывать новые слова, например: миллионло 'миллионный', тем самым, он является продуктивным.

Таким образом, продуктивность словообразовательного суффикса нельзя смешивать с его распространенностью. Нельзя также смешивать продуктивность словообразовательного суффикса с продуктивностью словообразовательного типа. Так, в современном марийском языке суффикс -аш (-ӓш) относится к числу продуктивных. Присоединяясь к именам существительным, он, в зависимости от лексического значения производящих основ, образует имена же существительные со значениями: I) указания на назначение предмета; на материал, для чего он служит или предназначен

(ыштыраш 'домашнее сукно'), 2) выражения стоимости денежного знака (кумыташ 'трехрублевка, трешница') и 3) уменьшительности (ераш 'озерко'). Анализ показывает, что образование имен существительных первых двух словообразовательных типов возможно и в современном марийском языке, но третий тип ограничивается только несколькими словами и никак уже нельзя сказать устелаш, чтобы этим словом выразить понятие 'столик', ибо любому человеку, хорошо знающему марийский язык это слово будет указывать на материал, предназначенный для стола.

Следовательно, для того,чтобы раскрыть полностью функционирование того или иного суффикса в языке, недостаточно исследовать суффикс вообще, а необходимо тщательно и во всех деталях проверить его употребительность. Суффикс в языке может быть продуктивным, но один из его словообразовательных типов - непродуктивным, т.е. продуктивные суффиксы нередко имеют отношение как к продуктивным, так и непродуктивным словообразовательным типам.

Продуктивность словообразовательного типа, как и продуктивность суффикса, оценивается только с точки зрения возможности образования по данному типу новых слов.

При определении продуктивности или непродуктивности словообразовательного суффикса в современном языке или диалекте весьма хорошую помощь, однако, могут оказать поздние заимствованные слова. Если при помощи того или иного суффикса от поздних заимствованных слов можно образовать новые слова, то значит: этот словообразовательный суффикс для современного состояния языка или диалекта является несомненно продуктивным, если же при помощи его невозможно образовать новых слов от поздних

заимствований, то он для современного состояния языка или диалекта непродуктивен. Например, мы с полной уверенностью можем сказать, что глаголообразующий суффикс -лан в горном наречии марийского языка является продуктивным, так как при помощи его можно образовать глагол даже от такого позднего заимствования, как чывань 'чванливый' - чываньланаш 'чваниться'. В таких случаях даже не владеющий свободно тем или иным языком исследователь довольно легко может определить продуктивность или непродуктивность того или иного суффикса.

Для проверки же продуктивности или непродуктивности способов словообразования в ранние периоды развития языка исследователь не имеет живой практики, он в лучшем случае может по письменным памятникам определить относительную распространенность того или иного способа, но исследователю истории марийского языка из-за отсутствия древних письменных памятников не предоставлена, к сожалению, и эта возможность.

В отдельных случаях все же и при этом выявляются некоторые косвенные доказательства продуктивности способов словообразования. Так, если известно время появления отдельных реалий, а названия этих реалий были созданы определенными способами словообразования, то можно полагать, что эти способы словообразования в то время были продуктивными[I]. Например, ношение опричниками Ивана Грозного на седлах макета собачьей головы вызвало появление в марийском языке слова пийнерешке 'подслушник, шпик, сыщик' от слов пий 'собака', нер 'нос' при помощи суффикса -ешке, который в современном марийском языке является

[I] Майтинская К.Е. Словообразование имен в старо- и средневенгерском языке. М. 1965, стр.4.

совершенно непродуктивным, а в тот период, как видно, данный суффикс еще был продуктивным.

История суффиксального словообразования уральских или финно-угорских языков до сего времени исследовалась, главным образом, в плане реконструкции древнего звукового состава суффиксов, развития этого звукового состава в отдельных группах уральских языков или в отдельных языках. Причем, выявление древнего звукового состава суффиксов, в основном, ограничивалось составом согласных и почти не уделялось внимания выяснению первоначальных значений и закономерностям развития последних.

Так, например, Й.Буденц и Й.Синней вопросами семантики суффиксов интересовались лишь в плане классификации их. Они считали, что тождественные по звуковому составу, но резко расходящиеся по значениям, суффиксы различны по своему происхождению[I]. Поэтому они резко отделяли глагольные суффиксы от именных, подчеркивая при этом, что уже в финно-угорском языке-основе, в основном, имя и глагол категориально разделились[2]. Глагольные суффиксы отглагольного образования они отделяли от глагольных суффиксов отыменного образования, как и именные суффиксы отглагольного образования от именных суффиксов отыменного образования.

По значениям глаголы отглагольного образования Й.Буденц делил на четыре группы: I) глаголы повторного действия,

---

I Budenz J. AzUA, стр.9. Szinnyei J. FUSp[2], стр.8I и др.

2 Budenz J. AzUA, стр.9.

2) глаголы мгновенного действия, 3) побудительные глаголы и 4) возвратные и страдательные глаголы. Поскольку указанные четыре группы глаголов у Й.Буденца характеризуются четырьмя группами суффиксов, то нет сомнения, что он делил на эти же группы и суффиксы, т.е. он в суффиксах внутриглагольного словообразования находил четыре основные группы значений. Внутри этих четырех основных групп, по мнению Й.Буденца, могут быть более мелкие взаимосвязанные подразделения. Так, например, он отмечает, что значение повторности непосредственно связано со значениями продолжительности и непрерывности, размельченности, распределенности и взаимности. Из значения же повторности может развиваться, по его мнению, значение медленного начинания действия или даже значение намерения выполнить действие[I].

Со значением мгновенности он связывает значение однократности, внезапности, результативности, интенсивности и уменьшительности действия[2].

Полисемию отглагольных имен Й.Буденц объясняет недифференцированностью значения древнего отглагольного имени. Однако он допускает, что уже в языке-основе началось закрепление за суффиксом одного из основных его значений, которыми он считал выражение действователя, результата и абстрактности действия, а также орудия действия.

Значения отыменных имен Й.Буденц выводит из одного первичного расширенного значения, которое он называет diminutivum comparationis ("уменьшительность сравнения"). Из этого первичного расширенного значения, по его мнению, развились вторичные,

---

I Budenz J. AzUA, стр.12.

2 Budenz J. Там же, стр.50, 51.

например, выражение связи, отношения, соответствия, обладания, ласкательности и т.д.[I].

Мнение Й.Синнеи в целом совпадает с мнением Й.Буденца, он лишь в отдельных случаях в схему последнего вносит некоторые коррективы. Совершенно иначе подошли к классификации суффиксов Й.Дьерке и Т.Лехтисало. Тождество звукового состава глагольных и именных суффиксов они объясняют не случайным совпадением в плане суффиксальной омонимии, а общностью их происхождения[2].

Т.Лехтисало весьма осторожно относился к выяснению развития семантики суффиксов. Он считал, что этот вопрос является затруднительным без тщательного предварительного исследования. Поэтому он ограничивался лишь отдельными замечаниями по этому поводу и допускал, что в отдельных случаях уменьшительное значение можно считать первоначальным, т.к. теоретически уменьшительное значение для самых примитивных языков должно быть характерным[3].

Совершенно по-иному подходит к этому вопросу Й.Дьерке. Он смело пытается разобраться в первоначальных значениях суффиксов и предлагает довольно подробную схему развития их. Й.Дьерке считает, что первоначальным значением, как именных, так и глагольных суффиксов, из которого развились остальные значения, было уменьшительное значение[4].

В целом мнения Й.Дьерке и Т.Лехтисало совпадают, они факти-

I Budenz J. AzUA, стр.233-235.

2 Györke J. WU, стр.75, Lehtisalo T. PUA, стр.1, 2.

3 Lehtisalo T. PUA, стр.3.

4 Györke J. WU, стр.83, 84.

чески развивают традиционные взгляды Й.Буденца и Й.Синнеи, высказанные ими относительно развития значений отыменных образований из уменьшительного значения суффиксов. Однако Г.Барци[I] и К.Д.Барта[2] не соглашаются с традиционной точкой зрения и все многообразие значений суффиксов объясняют более поздним уточнением первоначального неопределенного, расплывчатого значения.

К.Е.Майтинская, рассматривая все существующие до сего времени точки зрения относительно первоначальной семантики суффиксов, приходит к заключению, что первоначально древнеуральские словообразующие суффиксы имели широкое общее значение, выражая лишь отношение, связь между понятиями, обозначенными производящим и производным словом. От наиболее общего значения выражения отношения понятий в широком смысле слова, уже в уральском языке-основе, по ее мнению, у всех суффиксов развилось значение выражения подобности чему-либо. "К этим двум функциям (к функции выражения отношения (связи) понятий и функции выражения подобности чему-либо),- пишет К.Е.Майтинская,- возводятся все значения и функции современных суффиксов, развившихся из древнеуральских словообразующих формантов. К функции выражения отношения (связи) понятий, обозначенных производящим и производным словами, возводятся функция превращения слов одной категории в слова другой категории (субстантивация, адъективация, вербализация), значения принадлежности и обладания - у

I Bárczi G. A Tihanyi apátság alapítólevele mint nyelvi emlék. Budapest 1951, стр.141.

2 Bartha D.K., Magyar történeti szóalaktan, II, A magyar szóképzés története. Budapest 1958, стр.14.

имен, значения залогового порядка (понудительность, возвратность, страдательность), а также значение транзитивности - у глаголов. Из значения 'подобный чему-либо', то есть на основе сравнения понятий развились значения уменьшительности, увеличительности, усилительности (у имен) и видово-количественные значения повторности, продолжительности, мгновенности (у глаголов"[I].

Как видно, К.Е.Майтинская в вопросе о первоначальном значении всех словообразующих суффиксов в общем и целом поддерживает мнения Г.Барци и К.Д.Барта.

Мысль о том, что в уральском языке-основе словообразовательные суффиксы имен и глаголов возникли из общего источника, что они не имели современного многообразия значений, а последнее развилось из первоначального широкого общего значения, исходит из традиционного положения о недифференцированности имени и глагола и господства именного строя в уральских языках.

Схема развития семантики словообразовательных суффиксов, предложенная К.Е.Майтинской, заслуживает самого пристального внимания и представляется весьма убедительной.

Действительно, в тот период развития уральских языков, когда имя и глагол еще категориально не различались, не могло быть особых именных и глагольных суффиксов и значения их должны были быть недифференцированными, общими. Какие бы нюансы значений суффиксов в то время не существовали (а определить их при современном уровне развития сравнительно-исторической уралистики вряд ли возможно) - все они были подчинены общему значению вы-

---

I Майтинская К.Е. К вопросу о закономерностях развития древнеуральских словообразующих суффиксов. Acta Linguistica, m.XVI, F.1-2, Budapest 1966, стр.93-94.

ражения отношения к чему-либо или сравнения с чем-либо.

С появлением категориального различия имени и глагола семантическая дифференциация словообразовательных суффиксов, естественно, резко возрастает: в первую очередь, семантика именных суффиксов начинает отличаться от семантики глагольных суффиксов, например, суффиксы собирательной множественности начинают выражать многократность действия[I]. Вслед за этим появляются различия в семантике отыменных и отглагольных образований. Здесь уже начинают проявлять себя в полную силу принцип избирательности и взаимодействие семантики производящей основы с семантикой словообразовательного суффикса. Не случайно поэтому Й.Буденц и Й.Синнеи классификацию суффиксов производили, исходя из их семантики, и все словообразовательные суффиксы делили на четыре группы: I) суффиксы для отыменных имен, 2) суффиксы для отглагольных имен, 3) суффиксы для отыменных глаголов и 4) суффиксы для отглагольных глаголов, так как семантика каждой из этих групп суффиксов резко отличается. Сравним, например, значения указанных четырех групп суффиксов в марийском языке. Суффиксы, образующие имена от глагольных основ в современном марийском языке выражают следующие значения: результат действия, орудие действия, само действие и субъект действия. Суффиксам, образующим имена от именных основ присуще выражение подобности чему-либо, обладания чем-либо, отсутствия чего-либо, назначения предмета, отношения к месту и времени, лица по занятию, собирательности, признака, отвлеченного от предмета, неполноты качества, уменьшительности.

I Серебренников Б.А. К проблеме происхождения суффиксов многократного действия в финно-угорских языках. СФУ, № 3, стр.163.

В глагольном словообразовании наблюдается следующая картина: суффиксы, образующие глаголы от глаголов, могут выражать длительность, многократность, однократность, возвратность, уменьшительно-ласкательность, взаимность и понудительность действия; суффиксы же, образующие глаголы от других частей речи, выражают транслативность, фактитивность, инструктивность, инструментативность, привативность, эссивность действия.

Как видно из сравнения, значения всех четырех групп словообразующих суффиксов различны, особенно велики эти различия в именном словообразовании.

В глагольном словообразовании таких резких отличий не наблюдается: здесь можно провести прямую параллель между транслативным и возвратным, фактитивным и понудительным значениями, что указывает на более позднее развитие этих различий.

В именном же словообразовании различие в значениях суффиксов, по-видимому, развилось раньше, чем глагольном словообразовании, т.е. уже в период категориального разделения имени и глагола.

Несмотря на древнюю категориальную различимость имени и глагола, между некоторыми значениями именных и глагольных суффиксов мы можем с полной достоверностью провести параллель и в настоящее время. Так, транслативное значение глагольных суффиксов имеет точку соприкосновения с выражением назначения предмета именных суффиксов или орудийность именных суффиксов вполне сопоставима с инструментативностью глагольных суффиксов, а уменьшительное значение именных суффиксов почти полностью совпадает с уменьшительно-ласкательным значением глагольных суффиксов.

Таким образом, мысль о первоначальном общем источнике как именных, так и глагольных суффиксов в некоторой мере подтверждается также их семантикой.

Современное различие в семантике отыменных и отглагольных образований развилось, по всей вероятности, прежде всего вследствие категориального разделения имени и глагола: присоединение того или иного суффикса к именной основе стало создавать имя или глагол с одним значением, присоединение же его к глагольной основе - с другим. Вследствие этого наиболее резкие различия в значениях наблюдаются, в первую очередь, в отыменных и отглагольных именах. Значение производного имени складывается из взаимодействия двух источников: значения словообразовательного суффикса и реально-вещественного значения исходной основы[I]. Но это не следует понимать так, как будто бы любой суффикс, присоединяясь к непроизводным основам, в зависимости от реально-вещественного значения последних, может создавать бесконечное различие значений. В этом случае необходимо учитывать избирательную способность суффиксов: они могут присоединяться только к той группе лексики, при помощи которой возможно получить производные, выражающие стержневое значение их.

В глагольном словообразовании наблюдается почти подобная же картина, но здесь сама специфика глагола с его переходностью и непереходностью действия создает дополнительное разделение: присоединение к переходным глаголам того или иного суффикса дает одно значение производного глагола, к непереходным - дру-

---

[I] Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М. 1966, стр.8.

гое. Однако избирательность суффиксов действует и здесь. Так, например, в современном марийском языке имеется глаголообразовательный суффикс -едал, при помощи которого образуются глаголы с взаимно-многократным значением: кучедалаш 'бороться' от кучаш 'держать, поймать'; кредалаш 'драться' от кыраш 'бить'; шӱкедалаш 'толкаться' от шӱкаш 'толкать' и т.д. Этот суффикс нельзя присоединить к любому непроизводному глаголу и получить взаимное значение: он присоединяется только к тем глаголам, лексическое значение которых позволяет выражать взаимное значение (см. суффикс -едал).

Подобная избирательность словообразовательных суффиксов, очевидно, была и в древности. Вряд ли возможно множество суффиксов с одинаковыми значениями в современном языке полностью относить на счет древней суффиксальной синонимии: они когда-то, по крайней мере, в период категориального разделения имени и глагола, возможно даже и раньше, семантически различались.

Отсутствие древних письменных памятников весьма затрудняет изучение исторического развития семантики словообразовательных суффиксов. Исследователю приходится довольствоваться лишь имеющимися косвенными данными, которые в какой-то мере позволяют установить, если не относительную хронологию, то хотя бы относительную последовательность развития значений.

В этом отношении для младописьменных языков самую большую помощь могут оказать сравнительные данные родственных языков, особенно тех, которые имеют древние письменные памятники.

x x x

Предлагаемая работа, естественно, не претендует на окончательное решение всех проблем, связанных с исторической грамматикой марийского языка. Она представляет собой попытку обобщения всего того, что уже сказано в финно-угроведческой лингвистической литературе, и поиски новых закономерностей на основе детального изучения обширного языкового материала, большей частью собранного в полевых условиях.

Для большей доступности излагаемого материала в работе использована транскрипция слов на основе существующей графики современных языков, лишь реконструкции даны традиционной финно-угорской транскрипцией. Для обозначения специфических гласных неполного образования, встречающихся в северо-западном наречии и в некоторых других диалектах марийского языка, использованы перевернутые у и ӱ: ъ - гласный неполного образования между у и о, ъ - гласный неполного образования между ӱ и ӧ.

Раздел первый

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное в марийском языке, как и в других финно-угорских языках, изменяется по падежам и числам. В отличие от некоторых финно-угорских языков, марийский не знает формы двойственного числа. Кроме падежных окончаний, имя существительное в марийском языке может принимать притяжательные суффиксы. Для выражения значений падежного порядка имена существительные могут сочетаться с послелогами, которые некогда также были падежными формами имени.

Рассмотрим историю развития каждой категории имени существительного в отдельности.

История склонения

В финно-угорском языкознании существует мнение, что некогда финно-угорский язык-основа знал, кроме именительного падежа, еще 6 падежных форм, каковыми являлись: м -овый винительный /аккузатив/, н -овый родительный /генитив/, н -овый местный /локатив/, т -овый отделительный /аблатив/, к -овый направительный /латив/ и с -овый направительный /латив/[1]. Э.Итконен отрицает лишь с -овый латив[2]. Д.В.Бубрих же признает только три косвенных падежа: локатив -н, латив -к и абла-

[1] Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig 1922, стр.55-61.

[2] Itkonen E. E.Suomalais-ugrilaisen kantakielen äänne-ja muotorakenteesta, Finn olvasókönyv szójegyzékkel, Budapest 1959, стр.207.

тив -т /та/[I].

Б.Коллиндер, который в отличие от предыдущих ученых в круг своих исследований включил и самодийские языки /родство последних с финно-угорскими языками в настоящее время считается вполне доказанным/, дает несколько иную реконструкцию системы падежей финно-угорского языка-основы. По его мнению, финно-угорский праязык, кроме именительного, знал еще следующие падежи: родительный на *-n, винительный на *-m, местный на *-na, -nä, сепаратив на *-ta, -tä, локатив на *-tta, -ttä, который он называет фиксативом или пролативом[2].

Б.А.Серебренников, рассматривая критически все точки зрения относительно падежной системы протоуральского языка и, применяя новую методику реконструкции древнейших форм, приходит к выводу, что уже на более поздних этапах развития протоуральского языка, не говоря уже о протофинно-угорском языке, система падежей включала в себя гораздо большее количество падежей, чем это предполагалось раньше. По его мнению, уральский праязык более позднего времени, кроме именительного, знал следующие падежи: локатив на *-na, -nä, локатив на *-t, латив на *-ka, -kä, -k, латив на *-n', латив на *-s, латив на *-a, латив на *-e, латив на *-i, отложительный на *-ta, родительный на *-n, винительный на *-m[3]. Таким образом, по мнению Б.А.Серебренникова, все

[I] Бубрих Д.В. Древнейшие числовые и падежные формы в финно-угорских языках, Язык и мышление, XI М.-Л., 1948, стр.80 и др. Сравнительная грамматика финно-угорских языков. Ученые записки ЛГУ, Серия востоковедческих наук, вып.2, 1948, стр.55.

[2] Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Upsala 1960, стр.282, 296.

[3] Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.1964, стр.12-72.

указанные падежи должны были существовать в финно-угорском праязыке.

Мы не будем заниматься реконструкцией падежной системы прототуральского языка, так как это не входит в нашу задачу, а ограничимся лишь некоторыми замечаниями относительно системы падежей финно-угорского праязыка и постараемся восстановить систему падежей древнемарийского языка.

Существующее разнообразие количества падежей в современных финно-угорских языках некоторыми исследователями, однако, рассматривается как результат позднего развития этих языков[I]. В современных финно-угорских литературных языках наблюдается следующее количество падежей: в финском - I5, венгерском - 22, саамском - 8, мордовском - II, марийском - 7, коми - I6, мансийском - 6, удмуртском - I5 и т.д.

Марийский язык по количеству современных падежей в системе финно-угорских языков занимает промежуточное положение.

В современном марийском литературном языке общепризнанными являются следующие семь падежей:

I. Именительный: без окончания.

2. Родительный:-н.

3. Дательный: -лан.

4. Винительный: -м.

5. Местный: -ште /-што, -штӧ/.

6. Направительный:-шке /-шко, -шкӧ/.

7. Обстоятельственный: -ш /-еш/.

Отсюда, естественно, возникает вопрос: всегда ли марийский язык занимал подобное положение, была ли характерна такая от-

---

I Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, М.,I953, стр.84.

носительная малочисленность падежных форм для древнемарийского языка?

Определению древней системы марийских падежей до сего времени, кроме одной маленькой статьи члена-корреспондента АН СССР Б.А.Серебренникова[I], специальных работ не посвящалось. Имеются лишь различного рода попутные высказывания в работах по сравнительной грамматике финно-угорских языков или по исторической грамматике отдельных финно-угорских языков. Однако и в этих высказываниях исследователь марийского языка может почерпнуть немало полезного, если его взор на них будет устремлен критически. В истории марийских падежей еще не все окончательно ясно, но имеющиеся данные уже позволяют сделать ряд вполне определенных заключений.

Б.А.Серебренников в своей статье отмечает следующие I2 древнемарийских падежей:

I. **Именительный**: без окончания.

2. Родительный: -н.

3. **Винительный** определенный: -м.

4. Винительный неопределенный: без окончания.

5. Направительный:-ла.

6. Направительный: -ке.

7. Направительный: -н.

8. Направительный: -с /-ш/.

9. Местный: -не.

I0. Исходный: -т /-ч/.

II. Продольный или пролатив: -те /-т/.

I2. Совместный: -ге.

I Серебренников Б.А. О современной и древней системе марийских падежей. Сб. Вопросы марийского языкознания,Йошкар-Ола, 1964, стр.I04-II0.

Точка зрения Б.А.Серебренникова также требует некоторых уточнений и добавлений, ибо некоторые вопросы можно толковать и по-другому. Об этом остановимся ниже.

Для выяснения истории системы падежей древнемарийского языка нам необходимо обратиться, прежде всего, к современным наречным и послеложным формам марийского языка и его диалектов, так как в них-то обычно скрываются древние застывшие падежные формы имен. Найденные подобным образом формы необходимо исследовать сравнительно с формами родственных, в первую очередь, наиболее близкородственных языков.

Наречные и послеложные суффиксы - реликты древних падежей

История наречных и послеложных суффиксов марийского языка также не подвергалась специальному исследованию, но в различных работах по финно-угроведению имеется ряд высказываний, чтобы дать им критическую оценку на основе новейших данных марийской диалектологии и финно-угроведения.

Правильное решение исторических судеб указанных суффиксов позволит наиболее верно оценить и представить древнемарийскую систему падежей, с одной стороны, и решить вопрос о падежах финно-угорского языка-основы, с другой.

Наречия и послелоги как части речи возникли позже имени и глагола. В языковедческой науке давно известно, что наречные и послеложные формы представляют собой в основном былые падежные формы имен. В процессе длительного употребления в определенных конструкциях падежные формы имени теряют свое падежное значение, приобретают различные обстоятельственные функции и

переходят в разряд наречий. Послелоги же возникают вследствие утраты былым именем своего лексического значения и приобретения им служебной функции.

Обычно падежные формы имени превращаются в наречия при сочетании их с глаголом, превращение же падежных форм имени в послелоги как правило происходит при сочетании первых с другими именами.

Превращение падежных форм имени в наречия происходит и в настоящее время. В числе наречий современного марийского языка имеется целый ряд слов соотносительных с современными падежными формами имен. Например: пурлаште 'направо' ср.пурла могыр 'правая сторона', шолаште 'налево' ср. шола могыр 'левая сторона', мӧнгышкӧ 'домой' ср.мӧнгӧ 'домой', тышке 'сюда' ср.ты 'этот', ӱмыреш 'во век' ср.ӱмыр 'век', виеш 'насильно' ср.вий 'сила'. Наряду с этим некоторые наречия и в современном языке могут употребляться, в зависимости от контекста, как в значении наречия, так и в значении послелога. Например: ончылно тул коеш 'впереди виднеется огонек', капка ончылно имне шога 'у ворот стоит лошадь', воктенем шич 'садись рядом со мной', ломбо воктен куэ кушкын 'рядом с черемухой выросла береза'.

В современном марийском языке имеются следующие наречные и послеложные суффиксы, которые когда-то были падежными: -не /-но, -нӧ, -ны, -нӹ/, -ке /-ко, -кӧ, -кы, -кӹ/, -ан /-ӓн/, -ч /-ц/, -н /-ын, -ӹн/, -ла /-лӓ/, -ге, -де, -э, -а. Рассмотрим историю каждого суффикса в отдельности.

Суффикс -не /-но, -нӧ, -ны, -нӹ/

Этот суффикс встречается во всех диалектах, но лишь в нескольких наречиях, образованных от имен существительных и в послелоге дене 'у, с'. По значению наречия с этим суффиксом сходны с формой местного падежа имени существительного, но не идентичны. Если местный падеж главным образом выражает внутриместное значение /инессивное/, то значение указанных наречий связано вообще с идеей места, безотносительно к конкретизации его, т.е. основное значение этих наречий общеместное /локативное/. Например: луг.вост.ӱмбалне 'наверху' от ӱмбал 'верх', умбалне 'далеко' от умбал 'даль', йымалне 'внизу' от йымал 'низ', тывелне 'на этой стороне' от ты вел 'эта сторона', дене 'у, с' ср.деке 'к'; горн.вӹлнӹ 'наверху' ср.вӹлвӓл 'верх', ымбалны 'далеко' от ымбал 'даль', лӹвӓлнӹ 'внизу' от лӹвӓл 'низ', доны 'у, с', ср.докы 'к'; северо-зап.вӱлнӧ 'на поверхности' от вӱл 'поверхность', нӆмӓлне 'внизу' от нӆмӓл 'низ' и т.д. В некоторых говорах лугового и восточного наречий суффикс -не /-но, -нӧ/ сохранил еще свое падежное употребление. Например: тудо Энердӱӈнӧ ила /д.Иванково Пермской обл.запись Галкина И.С./ 'он живет в деревне Иванково' ср.Энердӱӈгӧ каем /там же/ 'еду в дер.Энертюнг', ял мучно ила /д.Пижанка Кировской обл. запись Галкина И.С./ 'он живет на конце деревни' ср.ял мучко кайыш /там же/ 'он ушел на конец деревни'.

По-видимому, уже в древнемарийском языке этот падеж имел более общее значение, чем современный местный падеж на -ште, т.е. он мог выражать как инессивное, так и суперэссивное значение, что мы наблюдаем и сейчас в образованиях с -не /-но, -нӧ/.

Еще М.Кастрен в своей грамматике горного наречия марийского языка в 1845 году совершенно правильно сравнил этот суффикс с финским суффиксом -na /-nä/[1]. Й.Видеман[2] в 1847 году продолжил мысль Кастрена, затем венгерские ученые Й.Буденц[3], Й.Синней[4] на обширном сравнительном материале доказали правильность мысли Кастрена. Этот суффикс по своему происхождению является финно-угорским и представляет собой суффикс древнего финно-угорского общеместного падежа /локатива/. Соответствия ему имеются во всех родственных языках. Например: тӱнӧ 'на воле' ср. тӱгӧ 'на волю', ончылно 'впереди' от ончыл 'перед', шенгелне 'позади' от шенгел'зад, задняя сторона'; фин. kotona 'дома' от koto 'жилище, дом', ulkona 'на воле' ср. ulos 'на волю', kaukana 'далеко' от kauka 'далекий' и т.д.; коми-зыр. керкаын 'в избе' от керка 'изба', кыын 'в руке' от ки 'рука', книгаын 'в книге', мартын 'в марте' и т.д.; удм. заводын 'на заводе', лудын 'в поле' от луд и т.д.; эрзя-морд. кудо алон 'под домом' ср. ало 'нижний', те шкане 'в это время' от те шка 'это время', тельня 'зимой' от теле 'зима'; венг. mezején 'на поле' от mezejé 'поле', ezen a tavaszon 'этой весной' ср. tavasz 'весна'; манс. ӗли 'внизу' от ӗл 'низ', эли 'впереди' от эл ;перед'; хант. к,атнэ 'в избе' от к,ат 'изба' joγəнн 'в речке' от joγəн 'речка'.

Исходя из соответствий в родственных языках, исследователи

---

1 Castrén M. Elementa Grammatices tscheremissae, Kuopio 1845.

2 Wiedemann F. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval 1847.

3 Budenz J. Cseremisz tanulmányók NyK, 111, Rest 1864

4 Szinnyei J. FUSp2 cmp.64. Magyar nyelvhasonlítás 1927, cmp.129.

финно-угорских языков первоначальную форму рассматриваемого суффикса представляют в виде -*na /- nä/[I].

В диалектах современного марийского языка этот суффикс выступает в следующих фонетических вариантах: -не, -но, -нӧ, -ны, -нӹ. Эти формы - плод позднего развития в рамках самого марийского языка. Они возникли вследствие редукции гласного в абсолютном безударном исходе слова и под действием губной /лабиальной/ гармонии гласных. Ср.фин.kota 'шалаш', марийское горн.куды 'дом', луг.кудо 'дом'.

Итак, нет никаких сомнений, что суффикс -не /-но, -нӧ, -ны, -нӹ/ восходит своим происхождением к древнему финно-угорскому суффиксу общеместного падежа /локатива/. В современном марийском языке рассматриваемый суффикс сохранился главным образом в наречиях и послелогах. В системе же падежей его функцию принял на себя вторичный падежный суффикс -ште /-што, -штӧ/ /см.местный падеж/.

Суффикс -ке /-ко, -кӧ, -кы, -кӹ/

Этот суффикс также непродуктивен. Он встречается во всех диалектах главным образом в тех же словах, что и суффикс -не /-но, -нӧ, -ны, -нӹ/. Значение его общенаправительное /латив-ное/. Например: луг.вост.умбаке 'вдаль' ср.диал.умбалке 'то же' от умбал 'даль', ӱмбаке 'наверх' ср.диал. ӱмбалке 'то же' от ӱмбал 'верх', йымаке 'вниз' ср.диал. йымалке 'то же' от йымал 'вниз'; горн.ымбакы 'вдаль, далеко' ср.ымбалны 'вдали', вӹкӹ 'наверх, на верхнюю поверхность' ср. вӹлвӓл 'верх', лӹвӓкӹ 'вниз' от лӹвӓл 'низ', анзыкы 'вперед' от анзыл 'перед,

[I] Itkonen E. Указ.соч.стр.207.

передняя часть'; северо-зап. вӱлкӧ 'наверх' от вӱл /ср.вӱл-вӓл/ 'поверхность и верх', нʌмӓлке 'вниз' от нʌмӓл 'низ', мʌндʌркӧ 'вдаль, далеко' от мʌндʌр 'даль, дальний', анцылкы 'вперед' от анцыл 'перед, передняя часть'.

В кунгурском говоре восточного наречия и в пижанском говоре лугового наречия этот суффикс иногда еще употребляется как падежная форма имени. Например: Энердӱнгӧ кайем./д.Иванково Пермской обл. запись Галкина И.С./ 'еду в деревню Иванково', куэ дӱнгӧ миен /там же/'подошел к стволу березы' ср.куэ тӱн 'комель березы', йал мучко кайыш /д.Пижанка Кировской обл. запись Галкина И.С./ 'ушел на конец деревни' ср.йал мучно ила /там же/ 'живет на конце деревни'.

Данный суффикс, как и предыдущий, очень древний по своему происхождению. Он является суффиксом направительного падежа /латива/ имени времен финно-угорской языковой общности. Соответствия ему имеются в ряде современных финно-угорских языков. Например: мар. пелке 'в сторону' ср. вел 'сторона', ончыко 'вперед' от ончыл 'перед'; фин./диал./alak 'под' от ala 'низ', kotiak 'домой' от koti 'дом'[I] и т.д. Мансийский превратительный падеж: экваг 'стала старухой' от эква 'старуха', нег 'стала старушкой' от не 'женщина'[2]. Эрзя-мордовский переместительный падеж /пролатив/, очевидно, тоже относится сюда же. Например: вирьга 'по лесу' от вирь 'лес', пикска 'по веревке' от пикс 'веревка'.

Направительное значение может дать и пролативное /продоль-

I Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.92-93.

2 Баландин А.Н. и Вахрушева М.П. Мансийский язык, Л.1957,стр.69.

ное/значение. Ср.марийское /диал./: ола мучко коштын эртарышым 'обошел весь город /букв.прошел вдоль города/'. Послелог мучко 'по, вдоль' образован от имени муч обозначавшего конец. /В современном литературном языке мучаш 'конец'/. Ср.мучно 'на конце' /Пижанка, Кировской области/. Йал мучко кайыш /там же/ 'ушел на конец деревни'.

Полагают, что в некоторых финно-угорских языках -к -овый лативный суффикс отпал в конце слова[I].

Суффикс -ан /-ӓн/

Непродуктивный суффикс, встречается в тех же словах, что и предыдущие. Современное значение его местное с оттенком направления до какого-то предела. Например: луг.вост.умбалан 'вдали' от умбал 'даль', ӱмбалан 'наверху' от ӱмбал 'верх', йӹмалан 'внизу' от йӹмал 'низ', пелен 'возле, рядом' от пеле 'половина, сторона'; горн.ымбалан 'далеко, вдали' от ымбал 'даль', вӹлӓн 'наверх, на верхнюю поверхность' ср. вӹлвӓл 'верх, верхний', лӹвӓлӓн 'внизу, вниз, под низ' от лӹвӓл 'низ', анзылан 'впереди' от анзыл 'перед, передняя часть'; северо-зап.тӆшан 'там' от тӆш 'туда', пелен 'возле, рядом' от пеле 'половина, сторона', ӧлвӹлӓн 'на скамейке, на скамейку' от ӧлвӹл 'скамейка', нӆмӓлӓн 'внизу, вниз, под низ' от нӆмӓл 'низ', анцылан 'впереди' от анцыл 'перед, передняя часть'.

Как видно, в северо-западном наречии этот суффикс сохраняет даже падежную функцию. Ср. маре толын тӧркӹжӹ пӆрен, котомкам шуа, нимам агеш ойло, шӱм сӓкен шӹнцӹн ӧлвӹлӓн /д.Лап-

I Szinnyei J. FUSp[2], 67-68. Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.173.

села, Тоншаевского района Горьковской обл.запись Галкина/ 'мариец приходит домой, бросает котомку, ничего не говорит, повесив голову, садится на скамейку.

В некоторых говорах марийского языка /Морки, Ронга/ наречия кушан 'где, куда' и тышан 'здесь, сюда', тушан 'там, туда' имеют форму кужакын 'где, куда', тыжакын 'здесь, сюда', тужакын 'там, туда'. В них мы наблюдаем элемент -к -ового латива /см.стр.10/. В современном марийском языке значение подобных наречий и послелогов полностью сходно со значением обстоятельственного падежа.

По происхождению суффикс -ан без начального гласного восходит к древнему финно-угорскому суффиксу направительного падежа /латива/ с -н'-овым показателем. Й.Синней не находит его в угорских языках[I], поэтому называет его не угорским суффиксом. Но факты говорят обратное. Этот суффикс есть также и в угорских языках. Приведем соответствия из родственных языков. Мар.лишан 'вблизи' ср.лишыл 'близкий', ончылан 'впереди' от ончыл 'перед'; шенгелан 'позади' от шенгел 'зад', манс.колалан 'на крышу' от колала 'крыша', нэн 'женщине' от нэ 'женщина'; ворн 'в лес' от вор 'лес', партын 'на доску' от парт 'доска', классын 'в класс' от класс. В пермских языках имеется приблизительный падеж /аллатив/ с окончанием -лань, который исторически состоит из -ла с внешнеместным значением и -н'-ового латива[2]. Например: коми-зыр.вӧрлань 'в сторону леса' от вӧр 'лес', удм.ньулэслань 'в сторону леса, к лесу' от ньулэс 'лес'. Этот же суффикс -н' сохранился в наречии удм.кыминь

I Szinnyei J. FUSp^2, стр.72.

2 Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л., 1955, стр.171, прим.№ I.

'лицом вниз, ниц' ср. кымос 'лоб'; коми: кымынь 'ничком'. В мордовском языке этот же суффикс представлен в послелоге тень 'к' от те 'это, этот'; кроме того, в мордовском языке суффикс -нь выступает в дательном падеже. Например: монень 'мне' от мон 'я'. В прибалтийско-финских языках суффикс -н выступал в падеже аллатив /направительный 'к'/. Например: фин. pöydälle < pöydälen 'к столу, на стол'. В диалектах и старописьменном финском языке формы на -len были обычными. Ср. pojallen 'сыну' от pojka 'сын'[I].

Материалы родственных языков, а также современное значение суффикса -ан в марийском языке позволяют высказать мнение о том, что первоначально этот падежный суффикс выражал не просто общее направление, а, очевидно, направление к чему-либо, т.е. внешнеприблизительное значение. Не случайно поэтому в большинстве случаев он и сейчас употребляется в формах внешнеместных падежей. В марийском же языке он может употребляться только с внешнеместным значением, сохраняя при этом некоторый оттенок направления. Ср. ончылан 'впереди' от ончыл 'перед', но нельзя сказать ӱстелан 'в столе, в стол', а можно лишь ӱстелеш 'в столе'.

Современное значение с оттенком нахождения /'где'/ развилось из значения приближения /'к'/ под влиянием н-овых местных образований, вроде: шенгелне 'позади', ончылно 'впереди'.

Суффикс -ан, по всей вероятности, в марийском языке сложный. Он состоит из -н'-ового показателя древнего направительного падежа со значением 'куда, по направлению к чему-либо'

I Хакулинен Л. Указ.соч., стр.89.

и гласного - суффикса древнего направительного падежа латива /см.суффикс -а/, который в дальнейшем обобщился и стал восприниматься как неотделимый элемент суффикса -ан. Ср.ӱлан 'внизу', венг.ala 'вниз'.

Направительное значение суффикса -ан очень хорошо сохранилось в слове торан 'далеко' вм.торашке 'далеко', которое употреблено М.Шкетаном в его романе "Эренгер". Например: шке кудвеч деч торан коштын огыл /М.Шкетан, Эренгер, 7/ 'не ходил дальше своего двора', ср.тора 'далекий'.

Суффикс -ч /-ц/

Данный суффикс тоже в современном марийском языке непродуктивен. Встречается он во всех диалектах в тех же словах, что и вышеуказанные суффиксы. Значение его общеисходное /аблативно-элативное/. Например: луг.вост.умбач 'издали' ср.диал. умбалч 'тоже' от умбал 'даль', шенгеч 'сзади' ср.диал.шенгелч 'тоже' от шенгел 'задняя часть', йымач 'снизу' ср.диал. йымалч 'тоже' от йымал 'низ', тывеч 'с этой стороны' ср.тывек 'сюда, в эту сторону'.

В горном и северо-западном наречиях, а также в йошкар-олинском говоре лугового наречия рассматриваемый суффикс имеет другой вариант, а именно: -ц. Например: горн.вӹлец 'сверху' ср.вӹлвӓл 'верх, верхний', лӹвӓц 'снизу' от лӹвӓл 'низ, нижний', кӱшӹц 'сверху' ср.кӱшкӹ 'вверх, наверх', тӹвец 'отсюда' от тӹвел 'эта сторона', тишец 'отсюда' ср.тишкы 'сюда' и т.д. Северо-зап. кывец 'откуда' ср.кывелны 'где, на какой стороне', шайылц 'сзади' от шайыл 'зад, задняя сторона'; йошкар.олинск.кӱшыц 'сверху' ср.кӱшкӧ 'наверх', ӱлыц 'снизу' ср.ӱлыкӧ 'вниз', шенгец 'сзади' от шенгел 'зад, задняя часть'.

Необходимо отметить, что суффикс -ч /-ц/ во всех современных марийских наречиях может выступать и в осложненном виде -чын /-цын/. Например: луг.вост.умбачын 'издалека' от умбал 'даль', шенгечын 'сзади' от шенгел 'зад, задняя часть', мӱндырчын 'издалека' от мӱндыр 'даль, дальний', кӱшычын 'сверху' ср.кӱшкӧ 'вверх, наверх' и т.д.; горн. лӹвӓцӹн 'снизу' от лӹвӓл 'низ', кӱшӹцӹн 'сверху' ср.кӱшкӹ 'вверх, наверх', анзыцын 'спереди' от анзыл 'перед, передняя часть', северо-запад.шайылцын 'сзади' от шайыл 'зад, задняя сторона', терцын 'из дому' ср.терке 'домой', нʌмӓлцӹн 'снизу' от нʌмӓл 'низ' и т.д.

Происхождение данного суффикса на первый взгляд весьма затуманено. В родственных языках суффикса с исходным или отделительным значением на согласный -ч нет. Однако установлено, что в древности в финно-угорском языке основе был падеж аблатив /отделительный/ с -т -овым суффиксом[I]. Подобный суффикс представлен во многих финно-угорских языках. Так, например, в финском языке имеется падеж аблатив с суффиксом -ltta /-ltä/, где -l представляет собой другой падежный суффикс имен: pöydältä 'со стола' от pöytä 'стол', luota 'от' ср. luona 'у, возле', siitä 'отсюда', kotoa < *kotoδa 'из дома'. В удмуртском языке имеется исходный падеж со сложным суффиксом -сьт, где последний компонент также является древним аблативным суффиксом. Ср.лудысьтым 'с моего поля' от луд 'поле'. Этот же суффикс встречается в послелоге мысьти, мысьт 'после', ср. марийское деч вара 'после'.

I Szinnyei J. Указ.соч., стр.65. Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В. Историческая морфология финского языка, примеч. № 8.

В мордовском языке древний аблативный элемент -т также сохранился в современном элативе /исходного изнутри/. Например: кудосто 'из дома' от кудо 'дом', модасто 'из земли' от мода 'земля' и т.д.

В марийском же языке древний финно-угорский аблативный суффикс -т /-та/ в определенных фонетических условиях превратился в -ч. Например: ӱмбач /диал.ӱмбалч/ 'сверху' от ӱмбал 'верх', мӱндырч 'издалека' от мӱндыр 'далекий' и т.д. Переход согласного -т через его смягчение после переднерядного гласного в -ч, а в цокающих говорах в -ц в марийском языке - явление вполне закономерное. Ср.чӱчӱч йошк.-ол.цӱцӱц 'дядя твой' от чӱчӱ йошк.-ол.цӱцӱ 'дядя', но ачат йошк.-ол.ата́т 'отец твой' от ача йошк.-ол.ата́ 'отец'. Переход былого -т в -ч в некоторых говорах /Параньгинский район Марийской АССР/ возможен даже после гласных смешанного ряда. Например: тылач 'тебе' ср.тылат 'тебе'.

Б.А.Серебренников полагает, что суффикс -с̌ развился из более древнего -*ti. По его мнению, в данном случае произошло соединение локатива на -*t и латива на -*i, что дало в конечном счете аблативное значение[I]. Однако переход -т в -ч в марийском языке происходил не только перед -и, но чаще всего после -и и -с, ср.тольыч < *толит 'ты пришел', эргыч <эргет 'твой сын', шӧрмыч, коми сермӧт <*сермет 'узда'. Следов былого наличия гласного -и после аблативного -т нами не обнаружено.

Иногда древний суффикс -т сохраняется даже после гласного переднего ряда, например, в слове тылетла 'больше'. Это слово морфологически распадается на следующие морфемы: ты- 'это' +

I Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М.1964, стр.38-39.

лет - суффикс отделительного падежа + ла суффикс наречия /см. стр.21/. /О происхождении суффикса -леч / < лет/ /см.ниже/. Таким образом, нет никаких сомнений, что суффикс -ч возник из древнего аблативного суффикса -т /-та/. Что же касается происхождения сложного варианта рассматриваемого суффикса:-чын /-цын/, то он, очевидно, развился по аналогии с -н -овыми латывными образованиями, как: кужакын 'где, куда', тыжакын 'здесь, сюда' и т.д. /см.стр.11/.

Перечисленные выше суффиксы выступают не только в наречиях, но и в послелогах. Например: воктене 'около', воктеке 'к', воктеч 'от', дене 'у, при', деке 'к', деч 'от', деран 'у, при'. В послелогах они сохраняют те же значения, что и в наречиях.

Кроме указанных суффиксов, встречающихся как в наречиях, так и послелогах, в марийском языке имеются суффиксы,образующие только наречия.

Суффикс -н /-ын, -ӹн/

Этот суффикс образует в основном наречия образа действия от различных частей речи. Значение его главным образом инструктивное. В современном марийском языке он является наиболее продуктивным суффиксом наречий. Например: луг.вост.шырпын 'вдребезги' от шырпе 'заноза', писын 'быстро' от писе 'быстрый', шуэн 'редко' от шуэ 'редкий'; горн.пӹсӹн 'быстро' от пӹсӹ 'быстрый', шоэн 'редко' от шоэ 'редкий', яжон 'хорошо' от яжо 'хороший', вӹцкӹжӹн 'тонко' от вӹцкӹж 'тонкий'; северо-зап.пӹсӹн 'быстро' от пӹсӹ 'быстрый', шуэн 'редко' от шуэ 'редкий', лелӹн 'тяжело' от леле 'тяжелый' и т.д. От слов, обозначающих временные понятия: дни недели, год, названия ме-

сящев, суффикс -н /-ын/ образует наречия времени, например: луг.вост. кугарнян, горн.когарнян 'в пятницу' от луг.вост.кугарня, горн.когарня 'пятница', луг.вост.эртыше тылзын 'в прошлый месяц' от эртыше тылзе 'прошлый месяц', каныме кечын 'в день отдыха' от каныме кече 'день отдыха', горн.канымы кецын 'в день отдыха' от канымы кецы 'день отдыха'.

При присоединении суффикса -н /-ын/ к основам, выражающим количество, образуются наречия, выражающие совместное значение. Например: луг.,вост.,горн.,северо-зап. коктын 'вдвоем' от луг.,вост. кокыт , горн.,северо-зап.кокты 'два', луг.вост. кумытын, горн.кымытын 'втроем' от луг.вост.кумыт', горн.кымыт 'три', луг.,вост.,горн.,северо-зап. шукын 'много /совместно/' от луг.,вост.шуко, горн.,северо-зап.шукы 'много'.

Исторически рассматриваемый суффикс Э.Беке считает финно-угорским суффиксом общеместного падежа /локатива/ и связывает его происхождение с суффиксом родительного падежа /генитива/[I]. М.Веске называет его суффиксом падежа модалис /падеж, показывающий способ действия/[2].

В современных финно-угорских языках н -овый суффикс широко распространен как в наречиях, так и в системе падежей и по значению во многом совпадает с наречным суффиксом марийского языка. Например: эрзя-морд.кавтонь-кавтонь 'по-двое', ср.кавто 'два'[3], удм.пыдын 'пешком' от пыд 'нога', лушкемен ,тайно'

I Beke Ö. Cseremisz nyelvtan, Budapest 1911, стр.221.

2 Weske M. Untersuchungen zur Vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes, Leipzig 1873, стр.80.

3 Бубрих Д.В. Эрзя-мордовская грамматика-минимум, Саранск, 1947, стр.46.

от лушкем 'секретный', коми-зыр. ӧткӧн 'одиноко, в одиночку' от ӧтик 'один', бурӧн 'добром' от бур 'доброта', котӧрӧн 'бегом' от котӧр 'бег'. В коми и удмуртском языках суффикс -он, -ен, -ын считают суффиксом творительного падежа, возникшим из н-ового местного падежа /локатива/[I], фин.kahden 'вдвоем' от kahte- 'два', hyvin 'хорошо' от hyvä 'хороший', венг.kétten 'вдвоем' от kettö 'два', hárman 'трое, втроем' от harom 'три', szépen 'красиво' от szép 'красивый'.

В настоящее время ряд финно-угроведов придерживается того мнения, что уже в финно-угорском языке-основе существовал особый падеж инструктив с н-овым суффиксом[2], но некоторые выводят его из древнего н-ового локатива[3]. Таким образом, в вопросе о происхождении рассматриваемого суффикса нет единого мнения. Разрешение этого вопроса осложняется еще и тем, что подобный суффикс имеется в тюркских языках. В них он, за исключением чувашского языка, довольно редко употребительный и выступает только с временным значением. Например: суффикс -/и/н, -/у/н в узбекском языке, который исторически восходит к суффиксу инструментального или инструктивного падежа: эрта-н 'завтра, завтра утром' от эрта 'рано', кеч-ин 'вечером' от кеч 'вечер'[4], суффикс -ын, -ен в башкирском языке, восходящий

I Современный коми язык, ч.I, Сыктывкар, I955, стр.I43-I44.

2 Ravila P. Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie, FUF, 23, Helsinki 1935, стр.47.

3 Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л.I955, стр.I4-I5. Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха ИМФЯ, стр.I7I. Майтинская К.Е. Развитие системы падежей в венгерском языке, Рукопись докт.диссерт., М. I950,стр.3I5. Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М.I964, стр.I4.

4 Кононов А.Н.Грамматика современного узбекского литературного языка, М.-Л. I960, стр.287.

к архаичному творительному падежу: кыш-ын 'зимой', яз-ын 'весной'[I]. Такой же суффикс с тем же значением и в тех же словах выступает и в турецком языке. Например: yazin 'летом' от yaz 'лето', kişin 'зимой' от kiş 'зима'[2].

В чувашском языке подобный суффикс -ăн /-ĕн/, также восходящий к суффиксу древнего инструментального падежа, является весьма продуктивным[3] и по значению почти полностью совпадает с марийским суффиксом -н /-ын/. Например: пĕрчĕн 'по зернышку' от пĕрчĕ 'зерно', с,ураăн 'пешком' ср.др.тюрк.ядагын 'пешком' от ядаг 'пеший', ăшшăн 'тепло' от ăшă 'теплый', хаярăн 'сердито' от хаяр 'сердитый', иккĕн 'вдвоем' от иккĕ 'два', вуннăн 'десятеро' от вун 'десять', килнĕн 'кажется, что пришел', килессĕн 'кажется, что придет' от кил 'приходить'.

Исходя из чувашских примеров, можно бы прийти к тому заключению, что в марийском языке наречный суффикс -н /-ын/ тюркского происхождения, по крайней мере, чувашского. Однако спешить с выводом нет необходимости, так как в современных финно-угорских языках, как мы видели, -н -овый суффикс распространен гораздо шире, нежели в тюркских. По всей очевидности, наречный суффикс -н /-ын/ в современном марийском языке является прямым продолжением финно-угорского инструктива. Былое наличие в тюркских языках н -ового инструктива[4], который во многих из

I Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка, М.-Л. 1948, стр.115.

2 Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка, Л. 1934, стр.162.

3 Материалы по грамматике современного чувашского языка, ч.I, Чебоксары, 1957, стр.278.

4 Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр.49.

них сохраннлся лишь в единичных наречиях времени, помогло под влиянием древнемарийского н-ового инструктива /комитатива/ расширить в чувашском языке его употребление. Мы не будем судить о более древних корнях этого н-ового суффикса, хотя поразительное сходство в тюркских и финно-угорских языках могло бы натолкнуть на мысль о единстве их происхождения, но не исключено также и самостоятельное развитие в той и другой языковой группах.

Оказавшись в конце слова и почти совпадая по звучанию с генитивом, в дальнейшем древний инструктивный суффикс стал неразличим по форме с генитивным. Считать суффикс -н /-ын/ по происхождению только локативным, тем более генитивным, вряд ли возможно. По крайней мере в древнемарийское время, возможно даже и в домарийское, суффикс -н /-ын/ был суффиксом самостоятельного падежа инструктива с комитативным оттенком значения. Временное значение вполне могло развиться из инструктивного, что мы наблюдаем, например, в тюркских языках /см.выше/.

Кроме того, в разряд н-овых наречий вошли также и локативные формы, утратившие на конце гласный суффикса. Однако такое явление охватило не все локативные формы, ибо локативный суффикс -не /-но, -нӧ/ в современном марийском языке последовательно сохраннлся во всех диалектах /см.стр. ? /.

Таким образом, в н-овых наречиях марийского языка представлены н-овые инструктивные и локативные формы.

Суффикс -ла

Также продуктивный суффикс современного марийского языка. При помощи его образуются наречия от различных частей речи.

Основное его значение сравнительное /компаративное/. Например: луг.вост.маскала 'по-медвежьи' от маска 'медведь', рушла 'по-русски' от руш 'русский', марла 'по-марийский' от марий 'мариец', ушанла 'по-умному' от ушан 'умный', тенданла 'по-вашему' от тендан 'ваш'; горн.рушла 'по-русски' от руш 'русский', марла 'по-марийски' от мары 'мариец', моренла 'по-заячьи' от морен 'заяц', когола 'по-большому' от кого 'большой', нӹнӹла 'по-ихнему' от нӹнӹ 'они' и т.д. Северо-зап.рушла 'по-русски' от руш 'русский', марла 'по-марийски' от маре 'мариец', мӧренлӓ 'по-заячьи' от мӧрен 'заяц', йӱкшлӓ 'по-лебединому' от йӱкш 'лебедь', нʌнʌлӓ 'по-ихнему' от нʌнʌ 'они' и т.д.

В яранском говоре северо-западного наречия этот суффикс до сего времени не утратил своего падежного значения, поэтому Г.Тужаров вслед за Вихманом относит его к суффиксу сравнительного падежа: Йогорла лыштӓ 'делает как Егор', оксала нӓлӓм 'за деньги возьму' и т.д.[I].

Этот суффикс может присоединяться даже к самим наречиям, выражающим направительное значение. При этом он выражает неопределенность направления. Например: кӱшкыла 'по направлению вверх' от кӱшкӧ 'вверх', ончыкыла 'по направлению вперед' от ончыко 'вперед' и т.д. Таким же образом суффикс -ла присоединяется к форме направительного падежа имен и выражает также неопределенность направления. Например: чодрашкыла 'по направлению к лесу' от чодрашке 'в лес', олашкыла 'по направлению к городу' от олашке 'в город', пасушкыла 'по направлению к полю' от пасушко 'в поле' и т.д.

I Тужаров Г. Яранский говор марийского языка /морфологическая характеристика/, автореферат канд.диссерт. Тарту, 1966, стр.6.

Однако присоединение данного суффикса к форме направительного падежа имен возможно не всегда, а лишь в том случае, когда форма направительного падежа образована от имен существительных, обозначающих пространственно широкие понятия, и выражает она внешне-направительное значение. Так, например, нельзя сказать пӧртышкыла 'в дом', а можно лишь пӧрт могырышкыла, пӧрт декыла 'в сторону дома'. Таким образом, когда направительный падеж выражает внутренне-направительное /иллативное/ значение, то присоединение к нему суффикса -ла невозможно.

Происхождение этого суффикса на первый взгляд также весьма сложно объяснимо, так как подобный суффикс имеется и в чувашском с тем же значением. Например: кашкăрла 'по-волчьи' от кашкăр 'волк', упалла 'по-медвежьи' от упал 'медведь', кайăкла 'по-птичьи' от кайăк 'птица', пахчаналла 'по направлению к саду' от пахча 'сад', ялалла 'по направлению к деревне', футболла выля 'играть в футбол'. Исходя из этого, М.Федотов относит его к чувашским заимствованиям в марийском языке[I].

Однако в других тюркских языках подобного суффикса нет. Поэтому вполне убедительно мнение Ю.Вихмана о том, что чувашский язык заимствовал этот суффикс из марийского языка[2], а еще вернее, считать его древнемарийским субстратом в чувашском языке. Вихман сравнивает его с коми-зырянским конзекутивом: вала мунны 'за водой идти' и первоначальным его значением считает направительное: в каком направлении?

В современных финно-угорских языках имеются соответствия

I Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перьми, Чебоксары, 1965, стр.40.

2 Wichmann Y. Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre, SUSA, XXX, 6, Helsinki 1913-1918, стр.19.

этому суффиксу, вплоть до угорских, в основном с направительным значением. Например: коми: вала 'за водой' от ва 'вода', песла 'за дровами' от пес 'дрова'; удм. пилы 'парню' от пи 'парень, молодой человек'; фин.rannalle 'к берегу' от ranta 'берег', metsälle 'к лесу' от metsä 'лес', эст.metsale 'к лесу' от metsa 'лес', kohale 'к месту' от koht 'место'; манс.тыгле 'сюда' от ти 'это', тувле 'туда' от та 'то'; венг.magyarul 'по-венгерски' от magyar 'венгр'.

Исходя из соответствий в родственных языках, с уверенностью можно полагать, что первоначальное значение суффикса было общенаправительное. Направительное значение рассматриваемого суффикса в современном марийском языке очень слабо прослеживается в наречиях - застывших формах направительного падежа или же в присоединении его к самой форме направительного падежа. Но в некоторых словах прежнее значение довольно четко проявляется. Например: унала 'в гости' от уна 'гость', ср.диал. уналыкеш 'в гости', где уна 'гость' + лык - суффикс имени существительного /сайлык 'качество' от сай 'хороший'/ + еш - суффикс обстоятельственного падежа. /Историю обстоятельственного падежа см.ниже/.

Таким образом, древнее направительное значение суффикса -ла вполне очевидно, но неясно, как появилось сравнительное значение. Материалы других языков показывают, что из направительного значения может развиться сравнительное значение. Например, в прибалтийско-финских языках в значении по-марийски, по-русски употребляется форма падежа транслатива /превратительного падежа/, который первоначально также был направительным

падежом[I]: venäjäksi 'по-русски' от venäjä 'русский', suomeksi 'по-фински' от suomeksi 'финский'. Очевидно, в древности марийские слова марла ойлаш 'говорить по-марийски', чувашла ойлаш 'говорить по-чувашски' значили 'говорить в марийца, в чуваша', затем это значение стало пониматься как 'говорить на подобие марийца, чуваша', маскала коеш 'кажется медведем' должно было означать 'похож на медведя'. Подобное значение дало современное значение 'по-медвежьи, по-русски' и т.д. Ср.горн. суасла мары 'чуваш' букв.'мариец по-татарски'. Как видно, в зависимости от последующего глагола значение наречия с суффиксом -ла несколько меняется. Очевидно, в изменении значения суффикса -ла сыграло известную роль и глагольное управление. Первоначальное значение суффикса -ла было связано с идеей общего внешнего направления, о чем довольно убедительно свидетельствует невозможность присоединения его к форме направительного падежа с иллативным значением /см. стр.23/ и наличие соответствий в родственных языках с внешнеместным значением. Таким образом, можно полагать, что рассматриваемый суффикс восходит к древнему финно-угорскому общевнешне-направительному падежу с -л -овым элементом, о чем справедливы замечания М.Ф.Дружининой и Б.А.Серебренникова[2]. Первоначальная форма древнего падежного суффикса была: -*la /-le/. В последнее время Б.А.Серебренников пришел к заключению, что гипотеза о словообразовательном характере элемента -l суффикса -la верна, хотя рань-

---

I Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.87.

2 Дружинина М.Ф. Пространственно-местные падежи в марийском языке, канд.диссерт.М. 1951, стр.104. Серебренников Б.А. Два спорных вопроса сравнительной грамматики финно-угорских языков. Вопросы языкознания, № 4, 1959, стр.81.

ше он его называл суперэссивным суффиксом[I]. По его мнению, лативное значение суффикс -1а получил лишь вследствие присоединения к нему древнеуральского лативного суффикса -а[2]. Вполне возможно, что в древнеуральское время суффикс -1 не входил в систему падежей, но для финно-угорского периода не включать его в систему лативов вряд ли возможно, т.к. материалы родственных языков указывают уже на лативный суффикс *-1а /-1е/. В древнемарийском же языке этот суффикс непременно был падежным.

Суффикс -ге

Этот суффикс в современном марийском языке встречается во всех диалектах, но малопродуктивен. Он образует наречия от различных частей речи со значением совместности. Например: луг. вост. кидге-йолге 'с руками и ногами' от кид-йол 'руки-ноги', вожге 'с корнем' от вож 'корень', ушо ешге 'всей семьей' от ушо еш 'вся семья', шемыге-ошыге 'вместе с черным и белым' от шеме 'черный' ошо 'белый'; горн. кидге-ялге 'с руками и ногами' от кид-ял 'руки-ноги', изиге-когоге 'и малого и большого' от изи 'маленький', кого 'большой', вуйге-ялге 'целиком' /букв. с головой и с ногами/ от вуй 'голова', ял 'нога', шкежыге 'вместе с самим' от шке 'сам', шимыге 'вместе с черным' от шимы 'черный' и т.д.; северо-зап. вуйге-пацке 'целиком' /букв. вместе с головой и с хвостом/ от вуй 'голова', пац 'хвост', важге 'с корнем' от важ 'корень', китге-ялге 'с руками и ногами' от кит 'рука', ял 'ноги', шимыге 'вместе с черным' от

[I] Серебренников Б.А. ИМПЯ, стр.47 и др.

[2] Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.56.

шиме "черный" и т.д.

В некоторых наречиях, образованных от указательных местоимений, значение совместности стерлось. Например: тыге "этак" от ты "этот", туге "так" от ту "тот".

Суффикс -ге не находит прямых соответствий ни в финно-угорских, ни в тюркских языках. Правда, в эстонском языке имеется падеж kaasaütlev (komitativ ,сопроводительный / с суффиксом -ga /-га/. Ср. peaga "с головой", но происхождение его связывают с послелогом kaasa < *kanssa "вместо"[1]. В коми языке есть соединительный падеж /комитатив/ с суффиксом кӧд, который считается сложным суффиксом, состоящим из ке и т[2]. Если это так, то можно полагать, что элемент-ке суффикса -кӧд имеет общее происхождение с суффиксом -ге. Таким образом, суффикс -ге с совместным значением нужно признать по происхождению волжско-пермским, не восходящим к финно-угорской языковой общности. Поразительное сходство с этим явлением имеется в эрзя-мордовском языке, где существует сопроводительная форма на-нек /-нэк/. Ср. кудонек "с домом" от кудо "дом". Этот суффикс, по мнению Д.В. Бубриха, в мордовском языке сложный. Последний-к-овый элемент, как полагает Бубрих,является присоединяющей частицей[3]. Ср. кемзисемге "семнадцать" букв. "десять с семью", кемгафтува "двенадцать", букв. "десять с двумя", где ва из га, ср. больше-игнатовский кэмзисмэвэ "семнадцать"[4].

---

1 Toiyonen Y. Suomen kielen Etyumologinen sanakirja, 1, Helsinki, 1955, стр.157.

2 Серебренников Б.А. ИМПЯ, стр. 84.

3. Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск, 1953, стр. 54.

4. Давыдов М. Больше-игнатовский диалект эрзя-мордовского языка. Очерки мордовских диалектов, Т.П, Саранск 1963, стр. 176.

Вполне возможно, что Бубрих прав. Но все же вряд ли этот суффикс был в волжское время присоединяющей частицей. Это был уже самостоятельный суффикс, который в волжское время начал входить в состав склонения имен, т.е. становился суффиксом падежа.

Таким образом, первоначальная присоединяющая частица превратилась в падежный суффикс. В марийском языке слова с суффиксом -ге не утратили связи с системой падежей имен и в настоящее время. Не случайно поэтому Г.Тужаров в яранском говоре выделяет особый совместный падеж с суффиксом -ге[I].

Суффикс -де

При помощи данного суффикса образуются главным образом наречия от имен существительных. Значение его лишительное /абессивное/. Например: луг.озаде 'без хозяина' от оза 'хозяин', ушде 'без шапки' от уш 'шапка', пашаде 'без работы' от паша 'работа'; вост.ойзáде 'без хозяина' от ойзá 'хозяин', уште 'без шапки' от уш 'шапка', пашаде 'без работы' от паша 'работа', оксáде 'без денег' от оксá 'деньги'; горн.хозаде 'без хозяина' от хоза 'хозяин', уште 'без шапки' от уш 'шапка', пäшäде 'без работы' от пäшä 'работа', оксаде 'без денег' от окса 'деньги'; северо-зап.китте 'без рук' от кит 'рука', уште 'без шапки' от уш 'шапка', пäшäде 'без работы' от пäшä 'работа' и т.д.

В современном марийском литературном языке этот суффикс малопродуктивен: взамен его чаще всего употребляется сочета-

[I] Тужаров Г. Яранский говор марийского языка /морфологическая характеристика/, автореферат канд.диссертации, Тарту, 1966, стр.6.

ние имени со сложным послелогом деч посна с тем же значением.

В горном, северо-западном и восточном наречиях суффикс -де сохраняет свою продуктивность до сих пор.

В яранском говоре северо-западного наречия, как указывает Г.Тужаров, он и сейчас образует лишительный падеж. Ср. оксаде йлӓш ак ли 'без денег жить нельзя', изилӓн ӓвӓде йлӓш пеш лелӹ 'ребенку очень трудно жить без матери', йзӓм пурла йалде кодын 'брат остался без правой ноги'[I].

Относительно происхождения суффикса -де мнение давно установилось. Все финно-угроведы считают его древним финно-угорским суффиксом имен прилагательных с отрицательным /каритивным/ значением[2]. Этот отрицательный суффикс в прибалтийско-финских языках вошел в систему склонения и образовал падеж абессив /лишительный/, который имел первоначальную форму на - ttak /-ttäk/. Ср. rahatta 'без денег' от raha 'деньги', kädettä 'без руки' от käte 'рука'[3].

Соответствия указанному суффиксу имеются во всех финно-угорских языках с тем же значением, но не в системе склонения, исключая прибалтийско-финские языки, а в отрицательных прилагательных и причастиях, осложненных другими суффиксами. Например: фин. kädetön 'безрукий', kädettä 'без руки' /абессив/, voimaton 'бессильный' от voima 'сила'. Саам.: čalmēhtpmē 'безглазый' от čalme 'глаз'; морд.: салвтомо 'бессолый' от сал 'соль', манс.: нялмтал 'безязычный' от нялм 'язык', венг.

I Тужаров Г. Яранский говор марийского языка /морфологическая характеристика/, автореферат канд.диссерт. Тарту 1966, стр.5-6.

2 Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.90.

3 Хакулинен Л. Указ.соч., стр.90. Szinnyei J., указ.соч.стр.107.

ästäläп 'безрассудный' от äs 'ум' /см. FUSp^{2} - 104/, удм. кышнотек 'без жены' от кышно 'жена', аймамтог 'без родителей' от ай-мам 'родители', пиньтем 'беззубый' от пинь 'зуб'; коми: пиньтӧм 'беззубый' от пинь 'зуб'.

В марийском языке этот каритивный суффикс распространен очень широко как в именах, так и в глаголе. Ср.луг. китде 'без руки', йолде 'без ноги', толде 'не придя', кайде 'не уходя'; горн.китде 'без руки', ялде 'без ноги', толте 'не приходя', кеде 'не уходя'; северо-зап.лӱтте 'не боясь', оксаде 'без денег' и т.д. /см.также причастия, деепричастия/. Полагают, что первоначально суффикс имел форму - *tt[I]. Как падежный суффикс он стал употребляться, очевидно, уже в прибалтийско-финско-пермско-волжское время. Об этом свидетельствует наличие абессива в прибалтийско-финских, мордовских, а также в пермских языках. В этих языках абессив /лишительный падеж/ оканчивается или оканчивался на -т + гласный + -к /-г/. /См. примеры выше/. Исключение составляет мордовский язык, где абессив совпадает с отрицательным прилагательным. Несмотря на это, есть основания полагать, что в древнемарийском языке лишительный падеж существовал и имел, очевидно, сходную форму с абессивом прибалтийско-финских и пермских языков. О былом существовании лишительного падежа говорят диалектные факты: Шурминск. тудо мӱшкырте маитла 'он мучается животом'; горномарийское: тӹды оксаде кодын 'он остался без денег'; северо-зап. йалде кодын 'остался без ноги'.

Суффикс -де в своей падежной функции более четко сохранился в горном и восточном наречиях марийского языка. В луговом

[I] Хакулинен Л. Указ.соч.стр.90. Szinnyei J., указ.соч.стр.107.

же наречии марийского языка его вытеснила послеложная конструкция: деч посна "без", в котором посна "без" является чувашским заимствованием. Ср. чув. пусна "без". Былая форма-тек /-дек/ под влиянием послелога деке "к" превратилась в -де / -те/.

Суффикс -е

Рассматриваемый суффикс встречается в наречиях, образованных от количественных имен числительных до семи, исключая один и некоторых других. Например: луг., вост. коктыте, кокыте "надвое" от коктыт "два", кумыте "натрое" от кумыт "три", нылыте "вчетверо" от нылыт "четыре", визыте "впятеро" от визыт "опять" и т.д. вере "на место" от вер "место".

Таким образом, суффикс -е в луговом наречии присоединяется к числительным, оканчивающимся на согласный -т и к существительному вер "место". Значение суффикса, как видно из примеров, предельное, т.е. делить до определенного количества или направительное. В горном наречии этот суффикс нами обнаружен только в одном слове вӹре "на место, на месте" от вӹр "место". Например: кок пандым кок вӹре пиштӹ /запись Галкина И.С./ "две палки положи на два места".

Вместо наречий, образованных от числительных до семи с суффиксом -е, в горном наречии употребляется форма обстоятельственного падежа, которая может быть образована от любого числительного. Например: коктеш "надвое" от кокты "два", кымытеш "натрое" от кымыт "три, нӹлӹтеш "вчетверо" от нӹлӹт "четыре", вӹзӹтеш "впятеро" от вӹзӹт "пять", кӹндӹкшеш "ввосьмеро" от кӹндӹкш "восемь и т.д.

В восточном наречии, в дополнение к указанным примерам, встречаются еще и другие: веле " к стороне" от вел "сторона",

тупе-ваше 'спина к спине' от туп 'спина', ваш 'напротив', тупе-тупе 'спина к спине' от туп 'спина', ӱпе-ваше 'волосы к волосам' от ӱп 'волосы', ваш 'напротив', ср. тупе-тупе малена /д.Васькино, Пермской обл. запись Галкина/.'спим спина к спине', шогалтыл шынден пӱнджӧлӓк веле /д.Кинерь, Малмыжск.р-н, Киров.обл. Запись автора/ 'расставил к соснам'.

Происхождение рассматриваемого суффикса в марийском языке считается неясным[1]. Из родственных языков этому суффиксу прямое соответствие имеется в венгерском языке. Например: mellé 'к' /на вопрос 'куда?'/ от mell 'грудь' /fele 'в сторону' от fel 'сторона'/. В удмуртском языке, очевидно, этот же суффикс представлен в послелоге дуре 'к' /на вопрос 'куда?'/ от дур 'край'. Ср.ярдуре уяса мыныны 'плыть к берегу'. Море дурын 'у моря', гурте 'домой'. По всей вероятности, к этому же суффиксу восходит гласный -и в мокша-мордовском послелоге пяли 'к' /на вопрос 'куда?'/ от пяле 'половина'. Ср. ош пяли 'по направлению к городу'. В коми языке имеется вступительный падеж с суффиксом -ӧ, например: керкаӧ 'в избу' от керка 'изба', ваӧ 'в воду' от ва 'вода', ср.древнепермск.айэ 'в отца', быдкутысэ 'в вседержителя'[2], который также, по всей очевидности, одного происхождения с марийским суффиксом -э.

Исходя из соответствий в родственных языках, можно заключить, что суффикс -э в марийском языке является весьма древним по своему происхождению. Он существовал уже в финно-угорское время, но сохранился не во всех языках. Первоначальное

---

[1] Beke Ö. Cseremisz nyelvtan, Budapest 1911, стр.193.

[2] Лыткин В.И. Древнепермский язык, М. 1952, стр.104.

значение его было направительное /лативное/. Этот же суффикс представлен в суффиксе обстоятельственного падежа -ешь. /См. обстоятельственный падеж/. В.И.Лыткин для пермских языков суффикс -э /-ӧ/ считает гласным основы[I]. Б.А.Серебренников же в пермских языках находит два разных суффикса с направительным значением: -i с аллативным /внешненаправительным/ значением ср.kit'sʼi 'куда', и -е /- / с иллативным /внутренненаправительным/ значением, ср.удм.гуртэ 'домой'[2].

По-видимому и в пермских языках в древности был подобный суффикс с направительным значением, который имел два фонетических варианта.

Суффикс -а

Этот суффикс встречается лишь в нескольких наречиях образа действия. Значение суффикса, главным образом, инструктивное. Например: луг.нылйола 'на четвереньках' от ныл йол 'четыре ноги', ӱдыр вуя 'девушкой' от ӱдыр вуй 'девичья голова', кид-шӱма 'наощупь, осязанием рук' от кид шӱм 'осязание рук'.

В восточном наречии этот суффикс нами обнаружен только в малмыжском говоре, например: унджул вуя 'вниз головой' ср. вуй 'голова', горн.нӓлъяла 'на четвереньках' от нӓл ял 'четыре ноги', вуя 'головой' от вуй 'голова', коккидӓ 'в две руки' от кок кид 'две руки', вес велӓ сӓрӓл ,поверни на другую сторону', другой стороной' от вес вел 'другая сторона', шкет вуя ӓлӓш йасы /поговорка/ 'одной /букв.одной головой/ жить тяжело.

I С Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В. Историческая морфология финского языка,М.-Л.1955, стр.173, примечание № 4.

2 Серебренников Б.А. Ungeklärte Fragen der Geschichte der permischen Sprachen, Acta Linguistica, m.XI, F.1-2, Budapest 1961, стр.63.

Суффикс -а по своему происхождению словоизменительный, хотя подобный суффикс встречается в современных именах прилагательных. Например: йытыра 'красивый, стройный' от йытыр 'ствол, скалка', чоштыра 'грубый' ср.чыштыр-чоштыр 'подраж.слово', соптыра 'плохой' ср.сыптыр-соптыр 'подр.слово'. Однако, вряд ли можно считать суффикс имен прилагательных и наречий, восходящими к одному источнику. Конечно, в марийском языке нередки случаи, когда прилагательное и наречие грамматически не отличимы. Например: виян 'сильный, сильно', сай 'хороший, хорошо'. Несмотря на это, суффикс -а в наречиях, на наш взгляд, нужно считать другим, а именно - лативным суффиксом времен финно-угорской общности. Этот же суффикс, по всей вероятности, наличествует в падежном суффиксе -ан бывшего направительного падежа /см.суффикс -ан/. Об этом свидетельствуют диалектные материалы, где прежнее падежное значение данного суффикса довольно ясно прослеживается. Например, в горном наречии марийского языка: вес вуя шындаш 'посадить на другой конец', вес монгыра 'другой стороной, на другую сторону'. В луговом наречии: унчылы вуя шогалташ 'поставить вниз головой', кида-кида ошкылыт 'рука в руку идут'. Об этом же говорят факты употребления формы обстоятельственного падежа в эссивном значении. Например: шкежым кугуэш ужеш 'считает себя взрослым'. От эссивного значения один шаг до инструктивного значения.

Таким образом, суффикс -а исторически восходит к лативному -а. Лативный суффикс через эссивное значение стал выражать инструктивное значение и сохранился лишь в нескольких наречиях.

Такой же суффикс имеется и в родственных языках. Например: древнеперм.: ас орда 'к себе, к нему'[I], венг. ala 'под, ку-

[I] Лыткин В.И. Древнепермский язык, М. 1952, стр.104, 117.

да?' от al 'вниз', ide 'сюда' от ez 'этот'[I]. В хантыйском языке имеется направительно-целевой падеж с суффиксом -а, -ӓ, например: лӧкӓ 'на дорогу' от лӧк 'дорога' и т.д.[2].

Подобный суффикс имеется и в чувашском языке, как суффикс дательно-винительного падежа, например: эпир ирпе Шупашкара ситрӗмӗр 'мы утром приехали /пришли/ в Чебоксары'[3]. Г.И.Рамстедт указывает, что во всех тюркских языках распознается дательный падеж с суффиксом -ai /или -а/ и его вариантом gai /или -ga/[4]. Исхаков Ф.Г. полагает, что происхождение этого аффикса требует дополнительного анализа[5]. Но так как в чувашском языке аффикс -а, -е имеет еще вариант -на, -не, то, очевидно, он одного происхождения с аффиксом других тюркских языков - а /-га/. Поэтому марийские суффиксы -а, -э нельзя считать заимствованными из чувашского языка.

Суффикс -и

Этот суффикс нами обнаружен только в одном слове: луг.унчыли, вост.унчылью, которое выступает лишь в сочетании со словом вуйын, вуя 'головой', луг.унчыли-вуйын, унчыли-вуя, вост.унчылью-вуйын 'вниз головой'.

I Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М. 1955, стр.133.

2 Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка, I, М.-Л. 1961, стр.46-47.

3 Материалы по грамматике современного чувашского языка, Чебоксары, 1957, стр.18.

4 Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание, М. 1957, стр.39.

5 Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, т.П, М. 1956, стр.105.

По происхождению суффикс -и, по всей очевидности, представляет собой результат сужения суффикса -е, о чем свидетельствует его вариант -о в восточном наречии. Само слово унчыли этимологически, очевидно, восходит к слову ончыл 'перед', к которому присоединился лативный суффикс -е, впоследствии перешедший в -и. Таким образом, унчыли из ончыл + и первоначально значило 'вперед', унчыли вуйын 'вперед головой'. Переход о в у для марийского языка вполне закономерен, ср.луг.поро, горн.пуры 'добрый', морд.паро 'добрый', унгыр пӱй, онгыр пӱй 'коренной зуб'.

Смягчение согласного л перед о в восточном наречии также указывает на переднерядность гласного после л. Появление же гласного о вместо былого -е объясняется влиянием губной гармонии гласных. Переход гласного -е в -и в луговом наречии марийского языка вполне возможен, ср.луг.изи, вост.изе 'маленький'.

Б.А.Серебренников, правда считает, что уже в протоуральском языке был латив на -i^{I}. Однако мы не решаемся марийский суффикс -и возводит к уральскому -i, т.к. для этого нет у нас убедительных данных.

Анализ наречных и послеложных суффиксов показывает, что они когда-то были падежными суффиксами имен. Одни из них полностью утратили былую связь с системой склонения /-не, -ке, -ан, -ч, -н, -э, -а/ и в современном марийском языке употребляются как словообразующие, другие же еще частично сохранили свою словоизменительную функцию, но вытесняются послеложными

I Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.37-39.

конструкциями /-ла, -де/ или синтаксическим словосочетанием /-ге/.

Некоторые из этих суффиксов приняли участие в образовании современных падежных окончаний.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ

Именительный падеж /номинатив/

Именительный падеж в марийском языке, включая все его диалекты, не имеет специального морфологического показателя, поэтому обычно принято его называть падежом с нулевым показателем. Основная функция именительного падежа - это называть предмет или предметно представляемое понятие. Например: кол 'рыба', йол 'нога', кид 'рука', пӧрт 'дом', лум 'снег', мурымаш 'пение', языкознаний 'языкознание' и т.д.

В предложении же форма именительного падежа обычно служит для выражения субъекта действия или состояния. Например: кече ятырак ырыкташ тӱ̆налын /С.Чавайн, Ойпого, 186/ 'солнце начало заметно пригревать', Усти содор куржын толеш /М.Шкетан, Ойырен налме произведений-шамыч, 50/ 'Усти быстро прибегает', пасу лум дене леведалтын 'поле покрылось снегом'. Оно может выступать также в роли определения. Кӱртньӧ кольмо 'железная лопата', пу пӧрт 'деревянный дом' и т.д. Имеется еще ряд его функций, но для истории языка они не так важны. Так как именительный падеж не имеет специального морфологического показателя, то и история его чрезвычайно ясна: он и в древности не имел никакого показателя, а служил в основном названием предметов и определением к ним, ибо в финно-угорских языках имя существительное, поставленное впереди другого имени су-

ществительного, всегда служит его определением. Ср.финское: kivitalo 'каменный дом', букв.'камень дом', коми: морт олӧм 'человеческая жизнь', букв.'человек жизнь', мар.кӱ пӧрт 'каменный дом', букв.'камень дом' и т.д.

Таким образом, в роли именительного падежа в древности обычно выступала чистая основа имени, которая, как свидетельствуют данные родственных языков, в марийском языке подверглась довольно сильному изменению. Наиболее характерными для марийского языка были следующие фонетические закономерности, которые вызвали изменение древних основ:

I/ Отпадение конечных гласных, вследствие чего двухсложные основы превратились в односложные, например: луг.вӱт, горн. вӹт, фин.vesi /основа vete-/ 'вода' ; луг.вӱр, горн.вӹр, фин. veri /основа vere-/ 'кровь' ; луг.вост.горн. кит, фин.käsi /основа käte-/ 'рука' ; луг.пот, горн.пат, фин.pata 'котел' ; луг.мый, горн.мӹнь, фин.minä 'я' ; луг.лум, горн.лым, фин. lumi /основа lume-/, удм.лымы 'снег'[1];

2/ Упрощение групп согласных после отпадения конечного гласного, в результате чего получились новые основы на один согласный, например: луг.пыл, горн.пӹл, эст.pilv, фин.pilvi /основа pilve-/ 'облако' ; луг.йол, горн.йал, эст.jalg , морд.ялго, фин.jalka 'нога' ; луг.кӱч, горн.кӹч, фин.kynsi /основа kynte-/ 'ноготь' и т.д. ;

3/ Появление односложных основ на гласный вследствие отпадения согласного, оставшегося после отпадения конечного гласного, например: мар. пи, морд.пине, фин.peni 'собака' ; мар. мӱ, морд.

---

[1] Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр.137.

медь, фин. mesi /основа mete-/ 'мед' ; мар. кӱ, морд. кев, фин. kivi /основа kive-/ 'камень' ; мар. ни, удм. нинь, фин. niini 'лыко' и т.д. Однако эти закономерности охватили далеко не все возможные случаи. Фактов сохранения конечного гласного, как указывает Л.П.Грузов, больше, чем случаев отпадения, ср.мар. шӱдӧ, морд. сядо, фин. sata 'сто', мар. муно, морд. мона, фин. muna 'яйцо' и т.д.[I].

До недавнего времени существовало мнение о том, что марийский язык, кроме именительного падежа, имеет еще основную форму имени, выступающую в конструкциях с послелогами, в обращении. Однако, это мнение в последнее время изменилось в пользу именительного падежа[2] и это вполне, на наш взгляд, оправдано, так как нет никакой необходимости искать какую-то иную форму для имени, когда широта функций именительного падежа могла развиться и дальше. К тому же эта теория исходила из функций именительного падежа индоевропейских языков.

Известно, что послелоги сами по себе являются ничем иным, как падежными формами каких-то древних имен. Поэтому сочетание имени в форме именительного или другого падежа с падежной формой другого имени со временем создало послелоги, вследствие утраты последними своего реального именного значения и превращения в служебную часть речи. Употребление имени существительного в именительном падеже в сочетании с другим именем в косвенных падежах возможно и в современном марийском языке. Например: пу пӧртлан 'деревянному дому', пу пӧртыштӧ 'в деревян-

[I] Там же, стр.138.

[2] Современный марийский язык, морфология, Йошкар-Ола 1961, стр.62.

ном доме' и т.д. Подобным же образом дело обстояло и с послелогами: пӧрт марте 'до дома', что означало: пӧрт мар + те 'дом участок до', то есть 'до места дома' /в морд.мар. 'куча земли'/.

Родительный падеж /генитив/

Родительный падеж в современном марийском языке имеет морфологический показатель -н /-ын/. Он, как и в других финно-угорских языках, своей основной функцией является принадлежностным падежом; он выражает:

I/ принадлежность одного предмета другому, например, ученикын книгаже 'книга ученика', колхозын фермыже 'ферма колхоза';

2/ указывает на предмет - обладатель какого-либо качества, части, действия, например, пӧртын леведышыже 'крыша дома', лумын ошыжо 'белизна снега', имньын кудалмыже 'без лошади', тудын /мардежын/ пуалал колтымыжо изи йочан шупшалмыжла шыман чучылда /Д.Орай, Тӱтыра вошт, 26/ 'его /ветра/ дуновение ощущается как нежный поцелуй ребенка', революцийын вийже патыр, тошто торым шалата /Шабдар Осып, Вурс йӱк, 37/ 'сила революции велика, разобьет она старое', калыкын мутшо /М.Якимов, Йӧратыме жапем, 33/ 'слово народа', шыжын тӱсшӧ оралгалше, но пашаж дене мотор /М.Емельянов, Илаш могай сай, 84/ 'вид у осени поблекший, но делами она красива'.

Родительный падеж в современном марийском языке, как было отмечено выше, имеет падежный суффикс -н /-ын/. Относительно происхождения данного суффикса нет определенных высказываний, указывают лишь на то, что он является финно-угорским[I]. Но в

[I] Beke Ö. Cseremisz nyelvtan, Budapest 1911, стр.19о.

литературе по сравнительной грамматике финно-угорских языков мы находим ряд различных мнений по этому вопросу. Одни считают, что генитив в финно-угорских языках восходит исторически к притяжательным именам прилагательным[1], другие, наоборот, утверждают, что генитив возник как самостоятельный падеж в современных финно-угорских языках путем расщепления значений древнего финно-угорского общеместного падежа /локатива/[2]. Однако мнение первых заслуживает одобрения: в древности финно-угорский язык-основа знал притяжательные имена прилагательные. Не случайно поэтому генитив современных финно-угорских языков имеет не местное, а притяжательное значение и в предложении выполняет не роль обстоятельства, а определения при имени существительном, например; мар.: тумын лышташыже ужарге 'дубовый лист /букв.лист дуба/ зеленый', фин.tammen lehti on vihreä 'дубовый лист /букв.лист дуба/ зеленый', ср.tammi 'дуб', эрзя-морд.: кевень сэдь 'каменный мост' ср.кев 'камень', уронь пуло 'беличий /букв.белки/ хвост', ср.ур 'белка'.

В коми-зырянском языке сюда же, очевидно, относятся формы притяжательного падежа личных местоимений миян 'наш' от ми 'мы', тиян 'ваш' от ти 'вы', хотя Б.А.Серебренников конечный согласный -н этих слов считает суффиксом местного падежа[3]. В

---

[1] Szinnyei J., FUSp[2] , стр.70. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.85. Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.171, Примечание № I.

[2] Бубрих Д.В. Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках, Язык и мышление, XI, М.-Л. 1948, стр.82. Майтинская К.Е. Развитие системы падежей в венгерском языке, рукопись докт.диссерт. М. 1950, стр.315.

[3] Серебренников Б.А. О некоторых вопросах исторической грамматики коми языка, Историко-филологический сборник коми филиала АН СССР, вып.У, Сыктывкар,1960,стр.127.

мансийском языке имеется словообразовательный суффикс имен прилагательных -нг, который в основном выражает принадлежность или обладание. Например: номтынг 'умный' от номт 'ум', усынг ойка 'городской /букв.города/ старик' от ус 'город'.

Как самостоятельный падеж н-овый генитив наличествует в марийском, мордовском, саамском, финском языках. Поэтому можно полагать, что он возник не раньше прибалтийско-финско-волжского времени[I].

Весьма показательным в качестве доказующего аргумента, что генитив историей своей восходит к именам прилагательным с притяжательным значением, является марийский язык. В горном наречии марийского языка, а также в некоторых говорах лугового наречия /Звениговский/ генитив /родительный падеж/ до сих пор сохранил свое значение притяжательного прилагательного и употребляется как именная часть составного сказуемого. Например: горно-марийское: махань стӧл? - тумын 'какой стол? - дубовый', рушын 'русский' Звениговское /луговое/, могай ӱстел? - тумын 'какой стол? - дубовый /букв.дуба/'; ср. тумы, тумо 'дуб'. В этих предложениях при словах тумын 'дубовый' /букв.дуба/ пропущен лишь глагол-связка улеш 'является, есть'.

Другим не менее важным аргументом является также и то, что форма родительного падежа /генитива/ в современном марийском языке в известных условиях может приобретать падежные суффиксы других падежей, что явно доказывает былое его значение имени прилагательного. Например: леведышым пӧртыным мардеж сӱмырен 'крышу дома ветер снес', кӧн тетрадыште тыге возымо? -

---

I Kont K. Substantiivide atributiivsest seosest soome-ugri keeltes, Eesti NSV Teaduste Akademia keele ja kirjanduse instituudi uurimised, I, Tallin 1956, стр.114.

Йолташыныште 'в чьей тетради так написано? - В тетради товарища'. Как видно, в данных предложениях слова пӧртным 'дома' от пӧрт 'дом', пӧртын 'дома' и йолташыныште 'в тетради товарища' от йолташ 'товарищ', йолташын 'товарища', несмотря на то, что они были уже в форме родительного падежа, приобрели падежные суффиксы -ым - винительного падежа и -ыште - местного падежа. Кроме того, родительный падеж в марийском языке, как правило, за собой требует имя с притяжательным суффиксом, что также в некоторой мере подтверждает правильность мысли о возникновении его из притяжательных имен прилагательных. Например: аван шовычшо 'платок матери', пӧртын леведышыже 'крыша дома', тыйын книгат 'твоя книга' и т.д.

Далее. Как известно, в литературном марийском языке послелоги и послеложные слова обычно примыкают к форме именительного падежа, только послелог кӧра 'из-за, ради' требует дательного падежа и послелог верч 'из-за, ради,за' - родительного падежа личных и указательных местоимений[I]. Однако диалектально можно встретить случаи, когда послелоги и послеложные слова, выражающие пространственные отношения, требуют именно родительного падежа некоторых существительных. Ср.серн. Анан дене 'у Анны', аван деке 'к матери', ачан деч 'от отца'. В таких случаях, как нам кажется, форма родительного падежа изначально не имела никакого локального значения, она выступала определением к другому имени /ныне послелогу/ в форме пространственных падежей. Таким образом, аван деке означало не 'к матери', а 'к материнскому'. Но к чему материнскому, нам не известно, т.к. мы еще

[I] Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр.290.

не расшифровали первоначальное знаменательное значение былого именного корня де-.

Более прозрачен послелог верч 'из-за, ради, за', который, по-видимому, представляет собой форму отделительного падежа имени существительного вер 'место', положение'. Сочетание этого послелога с формой родительного падежа также указывает на первоначальную непадежную сущность последнего. Ачан верч 'из-за отца' первоначально должно было означать 'от отцового положения, места', т.е. если мы скажем ачан верч логалынам 'попал из-за отца', то это первоначально должно было пониматься как 'попал с отцового положения',

По сочетаемости послелогов с именами в форме родительного падежа марийский язык имеет больше общего с мордовским и прибалтийско-финскими языками, где послелоги также могут сочетаться с формой родительного падежа имен. Например: фин.minun luo 'ко мне', isän luona 'у отца', морд.кудонь таркас 'вместо дома'.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что родительный падеж в марийском языке произошел из притяжательных имен прилагательных. Такие выражения, как: мыйын книгам уло 'у меня есть книга', ср.мый 'я', не могут быть доказательством того, что генитив одного происхождения с локативом. Значение 'у меня' в таких оборотах речи выступает лишь при переводе на русский язык. На самом же деле значение их другое, а именно: 'моя книга есть'. Это значение в дальнейшем развилось, однако, до сих пор не окончательно, в значение 'у меня'.

Первоначально суффиксом родительного падежа /генитива/ был только согласный -н. Что же касается гласного -ы, предшествующего согласному -н, то он к суффиксу не относился, а был в одних случаях гласным основы /ср.пӧртын 'дома', фин.pirtti 'дом',

pirtin 'дома'/ в других - соединительным гласным /ср.портын 'порта' от порт 'порт'/.

Дательный падеж - /датив/

Дательный падеж в современном марийском языке имеет морфологический показатель -лан /-лӓн/. Он особенно многозначен. Основное значение его - выражение направления действия к чему-либо. Например: тунемше-влак испытанийлан ямдылалтыт /М.Евсеева, Илыш савыра, 36/ 'учащиеся готовятся к испытаниям', мемнан заводлан вашке шуктышаш заказ ӱшанен пуалтын /А.Эрыкан, Кучедалме тулеш, 29/ 'нашему заводу доведен срочный заказ', агар пийла коктын шокшо конга воктен мелнам кӱэштын шогышо Мариналан пижыч /Шабдар Осып, Ӱдрамаш корно, 63/ 'как бешенные собаки набросились они вдвоем на Марину, пекущую у жаркой печи блины'. Кроме того, дательный падеж может выражать:

I/ Предельное значение /до чего-либо/. Например: вӱдлан, чодралан мӱндыр огыл /М.Евсеева, Илыш савыра, 48/ 'недалеко до леса и до реки', талук эртымылан эрге шочеш /М.Шкетан, Ойырен налме произведений-шамыч, II5/ 'к концу года рождается сын'.

2/ Временное значение. Например: сӱремлан сӱаным ыштена /М.Евсеева, Илыш савыра, I0/ 'во время сюрема справим свадьбу', Звенигово больница гыч лекмыжлан ятыр эртыш /М.Евсеева, Илыш савыра, 49/ 'со дня выхода из Звениговской больницы прошло много времени', ме Захаров дене кум ийлан пырля тунемына /М.Евсеева, Илыш савыра, 70/ 'мы с Захаровым третий год учимся вместе', пел йӱдлан агытан мура /С.Чавайн, Ойпого, I08/ 'в полночь поет петух', йӱдлан кодеш 'останется на ночь'.

3/ Превратительное значение /стать кем, чем?/. Например: тулар марийлан яллан эн поян Осей Кырля толын /М.Евсеева, Илыш савыра, 20/ 'сватом приехал самый богатый из деревни Осей Кырля', ме тыйым комсомольский агитаторлан шогалтена /Элнет Сергей, Илыш шолеш, 29/ 'мы тебя назначим комсомольским агитатором'.

4/ Местное значение /где?/. Например: Чопой-сола - ты агуллан лӱман ял /Шабдар Осып, Ӱдрамаш корно, 193/ 'Чопой-сола - в этой округе известная деревня'.

5/ Причинное значение, например: вара тиде рвезын тыге ойлыштмыжлан /Овдачи/ шыдештеш веле /М.Евсеева, Илыш савыра, 54/ 'тут Овдачи разозлилась из-за таких шуток этого молодца', киндылан, шинчаллан тау! /С.Чавайн, Ойпого, 319/ 'спасибо за хлеб-соль!', тыланет пеш кугу тау утарыметлан! /Четкарев, Марий йомак, 17/ 'большое спасибо тебе за спасение!

6/ Целевое значение. Например: вара /Марина/ Йыванын эркын левед пыштен, вӱд ведрам налын, памаш деке вӱдлан вола /Шабдар Осып, Ӱдрамаш корно, 65/ 'затем /Марина/ укрыв незаметно Йывана, взяв ведро, спускается к ключу за водой', вара тыйын шотыштет, тыге лийшашлан мом ыштыман? /Шабдар Осып, Ӱдрамаш корно, 74/ 'а, по-твоему, что нужно делать, если случится такое?'.

7/ Эссивное значение /быть кем, чем?/. Например: пел тӱжем важыкше лӱмлан веле /М.Евсеева, Илыш савыра, 7/ 'полтысячи сажен только для названия', мый ынде кум ий бурлаклан коштынам /М.Евсеева, Илыш савыра, 9/ 'я уже три года ходил в бурлаках', тудо /Сергей/ ынде ӱмасек тыште вуйлатышылан шога /Шабдар Осып, Ӱдрамаш корно, 194/, 'он /Сергей/ здесь уже

с прошлого года является руководителем'.

8/ Иногда дательный падеж может выражать значение русского винительного с предлогом 'за'. Например: вич тенгелан книгам нальым 'купил книгу за 5 рублей'.

Суффикс дательного падежа по своему происхождению сложный. Он состоит из элемента -ла с внешненаправительным значением и -н /<*н'/ - суффикса древнего направительного падежа /латива/. Происхождение второго компонента суффикса -лан не вызывает никакого сомнения: он восходит к древнему лативу на -н . Соответствия ему имеются в ряде родственных языков /см.стр.12

/. В современном же марийском языке он продолжает свое существование еще в вопросе обстоятельственного падежа кушан? 'где, куда?' и наречиях на -ан: тышан 'здесь', тушан 'там', умбалан 'вдаль' /см.стр.11/.

Происхождение же элемента -ла несколько затуманено. На этот счет имеется ряд совершенно различных соображений. По мнению одних, он представляет словообразовательный суффикс с внешнеместным значением[I], другие же его считают суффиксом древнего направительного падежа /аллатива/[2]. Правда, в последнее время Б.А.Серебренников в суффиксе дательного падежа находит исторически три различных суффикса: -е - падежоподобный суффикс, -а - лативный суффикс, имевший аллативное значение и -n /<*n'/ - также лативный суффикс,имевший аллативное зна-

I Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха, Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.175, примечание № 8.

2 Серебренников Б.А. Два спорных вопроса в финно-угорском языкознании, Вопросы языкознания, № 4, 1959, стр.83.

чение[I]. Вполне возможно, что в уральское время -е и -а были разными суффиксами, но для финно-угорского, тем более древнемарийского, времени мы не можем говорить о двух суффиксах -е и -а: они совместно составляют один лативный суффикс. Поэтому мы уверенно можем сказать, что первый компонент суффикса -ла + н по происхождению является древним суффиксом направительного падежа с общенаправительным значением, связанным с идеей внешнего общего направления. Он одного происхождения с наречным суффиксом -ла /см.стр.22/. В йошкар-олинском говоре вместо молан?'почему?' от мо? 'что?' можно встретить мола? 'почему?'. Таким образом, суффикс дательного падежа -лан сложился из двух суффиксов, обозначавших направление. Один из них -ла - обозначал общее направление во внешности, другой -н - направление к чему-либо, до чего-либо. Направительное значение дательного падежа несомненно. Например: вӱдлан кая ср. в волжском говоре вӱд дек кая 'идет за водой', пазарлан кая /малмыж., запись Галкина/ 'идет на базар' ср.коми-зыр.мортлань 'к человеку'.

Данные родственных языков говорят о том, что второй компонент суффикса -ла + н первоначально был мягким согласным. Мягкость его сохраняется, например, в коми языке: вӧрлань 'в сторону леса, к лесу' от вӧр 'лес', удм.нюлеслань 'к лесу' от нюлес 'лес'.

Кроме того, сам марийский язык подтверждает это положение. В некоторых говорах восточного наречия /Мишкинский/ до сих пор встречается форма дательного падежа с мягким -н'. Напри-

---

[I] Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М. 1964, стр.42.

мер: тыланет 'тебе', мыланем 'мне'.

Кроме марийского языка, суффикс -лань с направительным значением имеется в пермских языках /см.примеры выше/. В финском языке падежный суффикс аллатива /падеж приближения/ -lle первоначально имел форму -*len[1]. Но считают, что элемент -l суффикса -*len в финском языке восходит к словообразовательному суффиксу -la/-lä/ с местным значением. Ср. appela 'дом тестя' от appi 'тесть', etelä 'юг', pohjola 'север' и т.д. Несмотря на это, есть основания предполагать, что суффикс -лан в марийском языке возник в домарийское, по крайней мере, в прибалтийско-финско-волжско-пермское время. Л -овых элементов, очевидно, было несколько и с различными значениями: с направительным и местным. Нужно иметь в виду, что иногда формальное сходство обманчиво. По нашему мнению, Б.А.Серебренников прав, когда говорит о двух различных -л в финно-угорских языках[2]. Вполне возможно, что и в финском языке этот -л -овый элемент в аллативе был первоначально не словообразовательным суффиксом, а суффиксом падежа с направительным значением, и вряд ли есть необходимость искать здесь аналогию с адессивом, ибо, очевидно, их истории различны. Не исключено, что долгий -л /-ll/ в аллативе - явление древнее.

Винительный падеж /аккузатив/

Морфологический показатель винительного падежа -м /-ым, -ӹм/. Этот падеж употребляется для обозначения прямого объек-

[1] Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.59.

[2] Серебренников Б.А. Два спорных вопроса в финно-угорском языкознании, Вопросы языкознания, №4, 1959, стр.83.

та. Он выражает главным образом предмет, на который направлено действие. Например: калык купым кошта, кӱш ракетым колта, чапле шурным кушта, завод-влакым нӧлта, тулым вӱд гыч луктеш, ышта сай машинам, мландын тӱрлӧ лукеш чона ялым, олам /Б.Данилов, Ямде лий, I4/ 'народ осушает болота, ввысь пускает ракеты, выращивает прекрасный урожай, поднимает заводы, достает из воды огонь, создает хорошие машины, и на разных концах земли строит деревни, города:

Форма винительного падежа в основном употребительна с переходными глаголами.

Нет никаких сомнений, что суффикс винительного падежа /аккузатива/ -м /-ым/ восходит своим происхождением к финно-угорскому периоду. Уже в финно-угорском языке-основе существовал винительный падеж с суффиксом -м. Соответствия марийскому суффиксу винительного падежа -м имеются вплоть до самодийских языков. Например: мар.: пӧртым 'дом' от пӧрт 'дом', изам 'старшего брата' от иза 'старший брат', вуйым 'голову' от вуй 'голова', саам.манам 'ребенка' от манна 'ребенок', манс.: квӓртмӓ 'рубашку' от квӓрт 'рубашка'.

В прибалтийско-финских и мордовских языках суффикс винительного падежа -м превратился в конечном положении в -н или -н'[I]. Например: морд.Машан 'Машу', фин.isän 'отца' от isä 'отец'. В пермских языках в абсолютном конце суффикс аккузатива -м отпал. Ср.коми: мӧнӧ, удм.монэ 'меня'[2], в венгерском языке этот -м также выпал. Ср.kẽpät 'картину' из kẽpämt [3] от

I Хакулинен Л. Указ.соч.стр.84. Лыткин В.И. Примечания № 6, /стр.I74/. Указ.соч. стр.68.

2 Лыткин В.И. Указ.соч. Примеч. № 6.

3 Szinnyei J. Указ.соч.стр.69. Майтинская, Указ.соч.стр.I4I, /диссертация/.

кēр 'картина'.

Однако Д.В.Бубрих считает, что в древности аккузатив употреблялся только в местоименной сфере[I]. Вряд ли можно с этим согласиться, так как материалы родственных языков указывают на то, что он уже в финно-угорское время не ограничивался только местоимениями.

Б.А.Серебренников[2] вслед за В.Таули[3] и Й.Фаркаш[4] считает, что суффикс винительного падежа как показатель определенности возник из местоимения. По крайней мере, на ранних этапах развития протоуральского языка, по мнению Б.А.Серебренникова, винительного падежа с суффиксом -м не было. Однако Б.Коллиндер признает наличие такого падежа уже в протоуральском[5].

То, что м-овый формант имеет первоначальное местоименное происхождение ничуть не может отрицать того, что финно-угорскому праязыку был известен уже винительный определенный с суффиксом -м. Правда, в современном марийском языке определенность суффикса -м заметно ущерблена. В выражении калык купым кошта 'народ осущает болота' нам не известно, какое болото осушает народ. В данном случае значение винительного определенного одинаково со значением винительного неопределенного в выражении:

I Бубрих Д.В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков, Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып.2, Л. I948, стр.54.

2 Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. I964, стр.72.

3 Tauli V. Bemerkungem zum Ursprung der uralischen Casussysteme, UAJb, 24, H.3-4, 1952, cmp.28.

4 Farkas J. Der Genitiv und der Akkusativ in der uralischen Grudspache, UAJb, 28, 1956, cmp.17.

5 Collinder B. Uralaltaisch, UAJb, 24, H.3-4, 1952, cmp.1-26.

калык куп кошташ кая 'народ идет осушать болото', так как в обоих случаях основное внимание говорящего обращено не на объект, а на действие, ибо говорящему неважно какое болото осушается, а важно, что осушается. Таким образом, винительный определенный стал падежом прямого объекта при переходном глаголе.

Временное значение аккузативной формы современных марийских наречий развилось из употребления его в пространственном значении, вроде: ик арням коштам 'хожу одну неделю'. Подобное употребление слов теле 'зима', кенеҥ 'лето' и т.д. создало возможность перехода их в разряд наречий: телым 'зимой', кенежым 'летом', что первоначально значило 'зиму', 'лето'.

Итак, суффикс винительного падежа -м в марийском языке исторически восходит к древнему финно-угорскому аккузативу.

О неоформленном винительном падеже

Как известно, винительный падеж с суффиксом -м в современном марийском языке является падежом прямого дополнения. Он употребляется для выражения известного, определенного прямого дополнения. Например: плотник-влак пӧртым чонат 'плотники строят дом'. При таком выражении говорящему известно, какой дом строится плотниками. Если же нужно выразить неопределенное дополнение, когда говорящему точно не известно, какое именно, то обычно употребляется форма имени без суффикса -м, совпадающая с формой именительного падежа. Плотник-влак пӧрт чонаш каят 'плотники идут строить дом'.

Неоформленный винительный падеж в современном марийском языке употребляется только в сочетании с неспрягаемыми формами глагола: инфинитивом, причастием и деепричастием. Например:

ушкал йӱкташ 'поить корову', ушкал йӱктен толеш 'идет напоив корову', ушкал йӱктышӧ 'поящий корову'.

Неоформленный винительный падеж встречается и в других финно-угорских языках. Например: коми-зыр. ме ва вая 'я воду несу', ср.ва 'вода', венг.kiment bab szennyi 'он пошел собирать фасоль', эрзя-морд.телы эстень вадря кудыне 'построю себе хорошенький домик' ср.кудыне 'домик'. В финском языке во множественном числе нет суффиксальной формы винительного падежа да и в единственном числе возможен неоформленный винительный падеж.

Полагают, что еще в финно-угорское время /даже и раньше/ существовал неоформленный винительный падеж[I]. Оформленный же винительный падеж выделился как падеж определенности, падеж прямого объекта. Если при оформленном винительном падеже основное внимание уделяется объекту, то при неоформленном винительном падеже объект неопределенный, и основное внимание обращается на действие. При этом объект как бы включен в само действие, он определяет качество действия. Поэтому-то, очевидно, и неоформленный винительный падеж употребляется только с неспрягаемыми формами глагола, которые первоначально были отглагольными именами.

Таким образом есть все основания полагать, что древнемарийский язык наряду с винительным падежом на -м знал и неоформленный винительный падеж.

Местный падеж /инессив/

Морфологическим показателем местного падежа является -ште

[I] Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.84.

/-што, -штӧ, -шты, -штӹ, -ыште, -ышто, -ыштӧ, -ышты, -ыштӹ/. Он в современном марийском языке имеет два основных значения:

I/ Местное, т.е. обозначение места, где совершается действие или находится что-либо. Например: уремыште 'на улице' от урем 'улица', школышто 'в школе' от школ 'школа', колхозышто Очийын бригадыже эн сай /Элнет Сергей, Илыш шолеш, 72/ 'бригада Очий в колхозе самая лучшая', каваште ик лапчык пылат уке /Е.Янгильдин, Сылне эр, 44/ 'на небе ни облачка'.

2/ Временное, т.е. обозначение времени, когда совершается действие. Например: таче кандаш шагатыште лекций тӱналеш 'сегодня в восемь часов начнется лекция', тыгай йӱдыштӧ корнымат от му 'в такую ночь не найдешь дороги'.

Временное значение возможно только от слов обозначающих временное понятие: кече 'день', йӱд 'ночь', шагат 'час' и т.д.

Происхождение суффикса местного падежа -ште /ыште/ в современном марийском языке до сих пор окончательно не решено. Известно давно, что этот суффикс по происхождению своему состоит из двух различных компонентов, т.е. он сложный. Но неясно, что представляют собой эти компоненты. Одни считают, что суффикс местного падежа -ште /-ыште/ сложился из суффикса внутриместного падежа -ш и суффикса общеместного падежа -на /-нӓ/. В определенное историческое время, по их мнению, второй компонент суффикса -на /-нӓ/ после согласного -ш перешел в -те[I]. Другие, соглашаясь с тем, что -штэ развилось из *-снэ, считают первым компонентом суффикса не инессив-

---

[I] Szinnyei J. FUSp2, стр.78-79.

ный суффикс,а лативный /общенаправительный/- с [1].Бубрих, например, элемент-ш в суффикса -ште считает первоначальным послелогом [2].В последнее время некоторые стали полагать,что марийский суффикс местного падежа состоит из -ш -суффикса вступительного падежа и-те суффикса древнего местного или переходного падежа. [3]

Конечно,с мнением,согласно которому марийский суффикс -ште появился из -шнэ, нельзя согласиться, так как для марийского языка подобное сочетание согласных не является чуждым. Например: лишне "близко",кугешнаш "гордиться",талышнаш "усиливаться". Это убедительно доказал Б.А. Серебренников. [4] Вряд ли можно согласиться также с Д.В. Бубрихов,что элемент-ш суффикса -ште в финно-угорское время был послелогом,так как -с /-ш/в ряде финно-угорских языков выступает как самостоятельный суффикс падежа и участвует в образовании сложных падежных суффиксов. Ср. фин. pirtissä " в доме", pirtistä "из дома" от pirtti "дом", ulos "наружу", alas "вниз".Эрзя-морд. модас "в землю", модасто "из земли" от мода "земля".Более убедительно мнение Б.А. Серебренникова, когда он говорит,что марийский суффикс -ште местного падежа сложился иш из -ш -суффикса вступитель-

1 Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха,Историческая морфология финскогои языка, М.-Л.1955,стр.174, примечание № 7.

2. Бубрих Д.В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков.Уч. зап. ЛГУ,серия востоковедческих наук, вып. 2, Л. 1948,стр. 53 /примечание/.

3. Серебренников Б.А. О некоторых вопросах исторической грамматики коми языка, Историко-филологический сборник,Коми фил. АН СССР вып. У,1960,стр.129.

4. Серебренников Б.А. Два спорных вопроса сравнительной грамматики в финно-угорских языков.Вопросы языкознания №4, 1959, стр. 84-85.

ного падежа /иллатива/ и -те - суффикса местного или переходного падежа. Этот суффикс сохранился в послелоге марте 'до' с предельным значением, что означало первоначально "до участка, места'. Ср. эрзя-морд. мар 'куча земли, холмик', мар. тымарте 'до сих пор'. Предельное значение послелога марте 'до' возникло, по всей вероятности, из направительного значения, которое выражалось имевшимся в конце слова марте лативного суффикса -к. Ср.диал. мартек, мартеке 'до'. Не случайно в диалектах встречаются формы послелога марке, мартке, где отчетливо сохранение -т и его выпадение. В форме же марте 'до', наоборот, наблюдается отпадение былого -к.

Соответствия элементу -те с местным значением имеются в ряде родственных языков. Например, манс. ворт 'в лесу' от вор 'лес', уст 'в городе' от ус 'город', венг. alatt 'под' от ala 'низ', Pécset 'в городе Пече', коми-зыр. вӧрӧд 'по лесу' от вӧр 'лес', поскӧд ' по лестнице' от поск 'лестница'. Этот же т-овый суффикс проявляется и в марийском слове: ӧрдыжтӧ 'в стороне' от ӧрдыж 'бок, сторона', где очень ярко местное значение т-ового элемента.

Соответствия первому компоненту суффикса, как мы видели выше, также имеется и, обычно, с направительным значением.

Таким образом, без сомнения можно сказать, что суффикс местного падежа -ште /-што, -штӧ/ в марийском языке возник путем сложения двух падежных суффиксов: -ш - направительного падежа со значением направления во внутрь и -те /-то, -тӧ/ - местного падежа, очевидно, также со значением нахождения внутри чего-либо, т.е. здесь слились иллативный суффикс с инессивным /о элементе -ш см. обстоятельственный падеж/. По времени образования этот суффикс не относится к финно-угорскому периоду, он

возник только на почве марийского языка. Видимо, образование сложных суффиксов местных падежей происходило после распада финно-угорской языковой общности. Поэтому мы не находим единства в этом отношении в современных финно-угорских языках, кроме некоторых начатков /см.стр. 69/. Но составные элементы сложных суффиксов местных падежей являются общефинно-угорскими.

Некоторые лингвисты склонны считать, что в прибалтийско-финско-волжское время был местный падеж с -с -овым суффиксом[I]. Яркое подтверждение этому положению имеется в мордовских и прибалтийско-финских языках. Но не исключено, что местное значение в некоторых диалектных формах прибалтийско-финских ~~ø~~ языков развилось позже, в силу различных фонетико-семантических сдвигов, как например, в марийском обстоятельственном падеже. Мыят тыйым шонен коштам... южгунам омеш ужам /М.Шкетан, Юмын языкше, II/ 'и я думаю о тебе... иногда вижу во сне', сареш колен 'погиб на войне'.

С другой стороны в марийском и некоторых других финно-угорских языках имеются относительные имена прилагательные с с -овым суффиксом, которые по своему значению очень сильно напоминают местный падеж /где?/. Например, мар.луг.ялысе 'деревенский' от ял 'деревня', оласе 'городской' от ола 'город'. В горном наречии этот суффикс имеет форму -шы /-шӹ/ и присоединяется к форме местного падежа: солаштышы 'деревенский, сельский' от солашты 'в селе, деревне', шӹргӹштӹшӹ 'лесной' от шӹргӹштӹ 'в лесу' и т.д.

Эрзя-морд. вэрсэ 'верхний' от вэрэ 'наверху', алсэ 'ниж-

[I] Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.175.

ний' от ало 'внизу', удалсэ 'задний' от удало 'сзади'[I] и т.д., коми-зыр. вӧрса керка 'лесная избушка' от вӧр 'лес', Сыктывкарса 'Сыктывкарский', январса 'январский' и т.д., венг. belsö 'внутренний' ср. bel 'кишка', felsö 'верхний', alsó 'нижний' от al 'низ' и т.д. Но, как видно, этот с -овый суффикс в родственных языках не падежный, а словообразовательный. По-видимому, было бы вернее не искать особого локативного или инессивного с -ового суффикса, а считать его суффиксом имен прилагательных, определяющий предмет по месту нахождения. Первоначальное значение этого суффикса почти без изменения сохранилось в современных финно-угорских языках /см.также суффиксы прилагательных/. Таким образом, элемент -с /-ш/ суффикса местного падежа -ште /-што, -штӧ / и суффикс относительных прилагательных -се являются разными по происхождению.

Направительный падеж /иллатив/

Морфологическим показателем направительного падежа является суффикс -шке, /-шко, -шкӧ, -шкы, -шкӹ, -ышке, -ышко, -ышкӧ, -ышкы, -ӹшкӹ/. Этот падеж имеет одно основное значение - направление действия во внутрь чего-либо или ограниченное какой-то границей пространство. Например: луг.вост. садышке 'в сад', уремышке 'на улицу' от урем 'улица', горн. солашкы 'в село', деревню' от сола 'деревня', олицӓшкы 'на улицу' от олица 'улица', корнышкы 'в дорогу' от корны 'дорога', северо-зап. атышкы 'в лес' от аты 'лес', кинтышкы 'в хлеб' от кинты 'хлеб', иктышкы 'в одно' от икты 'один' и т.д. Иногда вместо

[I] Давыдов М.М. Больше-игнатовский диалект эрзя-мордовского языка, Очерки мордовских диалектов, т.П, Саранск, 1963, стр.175.

указанного суффикса употребляется его сокращенный вариант -ш. Например: уремыш 'на улицу', олаш 'в город', корныш 'в дорогу' и т.д.

Эрла каем Москвашке, институтыш /В.Колумб, Палыме лийына, I7/ 'завтра уезжаю в Москву, в институт', горн. мӱкшвлӓ уляшкы погыневы 'пчелы собрались в улей'.

Направительный падеж в единичных случаях может обозначать направление на поверхность предмета. Например: пӱкеныш шич 'садись на стул'. Идея внутреннего направления все же сохраняется и здесь.

История возникновения суффикса направительного падежа проявляется довольно отчетливо и не вызывает никаких сомнений. Он по своему происхождению сложный. Этот суффикс возник путем сложения двух древних финно-угорских суффиксов с направительным значением. Первый компонент восходит к древнему так называемому лативу на -*с /-s/, имевшему иллативное значение. Соответствия ему имеются в ряде родственных языков. Например: мар.куш 'куда' от ку /местоимение/, ср.кудо 'который', кунам 'когда', чодраш 'в лес' от чодра 'лес', ӱстелыш 'в стол' от ӱстел 'стол' и т.д., фин.alas 'вниз' от ala 'низ', yläs 'вверх' от yli 'верх', эст.kuhu 'куда', ср.kuna 'когда', ср. мар. кунам 'когда', эрзя-морд. кудос 'в дом' от кудо 'дом', модас 'в землю' от мода 'земля'.

Второй компонент суффикса -ке /-о, -ӧ/ по происхождению своему представляет собой древний финно-угорский -к -овый латив. Соответствия ему имеются во многих родственных языках, вплоть до угорских /см.стр.10 /. В марийском же языке он представлен и отдельно с тем же направительным значением в наречиях. Например: ончыко /диал.ончылко/ 'вперед' от ончыл 'пе-

ред', пелке 'в сторону' от пел 'сторона, половина', ӱмбаке /диал.ӱмбалке/ 'наверх' от ӱмбал 'верх' и т.д.

Таким образом, нет сомнений, что суффикс -шке /-ышке/ сложный и состоит из двух направительных суффиксов: -ш /< -с + ке /-о, -ӧ/. Но сложился он не на финно-угорской, а на марийской почве.

Употребление сокращенной формы направительного падежа, указывает Б.А.Серебренников, зависит главным образом от места ударения в последующем слове: если последующее слово имеет ударение на последнем слоге, то наблюдается тенденция к употреблению сокращенной формы его[I]. Однако и эта закономерность не является непроницаемой, акцентологические схемы слогов, как совершенно правильно заключает Б.А.Серебренников, не создают никаких препятствий для употребления как полной, так и сокращенной форм[2]. Употребление полной формы стабильно только тогда, когда за суффиксом направительного падежа следует еще притяжательный суффикс, суффикс латива -ла или усилительные частицы -ак, -ат, так как место ударения в последующем слове не создает особой закономерности в употреблении полной и сокращенной форм направительного падежа, то и причина появления сокращенной формы, очевидно, кроется не в этом: ведь независимо от того, есть ли за словом в форме направительного падежа другое слово или нет, а употребление сокращенной формы од-

---

I Серебренников Б.А. О некоторых закономерностях употребления сокращенной и полной формы направительного падежа в лугово-восточном диалекте марийского языка, Вопросы диалектологии и истории марийского языка, Йошкар-Ола 1964, стр.145.

2 Там же, стр.150.

нако возможно. Ср. куш шинчаш? 'куда сесть?' - пӱкеныш 'на стул /букв. в стул/'. Поэтому мы склонны полагать, что появление сокращенной формы направительного падежа - явление эмфитическое и в какой-то мере продолжает закономерность редукции конца слова. По-видимому, на стыке двух слов конечный гласный суффикса -шке /-шко, -шкӧ, -шкы, -шкӹ/ путем полной редукции исчезает и создается стечение трех согласных, что совершенно нехарактерно для марийского языка, вследствие чего согласный -к выпадает.

Обстоятельственный падеж

Обстоятельственный падеж имеет морфологический показатель -ш, -эш /орф.-еш/. Он многозначен, особенно широко употребляется в горном наречии. Основное значение ш обстоятельственного падежа в современном марийском языке - выражение определенного ограниченного места. Если местный падеж выражает место совершения действия или нахождения предмета внутри какого-то ограниченного места, то обстоятельственный падеж выражает направление этого действия или предмета до определенного места. Например: I. кушто улына? - пӧртыштӧ 'где находимся?' - 'в доме' /местный падеж/; 2. кушан кодына? - пӧртеш 'где останемся?'- 'в доме' /обстоятельственный падеж/.

Пирым мешакеш вӱдылын, имне ӱмбаке пыштыш Давлет /Е.Янгильдин, Сылне эр, 37/ 'завернув волка в мешок, Давлет положил его на лошадь', пеш шагат гыч, йолеш ечым чиен, вачеш пычалым, ош халатым сакен, Самсон кугыза кыша почеш чодра велыш ошкыльо /Ончыко, 1960, № I, 61/ 'через полчаса дед Самсон, надев на ноги лыжи, повесив за спину белый халат и ружье, заскользил по следам в сторону леса', шуко ӱдрамаш-влак тувы-

решшт тошто тарай олмеш у деч уым, онай деч онайым налын сакалышт, чиемыштым тӱзатараш пижыч /М.Шкетан, Эренер, 38/ 'многие женщины на платья вместо старого кумача пришили новый из новых, красивых из красивых, принялись украшать одеяния', комиссар Ванька шке пӧ[ртшым ялын энер дек волышо мучашеш шындан /М.Шкетан, Эренер, 40/ 'комиссар Ванька поставил свой дом на конец деревни, который спускается к реке', кӱлеш гын, шонго вуешет кеч кок мыгылым пӱтырӧ, кок шымакшым упшал кошт /Шабдар Осып, Кориш, 35/ 'если нужно, то крути на голове /букв.на голову/ хоть две закрутки, ставь два шымакша', корнешем тореш тоям ит опто! - манын Вачи /М.Шкетан, Юмын языкше, 5/ 'не клади поперек моего пути палку! - сказал Вачи', кӱвар пужымо жапыште Сылва вӱд гоч пашазе-влак заводыш пушеш шинчын вончат /М.Шкетан, Эренер, 3/ 'во время половодья, когда мост разбирается, рабочие на завод переправлялись через Сылву на лодке /букв. сев в лодку/:

Кроме того, обстоятельственный падеж может иметь:

I/ Внешнеместное значение. Например: тудын /Вачайын/ планже кагазешак кодеш, манын, шонен ыле /М.Шкетан, Эренер, 192/ 'думал, что его планы останутся на бумаге', эрлак школ участкеш тыгыде пушенге шындылашлан рокым кӱнчаш пижына /М.Шкетан, Эренер, 193/ 'завтра же начнем копать землю на школьном участке для посадки деревьев'.

2/ Внутриместное значение. Например: Сакар салтак котелокеш паренгым шолташ сакен /М.Шкетан, Эренер, 81/ 'Захар варит в солдатском котелке картошку', Стапанмыт шошымлан ялеш колхозым почыт /Шабдар Осып, Кориш, 63/ 'к весне Степан и его друзья в деревне открывают колхоз', мыят тыйым шонен коштам... южгунам омеш ужам... /М.Шкетан, Юмын языкше, 11/ 'и я думаю

о тебе... иногда вижу во сне...', тудо /Кориш/ тулык увезе, ачаже гражданский сареш колен /Шабдар Осып, Кориш, 80/ 'он /Кориш/ сирота, его отец погиб в гражданскую войну /букв. в войне/'.

3/ Временное значение. Например: "Мыйын толмашеш могай омым ужыч?" - воштылеш Алгаева /М.Шкетан, Эренер, 95/ '"К моему приходу какой сон увидел?" - смеется Алгаева', Вачи мӧнгышкыжӧ толаш йӱдеш кодын /М.Шкетан, Юмын языкше, II/ 'возвращение Вачи домой задержалось до ночи /букв. пойти домой Вачи остался к ночи/', курым-курымеш 'во веки веков', паче могыран, шонгылыкеш лӧзанаш тӱналше Серге ватылан Яндышев келшен /М.Шкетан, Эренер, 60/ 'Яндышев понравился Сергеихе с хорошей осанкой, к старости начавшей полнеть'.

4/ Эссивное значение /быть кем, чем?/. Например: чын эре чынешак кодеш /М.Шкетан, Эренер, 105/ -'правда всегда останется правдой'.

5/ Причинное значение. Например: самогон йӱмашеш тӱрлӧ шакше койыш иланен /М.Шкетан, Эренер, 102/ 'из-за того, что пили самогон, зародились разные дурные выходки'.

В горном наречии и в некоторых говорах лугового наречия /йошкар-олинском/ обстоятельственный падеж может иметь транслативное значение. Например: тӹнам /ожны/ паянвлӓ веле эдемеш шотлалтыныт /Н.Игнатьев, Комсомол ӓдыр, 30/ 'тогда /раньше/ лишь богачи считались людьми', тудо шкежым саеш ужеш 'он себя считает хорошим.

В этих же диалектах обстоятельственный падеж иногда может соответствовать русскому винительному с предлогом 'за'. Например: горн. /Огаптя/ мыжареш дӓ ыжгаэш вӹц пуд шожым мон /Н.Игнатьев, Комсомол ӓдыр, 23/ 'Огаптя нашла 5 пудов ячменя за кафтан и шубу', луг. мый кок тенгеш книгам нальым 'я купил

за 2 рубля книгу'.

Происхождение суффикса обстоятельственного падежа весьма прозрачно: ш -овый элемент, который является суффиксом данного падежа, выступает и в других местных падежах /см.стр.56/ и, как установлено, является древним показателем направительного падежа[I]. Да и в современном марийском языке нередки случаи, когда обстоятельственный падеж имеет направительное значение. Например: пушеш шынден 'посадил в лодку'. Соответствия суффиксу обстоятельственного падежа с направительным значением имеются в ряде современных финно-угорских языков. Например: мар.луг. мешакеш вӱдылын 'завернул в мешок', тупеш сакен 'повесил за спину', горн.кокытеш 'надвое' от кокыт 'два', кымытеш 'втрое' от кымыт 'три'. Направительное значение суффикса обстоятельственного падежа особенно ярко выступает в наречии луг.: мӧнгеш 'обратно', горн.мӹнгеш 'обратно' /куда?/, фин. alas 'вниз' от ala 'низ', ylös 'вверх' от yli 'верх', эст. kuhu 'куда?' ср.kuna 'когда?', эрзя-морд. ошос 'в город' от ош 'город', модас 'в землю' от мода 'земля', эземс 'на скамью' от эзем 'скамья' и т.д. В марийском языке древний -s /-с/ нередко переходил в -š /-ш/. Ср.мар. шоло 'кишка', фин.suoli, эст.sool 'то же'. Поэтому не может быть сомнения, что этот суффикс восходит к древнему финно-угорскому -с -овому направительному падежу с иллативным значением. Но вызывает недоумение одно обстоятельство, почему в вопросе обстоятельственного падежа кушан? 'где?', в некоторых наречиях /тышан 'здесь'/ и в диалектных формах /Параньга: пасуэшан 'в поле', школешан 'в

[I] Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В. Историческая морфология финского языка. М.-Л. 1955, стр.174.

школе'/ после элемента -ш выступает согласный -н. Что представляет собой этот согласный? Древний ли он в этом сочетании? Почему суффикс обстоятельственного падежа выступает с начальным гласным -э /пӧртеш 'в доме', горно-марийское: сола-эш 'в селе' и т.д./, тогда как в других финно-угорских языках подобного гласного нет?

Согласный -н, выступающий после -ш исторически является тем же суффиксом финно-угорского направительного падежа, который выступает в словах: ончылан 'впереди', шенгелан 'позади' и т.д. /см.стр.12 /. Он присоединился к суффиксу древнего направительного падежа на -ш /ныне обстоятельственного падежа/ только в период самостоятельного развития марийского языка. Об этом очень ярко свидетельствуют диалектные формы, где вместо -н выступает уже другой суффикс направительного падежа -к. Например: луг. кушак? 'где?', горн.кышак? 'где?'. Гласный -э перед согласным суффикса -ш исторически также является суффиксом направительного падежа /латива/. Этот суффикс хорошо сохранился в таких словах, как: кокыте 'надвое' от кокыт 'два', вере 'на место' от вер 'место' тупе-тупе 'спина к спине' от туп 'спина' и т.д. /см.стр.31/.

В родственных языках, как мы видели, с -овый суффикс направительного падежа не имеет начального гласного. Впрочем, этот суффикс в мордовском языке может выражать совершенно идентичное значение с марийским чодраш кодаш 'остаться, оставить в лесу', ср.эрзя-морд. кадомс вирьс 'оставить в лесу', что букв. означает 'оставить в лес'. Так что общность их происхождения несомненна. Гласный же -е перед -ш в марийском языке осложнил, вернее, суффикс -ш присоединился к суффиксу -э и образовался сложный суффикс -эш. Этот гласный очень хорошо сохра-

няет свое суффиксальное значение в горном наречии марийского языка, где он сохраняется даже после основ на гласный. Например: солаэш 'в селе, в село', алыквлӓэш 'на лугах, на луга' и т.д.

О суффиксальном же характере этого гласного говорит и то, что он не подвергся редукции, а в горном наречии даже стяжению. В луговом же наречии вследствие перехода ударения на последний слог лативный суффикс -е после ударного гласного -а эмфатически выпадает, например: олаш 'в городе, в город' от ола 'город', но кӱртнеш 'в железе', где безударный гласный -ӧ уступает место ударному -е. Возможность выпадения лативного -е после ударного -а объясняется, по-видимому, также и близостью значений лативного -е и лативного -ш.

История суффикса -леч

В нескольких словах современного марийского языка вместо послелога деч 'от' употребляется суффикс -леч, который полностью совпадает по значению с указанным послелогом. Например: тылеч посна 'без этого' от ты 'это, этот'; тулеч посна 'без того' от ту 'то, тот'. Этот суффикс в некоторых диалектах марийского языка распространен довольно широко. Например, в Мари-Турекском районе МАССР он почти полностью, замещает послелог деч 'от': аватлеч 'от матери' от ават 'мать твоя', ачатлеч 'от отца' от ача 'отец твой' и т.д. Ш В горном наречии этот суффикс имеет форму -лец и в настоящее время встречается только в рамках местоимений, хотя раньше употреблялся шире[I].

[I] Castrén M. Elementa grammatices tscheremissae, Kuopio 1845, § 11.

По происхождению суффикс -леч сложный. Составными элементами его являются: -ле - суффикс древнего направительного падежа /аллатива/, который участвовал в образовании суффикса дательного падежа и -ч /< т/ - суффикс древнего отделительного падежа /аблатива/ /см.стр.15/.

Направительное значение л -ового элемента хорошо прослеживается в таких примерах как: вӱдлан кая 'идет за водой', ср. волжский говор: вӱт тек кая 'идет за водой'. Коми-зыр. вала мунны 'идти за водой', ва 'вода', финск.panen pöydälle 'положу на стол', эст.panen lauale 'положу на стол'. Этот же суффикс сохранился в наречиях типа: ончыкыла 'по направлению вперед', тышкыла 'по направлению сюда' и т.д.

Относительно исторических корней второго компонента суффикса -леч не может быть никаких сомнений: языковые факты довольно хорошо доказывают, что он является древним суффиксом отделительного падежа, ср. шенгеч 'сзади', ӱлыч 'снизу', лишыч 'сблизи' и т.д., финский: sinulta 'от тебя', häneltä 'от него', pöydältä 'со стола', päydästä 'из стола'.

История возникновения первого компонента может вызвать различные толкования.

На первый взгляд кажется, что идея направления не может ужиться с идеей отделения и исхода. Однако языковые факты явствуют о возможности подобного сосуществования. Например, в марийском языке, как уже давно установлено, в местных падежах элемент -ш является суффиксом древнего направительного падежа. Но этот суффикс вполне уживается с отделительным суффиксом -ч. Например: куш 'куда', кушеч 'откуда' от ку - местоименный корень, ср.кудо 'который', кунам 'когда'.

Таким образом, вполне вероятно, что и в суффиксе -леч элемент -л первоначально был тем же, что и в дательном падеже, т.е. суффиксом аллатива.

В этой связи необходимо остановиться на одном из спорных вопросов сравнительной грамматики финно-угорских языков. В финно-угроведении существовало мнение, что л-овый элемент внешнеместных падежей в финно-угорских языках был первоначально словообразовательным суффиксом имен[I].

Против этой устоявшейся точки зрения выступил Б.А.Серебренников. Он считает, что в древности в финно-угорском языке-основе было два различных л-овых падежа: аллатива и локатив. В образовании современных суффиксов внешнеместных падежей с л-овым элементом участвовал древний аллативный -л[2]. Впрочем, в финском адессиве Б.А.Серебренников допускает возможность участия древнего локатива на -л. Однако сейчас Б.А.Серебренников отказался от своей точки зрения и примкнул к традиционному мнению[3].

Несмотря на это, на наш взгляд, ранняя точка зрения Б.А.Серебренникова была верна, когда он для финно-угорского языка-основы отрицал словообразовательный характер л-ового элемен-

---

I Szinnyei J. FUSp², 73-74, Budenz J. AzUA, 296, Beke Ö. CsNy, 19o. Uotila, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki 1933, cmp.199.

Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.28.

2 Серебренников Б.А. Два спорных вопроса сравнительной грамматики финно-угорских языков, М.-Я., № 4, 1959, стр.83.

3 Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.56.

та внешнеместных падежей, так как в абсолютном большинстве финно-угорских языков он выполняет падежную функцию[I].

Но вряд ли можно согласиться с его мнением о наличии в финно-угорском языке-основе л-ового локатива. Примеры, приводимые им: норв.-саамск. baggiel 'над', венгерск. alul 'под' как бы подтверждают его точку зрения. Однако он сам допускает возможность происхождения л-ового локатива из л-ового аллатива /см. там же/. В марийском же слове лишыл 'близкий' нет никакого падежного суффикса, здесь ясный словообразовательный суффикс имен. Ср. шенгел 'зад, задний', ончыл 'перед, передний', кӱшыл 'верх, верхний', ӱлыл 'низ, нижний', пелыл 'посторонний, чужой' и т.д.

По-видимому, два суффикса с направительным значением, в прибалтийско-финско-пермско-волжское время стали участвовать в образовании ряда сложных падежных суффиксов - это: -s и -la /-le/. Один из них образовывал внутреннеместные падежи, другой - внешнеместные. Сравним примеры:

марийский		финский	
-што /кушто 'где'/		-ssa / < *sna/	- инессив
-шеч / < *шет/	/кушеч 'откуда'/	-sta	- элатив
-шан / < *шан/	/кушан 'где'/	-sen (< *sen)	- иллатив

марийский		финский	
-не /о, -ӧ/	- локатив	-lla / < *lna/	- адессив
-лан / < *лан/	- датив	-lle (< *len)	- аллатив
-леч / < *лет/	- аблатив	-lta	- аблатив

[I] Там же, стр.42.

Как бы ни было,марийский язык не дает никаких следов локативного -л.Если был локатив на -л,то, нужно полагать, что он уже в финно-угорское время терял свою падежную функцию и переходил в разряд словообразовательных суффиксов.Поэтому и не находим мы в большинстве финно-угорских языков подобного локатива.

Развитие системы падежей

Из произведенного анализа истории возникновения современных марийских падежных, наречных и послеложных суффиксов становится очевидным,что современная система марийских падежей не совпадает с системой падежей древнемарийского языка.

В современной системе марийских падежей имеется ряд первичных и вторичных падежных суффиксов. К первичным падежным суффиксам относятся: -н - родительного падежа,-м- винительного падежа. Кроме того в современном марийском языке сохранились реликты ряда древних падежных форм:-это:-н /-ын/, -ла,-де, -е, /-и/,-а,-не, -ке, -ан, - ч, -те, -ге, -ш .

Все первичные /простые/ падежные суффиксы находят соответствия в тех или иных родственных языках. По этим соответствиям представляется возможным установить древность того или иного суффикса и составить приблизительную хронологию для них.Это приводит нас к тому заключению, что существующая точка зрения о 4-х и 7-ти падежах в финно-угорском языке-основе не отражает истинную картину древней системы падежей финно-угорского языка-основы.

Во всяком случае, древних падежей, как видно из анализа, было больше шести, так как вряд ли можно считать случайным

или плодом самостоятельного развития подобные сходства в родственных языках.

Наши материалы показывают, что в древнемарийском языке было более десяти первичных падежных суффиксов.

№№ пп	Наименование падежа	суффикс	Примеры
I.	Номинатив	-	паша 'работа'
2.	Генитив	-н	паша + н 'работы'
3.	Аккузатив	- м	паша + м 'работу'
4.	Абессив	-те /-та/	паша + те 'без работы'
5.	Латив	-е /-и/	вер + е 'на место', унчыли 'вниз'
6.	Латив	-а /-ӓ/	велӓ 'на сторону'
7.	Латив	-ке /-к/	ончыл + ко 'вперед'
8.	Латив	- н'	ончыла + н 'впереди'
9.	Иллатив	-ш /< с/	ты + ш 'сюда'
I0.	Аллатив	-ла /-ле/	ончыкы + ла 'вперед'
II.	Инструктив	-ин/-н/	кокт + ын 'вдвоем'
I2.	Локатив	-не /-на/	ончыл + но 'впереди'
I3.	Локатив	-те /-т/	ӧрдыж + тӧ 'в стороне'
I4.	Аблатив	-ч/< т/	мӱндыр + ч 'издалека'.

Эти падежные форманты находят соответствия во многих финно-угорских языках.

Таким образом, уже в домарийское время было более десяти падежных форм. На наш взгляд, конкретность языка требовала конкретных форм. Поэтому нельзя согласиться с тем, что в одной форме могли сочетаться несколько различных значений. Диффузность значений маловероятна.

В прибалтийско-финско-пермско-волжское время возникли датив на -лан /паша + лан 'работе'/ и аблатив на -леч / лет/ /паша + леч 'от работы'/. В волжское время возник комитатив на -ге /паша + ге/'вместе с работой'/.

Только на марийской почве возникли падежи инессив на -ште /паша + ште 'на работе'/ и иллатив на -шке /паша + шке 'на работу'/. На марийской же почве из древнего аллатива развивался сравнительный падеж /компаратив/ на -ла /маскала 'по-медвежьи'/.

Таким образом, в развитии системы марийских падежей можно отметить приблизительно три исторических пласта:

№№ пп	Древний пласт	№№ пп	Средний пласт	№№ пп	Новый пласт
I.	Номинатив без суф.	I.	Генитив -н	I.	Инессив -ште
2.	Аккузатив -м	2.	Комитатив -ке/-к/	2.	Иллатив -шке
3.	Аккузатив без суф.	3.	Датив -лан /< лан'/	3.	Компаратив -ла
4.	Абессив -те /-та/	4.	Аблатив -леч / < лет/		
5.	Латив -е /-и/				
6.	Латив -а /-ӓ/				
7.	Латив -к				
8.	Латив -н /< н'/				
9.	Латив -ш /< с/				
I0.	Аллатив -ла /-ле/				
II.	Локатив -не /-на/				
I2.	Локатив -те /-т/				
I3.	Комитатив-инструктив -ин /-н/				
I4.	Аблатив -ч / < т/				

Из этих пластов можно выделить несколько различных групп падежей по их значимости для современного марийского языка:

№№ пп	Живые падежи	№№ пп	Отмирающие падежи	№№ пп	Мертвые падежи
	I		2		3
I.	Номинатив без суф.	I.	Абессив -те /-та/	I.	Латив -а /-ӓ/
2.	Генитив -н	2.	Комитатив -ге	2.	Латив -е /-и/
3.	Датив -лан/<лан'/	3.	Аблатив -леч/<лет/	3.	Латив -ке /-к/
4.	Аккузатив -м			4.	Латив -н'
5.	Аккузатив без суф.		4	5.	Локатив -не/-на/
6.	Инессив -ште		Неразвитые падежи	6.	Локатив -те /-т/
7.	Иллатив-шке	I.	Компаратив -ла	7.	Комитатив-инструктив -ин /-н/
8.	Инессив-терминатив -ешʼ /<ес/			8.	Аблатив -ч / т/

Сложные /вторичные/ падежные формы в первый период древнемарийского языка, очевидно, еще не были закреплены как падежи, т.к. наряду с ними существовали первичные /простые/ падежные формы. Поэтому при установлении системы падежей древнемарийского языка необходимо в первую очередь учесть первичные /простые/ падежные формы. Этих форм, как мы видели, набирается гораздо больше, чем об этом предполагал Б.А.Серебренников, а еще больше, чем думали об этом Синней Й., Бубрих Д.В. и др.

Итак, древнемарийский язык раннего периода знал следующие первичные /простые/ падежные показатели, из которых затем сложились вторичные /сложные/ падежи:

I. Генитив /родительный/ -н /-ɯ/

2. Аккузатив /винительный/ -м /- ɯ/

3. Абессив /лишительный/ -те /<та/ / -te <-ta)

4. Латив /общенаправительный/ -е /-и/
5. Латив /общенаправительный/ - а /-ӓ/
6. Латив /общенаправительный/ - к
7. Латив /общенаправительный/ -н' /-n'/
8. Иллатив /вступительный/ -ш /< с/, /-š < s)
9. Аллатив /приблизительный/ -ла /-ле/, /-la, -le)
10. Локатив /общеместный/ -не /-на/, /-ne, -na)
11. Локатив /общеместный/ -т /-те/, /-t, -te).
12. Комитатив /совместный/ -ке /-к/
13. Инструктив-комитатив /совместный образа действия/ -ин /-in/, /-н/ /-n/
14. Аблатив /отделительный/ -ч /< т/, /č < t)

Исходя из этой таблицы, можно представить всю систему древнемарийских падежей раннего периода в следующем виде:

№№ пп	Падежи	Окончания
I.	Номинатив /именительный/	без окончания
2.	Генитив /родительный/	-н
3.	Аккузатив /винительный определен./	-м
4.	Аккузатив /винительный неопредел./	без окончания
5.	Абессив /лишительный/	-те /< -та/
6.	Латив /общенаправительный/	-е /-и/
7.	Латив/общенаправительный/	-а /-ӓ/
8.	Латив /общенаправительный/	-к /-ке/ /< -ка,-кӓ/
9,	Латив /общенаправительный/	-н'
10.	Иллатив /вступительный/	-ш /< с/
11.	Аллатив /приблизительный/	-ла /-ле/
12.	Аблатив /отделительный/	-ч /< т/
13.	Локатив /общеместный/	-не /-на/

I4. Локатив /общеместный/ -т /-те/

I5. Инструктив-комитатив /образа действия - совместный/ -ин

I6. Комитатив /совместный/ -ке /-к/

Вызывает некоторое раздумье наличие четырех общенаправительных и двух общеместных падежей. Правда пока еще трудно судить о первоначальных различиях в их значениях. Однако не исключено, что какое-то различие между ними было. По косвенным данным мы можем лишь предположительно высказать свои соображения. Лативный суффикс -н /∠н'/ в современном марийском языке связан обычно со значением 'где, до какого определенного места на поверхности', поэтому думается, что этот суффикс в древнемарийском языке был связан с идеей общего направления на поверхности до определенного места. Ср. ончылан 'впереди', ӱлан 'внизу' и т.д. Латив же на -к не имеет значение 'до чего-либо' его направление бесконечно, поэтому можно полагать, что он выражал общее направление без ограничения в пространстве. Ср. ончыко 'вперед', ӱлыкӧ 'вниз' и т.д. Весьма трудно судить о первоначальных значениях вокалических лативов, так как очень мало данных. Однако некоторые косвенные данные позволяют предполагать, что их значения были разными. Так латив на -е принял участие в образовании современного обстоятельственного падежа, в котором элемент -ш восходит к суффиксу вступительного падежа /иллатива/, а это дает некоторое основание полагать, что и латив на -е был связан с идеей направления во внутрь. Особенно показательны в этом отношении данные пермских языков, где латив на -е до сих пор сохранил идею направления во внутрь. Ср.коми-зыр. вӧрӧ 'в лес', ваӧ 'в воду', удм.гурте 'в деревню' и т.д.[I]. Ла-

[I] Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. I964, стр.36-37.

тив на - а, в отличие от латива на -е, имеет тенденцию соединяться с лативом на -н, который имел значение направления на поверхность предмета, поэтому можно предполагать, что и латив на -а по своему значению был внешненаправительным падежом. Ср. ончыл 'перед' - ончылан 'впереди, вперед', тӱгӧ 'на волю' - тӱан /из тӱган/ 'на воле, на волю', ср.также венг.ala 'под' от al 'низ'. Подобная же картина наблюдается и в общеместных падежах. Суффикс -не /- на/ употребителен в значении внешнего места, поэтому думается, что он в древности был связан с идеей места на поверхности, во внешнем мире. Ср. ончылно 'впереди', ӱлнӧ 'внизу', но кӧргыштӧ 'внутри'. Суффикс же -т очевидно был более связан с идеей места внутри чего-либо, поэтому он и присоединился к иллативному -ш /< с/. Такое разграничение значений могло развиться и на марийской почве.

В дальнейшем древнемарийская система падежей претерпела ряд серьезных изменений. Наиболее сильными изменения оказались в сфере местных падежей. В результате слияния двух направительных падежей: аллатива на -ла и латива на -н′ образовался новый направительный падеж на -лан′, который в современном марийском языке выполняет функцию дательного падежа. Образование этого сложного латива, как мы указывали уже выше, произошло не позже прибалтийско-финско-пермско-волжского времени. Сами же направительные падежи на -ла и на -н′ постепенно были оттеснены к периферии и вышли из системы падежей: аллатив на -ла в некоторых диалектах развился в сравнительный падеж: маскала 'по-медвежьи'. Лативный суффикс -н′ сохранился лишь как составная часть суффикса дательного падежа и наречного суффикса -ан: ончылан 'впереди'.

Затем произошло слияние окончаний двух лативов: на -ш и на -ке, в результате чего возник современный направительный падеж на -шке: олашке 'в город', пӧртышкӧ 'в дом'. Старый направительный падеж на -ке сохранился в реликтовом состоянии в некоторых наречиях и послелогах, а также в некоторых диалектах: мучко 'на конец' /см.стр.10/. Направительный падеж на -ш продолжает свое существование в сокращенной форме современного направительного падежа.

Вокалические лативы оказались наиболее сильно оттесненными к периферии. Латив на -а в реликтовом состоянии сохранился лишь в некоторых наречиях и послелогах на -ан, где произошло слияние двух лативов: на -а и на -н. Но этот сложный суффикс не укрепился в системе падежей, по-видимому, из-за появления другого сложного суффикса -еш, в сложении которого приняли участие латив на -е и латив на -ш. Смешение значений сложных лативов на -ан и на -еш впоследствии оттеснило один из лативов, а именно на -ан, к периферии. Латив же на -еш продолжает свое существование в современном обстоятельственном падеже. О смешении значений этих двух сложных лативов говорит то обстоятельство, что до сих пор в вопросе обстоятельственного падежа употребляется лативный суффикс -ан: кушан? 'где?', тогда как самим суффиксом обстоятельственного падежа является -еш.

По-видимому, в период образования направительного падежа на -шке происходило и образование местного падежа на -ште из латива -ш и локатива на -те, в результате чего старый локатив на -не был также оттеснен к периферии. Он сохранился ~~в~~ лишь в реликтовом состоянии в некоторых наречиях и послелогах: ончылно 'впереди', дене 'у, с'. Локатив же на -те продолжает свое существование лишь в сложном суффиксе -ште современного мест-

ного падежа.

Аблатив на -ч /из -т/ был вытеснен послеложными конструкциями с послелогами гыч 'из', деч 'от'.

Абессив на -те в луговом наречии был вытеснен послелогом деч посна 'без'.

Инструктив на -ин превратился в наречие. Комитатив на -ке, за исключением некоторых диалектов, также выходит из системы падежей.

Таким образом древняя система марийских падежей претерпела изменение. Древние падежные окончания, кроме родительного и винительного, сохранились в послелогах и наречиях, новые окончания утвердились в сфере имен существительных.

История звательной /вокативной/ формы

Звательная форма в современном марийском языке распространена весьма ограниченно. Она употребляется только в сфере слов, выражающих родственные отношения. Показателем звательной формы является согласный -й. Этот согласный встречается во всех диалектах марийского языка, кроме горного наречия, в котором вокативная форма образуется изменением гласного основы. Причем нужно отметить, что перед этим согласным в разных диалектах выступают различные гласные, которые так же, видимо, не случайны, например: /см.стр. 80 /.

Как видно из приведенной таблицы, звательная форма употребляется, как правило, при обращении к родственникам старше себя. Только в восточном наречии есть случаи, где слово обозначающее младшего брата приобрело звательный суффикс. Но здесь, видимо, явление позднее и, скорее всего, связано с оттенком

ласкательности.

В родственных языках звательная форма, кроме пермских и марийских языков, не встречается. В древнепермском языке В.И.Лыткин отмечает наличие особого звательного падежа на -ӧ /э/, который, по его мнению, в коми-зырянском литературном языке имеет форму на -ӧй, ср. мамӧй 'мама' от мам 'мать'[1]. В мордовских языках, как и в марийском языке, имеется суффикс -й, который также употребляется только со словами, обозначающими родственные отношения, например: авай 'мама' от ава 'мать', атяй 'дедушка' от атя 'дед', бабай 'старушка' от баба 'старуха' и т.д.

Звательная форма с таким же суффиксом и тоже в наименованиях родственных отношений имеется в тюркских языках. Например, чув.апай 'моя, наша мать', татар.абей 'бабушка', башк. атай 'отец', кумыкск. атай 'отец', узбекск. бабей 'дедушка' и т.д. Г.Рамстедт считает его древнетюркским[2]. В марийском языке рассматриваемый суффикс является несомненно тюркским заимствованием.

Этимологический анализ слов, выражающих родственные отношения, также доказывает тюркское происхождение не только суффикса, но и самих этих слов в марийском языке. Например, мар. ава 'мать' тувинск. ава 'мать', башк. апа 'старшая сестра, тетя', казах. апа 'старшая сестра, мать', киргиз.апа 'старшая сестра, мать', узбек. апа 'старшая сестра, мать', чув. аппа 'старшая сестра, тетя', мар. ача, атя 'отец'; азерб., башк., казах., к-калп., кирг., тат., тур., туркм., уйг. ата 'отец',

---

[1] Лыткин В.И. Древнепермский язык, М. 1952, стр.102.

[2] Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание, М. 1957,стр.63.

Калтаса вост.	Й-Ола луг.	Волжск луг.	Ронга луг.	Мустаево луг.	Верх.кугенер луг.	Пертюково горн.	Но-сола горн.	Перевод
авай	авай	авай	авый	авый	авей	ӓви	ӓви	мать
ачай	атай	ачий	ачый	ачый	ачей	ӓти	ӓти	отец
акай	акай	акай	акый	акый	акей	ӓки	ӓки	ст.сестра
изӓй	ызай	айзи	изай	изай	изай	ӟзӓ	ӟзӓ	ст.брат
кокай	кокай	кокай	кокай	кокай	кокай	куаки	куаки	тетя
курскай	кӌрскай	кӌрскай	кӌрскай	курскай	курскай	кырска	кырыска	зять
								сноха
								дядя
павай	кугызай	кугызай	кугызай	кугызай	кугызай	кугузи	кугуза	ст.брат отца
кочай	котӑй	чачай	кочай	кочай	кочей	тӧтӥ	тӧтӥ	дед
ковай	папай	павай		ковай	ковей	папи	папи	бабушка
				кувай	кувай			старуха
чӱчий				чӱчӱй				дядя брат матери

чув. низовый диалект атте, верх.диалект ати 'отец', тувинск. ача 'отец', ачай 'отец', при обращении'[1]. Мар. ака 'старшая сестра' заимствовано из чувашского языка, ср.чув. акка 'старшая сестра', ибо во всех других тюркских языках это слово имеет значение 'старший брат или старший родственник по мужской линии'[2]; мар.курска, кырыска 'зять' также чувашского происхождения, ср.чув.керӳ 'зять', азерб. куракән 'зять'. В марийском курска 'зять' элемент -ска является также ум чувашским уменьшительным суффиксом, ср.пӳрне 'палец' - пӳрнеске 'наперсток'. Мар.йынга, йенга 'сноха', ср.азерб. ен,кә, башк.ен,гә, тур. yenge, туркм.ен,н,е, узб.янга, уйг. jән,gә, казах.ж,ен,ге, к-калп.женгге, кирг.ж,ен,е, тат.ж,ин,гә, алт.дьенге. Это слово означает 'старшая невестка, сноха, жена старшего брата или дяди'[3].

Термин иза 'старший брат' финно-угорского происхождения, но по аналогии с другими терминами родства, вошедшими в марийский язык из тюркских языков, принял на себя звательный суффикс. Другие же термины, употребляющиеся с указанным суффиксом являются сложными словами, где вторым копонентом является заимствованное слово. Например: кокай < кугу + акай 'букв.большая, старшая сестра', кочай < кугу + ачай 'букв.большой, старший отец', кугызай < кугу + изай 'букв.большой, старший брат', ковай, кувай < кугу + авай 'букв.большая, старшая мать'. В не-

[1] Примеры взяты из статьи Л.А.Покровской "Термины родства в тюркских языках", сб.Историческое развитие лексики тюркских языков, М. 1961, стр.25 и след.

[2] Там же, стр.35-36.

[3] Покровская А., Указ.соч. стр.65.

которых говорах марийского языка перед вокативным суффиксом -й происходит сужение конечного гласного основы имени: авей, авий, авый от ава 'мать'. В горном наречии сузившийся конечный гласный основы воспринял на себя функцию вокативного суффикса -й, сам же суффикс отпал.

Междиалектные соответствия указывают на то, что в марийском языке перед вокативным суффиксом -й произошло постепенное сужение гласного основы -а с последующей редукцией его в некоторых говорах : а > е > и > ы /авай > авей > авий > авый ,мама'/. Встречающийся в восточном наречии суффикс -кай в слове шолыкай 'младший брат' является заимствованием из татарского языка. Ср.башк., тат., атакай 'папа' и т.д. Звательную форму могут получать только слова, обозначающие старших родственников, что связано, как указывает Л.А.Покровская, с почтительным обращением к старшим[I].

История числовых форм имени

Марийский язык знает два числа: единственное и множественное. Единственное число не имеет определенного числового показателя, для выражения же множественного числа в нем имеется несколько показателей. Этими показателями являются: -влак, /-вла, -лак/, -ла, -мыт, -шамыч, /-шамыц, -шач, -шац/. История этих показателей в какой-то мере уже выяснена, поэтому нам остается лишь критически пересмотреть имеющиеся точки зрения.

В финно-угорском языкознании установилось мнение, что финно-угорский язык-основа знал четыре показателя множественного чис-

[I] Покровская Л.А., Указ.соч. стр.80.

ла: *-n, *-t, *-j, *-k [I]. Но в современном марийском языке мы подобных показателей множественности как бы не имеем. Однако при рассмотрении истории современных показателей множественного числа раскрываются довольно поразительные картины, отражающие участие некоторых из указанных финно-угорских показателей в образовании современных марийских. Рассмотрим историю каждого показателя в отдельности.

Показатель -влак

Этот показатель с 1953 года введен в норму лугово-восточного литературного языка. Он употребляется для выражения общей множественности предметов. Например: пӧръен-влак 'мужчины' от пӧръен 'мужчина'; ӱстел-влак 'столы' от ӱстел 'стол'; книга-влак 'книги' от книга 'книга' и т.д.

Показатель-влак распространен в восточном наречии марийского языка. Например: шушыктышо-влак кургым ястарат /из газеты/ 'возчики выгружают корм', кечвалым икшыве-влак, ӱдыр-влак да эрге-влак модыт, мурат, курштат /д.Тебеняки Сунсунского района Пермской обл. фонд МарНИИ, тетрадь Макарова, 1960, лист 30/ 'днем дети, девушки и парни играют, поют, пляшут.

В некоторых говорах восточного наречия /малмыжский, шурминский/ и соседних с ними говорах лугового наречия /Мари-Турек, Косолапово/ данный показатель имеет вариант -лак. Например: Аптулат йӱдӱм кинелӓн и тудылакын пӹрнӓ терыштым унджул вуйа кӱшкӧ шогалтыл шынден, пӱнджӧлӓк веле, шиштӓкӓн /д.Кинерь, Малмыжского района Кировской обл. Фонд МарНИИ, 1959, тетрадь

[I] Szinnyei J. FUSp[2], стр.- 51-52. Бубрих Д.В. Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках, сб."Язык и мышление", XI, М.-Л. 1948, стр.78-80.

Галкина/ 'Аптулат ночью встал и тайком их сани с бревнами расставил около сосен вниз передками', ойзам-лак имным тарат /там же/ 'хозяева распрягают лошадь'.

В горном наречии этому показателю соответствует -влӓ. Например: халавлӓ 'города' от хала 'город'; имнивлӓ 'лошади' от имни 'лошадь'; стӧлвлӓ 'столы' от стӧл 'стол'.

Как в восточном наречии -влак, -лак, так и в горном -влӓ, кроме выражения общей множественности, употребляются для выражения групповой множественности. Например, вост.: авам-влак 'моя мать'и те, кто с ней', изай-влак 'старший брат и те, кто с ним'. Изамлак тек мийышнм /д.Кинерь, Малмыжского района Кировской обл./ 'сходил к брату /подразумевается, что и к его семье/', Наишлак тек каен /там же/ 'ушел к Наиш /подразумеваются и ее близкие/'. Горное наречие: ӓтявлӓ 'отец и те, кто с ним' от ӓтя 'отец', Иванвлӓ 'Иван и те, кто с ним'.

В луговом наречии для выражения групповой множественности употребляется другой показатель -мыт. Например: ачамыт 'отец и те, кто с ним', акамыт 'старшая сестра и те, кто с ней' и т.д.

Относительно происхождения показателя -влак существует несколько мнений. Так, например, Аттин считает, что он одного происхождения с горно-марийским словом пӱлӓ 'много', которому соответствует финское paljon 'много'[I]. Развитие этого слова в показатель множественного числа, по мнению Аттина, происходило следующим образом: начальный согласный оказавшись в интервокальном положении, перешел в в- по закону озвончения

[I] Аттин А. К вопросу о происхождении суффиксации множественного числа в марийском языке. Доклады АН СССР, 1928, № 10, стр.210.

глухих согласных в интервокальном положении и после сонорных согласных, например: йолвондо 'мотовило' от йол 'нога', пондо 'палка', салмавондо 'сковородник' от салма 'сковорода', пондо 'палка'; гласный же -ӱ, оказавшись в безударном положении, редуцировался и выпал совсем, конечный согласный -к является финно-угорским показателем множественного числа, которому имеются соответствия в ряде финно-угорских языков, например, в венгерском и саамском.

Финский ученый Рамстедт рассматриваемый показатель считает по происхождению тюркским. По его мнению, он "восходит к древнему, весьма любопытному тюркскому слову böläk/тур. bölük 'рота'/, монг. böleg bölüg 'группа, отряд, орда, отделение, глава /в книге/', которое между прочим, согласно китайским источникам, обозначало племена или отряды гуннов[I]. Однако тюркское böläk как полагает Баскаков Н.А., связано с глаголом böl 'делить, разделить', но не с китайским buläk 'дивизия, отряд'[2]. Й.Синней почти того же мнения, что и Аттин[3], Уотила конечный -к считает усилительной частицей[4].

В последнее время появилось еще одно мнение относительно происхождения показателя -влак. Так Пенгитов Н.Т. считает, что показатель -влак восходит к слову п8л8к8 со значением род, потомок, группа, племя, поколение и связывает его с современ-

---

I Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр.61.

2 Баскаков Н.А. Примечания к указ.соч. Рамстедта, стр.231,№51.

3 Szinnyei J. A finnugor - k többesképzö, NyK, XLV, Budapest 1917-20, стр.287.

4 Uotila T. Zwei Pluralcharaktere, FUF, 29, Helsinki 1946, стр.29.

ным словом полко 'группа, отряд'[1]. Такого же мнения Кармазин Г.Г.[2]. По мнению Пенгитова Н.Т. одного происхождения с показателем -влак и второй компонент топонимических названий: Шуй-Беляк, Ядык-Беляк, Керебеляк и т.д. На первый взгляд все точки зрения кажутся весьма убедительными.

Более детальное знакомство с языковыми фактами приводит к тому заключению, что в определении источника показателя -влак /-лак, -вла/ наиболее правильную позицию занимает Г.Рамстедт.

С мнением Аттина нельзя согласиться потому, как правильно отметил Пенгитов Н.Т., и что слово пӱла 'много, значительно' при сочетании с другими словами как определение, которое в финно-угорских языках занимает всегда препозитивное место, не могло быть на постпозитивном месте, а следовательно, не может быть и речи о его грамматикализации. К тому же, если оно обозначало множество, то не было острой нужды в другом -к-овым показателе множественного числа, который, кстати сказать, в марийском языке вообще не обнаруживается.

Нельзя согласиться также и с Н.Т.Пенгитовым, так как слово полко 'отряд, группа' в марийском языке является скорее всего заимствованием из русского языка, которое и в последнем в разговорном стиле обозначает 'множество, толпа, стая, рой'[3]. Что касается топонимов, вроде Керебеляк, Шуй-Беляк, Шойбулак и пр.,

---

[1] Пенгитов Н.Т. Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке, Труды МарНИИ, вып.X, 1957, стр.87.

[2] Кармазин Г.Г. Сборник статей по марийскому языку, Маргиз, 1936, стр.6-10.

[3] Толковый словарь русского языка под ред.Ушакова Д.Н. т.Ш, М., 1939, стр.526.

то вторым компонентом в большинстве из них, по нашему мнению, является не слово полко 'отряд, группа', а совершенно иные слова тюркского происхождения. Нередко названия деревень возникают из названий древних илемов, которые обычно были связаны с собственными именами владетелей этих илемов и характеристикой места или местоположения этого илема. Для последнего чаще всего употреблялись названия рек, лесов или же просто слово, обозначавшее 'угол, глухое место', которое характеризовало местоположение илема. Ср. Яштывай лук, Пекшик лук и т.д. По всей вероятности, подобным же образом возник топоним Шойбулак. Это слово первым компонентом имеет название реки Шой, этимология которого пока что неизвестна. Вторым компонентом топонима Шойбулак является несомненно тюркское слово булак 'источник, родник мутной воды, ручеек'[I]. Таким образом топоним Шойбулак будет означать 'источник, родник Шой'. Что касается фонетических изменений булак > плак > влак, то это вполне закономерно. Согласный б, за неимением такового в марийском, закономерно переходит в -п, ср. Борис - Порис или в -в, ср. бочка - вочко, а согласный п - в положении между гласными озвончается, а гласный -у в безударном положении редуцируется и исчезает. Ср. кугорно 'большак' из кугу + корно 'большая дорога'; не исключено, что некоторые названия деревень, а известно, что деревни возникли в недалеком прошлом, могли использовать в качестве второго компонента и слово полко /Чодра-полко, Митри-полко и т.д./, но это поздние названия, и нельзя их объединять с названиями подобными Шойбулак и т.д. Фонетически невозможно, чтобы гласный о пере-

[I] Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т.IУ, часть 2, С.-Петербург, 1911, стр.1837.

шел в а, ибо луговое наречие знает обратное явление-переход а в о.Например, горн. кадем "оставлю", лугов. кодем "оставлю", горн. пач,луг. поч "хвост" и т.д.

Что же касается географических названий на беляк, то здесь, по-видимому, нужно усматривать разные источники. Гидронимы на беляк, очевидно, связаны с тем же тюркским словом булак "источник,родник", ср. Шуйбеляк "родник",источник Шуи". Само название речек Шуи, Шой, на наш взгляд, можно сравнить с комиязрянским Шуй "гнилой, испорченый". Топонимы на беляк частично связаны с тюркским словом бäлäк "холм, бугор",ср. Кандашбеляк букв. "восемь холмов", частично-с тюркскими бöлäк "группа, отряд, орда, стая", ср. Керебеляк Керей беляк,где Керей собственное имя или Токтай беляк, где Токтай также является собственным именем. Таким образом, Керебеляк первоначально означало "Кереева группа", Токтай беляк " Токтаева группа". Беляки были распространены также у мордвы и удмуртов. "Высшую областную единицу мордовских общин,живших в селах и деревнях,- пишет И. Христофорова,-составляли по актам ХУП ст. так называемые "беляки",в состав которых входило несколько соседних сел и деревень. Поэтому в справках из писцовых книг мордовские деревни обыкновенно определяются так: деревни Нагаева,Чулиново тож, на речке на Чучерме, Кильдюшевского беляка"[2].Как видно, в таких случаях слово беляк не связано с названием реки, оно лишь определяет группу. По-видимому, в марийских топонимах оно выражало группу илемов, так как раньше деревень не было.

Таким образом, предположение Рамстедта о происхождении показателя-влак наиболее верно: древне-тюркское слово bölak "груп-

1 Гордеев Ф.И.Русская топонимика Марийской АССР"Вопросы марийского языкознания",сб.статей,вып.I,Йошкар-Ола, 1964, стр. 47.

2. Христофорова И.Я.О старинных рукописях в Симбирской Карамзинской библиотеке,Труды IУ Археологического съезда, т.I,Казань,1884,стр. 34.

па, отряд, орда' приобрело в марийском языке значение показателя множественного числа. Этот показатель в горном наречии имеет только одно звучание -влӓ, что также подтверждает его тюркское происхождение, т.к. он и в древнетюркском был с гласными переднего ряда. Заимствован этот показатель,очевидно, в весьма отдаленное историческое время, еще тогда, когда он и в чувашском языке, как полагает Рамстедт[I] выступал показателем множественного числа. Горно-марийское -влӓ по своему звучанию в отношении гласного древнее, чем восточно-марийское -влак. Древнетюркское böläk войдя в марийский язык, стало произноситься по фонетическим законам марийского языка, поэтому, из-за отсутствия в марийском языке фонемы б , она заменилась сходной фонемой марийского языка в. По закону редукции гласных в безударном положении гласный ӧ выпал. Конечный согласный -к в горном наречии отпал, но сохранился в восточном наречии. Отпадение конечного -к в горном наречии, по всей очевидности, объясняется обобщающим влиянием образований с суффиксом -лӓ /-ла/. Ср.шапкилӓ 'осинник', кугилӓ 'березняк' и т.д.

В некоторых говорах восточного наречия эмфатически выпал также начальный согласный пӧрт-влак > пӧрт-лак 'дома'.

Показатель -шамыч

По своему значению и употреблению данный показатель ничем не отличается от показателя -влак /-влӓ, -лак/. Сфера его распространения ограничивается луговым и северо-западным наречиями марийского языка. Причем в северо-западном наречии оба показателя -влӓ и -шамыч употребляются на равных правах. Напри-

[I] Рамстедт Г., Указ.соч., стр.61.

мер: Лшкал-влӓ, Лшкал-шамыц 'коровы' от Лшкал 'корова' и т.д.

В диалектах этот показатель имеет различное звучание. Так в чокающих говорах лугового наречия он имеет варианты: - -шамыч, -шач /пӧрт-шамыч, пӧрт-шач 'дома' от пӧрт 'дом'/, в цокающих говорах лугового наречия и в северо-западном наречии -шамыц, -шац. /Пӧрт-шамыц, пӧрт-шац 'дома' от пӧрт 'дом'/. В литературном марийском языке этот показатель употребляется только в поэтической речи.

Происхождение данного суффикса большинство исследователей связывают с чувашским показателем множественного числа -сам, -сем. Одни считают, что этот суффикс заимствован в марийском языке из чувашского[I], другие - наоборот[2], третьи полагают, что он сложился из чувашского и марийского элементов[3].

В тюркских языках, кроме чувашского, показателя множественного числа -сам /-сем/ нет, поэтому очень рискованно считать, что этот показатель был древнетюркским. По всей очевидности, он представляет собой в чувашском языке явление обособленное. Нет сомнения в том, что чувашский -сам /-сем/ и марийский -шамыч /шамыц/ исторически взаимосвязаны, однако, неясны их судьбы. Вполне справедливо мнение Н.Т.Пенгитова, что марийское -шамыч состоит из чувашского -сам и древнемарийского показателя множественности -т /-t/, но непонятно, почему ~~ш~~ древний согласный -т /- t/ перешел в -ч /-č/. Н.Т.Пенгитов приво-

---

I Васильев В.М. Кужечын лектын "шамыч" манме мут, "У илыш", № 6, 1923, стр.44.

2 Серебренников Б.А. О взаимодействии языков, "Вопросы языкознания", № I, 1955, стр.19.

3 Пенгитов Н.Т. Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке, Труды МарНИИ, вып.X, 1957, стр.89.

дит примеры на переход древнего т > ч : лудыт 'читают', лудыч 'они читали' и т.д. Однако в этих примерах переход т > ч зависел от предыдущего гласного -и /-i/ показателя прошедшего времени. В показателе же -шамыч трудно предполагать былое наличие гласного -и /-i/. Для перехода т > ч было необходимо смягчение согласного -т, ибо в ч обычно переходил мягкий т'. Не случайно даже и по сей день в некоторых говорах лугового наречия марийского языка вместо -шамыч можно встретить -шамыть, например: Ушкал-шамыт'лан шудым пушаш 'надо дать коровам сена'. По-видимому, к чувашскому -сам /-сем/ присоединился марийский -т /-t/ посредством соединительного гласного -е, который явился причиной смягчения -т и дальнейшего его превращения в -ч. Сам же гласный, оказавшись в безударном положении, редуцировался. Факты перехода -т /-t/ > ч /č/ после гласного -е в марийском языке нередки. Например: деч дет 'от', воктеч воктет 'сбоку'. К тому же в чувашском языке -сам, -сем восходит к -сан', -сен' или -сан, -сен[I]. Учитывая смягчение -т в дальнейший его переход в -ч в марийском языке, можно предполагать, что конечный согласный чувашского -сам, -сем был некогда мягким, который также помог смягчению марийского -т.

Диалектные разновидности показателя -шамыч являются поздними по развитию. Форма -шамыц закономерна в цокающих говорах, где вместо -ч обычно выступает - ц. Например, йошкар-олинский: ноцко, моркинско-сернурский: ночко 'мокро, мокрый', йошкар-олинский: цыве, моркинско-серн.: чыве 'курица', йошкар-

---

[I] Рамстедт, Указ.соч. 6I.

олинский: поц, моркинско-серн.: поч 'открой' и т.д. Формы же -шӓч и -шац возникли путем эмфатического выпадения сочетания звуков -мы: шамыч > шач, шамыц > шац.

В древнемарийском языке первоначально, по-видимому, показателем множественного числа имен существительных был финно-угорский -т /-ṭ/, который сохранился до настоящего времени в системе глагольного спряжения и в суффиксе -мыт. Затем под влиянием тюркских языков в него вошел новый показатель -влак /-влӓк/, который продолжал до определенного времени сосуществовать с показателем -т, о чем свидетельствует наличие показателя -влӓ и -мыт в некоторых говорах марийского языка /Арды/. Затем, часть марийцев, оказавшаяся в непосредственной близости к чувашам переняла из чувашского языка новый показатель сам, который осложнился с имевшимся в марийском языке показателем -т /-ṭ/ и вытеснил прежний показатель -влак. В северо-западном наречии оба эти показателя остались, так как оно территориально оказалось не в непосредственной близости к чувашам, и это не дало возможности активизироваться новому показателю -шамыц. /Он и сейчас употребляется в нем факультативно/. Факт отсутствия показателя -шамыч в восточном и горном наречиях марийского языка дает основание предполагать, что восточное и горное наречия в отношении образования форм множественного числа имен не подверглись вторичному тюркскому /чувашскому/ влиянию.

Причину замены древнего финно-угорского показателя множественности - новыми -влак, -влӓ, -шамыч Б.А.Серебренников усматривает в былом недостаточно четком различении множественного числа. По его мнению, в развитии множественного числа в пермских, марийском и чувашском языках было три основных фазы:

Первая фаза характеризуется сохранением древних форм множественного числа, вторая фаза характеризуется утратой старых форм множественного числа под влиянием языка субстрата вследствие чего единственное и множественное число формально не различаются, третья фаза характеризуется появлением новых форм множественного числа[I]. Однако параллельное сосуществование финно-угорского показателя множественности -t и новых показателей -влак и -шамыч, в последнем даже слияние старого показателя с новым -шам, на наш взгляд, указывает на то, что марийский язык никогда полностью не утрачивал различение единственного и множественного числа.

Показатель -мыт

Показатель -мыт в современном марийском литературном языке употребляется для выражения групповой множественности неоднородных лиц. Например: акамыт 'старшая сестра'и те, кто с ней', от ака 'старшая сестра'; изамыт 'старший брат и те, кто с ним' от иза 'старший брат'; авамыт 'моя мать и те, кто с ней' от ава 'мать'; Йыванмыт 'Иван и те, кто с ним'; Ванькамытше кушто улыт?- йодеш (Пётыр) (М.Шкетан, Эренер, I2I) 'где же Ванька со своими друзьями,- спрашивает (Петр)'.

Показатель -мыт обычно присоединяется к терминам родства и собственным именам, но есть случаи, когда эта рамка нарушается, например: мемнан школыш Яндышев гай учительым колтышт, тудо сай,- манынт шонгырак пӧръеннмыт (М.Шкетан, Эренер, 94) 'пусть направят в нашу школу учителя как Яндышев, он хороший,- говорили пожилые мужчины'; Илюш ден Марзена, изи ведраштышт кодшо пушенгге озымым... шындыл пытараш тыршен, йолташмыт деч

[I] Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М. 1963, стр.96-99.

вараш кодынат /Ончыко, № 4, 1956, 34/ 'стремясь рассадить всю рассаду деревьев, Илюш и Марзена отстали от товарищей', Вачай ден Шамрай, гримым налын шогалын, артистмытлан шинчаком-дышштым, нерыштым, сангаштым шемемдылыт, шӱргыштым чевертат /М.Шкетан, Эренер, 116/ 'Вачай и Шамрай гримируют артистам веки, нос, лоб, лица'[1].

В некоторых говорах марийского языка /Кокшамары, Арды/ суффикс -мыт употребляется вместо показателей -шамыч и -влӓ. Здесь он не ограничивается выражением групповой множественности. Например: ушкалмыт 'коровы' от ушкал 'корова', шорыкмыт 'овцы' от шорык 'овца', пӧртмыт 'дома' от пӧрт 'дом'. Пугачев ден кресаньыкмыт лектыныт кызытсе Звениговский район серышке /с.Кокшамары, фонд МарНИИ, тетрадь Федоровой Л./ 'Пугачев и крестьяне вышли на границу теперешнего Звениговского района', шарыкмыт 'овцы' от шарык 'овца', пайанетмыт 'богачи', пастукемыт 'пастухи' от пастух /Тетрадь Акцорина, фонд МарНИИ/. Причем нужно отметить, что в Ардах показатель -мыт употребляется наряду с показателем -влӓ, но последний начинает брать верх. В горном наречии нет показателя -мыт, вместо него употребляется показатель -влӓ, подобное же наблюдается в некоторых говорах восточного наречия /Шурма, Малмыж/ и в северо-западном наречии /Тоншаево, Шаранга/. Таким образом, показатель -мыт имеет наиболее широкое употребление только в луговом наречии.

В вопросе о происхождении рассматриваемого суффикса у языковедов нет противоречий. Полагают, что он исторически сложился из двух совершенно различных по значению элементов: первый согласный суффикса -м - представляет собой притяжательный суф-

[1] Примеры заимствованы из работы Н.Т.Пенгитова "Формы числа имен..." Труды МарНИИ, вып.X, 1957, стр.82.

фикс I-го лица единственного числа, второй согласный -т - финно-угорский показатель множественности, который присоединился к -м посредством соединительного гласного -ы[I]. Эта точка зрения относительно происхождения суффикса -мыт не вызывает сомнений, только требует некоторого уточнения. Конечно, суффикс -мыт исторически возник из двух различных элементов: первоначально этот суффикс употреблялся только говорящим лицом и лишь в кругу слов, выражающих родственные отношения, поэтому к притяжательному суффиксу I-го лица присоединился показатель множественного числа. Сначала, вероятно, суффикс -мыт выражал множество однородных лиц, а значение множества неоднородных лиц в нем возникло позже. Подобное же явление наблюдается в самодийских языках, где слова, обозначающие понятия родства могут принимать форму групповой множественности. Так, например, в ненецком языке форма нисянад 'твои отцы' употребляется только в тех случаях, когда, кроме отца, имеются братья отца, его отец, или же братья и отец матери. По-мнению Терещенко[2], это явление восходит весьма к глубокой древности. В марийском языке показатель -мыт в связи с изменением общества изменил и свое значение, но лишь в некоторых говорах получил широкое обобщение и продолжает в какой-то мере сохранять свои древние функции, ограничиваясь терминами родства[3].

Притяжательный суффикс I-го лица единственного числа -м

[I] Пенгитов Н.Т. Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке, Труды МарНИИ, вып.X, 1957, стр.89.

[2] Терещенко Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев, М.-Л. 1956, стр.46-47.

[3] Галкин И.С., Грузов Л.П. Некоторые итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1958, Труды МарНИИ, вып.XIII, 1960, стр.199.

путем переразложения сросся с показателем множественности -т и потерял свое прежнее значение - дээтимологизировался. О его былом притяжательном значении очень ярко свидетельствует диалектный пример: пастукемыт 'пастухи' /Арды/.

Таким образом, первоначальное: ачамыт 'мои отцы' стало значить 'мой отец и те, кто с ним' /независимо от того, родственники или не родственники/. Дальнейшее обобщение суффикса -мыт совсем утратило притяжательное значение, поэтому он употребляется с именами существительными, имеющими притяжательные суффиксы других лиц ачатмыт 'твой отец и те, кто с ним', ачаштмыт 'их отцы и те, кто с ними'.

В некоторых говорах /Кокшамары, Арды/ показатель -мыт стал выражать множество однородных предметов: шорыкмыт 'овцы', пӧртмыт 'дома' и т.д.

Из финно-угорских языков форма групповой множественности, кроме марийского, встречается в коми языке. Так в верхневымских говорах языка коми с помощью суффикса -ан образуется множественное число существительных, обозначающих термины родства и собственные имена людей, например: айӧан 'отец /мой/ и все те, кто с ним', Петырысан 'Петр /их/ и все те, кто с ним'. Характерно, что существительные в этой форме обязательно бывают оформлены притяжательными суффиксами, стоящими между основой имени существительного и показателем множественного числа, например: мамыдан 'мать /твоя/ и все те, кто с нею'[I]. Это еще раз подтверждает нашу мысль о том, что элемент -м в показателе -мыт является ничем иным, как притяжательным суффиксом

[I] Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М. 1963, стр.88-89.

I-го лица единственного числа.

Гласный -ы, который именовался Н.Т.Пенгитовым слогообразующим[I], очевидно, является гласным притяжательного суффикса /личного местоимения/, подвергшимся редукции в безударном положении. Качество его первоначально было -е. Например, в дер.Никулята Яранского района Кировской обл. и в настоящее время вместо акамыт говорят акамет 'старшая сестра и те, кто с ней'.

Таким образом, суффикс -мыт по своему происхождению является марийским, сложившимся после распада финно-угорской языковой общности. Приблизительную картину развития рассматриваемого суффикса можно представить следующим образом: ачамет 'мои отцы' ачамыт 'мой отец и те, кто с ним'.

Показатель -ла

Суффикс -ла встречается во всех современных марийских наречиях. Основное его значение собирательное. В литературном марийском языке суффикс -ла чаще употребляется в формах пространственно-местных падежей, заменяя при этом показатель -влак. Например: плакат да портрет-влак дене сылнештарыме волгыдо да ару цехлаште электромотор-влакын иктӧр чыжген пӧрдмышт да станок-влакын мутланымышт деч моло уто йӱкым от кол /Ончыко, № 4, 1956, 34/ 'в светлых и чистых цехах, украшенных плакатами и портретами, кроме ровного гула электромоторов и станков, ничего не услышишь'.

В некоторых говорах марийского языка /Шаранга Горьковской области/ суффикс -ла употребляется только с именами существи-

[I] Пенгитов Н.Т. Указ.соч., стр.89.

тельными, обозначающими однородные деревья: куэлӓ 'березняк', шапилӓ 'осинник', кождарла 'ельник' и т.д. Однако во всех диалектах марийского языка основное собирательное значение суффикса -ла налицо. В некоторых случаях этот суффикс даже утратил свое формообразовательное значение и стал словообразовательным формантом. Например: шӱгарла 'кладбище' от шӱгар 'могила', кожла 'лес' /диал./ от кож 'ель' /см.также выше/.

По своему фонетическому облику суффикс -ла весьма напоминает показатель -влак /-влӓ/, однако никто не полагает, что он одного происхождения с последним, т.е. -ла, представляет собой сокращенный вариант -влак[1], т.к. внешний облик может быть и обманчивым. Суффикс -влак, как нам известно, тюркского происхождения /см.стр.89/, а суффикс -ла имеет прямые соответствия в родственных языках. К тому же, по значению эти два показателя совершенно различны. Прав Н.Т.Пенгитов, когда первоначальным его значением считает собирательность[2], однако он не решает вопроса о его происхождении.

Суффикс -ла по происхождению является финно-угорским. Особенно хорошо представлен он в прибалтийско-финских языках. В диалектах финского языка есть случаи, когда -l-овый элемент выражает множество, ср. t alloessa 'в домах'[3]. В удмуртском языке этому суффиксу соответствует, очевидно, словообразовательный суффикс в слове: куала 'шалаш', коми-зыр.: кола 'то

[1] Кармазин Г. Происхождение формативов множественного числа имен существительных в марийском языке, Сборник статей по марийскому языку, Маргиз, 1936, стр.13.

[2] Пенгитов Н.Т. Указ.соч., стр.88.

[3] Lehtisalo T. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe, стр.150.

же', ср.мар. уала 'хворост, ветки' от уа 'ветка'.

Д.В.Бубрих считает, что первоначально -л -овый суффикс обозначал место или собирательное целое[I]. Вполне можно согласиться с этим мнением, но нужно подчеркнуть, что собирательное значение было основным. Собирательность и место тесно связаны между собой. Ср. кожла 'лес', кожерла 'ельники' от кож 'ель', кожер 'ельник'. Некоторые лингвисты склонны считать л -овый суффикс по происхождению уменьшительным[2]. Но вряд ли это так, скорее всего уменьшительность - явление позднее.

Соответствия из родственных языков, а также диалектные материалы позволяют установить, что древняя форма суффикса была *-ла /-лӓ/.

Итак, суффикс -ла восходит к временам финно-угорской общности и имел первоначально собирательное значение. В марийском же языке он сохранил свой древний облик и древнее значение. Особенно хорошо сохранился он в горном наречии марийского языка: шапкилӓ 'осинник' от шапки 'осина', кожла 'ельник' от кож 'ель'.

Из рассмотренного выше видно, что в именах существительных марийский язык множество выражает весьма отличительными показателями, нежели другие финно-угорские языки. Некоторые элементы заимствованы из тюркских языков, а некоторые усложнились. Из древних финно-угорских показателей множественного числа в именах существительных марийского языка сохранился лишь -т -овый показатель в сложных суффиксах ср. -мыт < мы + т , шамыч < сам + ы + т .

Финно-угорским же является собирательный суффикс -ла. Нет

I Бубрих, Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.97.

2 Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка,ч.I,М.1953, стр.79 /сноска/.

в марийском языке в сфере существительных -*j, -*n, -*k, которые наличествовали в финно-угорском языке-основе, но некоторые из них сохранились или сохранили свои следы в других лексико-грамматических категориях слов: местоимениях, глаголе.

ИСТОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ФОРМ

В марийском языке, как и в других финно-угорских языках, в отличие от индоевропейских языков /русский, немецкий и т.д./ имеется категория притяжательности имен. Эта категория выражает принадлежность предмета кому-либо: мне, тебе, ему, нам, вам, им. Если в индоевропейских языках принадлежность предмета какому-либо лицу выражается посредством специальных притяжательных местоимений, например, русский: мой стол, немецкий: mein Tisch и т.д., то в финно-угорских языках это выражается посредством особых суффиксов. Например, Үстелем 'мой стол', Үстелет 'твой стол', фин. pöytäni 'мой стол', pöytäsi 'твой стол', морд.: кудом 'мой дом', кудот 'твой дом'.

Возможно также выражение принадлежности предмета какому-либо лицу постановкой личного местоимения в форме родительного /принадлежностного/ падежа. При этом имя существительное, выражающее предмет принадлежности, получает притяжательное оформление, но в формах первых двух лиц возможно его употребление и без притяжательного суффикса. Например: мыйын Үстелем 'мой стол', тыйын Үстелет 'твой стол' и мыйын Үстел 'мой стол', тыйын Үстел 'твой стол', но тудын Үстелже 'его стол'. Эта возможность облегчается, если в предложении наличествует указательное местоимение, например: тиде мыйын Үстел 'это мой стол'. Однако в третьем лице и в таком случае наличие притя-

хательного суффикса обязательно: тиде тудын ӱстелже 'это его стол'. Притяжательные суффиксы при наличии личного местоимения в форме родительного падежа опускаются чаще всего в тех случаях, когда слово, выражающее предмет принадлежности, стоит в форме какого-либо косвенного падежа. Например: Сергей Симаков мемнан заводеш кушкын /сб.Палыме лийына, 65/ 'Сергей Симаков вырос на нашем заводе.

Состав притяжательных форм в современном марийском языке довольно прост. Притяжательные суффиксы различаются по лицам и числам.

Единств.число	Множ. число
I. -м /-ем/	I. -на
2. -т /-ет/	2. -да
3. -же /-жо, -жӧ/, -ше /-шо, -шӧ/	3. -шт /-ышт/

Поясним это на примерах:

единств. число

I. ача + м 'отец мой' пӧрт + ем 'дом мой',
2. ача + т 'отец твой' пӧрт + ет 'дом твой',
3. ача + же 'отец его' пӧрт + шӧ 'дом его'.

множест. число

I. ача + на 'отец наш' пӧрт + на 'дом наш',
2. ача + да 'отец ваш' пӧрт + да 'дом ваш',
3. ача + шт 'отец их' пӧрт + ышт 'дом их'.

В горном наречии марийского языка конечный гласный притяжательного суффикса Ш-го лица единственного числа редуцированный: ӓтяжы 'отец его', пӧртшы 'дом его', а в Ш-м лице множественного числа после согласного -т выступает так же редуциро-

ванный гласный: ӓтяштӹ 'отец их', пӧртӹштӹ 'дом их'.

Как видно, притяжательные суффиксы множественного числа выражают лишь множество обладателей при одном обладаемом. О Обычно множество обладаемых предметов выражается при помощи показателя множественного числа -влак /диал. -шамыч, -влӓ/. Например: пӧрт-влакна 'наши дома', книга-влакда 'ваши книги' и т.д. Но в форме Ш-го лица множественного числа возможно выражение без дополнительного показателя множественного числа, как множества обладателей, так и множества обладаемых предметов. Например: нунын имньышт шога 'их лошадь стоит' или нунын имньышт шогат 'их лошади стоят'. Однако это явление весьма редкое.

Притяжательные формы в марийском языке употребляются со всеми падежами. В других финно-угорских языках притяжательные суффиксы располагаются или перед падежным окончанием, или же после него. Так, в финском и мордовском языках они стоят после падежного суффикса. Например, фин., номинатив: taloni 'дом мой', партитив: taloani 'дома моего' инессив: talossani 'в доме моем' и т.д. В венгерском языке, наоборот, притяжательные суффиксы предшествуют падежным окончаниям. Ср.kezem 'рука моя', kezemben 'в руке моей', kezembe 'в руку мою'. В древневенгерском языке было наоборот[I] . В марийском же языке наблюдается следующая картина:

Именит.	ӱстел + ем	'стол мой'
Родит.	ӱстел + ем + ын	'стола моего'
Дат.	ӱстел + ем + лан /ӱстел+лан+ем/	'столу моему'

[I] Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М. 1955, стр.97.

Вин.	ӱстел + ем + ым	'стол мой'
Местн.	ӱстел + ышт + ем	'в столе моем'
Напр.	ӱстел + ышк + ем	'в стол мой'
Обст.	ӱстел + еш + ем	'в столе моем'

В марийском языке в формах субъектно-объектных падежей, кроме дательного, где притяжательный суффикс может быть как перед падежным окончанием, так и после него, притяжательный суффикс предшествует падежному окончанию, а в формах пространственно-местных падежей следует после падежного окончания.

Как видно из приведенного, в финно-угорских языках нет единства в местоположении притяжательных суффиксов. Поэтому справедливо считают, что окончательное закрепление места притяжательных суффиксов произошло после распада финно-угорской языковой общности[I]. К тому же, оно позволяет высказать предложение, что возникновение подобного различия в местоположении притяжательных суффиксов связано с семантикой самих падежных форм: в субъектно-объектных падежах основное внимание уделялось субъекту или объекту, его принадлежности какому-то лицу, поэтому притяжательный суффикс оказывался до падежного окончания; в локальных же падежах, очевидно, основное внимание уделялось не принадлежности предмета, а его местоположению, направлению и т.д., что естественно,ставило на первый план падежное окончание. Такое же явление наблюдается в формах коллективного обладания коми языка. Например: пыж 'лодка', пыжным 'наша лодка', пыжаным 'в нашей лодке, в нашу лодку',

---

[I] Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.95.

пыжсьыным 'из нашей лодки', пыжнымлӧн 'у нашей лодки' и т.д.

Определенную роль в иной постановке притяжательных суффиксов в формах локальных падежей, как правильно указывает Б.А.Серебренников, сыграли также послеложные конструкции, содержащие послелоги с притяжательными суффиксами[I]. Но нужно заметить, что это не было первопричиной, т.к. иначе невозможна была бы иная постановка притяжательных суффиксов в послеложных конструкциях, кроме как в конце послелога. Однако на практике возможны оба варианта: книга денем и книгам дене 'с моей книгой'.

Свободное расположение притяжательного суффикса в дательном падеже возникло, очевидно, позже под влиянием субъектно-объектных падежей, ибо дательный падеж исторически был направительным. Ср.мар. ушлан возын 'пришло на ум', коми-зыр.: пыжланьным 'к нашей лодке'[2].

Вопрос о происхождении притяжательных суффиксов решен уже давно и в основном верно. Притяжательные суффиксы возникли из личных местоимений еще в тот период развития финно-угорского языка-основы, пишет Д.В.Бубрих[3], когда в нем не было четко установившегося порядка слов. Не случайно поэтому притяжательные суффиксы, по его мнению, оказались в конце слов. Этой же точки зрения придерживается П.Н.Перевощиков[4].

I Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М. I963, стр.I28.

2 Современный коми язык, Сыктывкар I955, стр.I5I.

3 Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. I956, стр.45. Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск I953, стр.8I.

4 Перевощиков П.Н. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка, сб. Вопросы составления описательных грамматик, М. I96I, стр.278.

Однако дело обстояло, на наш взгляд, не совсем так. По-видимому, притяжательные суффиксы возникли в одно время с возникновением личных окончаний глагола и возникли не в порядке определения к обладаемому предмету, а в порядке конкретизатора обладателя.

Разберем историю каждого притяжательного суффикса в отдельности.

Единственное число

I лицо

В I-ом лице единственного числа притяжательным суффиксом является -м /-ем/, а личное местоимение: мый /диал.мынэ, минь, мынь, мӹнь/ 'я', мыйын пӧртем 'мой дом /мой/'. Как видно, притяжательный суффикс и личное местоимение имеют одинаковый согласный -м, что вполне ясно свидетельствует об общности их происхождения. В родственных языках притяжательный суффикс и личное местоимение также имеют одинаковый согласный. Например: морд.э. кудом 'дом мой', мон 'я', фин.taloni < *talonmi 'дом мой', minä 'я', венг.kezem 'рука моя', en < *men 'я', коми-зыр. киӧ < киӧм 'рука моя', ме 'я' и т.д.

Таким образом, нет сомнений, что притяжательный суффикс I-го лица ед.числа восходит к личному местоимению I-го лица ед.числа и возник во времена финно-угорской языковой общности. В современном марийском языке притяжательный суффикс I-го лица ед.числа после основ на гласный -а в луговом и восточном наречиях имеет форму -м, а в других положениях -ем. Так, например, после согласных и гласных у, ӱ, и форма притяжательного суффикса -эм /орф. -ем/: пӧртем 'дом мой', чӱ-

чӱем 'дядя мой', /диал./ авием 'мать моя'. В горном наречии даже после конечного гласного основы -а притяжательный суффикс иногда имеет форму -эм: пӓшӓэм 'работа моя'.

Исторически это явление объясняется следующим образом: в непервых слогах слова в финно-угорском языке-основе могли выступать только три гласных: *а, *ӓ, *е[I]. Гласный -е в словах с основой на -е через переразложение основы и вследствие полной редукции конечного гласного притяжательного суффикса перешел в суффикс. Ср.мар. киде + м 'рука моя', фин.käte + ni 'рука моя', венг.keze + m 'рука моя'.

Перейдя в состав притяжательного суффикса, гласный -е настолько обобщился, что стал употребляться даже после основ на ударный гласный, ср.горн. солаэм 'деревня моя', пальтоэм 'пальто мое'. Но в луговом наречии вследствие того, что наиболее сильный гласный -а перетянул на себя ударение в словах с основой на -а, гласный притяжательного суффикса -е выпадает. Такое явление встречается и в наречиях ср. вараш < вараэш кодын 'опоздал'. Относительно слов с основой на гласные -о, --ӧ в луговом и восточном наречиях нужно сказать, что исторически эти гласные в марийском языке возникли позже из других гласных, главным образом из а, ӓ, вследствие губной гармонии. Финно-угорские гласные а, ӓ в конце имен в марийском языке почти не сохранились, если не считать некоторых случаев. Например: иза, горн.изӓ 'старший брат'. Ср.изай, изӓй 'брат' /зват.форма/. Эти гласные либо редуцировались /горн.наречие/ либо перешли в другие гласные /луговое, восточное наречия/.

I Лыткин В.И. К вопросу о конечной гласной основы, глаголов настоящего времени в финно-угорских языках, труды МарНИИ, вып.ХУ, Йошкар-Ола, 1961, стр.57.

Например: луг.вост. муно, горн. мыны 'яйцо', фин.muna 'яйцо'. Поэтому очень трудно судить о процессе развития этих гласных в притяжательных формах. Однако, учитывая историю марийского спряжения, где источником личных окончаний явились те же личные местоимения, что и в притяжательных формах, и гласные а, ӓ глагольной основы между переднеязычными согласными перешли в -е[I], можно думать, что и в притяжательных формах не исключено подобное явление. Переход гласного основы -е в притяжательный суффикс и затем его обобщение, а также переход гласных а, ӓ в основе слова в -е между переднеязычными согласными, надо полагать, лишь укрепили позицию гласного -е как гласного притяжательного суффикса.

Таким образом, приблизительную картину развития притяжательной формы I-го лица ед.числа можно изобразить следующим образом:

I. kideme > kidemə > kidem 'рука моя'.

2. šapame > šapemə > šapem 'кислый /квас/ мой'.

Притяжательный суффикс с начальным гласным -е, как правило, наблюдается в таких словах общефинно-угорского слоя, в которых в марийском языке древний а или ӓ изменил свое качество. Ср. муно, горн.мыны 'яйцо', шӱдӧ, шӱдӹ 'сто' и т.д. В тех же словах, где древний гласный а или ӓ сохранился, притяжательный суффикс начального гласного обычно не имеет. Ср. изам, изӓм 'старший брат мой'. Но подобных слов очень мало. Однако и эти слова /иза 'брат', ача 'отец', шинча 'глаз', ава 'мать' и т.д./ заставляют думать, что гласные а, ӓ в

I Галкин И.С. К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке, сб.Вопросы финно-угорского языкознания, М.-Л. 1962, стр.174.

древнемарийском языке в конце слова не всегда переходили в -е. В таких словах притяжательных суффикс присоединился непосредственно к основе имени без начального -э: *izame > izamə > izam 'старший брат мой'. В словах, оканчивающихся на согласный, вошедших или возникших позже, гласный -е является соединительным. Ср. уверем < увер + е + м 'весть моя'.

Весьма заманчивую, но маловероятную мысль высказал П.Кокла, который считает, что притяжательные формы в марийском языке прошли следующий путь развития: *tulem > tuləm > tulem 'огонь мой', *munam > munəm > munem 'яйцо мое'[I]. Такое развитие притяжательных форм Кокла обосновывает тем, что в косвенных падежах падежные окончания вместо ожидаемого -е или -а имеют редуцированный гласный. Ср. tuləm 'огня', munəm 'яйцо' /вин.п./. На наш взгляд, в падежных окончаниях редукция гласных произошла позднее. При этом редукция домарийского а или ӓ произошла после перехода а, ӓ в е.

В притяжательных формах, в отличие от падежных, гласный -е перед -м не редуцировался скорее всего потому, что он стал суффиксальным, приобрел смысловую нагрузку и перетянул на себя ударение. Ср. кидым 'руку', кидем 'рука моя'.

В современном марийском языке встречается лишь несколько слов, которые при притяжательном оформлении могут иметь два варианта гласного притяжательного суффикса -е или редуцированные -ы /ӹ/, например, луг.вост.горн. шольым, шолем 'младший брат мой'; луг.вост.горн. эргым, эргем 'сын мой'. Это, по-видимому, объясняется тем, что гласный притяжательного суффикса

[I] Kokla P. Mari possessiivsufiksite -em, -et ajaloost ja esinemisest, Emakeele Seltsi Aastaraamat, VII, Tallinn 1961, стр.210 р.

-е еще не получил такого широкого грамматического обобщения, чтобы во всех случаях не претерпевать редукции, поэтому мы встречаем частичное нарушение грамматического обобщения законом редукции безударных гласных.

Таким образом, в случаях типа корно, горн.корны 'дорога' - корнем 'моя дорога' исторически наблюдается не выпадение гласных о, ы при присоединении притяжательного суффикса, а наоборот, проявление одной из древних ступеней изменения гласных в основе слова. Гласный -е притяжательного суффикса это первоначальный гласный основы слова.

П лицо

Развитие формы П-го лица ед.числа происходило аналогично I-ому лицу ед.числа, только согласный притяжательного суффикса в соответствии с личным ~~окш~~ местоимением другой: -т. Ср. пӧрт + ет 'дом твой', тый, тинь, тӥнь, тыне 'ты'. Подобное же мы имеем и в родственных языках: морд.кудот 'дом твой', тон 'ты', фин.talosi 'дом твой', sinä 'ты' /talosi < *taloti, sinä < *tina/. У Агриколы еще зафиксировано: perehti 'семья твоя', pereh [I] 'семья', венг.kezet 'рука твоя', te 'ты'.

В форме П-го лица ед.ч. в тех же словах, что и в форме I-го лица ед.ч. гласный притяжательного суффикса по тем же причинам имеет два варианта: -е и -ы, например, луг.вост. шольыч, горн. шольыц, луг.вост.горн. шолет 'младший брат твой', луг.вост. эргыч, горн. эргыц, луг.восточн.горн. эргет 'сын твой'.

Развитие формы П-го лица ед.ч. дает очень яркое подтверж-

[I] Хакулинен Л. Указ.соч., стр.95-96.

дение тому, что первоначальным гласным основы /ныне притяжательного суффикса/ был гласный переднего ряда, а именно -е, ибо только после гласных переднего ряда -е, -и согласный -т переходил в горном наречии в -ц в луговом и восточном наречиях в -ч, ср.горн.тылец пасна, луг.вост. тылеч посна из тылет посна 'кроме этого'.

Развитие притяжательной формы П лица ед.числа происходило, очевидно, так: *kidete > kideta > kidet 'рука твоя'.

Ш лицо

Притяжательная форма Ш-го лица ед.числа имеет несколько иную картину исторического развития, чем формы I-го и П-го лица ед.числа. Здесь притяжательный суффикс и лично-указательное местоимение не имеют ничего общего. Например: тудын книгаже 'его книга /его/', тудын пӧртшӧ 'его дом /его/'.

В родственных языках притяжательный суффикс Ш-го лица имеет много общего с марийским. Например: эрзя-морд.кудозо 'дом его' от кудо 'дом', коми-зыр.черыс 'топор его' от чер 'топор', фин. talonsa[I] 'дом его, их' от talo 'дом'.

Считают, что в родственных языках притяжательный суффикс Ш-го лица возник: в мордовском - из личного местоимения сон 'он', в коми-зырянском - из личного местоимения сійӧ 'он'[2], в финском - из лично-указательного местоимения *san /sän/ 'этот, он'[3].

В марийском языке нет лично-указательного местоимения с

I В финском языке -n является показателем множ.числа. См. Бубрих Д.В. Указ.соч., стр.43.

2 Современный коми язык, Сыктывкар, I955, стр.I5I.

3 Бубрих Д.В. Указ.соч., стр.44.

элементом -с, но есть указательные местоимения седе 'этот, это', саде 'тот, то'. Первому в финском языке соответствует se 'этот, это', в мордовском сон 'он', в коми-зыр. сійӧ 'он'. Нет сомнения, что притяжательный суффикс Ш-го лица ед.числа в марийском языке /-ше, -шо, -шӧ, -же, -жо, -жӧ/ возник из первого слога указательного местоимения седе 'этот'. Возник он еще до отделения марийцев от других финно-угров. Первоначально этот притяжательный суффикс имел форму *-se. Развитие его можно представить так: *kidese > kidəse > kitse > kitše 'рука его'. Появление согласного -ш вместо былого -с /-s/ в марийском языке оправдывается фонетическими законами. В определенное историческое время в марийском языке финно-угорский -s переходил в -š. Ср.фин.sulaa 'тает', мар.шула 'тает'; фин.suoli 'кишка', мар.шоло 'кишка', эст.moskma 'мыть, стирать', мар.мушкаш 'мыть, стирать' и т.д.

Вариант -же /-жо, -жӧ/ - явление также фонетическое: глухой согласный в марийском языке между двумя гласными или после сонантов озвончается. Ср.онжо 'грудь его' от он 'грудь', ачаже 'отец его' от ача 'отец', но пӧртшӧ 'дом его'.

Огубленные гласные /о, ӧ/ возникли позже под влиянием губной гармонии гласных: их нет в горном наречии, так как там отсутствует лабиальная гармония: ср.ӹвӓжӹ 'мать его', пӧртшӹ 'дом его' и т.д. Выпадение гласного основы слова /kide 'рука', ср.фин.käde 'рука'/ объясняется редукцией его в безударном положении и сохранением конечного гласного притяжательного суффикса.

Множественное число

История притяжательных суффиксов множественного числа в

марийском языке до сих пор не решена. Интересно то, что притяжательный суффикс I-го лица мн.числа по звучанию не совпадает с личным местоимением того же числа и лица. Например: Мемнан книгана 'наша книга', ме 'мы'. При решении этого вопроса необходимо учесть то обстоятельство, что во множественном числе могли быть две различных формы: I/ форма, выражающая единичность обладаемого и 2/ форма, выражающая множество обладаемых. Исходя из этого, в финском языке, например, полагают былое наличие двух серий притяжательных суффиксов, которые в процессе развития смешались[I].

Очевидно, приблизительно подобным же образом обстояло дело и в марийском языке. Для выражения множества обладаемого в финском языке употреблялся показатель -*n, для выражения же множества обладателей - показатель -к[2]. Приблизительно такую же картину мы наблюдаем и в пермских языках[3].

В современном марийском языке множество обладаемого выражаетсяпри помощи показателей: -влак, -влӓ, -шамыч, которые по своему происхождению являются поздними. Поэтому есть все основания полагать, что в древности множество обладаемого выражалось другим показателем. Материалы родственных языков и диалектов марийского языка позволяют сделать заключение, что в древности марийский язык знал -*n -овый показатель для выражения множества обладаемого и, по всей вероятности, какой-то другой /возможно -к -овый/ показатель для выражения

I Хакулинен Л. Указ.соч., стр.95-96.

2 Там же, 95.

3 Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В., Историческая морфология финского языка, М.-Л. I955, стр.I76.

множества обладателей. В процессе исторического развития произошло смешение этих явлений, появились другие показатели множественного числа, поэтому в современном марийском языке нет четкой последовательности в наращении притяжательных суффиксов. К тому же, отсутствие древних письменных памятников и недостаточная разработка вопросов исторической диалектологии создают известную трудность для реконструкции древнего состояния. Однако данные родственных языков в этом отношении дают некоторые пути. Так, в финском языке древняя картина притяжательных форм рисуется в следующем виде:

а/ Притяжательные суффиксы, выражавшие единичность обладаемого:

ед.число	множ.число
I. -mi 'мой'	I. mek 'наш'
2. -ti 'твой'	2. -tek 'ваш'
3. -sen 'его'	3. -sek 'их'

б/ Притяжательные суффиксы, выражавшие множественность обладаемого:

ед.число	множ.число
I. -nni / < * nmi/ 'мои'	I. -nnek / < * nmek / 'наши'
2. -nti 'твои'	2. -ndek 'ваши'
3. -nsen 'его'	3. -nsek [I] 'их'.

Местоимения: minä 'я', sinä 'ты', hän 'он', me 'мы', te 'вы', he 'они'.

Подобная же картина наблюдается в мордовском языке.

[I] Хакулинен Л. Указ.соч., стр.95-96, Бубрих Д.В. Указ.соч., стр.44.
Kettunen, Eesti keel, 1940, стр.244.

А.

ед.число	множ.число
I. -м 'мой'	I. -м ... к 'наш'
2. -т 'твой'	2. -т ... к 'ваш'
3. -з ... 'его'	3. -с ... к 'их'

Б.

ед.число	множ.число
I. -нм 'мои'	I. -нм ... к 'наши'
2. -нт 'твои'	2. -нт ... к 'ваши'
3. -нз ... 'его'	3. -не ... к 'их'[I].

Местоимения: мон 'я', тон 'ты', сон 'он', минь'мы', тынь 'вы', сын 'они'.

В венгерском языке дело обстоит несколько иначе:

А.

ед.число	множ.число
I. -m 'мой'	I. -unk /-ünk/ 'наш'
2. -d 'твой'	2. -tok /-tek, -tök/ 'ваш'
3. -a /-e/ 'его'	3.-uk /-ük/ 'их'

Б.

ед.число	множ.число
I. -aim 'мои'	I. -aink'наши'
2. -aid 'твои'	2. -aitok 'ваши'
3. -ai 'его'	3. -aik 'их'[2].

Местоимения: én 'я', te 'ты', ő 'он', mi 'мы', ti 'вы' /в просторечии tik/, ők 'они'.

[I] Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск I953, стр.8I-82.

[2] Балашша Й. Венгерский язык, М. I95I, стр.282-283.

В коми языке:

А.

ед.число	множ.число
I. -ӧ / ∠ *-ӧм/ 'мой'	I. -ным 'наш'
2. -ыд 'твой'	2. -ныд 'ваш'
3. -ыс 'его'	3. -ныс 'их'

Б.

ед.число	множ.число
I. -ясӧ 'мои'	I. -ясным 'наши'
2. -ясыд 'твои'	2. -ясныд 'ваши'
3. -ясыс 'его'	3. -ясныс 'их'

Местоимения: ме 'я', тэ 'ты', сійӧ 'он', ми 'мы', тӥ 'вы', найӧ 'они'.

В удмуртском языке:

А.

ед.число	множ.число
I. -э / ∠ *-эм/ 'мой'	I. -мы / ∠ *мык/ 'наш'
2. -эд 'твой'	2. -ды / ∠ *дык/ 'ваш'
3. -эз 'его'	3. -зы / ∠ *зык/ 'их'[I].

Б.

ед.число	множ.число
I. -ёсы 'мои'	I.-ёсмы 'наши'
2. -ёсыд 'твои'	2. -ёсты 'ваши'
3. -ёсыз 'его'	3. -ёссы 'их'.

Местоимения: мон 'я', тон 'ты', со 'он', ми 'мы', ти 'вы',

I Лыткин В.И. Примечания к книге Бубриха Д.В., Историческая морфология финского языка, М. I955, стр.I76-I77.

соос 'они'.

В мансийском языке современное состояние таково:

А.

ед.число	множ.число
I. -м /-ум/ 'мой'	I. -в /-ув/ 'наш'
2. -н /-ын/ 'твой'	2. -н /-ын/ 'ваш'
3. -э /-е/ 'его'	3. -ныл 'их'.

Б.

ед.число	множ.число
I. -нум 'мои'	I. -нув 'наши'
2. -н /-ын/ 'твои'	2. -н /-ын/ 'ваши'
3. -нэ 'его'	3. -ныл 'их'.

Местоимения: ам "я', нанг 'ты', тав 'он', ман 'мы', нан 'вы', тан 'они'.

Из сравнения приведенных таблиц притяжательных суффиксов видно, что единичность и множество обладаемого имеют свои признаки. Множественность обладаемого в большинстве финно-угорских языков выражается показателем -п; только венгерский язык в данном случае имеет -i -овый показатель множества. Множество же обладателей в большинстве языков выражается показателем -к, только коми язык имеет -н -овый ∅ показатель. Полагают, что в финно-угорском языке-основе могли выступать оба показателя[I].

Употребление разных показателей в отдельных финно-угорских языках для выражения множества обладаемого и обладателей го-

[I] Лыткин В.И. Указ.соч., стр.I77 /сноска/.

ворит о том, что закрепление этих показателей произошло позднее. Однако близкородственные языки показывают, что множество обладателей выражалось -*к -овым и -*t -овым показателями /ср. удмуртский, мордовский, финский/. Исходя из этого предположительно схему притяжательных форм единичности обладаемого можно представить для древнемарийского языка первого периода в следующем виде.

Группа А

ед.число	множ.число
I. -*ме 'мой'	I. -*мӓк 'наш'
2. -*те 'твой'	2. -*тӓк 'ваш'
3. -*се 'его'	3. -*сет 'их'.

Множественность же обладаемого выражалась -н -овым показателем.

Группа Б

ед.число	множ.число
I. -*н-ме 'мои'	I. -*н -мӓк 'наши'
2. -*н-те 'твои'	2. -*н -тӓк 'ваши'
3. -*н-се 'его'	3. -*н-сет 'их'.

О том, что множественность обладаемого выражалась -н -овым показателем, убедительно говорит притяжательная форма I-го лица мн.числа -на /пӧртна 'наш дом'/.

Изменение древней структуры притяжательных форм в марийском языке произошло, очевидно, позже, в период тюрко-марийских связей, когда в марийском языке стали употребляться показатели множественного числа -влак, -шамыч. В этот же период форма, выражавшая множественность обладаемого в I-ом и П-ом

лицах мн.числа, стала употребляться для выражения множества обладателей, т.к. множество обладаемых стала выражаться другими показателями. Все это внесло большие изменения в структуру притяжательных форм марийского языка: во множественном числе -к -овые формы группы А I-го и П-го лица вытеснились -н -овыми, которые стали выполнять роль -к -овых форм, группа Б полностью заменилась новыми формами с показателями: -влак, -шамыч и мы имеем в современном марийском языке:

Группа Б

ед.число		множ.число	
I. -влак /-шамыч/-ем	'мои'	I. -влак /-шамыч/-на	'наши'
2. -влак /-шамыч/-ет	'твои'	2. -влак /-шамыч/-да	'ваши'
3. -влак /-шамыч/-ше	'его'	3. -влак /-шамыч/-ышт	'их'.

Нужно заметить, что в Ш-ем лице мн.числа, наоборот, -n -овая форма уступила место -t -овой форме группы А. Не случайно поэтому и в современном марийском языке возможно употребление формы Ш-го лица мн.числа для выражения единичности и множественности обладаемого, например: нунын имньышт шога 'их лошадь стоит', нунын имньышт шогат 'их лошади стоят'.

Замена форм I-го и П-го лица мн.числа группы А формами группы Б обусловлено и фонетическими причинами: отпадение конечного -к - показателя мн.числа создавало формы, сходные с формами ед.числа, а формы же группы Б такой возможности не давали.

Таким образом, историческое развитие современных притяжательных форм очень сложно и последний этап его предположительно можно представить так:

I лицо

*izänmäk > izännäk > izännä > izäna (izana) 'наш брат'

II лицо

*iзäнтäк > iзändäк > iзändä > iзädä ~(iзädä) "ваш брат"

III лицо

*iзäset8 > iзäsət8 > iзäst8 > iзäštə ~ (iзašt) " их брат".

Правда, Ф.И. Гордеев предлагает другой путь развития притяжательных форм во множественном числе, а именно:

1. *izamna > izana "наш брат".
2. *izatta > izada "ваш брат".
3. *izašta > izašta "их брат".

В указательных формах, по мнению Ф.И. Гордеева, конечные слоги -na, -ta, -ta являлись и остались показателями мн. числ Но из этой схемы нам совершенно неясно, как различались формы, выражавшие единичность обладаемого от форм, выражавших множество обладаемых. Факты же родственных языков дают основание предполагать былое наличие двух серий притяжательных форм во множественном числе, при этом показатель множества обладаемого располагался сразу после основы слова, перед притяжательным суффиксом, ибо в конце слова был показатель множества обладателей.

МЕСТОИМЕНИЯ

Все местоимения в современном марийском языке по значению делятся на шесть разрядов: 1/личные, 2/ указательны, 3/ определительные, 4/ вопросительно-относительные, 5/неопределенные, 6/ отрицательные.

Общность происхождения местоимений в финно-угорских языках

---

1 Гордеев Ф.И. Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, автореферат канд. диссертации, Йошкар-Ола, 1961, стр.18.

не вызывает никакого сомнения. Они своими корнями, возможно, уходят в более седую древность, чем финно-угорская языковая общность.

Личные местоимения

В современном лугово-восточном марийском литературном языке имеются следующие личные местоимения:

ед.число	множ.число
I. мый 'я'	I. ме 'мы'
2. тый 'ты'	2. те 'вы'
3. тудо 'он'	3. нуно 'они'

Собственно-личными из них являются только местоимения I-го и П-го лица, местоимения же Ш-го лица - лично-указательные: тудо 'он, тот', нуно 'они, те'.

В диалектах современного марийского языка эти местоимения имеют различные варианты:

Йошкар-Олинский говор лугового наречия

ед.число	множ.число
I. мыньэ 'я'	I. ме 'мы'
2. тыньэ 'ты'	2. те 'вы'
3. тӱдӧ 'он'	3. нӱнӧ 'они'

Восточное наречие

ед.число	множ.число
I. минь 'я'	I. ме "мы'
2. тинь 'ты'	2. те 'вы'
3. тудо 'он'	3. тудо-влак 'они'

Горное наречие

ед.число	множ.число
I. мӹнь 'я'	I. мӓ 'мы'
2. тӹнь 'ты'	2. тӓ 'вы'
3. тӹдӹ 'он'	3. нӹнӹ 'они'

Ронгинский диалект лугового наречия

ед.число	множ.число
I. мый 'я'	I. нӧмна 'мы'
2. тый 'ты'	2. тӧмда 'вы'
3. тудо 'он'	3. нуно 'они'

Село Никулята Яранского района Кировской обл.

ед.число	множ.число
I. ме 'я'	I. ме 'мы'
2. те 'ты'	2. те 'вы'
3. тӱдӧ 'он'	3. нӱнӧ 'они'

В родственных языках этим местоимениям соответствуют:

финский язык

ед.число	множ.число
I. minä 'я'	I. me /< *mek/ 'мы'
2. sinä /< *tina/ ~ 'ты'	2. te /< *tek/ 'вы'
3. hän /< *šän/ 'он'	3. he /< *sek/ 'они'

эстонский язык

ед.число	множ.число
I. mina 'я'	I. me /< *mek/ 'мы'
2. sina /< *tina/ 'ты'	2. te /< *tek/ 'вы'
3. tema 'он'	3. nemad 'они'.

мордовский язык

ед.число	множ.число
I. мон 'я'	I. минь 'мы'
2. тон 'ты'	2. тынь 'вы'
3. сон 'он'	3. сынь 'они'

удмуртский язык

ед.число	множ.число
I. мон 'я'	I. ми / < *мик/ 'мы'
2. тон 'ты'	2. тӥ / < *тӥк/ 'вы'
3. со 'он'	3. соос 'они'

коми язык

ед.число	множ.число
I. ме 'я'	I. ми / < *мик/ 'мы'
2. те 'ты'	2. ті / < *tik/ 'вы'
3. сійӧ 'он'	3. найӧ 'они'

мансийский язык

ед.число	множ.число
I. ам 'я'	I. ман 'мы'
2. нанг 'ты'	2. нан 'вы'
3. тав 'он'	3. тан 'они'

венгерский язык

ед.число	множ.число
I. en / < *mén/ 'я'	I. mi /mink / 'мы'
2. te 'ты'	2. ti /tik/ 'вы'
3. ő 'он'	3. ők 'они'.

Из сравнения этих таблиц мы видим, что личные местоимения I-го и П-го лица обоих чисел во всех финно-угорских языках имеют нечто общее. Полагают, что первоначально личные местоимения по числам различались посредством показателя множественного числа, которым был *-к или *-н [I].

История местоимений мый 'я', тый 'ты' ме 'мы', те 'вы'

Личные местоимения I-го и П-го лица единственного и множественного числа марийского языка даже в современных марийских диалектах имеют несколько фонетических вариантов, не говоря уже о родственных языках. Особенно трудным является определение древнего гласного местоимений. Сравнительные данные показывают, что в большинстве финно-угорских языков местоименным гласным является гласный переднего ряда. Отсюда можно предположить, что первоначальным гласным в этих местоимениях был гласный переднего ряда. Существует мнение, что этим гласным был *-е [2].

В современных марийских диалектах, кроме некоторых говоров лугового наречия, местоименным гласным является также гласный переднего ряда: -ӹ, -и, -е для единственного числа, -е; -ӓ для множественного числа. Если учесть то, что как для единственного, так и для множественного числа употреблялся один корень, то и гласный первоначально должен был быть один. Но это было в весьма глубокую древность финно-угорского языка-

---

I Лыткин В.М. Примечания к книге Бубриха, Историческая морфология финского языка, стр.I77 и сноска № 3.
Szinnyei J. Finnisch-ugrische, Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig, 1922, стр.56 и др.

2 Бубрих Д. Историческая морфология финского языка, М.-Л. I955, стр.42.

основы. В дальнейшем в отдельных финно-угорских языках могли возникнуть свои закономерности, что и явствует из материалов современных языков. В древнемарийском языке личные местоимения единственного и множественного числа, очевидно, различались не только показателем множественности, но и качеством местоименного гласного.

Для местоимений единственного числа в поздний период древнемарийского языка более вероятным является гласный -*и (-i) из раннего -*е, для местоимений же множественного числа - гласный -*ӓ. Это подтверждается фонетическим законом редукции полных гласных в определенную историческую эпоху и развитием притяжательных форм (см.стр.I07). Кроме того, диалектные данные марийского языка указывают на то, что местоименным гласным единственного числа в поздний период древнемарийского языка был именно -*и (-i), т.к. конечный согласный местоимения -н в большинстве диалектов смягченный. Смягчение этого согласного было вызвано предшествующим -*и (-i). Ср.мин′, мӹн′, мынэ 'я'; тин′, тӹн′, тынэ 'ты'. В родственных же языках подобного смягчения -н не наблюдается (см.примеры выше).

Таким образом, позднедревнемарийскими формами личных местоимений I-го и П-го лица единственного числа предположительно можно считать: *mine 'я', *tine 'ты', которые развились из раннедревнемарийского и домарийского: menä 'я', tenä 'ты' вследствие перехода е>i.

Диалектные варианты: мӹн′, мынэ 'я', тӹн′, тынэ 'ты' возникли в результате перехода мягкого -н′ в -й. Ср.также ний 'лыко', фин.niini 'лыко', пий 'собака', фин.peni- 'щенок', удм.пуны 'собака', а также диалектное: пинеге 'щенок'.

Конечный гласный местоимений в большинстве диалектов от-

пал, но при подчеркнутом выражении этот гласный проявляет себя и в этих диалектах, например: мыйе 'я', тыйе 'ты'. Древнемарийские формы местоимений I-го и П-го лица множественного числа предположительно можно представить в следующем виде: *мäк 'мы', *täк 'вы'. Об этом свидетельствуют притяжательные суффиксы соответствующих лиц, а также то, что горномарийскому -ӓ в луговом соответствует -е или -а. Ср.горн. лӓктӓш 'выйти', луг.лекташ 'тоже', фин.lähteä 'отправиться', горн.пӓраш 'ударить', луг.пераш 'тоже', горн.мӓ 'мы', луг. ме 'мы'.

Вполне возможно, что под различием гласных личных местоимений I-го и П-го лица единственного и множественного числа скрываются следы былого наличия в марийском языке в рамках этих местоимений двойственного числа, как это наблюдается, например; в мансийском языке. Ср. ман 'мы', мен 'мы двое'.

Диалектные формы нӧмна 'мы', тӧмда 'вы' возникли, очевидно, как раз из слияния двух форм: двойственного мен 'мы двое' и множественного мäк 'мы', тен 'вы двое', täк 'вы'.

Наблюдения над современным марийским языком нас натолкнули на весьма интересный факт в этом отношении. Склонение личных местоимений I и П-го лица множественного числа коренным образом отличается от склонения тех же местоимений единственного числа, не говоря уже о различиях в склонении от имен существительных. Здесь особое положение занимают две формы: родительного и винительного падежей.

Личные местоимения I-го и П-го лица множественного числа в косвенных падежах склоняются только с притяжательными суффиксами. Для наглядности приведем парадигму склонения указан-

ных местоимений в сравнении со склонением имени существительного.

Падежи	Имя	Местоим. I л. мн.ч.	Местоим. II л. мн.ч.
Именит.	Устелна 'наш стол'	ме 'мы'	те 'вы'
Родит.	Устелнан 'нашего стола'	мемнан 'наш'	тендан 'ваш'
Дательн.	Устелланна 'нашему столу'	мыланна 'нам'	тыланда 'вам'
Винит.	Устелнам 'наш стол'	мемнам 'нас'	тендам 'вас'
Местн.	Устелыштына 'в нашем столе'	-	-
Направ.	Устелышкына 'в наш стол'	-	-
Обстоят.	Устелешна 'в нашем столе'	-	-

Личные местоимения в марийском языке, как и имена существительные, обозначающие одушевленные предметы, не имеют форм пространственно-местных падежей. Сравнивая склонение имен существительных со склонением личных местоимений множественного числа мы видим, что в формах родительного и винительного падежей последних появляются дополнительные звуки -м и -н, не относящиеся ни к падежным, ни к притяжательным суффиксам. Чтоб убедиться в этом разберем по составу форму родительного падежа этих местоимений: мемнан 'наш', тендан 'ваш'. Из этих форм для современного марийского языка можно выделить следующие морфемы: ме 'мы', те "вы"- корневые морфемы - современные личные местоимения множественного числа I и II-го лица; -на - притяжательный суффикс I-го лица множественного числа, ср. Устелна 'наш стол'; -да - притяжательный суффикс II-го лица множественного числа, ср. Устелда 'ваш стол'; -н - в обоих случаях показатель родительного падежа.

Таким образом, вне морфологического состава, вернее неопределенными, остаются согласные -м и -н. Для ера современного марийского языка эти согласные правильно будет назвать вставочными звуками. Однако мы не можем считать их вставочными звуками, взятыми извне для благозвучия; здесь нужно искать более глубокую причину этого явления.

При сравнении форм сходных падежей рассматриваемых местоимений в родственных языках наблюдается следующая картина: в родственных языках в формах указанных падежей, кроме падежного суффикса, выступает показатель множественности, другой падежный суффикс или притяжательный суффикс. Например: фин. meidän 'наш', teidän 'ваш', где me 'мы', te 'вы' - личные местоимения I-го и П-го лица множественного числа, -i - показатель множества, -dä - суффикс партитива[I], -n - суффикс генитива: венг. minket 'нас', где -mi - является личным местоимением I-го лица множественного числа, -nk - притяжательный суффикс I-го лица множественного числа, - t - суффикс винительного падежа[2], коми: миян 'у нас', где ми 'мы' также местоимение I-го лица множественного числа, я - показатель множественности, -н - суффикс родительного падежа. В удмуртском языке это явление несколько сложнее. В обско-угорских языках, например в мансийском, наблюдаются личные местоимения множественного и двойственного чисел: меннен 'нас двоих', манав 'нас'.

Таким образом, в родственных языках мы не встречаем наличия подобных вставочных звуков. Особенность марийского языка в этом отношении весьма оригинальна и неслучайна. Объяснить эту особенность возможно только лишь сравнительно-историческим анализом фактов марийского и родственных языков. В марий-

[I] Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. I955, стр.I9.

[2] Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М. I955, стр.I73.

ском языке личные местоимения множественного числа не имеют особого показателя множественности. Однако то,что личные местоимения I и П-го лица в древнемарийском языке оканчивались на согласный -н + гласный вполне достоверно.

В диалектах марийского языка и по сей день можно встретить формы: минь 'я', тинь 'ты' /восточное/, мыне 'я', тыне 'ты' /Медведевский район МАССР/. Это в единственном числе. Для множественного числа мы имеем следующие формы: ме 'мы', нӧмна 'мы', мӓ 'мы', те 'вы', тӧмда 'вы', тӓ 'вы'. В некоторых диалектах для множественного числа специальных слов нет: мый 'я, мы', тый 'ты, вы', ме 'я, мы', те 'ты, вы'. Как видно, значение множества "я и другие вместе со мной" в марийских диалектах может выражаться весьма различными способами. Специальных форм для этого предназначено только три: ме 'мы', те 'вы', мӓ 'мы', тӓ 'вы', нӧмна 'мы', тӧмда 'вы'. В данном случае для нас важны именно эти формы. Особенно интересным явлением для истории языка являются формы нӧмна 'мы', тӧмда 'вы', которые встречаются в Советском районе МАССР. Парадигма склонения данных местоимений выглядит следующим образом:

Именит. нӧмна 'мы', тӧмда 'вы'
Родит. нӧмнан 'наш', тӧмдан 'ваш'
Дательн. нӧмналан 'нам', тӧмдалан 'вам'
Винит. нӧмнам 'нас', тӧмдам 'вас'.

Из парадигмы склонения рассматриваемых местоимений весьма четко выделяются падежные суффиксы -н, -лан, -м, за вычетом которых остается основа - форма именительного падежа. Подобных местоимений нет ни в одном из родственных языков и в дру-

гих диалектах марийского языка, что заставляет думать о добавочном элементе в этих местоимениях. Однако поразительное сходство находим мы в мансийском языке, где имеется форма двойственного числа: мен 'мы двое' в винительном падеже его форма будет: меннен 'нас двоих', ср.мар.род.п. мемнан 'наш'.

Если сравнить парадигму склонения диалектной формы с парадигмой склонения литературной нормы, то в последней в формах косвенных падежей, кроме падежных суффиксов, мы наблюдаем дополнительные наращения в виде притяжательных суффиксов, полностью совпадающие с последним слогом диалектной формы: -на, -да. Таким образом, последний слог диалектных форм в современном языке является ничем иным, как притяжательным суффиксом. Кроме того, в косвенных падежах литературной нормы мы наблюдали вставочные звуки -м и -н, которые в диалектной форме выражены даже в форме именительного падежа, но только через -м, тогда как вопреки ожидаемому начальному -м в диалектной форме выступает -н. В этом случае нужно рассматривать, очевидно, процесс позднего исторического развития в самой диалектной форме - метатезу -м и -н вследствие обобщения конечного -н как притяжательного суффикса.

В некоторых говорах горного наречия марийского языка формы родительного и винительного падежей личных местоимений I и II-го лица множественного числа мӓ 'мы', тӓ 'вы' следующие мӓнмӓн 'наш', тӓндӓн 'ваш', мӓнмӓм 'нас', тӓндӓм 'вас' /с.Еангаши Горномарийского района МАССР/. Как видно, в этом говоре вставочным звуком уже является не -м, а -н и местоимения начинаются с тех же согласных, которые ожидались исторически, а именно: -м, -т, т.е. здесь нет метатезы.

Сравнение форм нӧмна "мы", тӧмда "вы", мӓнмӓм "нас", тӓндӓм "вас" и манс.: менмен "нас двоих" приводит к мысли, что первоначально и в древнемарийском языке личные местоимения I-го и II-го лиц имели три числа: единственное, двойственное и множественное. Вставочный звук -н в формах косвенных падежей современного марийского языка является исторически, как видно, конечным согласным былого личного местоимения двойственного числа, или как его называет К.Е. Майтинская, местоименным суффиксом. Формы менмам, тендам К.Е. Майтинская также считает древними.[1]

Таким образом, в древнемарийском языке были местоимения мн. числа мӓк "мы", тӓк "вы" и местоимения двойственного числа мен "мы двое", тен "вы двое", следы которых сохранились в формах косвенных падежей.

Диалектные формы нӧмна "мы", тӧмда "вы" возникли позже. Сначала в форме нӧмна "мы" из-за стечения двух -н в середине слова произошла диссимилятивная метатеза звуков м и н. вследствие чего из менма "мы" возник немна "мы", где гласный -е под влиянием последующего м лабиализовался. Затем по аналогии с немна "мы" согласный -н в тенда "вы" перешел в -м, а гласный -е так же лабиализовался, так возникло тӧмда "вы". В волжском говоре в формах косвенных падежей произошло выпадение сочетания согласных-нд, что дало: теан "ваш", меан "наш". Подобное же явление встречается в диалектах финского языка, ср. mean "наш", tean "ваш" вместо meidän "наш", teidän " ваш".

---

1 Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. 1964, стр. 91-92.

История лично-указательных местоимений

Местоимение тудо 'он, тот'

По происхождению рассматриваемое местоимение является весьма древним. Соответствия ему имеются в ряде родственных языков. Например: фин.tuo 'тот', морд.-эрзя тона 'тот', удм. тüни 'вот, вон' /там/, венг.az /<*at/ 'тот'. /В венгерском языке древнее финно-угорское -t часто переходило в -z . Ср. kez 'рука, марийск. кид, морд. кедь, финск.käte- и т.д./ манс. та 'тот'.

В современном марийском языке местоимение тудо 'тот'в собственно-указательном значении имеет еще форму: ту 'тот'. Ср. ту книгам пу 'дай ту книгу'. Ср. также: тусо 'тамошний', тунам 'тогда'. В диалектах марийского языка рассматриваемое местоимение имеет различные фонетические варианты, например: серн. тудо, волжск. тhдо, й.-ол. тhдö, северо-зап.тhдh, горн. тüдü, Пижанка, Кировской обл. тÿдö.

Исходя из данных родственных языков, где вторым слогом местоимения выступают совершенно различные элементы, можно думать, что первоначально собственно местоимением являлся только первый слог: ту 'тот'. Вторым же слогом местоимения считают словообразовательный суффикс местоименного происхождения с указательным значением. Подобный суффикс встречается во многих финно-угорских языках. Например, саам.guote 'который', норв.саам.duot 'тот', инари-саам.tat 'этот', карел. kudai 'который', эрзя-морд.кодамо 'который', коми-зыр. код, код 'кто, который', удм.куд, кудизь 'который', манс.ходи 'который', ханты мüтä 'который'[1]. Правда, К.Е.Майтинская

[1] Lehtisalo T. Über die primären ururalischen Ableitungsuffixe, SUSA, 72, Helsinki, 1936, стр.390-391.

вслед за Й.Буденцем считает его повторением местоименного корня[I].

Исходя из сравнительного материала родственных языков, можно предположить, что конечным гласным суффикса был -а. В марийском языке /луговое наречие/ этот гласный под влиянием губной гармонии перешел в -о.

Таким образом, первоначальной формой местоимения тудо 'тот, он', было: *туда 'тот, он'. Диалектные варианты тһдо, тһдӧ, тһдһ, тӱдӧ, тӹдӹ 'он тот' развились позже на почве самого марийского языка. Встречающийся в волжском и в части йошкар-олинского говора вариант тһдо 'он, тот' развился вследствие редукции гласного у > һ ср.серн. лум 'снег', волжск. лһм 'снег', фин.lumi 'снег'.

Варианты с переднерядным гласным в северо-западном, и горном наречиях и некоторых говорах лугового наречия /Йошкар-Ола, Пижанка/ появились вследствие передвижения гласного у > ӱ между переднеязычными согласными. Произошло развитие следующего порядка: *туда > тӱдӹ > тһдһ > тӹдӹ 'он, тот'. Ср. финск.turpa 'морда', эрзя-морд. турва 'губа', мар.серн.тӱрвӧ 'губа', йошкар-олин. тһрвӧ 'губа', горн.тӹрвӹ 'губа'. В горном наречии произошла делабиализация ӱ через ӹ.

Местоимение нуно 'они, те'

Данное местоимение также очень древнее. В родственных языках мы имеем следующие соответствия, фин.ne, nuo 'те', морд. нона 'те', коми-зыр.найӧ 'они'. Образование местоимения нуно 'они, те' произошло аналогично образованию местоимения тудо

I Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. 1964, стр.67.

'он, тот'. Только словообразовательным суффиксом в данном случае считают -н -овый уменьшительный суффикс[I]. Но с этой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Скорее всего здесь выступал другой -н -овый суффикс местоимения, который встречается, например, в мордовском тона 'тот', кона 'который' ср.также марийское: куна + м 'когда'. Есть основания полагать, что некогда были и -n -овый и t - овый местоименные суффиксы, и, по всей вероятности, этот же -n -овый суффикс выступает в личных местоимениях мин 'я', тин 'ты' . Ср. финск.minä 'я', sinä < *tina 'ты'. Майтинская К.Е. полагает, что местоименный суффикс -n из сферы личных местоимений перешел в сферу указательных[2], но почему-то у в местоимении нуно 'они' она отрицает наличие такого суффикса[3]. Исходя из материалов родственных языков, можно предположить, что домарийской формой суффикса /возможно и древнемарийской/ было *na. Таким образом, древнемарийской формой местоимения нуно 'они, те' было *нуна. Конечный гласный суффикса -на в луговом наречии марийского языка по закону лабиальной гармонии перешел в -о.

В диалектах современного марийского языка рассматриваемое местоимение имеет следующие фонетические варианты: серн. нуно 'они, те', волжск.нӹно 'они, те', Пижанка нӱнӧ 'они, те', йошкар-олинск.нӹнӧ 'они, те', северо-зап.нӹнӹ 'они,те', горн.нӹнӹ 'они, те'.

I Budenz J. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana, Budapest, 1884, стр.289.

2 Майтинская К.Е. Функция местоименного суффикса - в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков, Вопросы финно-угорского языкознания, М.-Л. 1962, стр.75.

3 Там же, стр.74.

Развитие приведенных вариантов объясняется теми же фонетическими изменениями, которые мы наблюдали в местоимении тудо 'он, тот'. Между переднеязычными согласными гласный у > ӱ, а затем редуцировался в ъ. В горном наречии последний делабиализовался.

Указательные местоимения

Собственно-указательных местоимений в марийском языке немного: тиде 'этот', нине 'эти', седе 'этот', саде 'тот'. Происхождение этих местоимений становится весьма ясным, если вспомнить происхождение лично-указательных местоимений.

Местоимение тиде 'этот'

Собственно-местоименным элементом данного местоимения является только ти 'этот', который встречается еще в таком же виде или с редуцированным гласным -ы в современных марийских диалектах. Например, луговое наречие: ти 'этот', ти кечын 'в этот день', ты годым 'в это время'; горное наречие: ти 'этот', ти кечӹн 'в этот день', вост.тыде 'этот', Пижанка тыде 'этот', сев.-зап. теды 'этот'. Само местоимение весьма древнее, ему имеются соответствия в ряде родственных языков. Например, фин.tämä 'этот', эрзя-морд. те 'этот', тене 'этот' /диал./. Коми-зыр. тайо 'этот' ср. та мында 'столько /в непосредственной близости/', та йыллысь 'об этом', удм. та 'этот, эти'; венг.ez / ∠*et/ 'этот', манси ти 'этот'.

Вторым элементом -де является тот же суффикс, который выступал в местоимении тудо 'он, тот'. Первоначальным гласным местоимения тиде 'этот' в домарийский период, по всей видимости, был -ӓ, что мы наблюдаем в финском языке. В древнема-

рийском языке этот гласный перешел в-*е*. Подобный звуковой процесс ясно устанавливается на сравнительных материалах. Ср. фин. *mälki* "грудь", мар. *мел* "грудь", фин. *särki* "плотва", мар. *шеренге* "плотва", *kärki* "черный дятел", мар. *керге* "черный дятел" и т.д. Наличие в пермских языках заднерядного -*а* ничуть не противоречит сказанному, ибо в них древние переднерядные гласные отодвинулись назад.

Древнемарийская же форма рассматриваемого местоимения может быть установлена с достаточной уверенностью по данным диалектов в виде: *теде* "этот". Диалектные варианты *тиде*, *тыде* образовались в результате перехода *е* в *и*, а затем-редукции последнего. *Теде тиде тыде* / в горном *тиды*/ "этот". Переход *е* в *и* в марийском языке вполне закономерное явление, ср. *шеме*, *шиме* "черный", *сер*, *сир* "берег", *тер*, *тир* "сани", фин. *penikka* "щенок", мар. *пий* "собака", *пинеге*, *пынеге* "щенок".

Предположение К.Е. Майтинскойо том, что общемарийским источником гласного местоименной основы *ти-* был переднерядный гласный, лучше сохранившийся в горном наречии, чем в луговом и восточном наречиях, т.е. гласный- *и* / И.Г./, вряд ли является обоснованным, так как фонетически переход -*е* в -*и* для марийского языка более характерен.[2]

Местоимения *седе* "этот", *саде* "тот"

Эти местоимения наиболее употребительны в восточном наречии марийского языка. В горном наречии употребляется только

---

[1] Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. 1964, стр. 69.

[2] Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола, 1965, стр. 87-88.

местоимение седӹ в значении 'тот'. Это значение в нем появилось, видимо, позже вследствие исчезновения местоимения сады 'тот'. Первоначальное значение местоимения седӹ проявляется еще в сложном слове: седӹкень 'этакий' из седы 'этот' + гань 'подобный'. В луговом наречии местоимение сады 'тот' сохранилось лишь в словах садлан, сандене 'поэтому'. По своему происхождению они также древние. Соответствия им имеются в родственных языках. Например: фин.se 'этот', эрзя-морд.се 'тот', сон 'он', коми-зыр.сӥйӧ 'он, тот', удм.со 'он, тот,те'.

Языковые факты позволяют нам судить о том, что в древности в финно-угорских языках, как и в марийском языке, существовали пары местоимений, указывающих на ближний и дальний предметы. Не случайно поэтому мы наблюдаем такое явление, когда в разных финно-угорских языках с -овые местоимения выражают различные значения: в одном указывают на близкий предмет, в другом - на дальний. Как видно из сравнения с материалами родственных языков собственно-местоименным элементом в рассматриваемых марийских местоимениях являются лишь первые слоги. Второй же слог их тот же суффикс, что и в других местоимениях /см.стр. 131 /.

Эти местоимения в восточном наречии марийского языка сохранили, по всей вероятности, древнемарийскую форму. Ср.фин. se sama 'это самое', где мы видим оба местоимения se 'этот', sa 'тот'.

Местоимение нине 'эти'

Происхождение данного местоимения одинаково с происхождением местоимения нуно 'они, те' /см.стр.133/. Суффиксальный элемент местоимения по закону гармонии гласных был лишь с

гласным переднего ряда, очевидно, с тем же -е в древнемарийское и в домарийское время. Об этом свидетельствуют соответствия из родственных языков и факты самого марийского языка. Так в мордовском языке мы видели суффиксы -на, -не: тона 'тот', тене 'этот', ср.марийское: нуно 'те', нине 'эти'. В финском языке это местоимение выступает с другим суффиксом nämä 'эти'. В горном наречии конечный гласный местоименного суффикса подвергся редукции: нинь 'эти'. В пижанском говоре лугового наречия редуцировался гласный местоименного корня: ныне 'эти'.

История местоимений тыгай 'этакий', тугай 'такой'

Эти местоимения указывают на общий признак предмета и выделяют данный признак из других однородных. Здесь также наблюдается пространственное различие: тыгай 'этакий' указывает на признак, видимый говорящим в непосредственной близости, тугай 'такой' - на признак, видимый говорящим в некотором отдалении. В современных марийских диалектах рассматриваемые местоимения имеют следующие варианты: луг.тыгай, йошкар-олин. тыгане, волжск.тигане, вост.тыгане, северо-зап.теген', горн.техень 'этакий'; луг.тугай, йошкар-олин., волжск. тугане, вост.тугане,северо-зап. тӹген', горн. тӹхень 'такой'.

По происхождению местоимения тыгай 'этакий', тугай 'такой' являются сложными. Они образовались путем слияния указательных местоимений ты < ти < те 'этот', ту 'тот' с послелогом гай<ган'<гане, выражающего подобие чему-либо или какому-либо признаку. Диалектные варианты возникли вследствие сужения и редукции местоименного гласного: *тегане > тигане > тыган' > тыгай 'этакий', *тугане > тӹгане 'такой'. В горном и северо-западном наречиях

произошло сужение гласного у > ӱ и затем его редукция, а в горном наречии - даже делабиализация: *тугане > тӱгане > тһгане > тӓхен 'такой'. Кроме того, в горном наречии произошел ассимилятивный переход послеложного гласного а в е и вместо былого звонкого согласного г под чувашским влиянием возник глухой х.

История местоимений тынар 'столько', тунар 'столько'

Местоимения тынар 'столько', тунар 'столько' указывают на количество. Причем местоимение тынар 'столько' указывает на количество, находящееся вблизи от говорящего, местоимение же тунар 'столько' - на количество, находящееся в некотором отдалении от говорящего. В современных диалектах эти местоимения представлены следующим образом: луг.вост.тынар, тынаре, горн. тинары 'столько', морк.-серн.тунар, тунаре, волжск., йошкар-олин.тһнар, северо-зап.тһнӓре, горн.тинӓры 'столько'.

По происхождению местоимения тынар 'столько', тунар 'столько' являются тоже сложными. Они сложились из тех же указательных местоимений ты 'этот', ту 'тот' и количественного послелога наре, показывающего приблизительное количество в сравнении с каким-либо определенным количеством.

Вопросительные местоимения

В современном марийском литературном языке имеются следующие вопросительные местоимения: кӧ 'кто', мо 'что', могай 'какой', кудо 'который', мыняр 'сколько', кунар 'сколько'.

Местоимение мо 'что'

В современном марийском языке это местоимение имеет два

варианта: луг.вост. мо 'что', горн., северо-зап.ма 'что'. Более древней для марийского языка следует считать форму ма 'что'. Вариант мо 'что' появился вследствие огубления гласного -а. В родственных языках соответствия представлены следующим образом: фин.mitä, mikä 'что', саам.mi, mä 'что', морд.мезе 'что', манс.мӓн 'какой', хант.мӑли 'который, какой', венг.mi 'что', mely 'который'.

Местоимение могай 'какой'

В диалектах современного марийского языка это местоимение имеет следующие варианты: моркин.-серн.могай, йошкар-олин., волжск.могане́, горн.махань, северо-зап.маганы́, маганы́кы 'какой'. По своему происхождению рассматриваемое местоимение сложное. Оно возникло путем слияния вопросительного местоимения мо < ма 'что' и послелога гай < гане́.

Местоимения мыняр 'сколько', кунар 'сколько'

Эти местоимения по своему происхождению также являются сложными. Они образовались в результате слияния вопросительных местоимений мо 'что', ку 'который' с количественным послелогом наре.

В современных марийских диалектах местоимение кунар 'сколько' почти везде одинаково: только в волжском, йошкар-олинском говорах лугового наречия и в горном и северо-западном наречиях гласный местоименного корня редуцировался, ср.волжск., йошкар-олин., северо-зап. кнар, горн.кынар 'сколько'. Местоимение мыняр 'сколько' имеет несколько различных диалектных вариантов: серн.мыняр, йошкар-олин.мунар, горн., северо-зап. маняр, морк.мызар, горн.мазар, вост.монар, мунар 'сколько'.

Варианты мыняр, мунар, монар, маняр 'сколько', как правильно указывает К.Е.Майтинская, произошли путем слияния вопросительного местоимения мо < ма 'что' с послелогом нар, наре[I]. Варианты мызар, мазар имеют сложную основу и точно соответствуют мордовским мзяра, məz'arə̆, где согласный -з- является остатком с -ового указательного местоимения, а согласный н- послелога наре выпал[2]. Развитие выглядело приблизительно следующим образом: *ma + se + nare > maznare > mazarə > məzarə. Послелог наре возводится к слову мар 'куча, груда', что вполне возможно[3], т.к. сначала послелог присоединялся не только к форме именительного падежа, но и родительного, а это создало условие для ассимиляции м > н: мон + маре > мон + наре > монар 'сколько', ср.вост.мон наре 'сколько'.

История местоимений кӧ 'кто', кудо 'который'

Происхождение местоимения кудо 'который' довольно интересно объяснил Лехтисало[4]. Он считает, что данное местоимение возникло из вопросительного местоимения кӧ 'кто', которое в диалектах марийского языка имеет различные варианты: горн. кӱ 'кто', луг.кӧ 'кто', ке 'кто', посредством присоединения суффикса -до / < *ta/. Первоначально местоимение кӧ 'кто' указывало, по мнению Лехтисало, на неопределенное лицо, а с помощью суффикса -до оно приобрело определенность. Мнение

I Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М. I964, стр.85, 87.

2 Там же, стр.85.

3 Там же, стр.20.

4 Lehtisalo T. Указ.соч., стр.39I.

Лехтисало требует некоторого уточнения. Соответствия рассматриваемым местоимениям в родственных языках следующие: фин. kuka 'кто', но kenen 'кого' /род.п./; эст.kes 'кто', но kus 'где', карел.ken 'кто', kudama 'который'; эрзя-морд.ки 'кто', кодамо 'какой, который'; коми-зыр.код, коді 'кто, который', удм.кин 'кто', кудӥз 'который', манс.хотъют 'кто', хоти 'который', венг.ki 'кто', hány 'который'. Как видно, из материалов родственных языков, очень трудно установить первоначальный вид местоимения кӧ 'кто', если принять за основу только одно местоимение и в кӧ 'кто' и в кудо 'который'. Но сравнение подобных местоимений в родственных языках нас наталкивает на весьма интересную мысль. Не было ли и здесь двух местоименных корней, как это мы видели в таких парах: тиде 'этот'-тудо 'тот', нине 'эти' - нуно 'они', седе 'этот' - саде 'тот'? Мы отвечаем на этот вопрос положительно. Как в указательных местоимениях, так и в вопросительных в свое время, очевидно, существовало,различие местоименных корней по значениям: указание на близкий, определенный предмет и указание на дальний, неопределенный предмет. Поэтому и вопросительное местоимение кӧ 'кто' должно было иметь свою пару. Различие это выражалось качеством гласного местоименного корня, которым для пары местоимения кӧ 'кто' /определенный, близконаходящийся/ был гласный - у: ку 'кто' /неопределенный, далеконаходящийся, ср. ку + до 'который'/. Впоследствии это различие стерлось, поэтому в современных финно-угорских языках наблюдается такой разнобой гласных в местоименном корне. Однако былое различие как-то проявляет себя: финск ku + ka 'кто', ken 'кто'; удм.кин 'кто', ку + ӟӥз 'который'; эрзя-морд. ки

"кто", ко + дам "который"; венг. ki "кто", ha "когда".[1] В марийском же языке местоимения кӧ, кӱ, ке, "кто", указывало на близкое лицо, ку- на дальнее, неопределенное.

Первоначально местоимение кӧ "кто" имело форму ке "кто". и луговосточный вариант кӧ "кто" возникли позже в результате огубления гласного -е, ср. нелаш, пӧлаш "приспо", нӧлташ "поднимать",

Определительные местоимения

Местоимение весе "другой"

Это местоимение имеет значение указания на отдаленный предмет от говорящего и выделяет его среди прочих других путем противопоставления. Обычно данное местоимение противопоставляется указательным местоимениям тиде "этот", тудо "тот" к числительному ик "один". В современных марийских диалектах оно представлено везде одинаково: луг. вост. северо-зап. весе, горн. весы "другой".

Происхождение местоимения весе "другой" не совсем ясно. Очевидно, оно связано с чувашским весе "вон", так как в марийском языке для выражения значения "другой" имелось финно-угорское местоимение му -"другой" / см. ниже/.

Местоимение моло "другие"

Местоимение моло "другие", остальные" имеет собирательное значение, указывает на группу предметов и явлений, из которых один или несколько предметов выделены говорящим. В северо-западном наречии и йошкар-олинском говоре лугового наречия это местоимение имеет вариант муло "другие".

[1] - Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М., 1955, стр. 194.

Рассматриваемое местоимение находит прямые соответствия в родственных языках, вплоть до угорских. Ср.фин.mun 'другой', эст.mun 'другой', удм.мукет 'другой', коми мукӧд 'другой', манс.мот 'другой', венг.más 'другой'[I].

Исторически местоименным корнем является только му-, мо-, которое более древний вариант сохранило в северо-западном наречии, элемент же -ло, по всей вероятности, является суффиксом с собирательным значением, который продолжает свое существование как показатель собирательной множественности во всех современных марийских диалектах, ср.кожла 'ельник' от кож 'ель' и т.д. /см.Историю числовых форм, показатель -ла/. Правда, Майтинская[2] вслед за Оянсуу[3] называет его местоименным суффиксом. В пермских языках элемент -код, -кет также считается суффиксом[4].

Таким образом, в древнемарийском языке рассматриваемое местоимение имело две формы: *mu 'другой' и *mula 'другие'. Конечный гласный -а суффикса -ла по закону лабиальной гармонии перешел в -о.

Местоимение чыла 'все'

Это местоимение также имеет собирательное значение и указывает на общее количество. По своему происхождению местоиме-

---

I Suomen kielen etymologinen sanakirja, II, Helsinki, 1958, стр.354.

2 Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. I964, стр.76.

3 Ojansuu H. Itämerensuomalaisten kielten pronominioppia, Turun suomalais-t-en yliopiston julkaisuja, t t.I, Turku, 1923, стр. 41, 42.

4 Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М. I963, стр.2I3.

ние чыла, горн.цилӓ, где ц- из ч-[I], восходит к финно-угорскому čilä 'весь, все', ср.коми-зыр.чиля 'весь'[2].

Местоимение южо 'иной, некоторый'

Местоимение южо 'иной, некоторый' /горн.южы 'иной, некоторый'/ не заключает в себе указания на конкретный предмет. Оно имеет значение "один из числа других или несколько из числа других".

По происхождению это местоимение является финно-угорским. Соответствия ему имеются в ряде родственных языков. Ср.фин. jompi-kumpi 'один из двух', jos 'если', морд.juza tŏza 'туда сюда'[3].

Местоименным исторически является только элемент ju-, элемент же --žǫ -žə̑ является притяжательным суффиксом третьего лица в указательно-выделительном значении[4], который, как мы знаем, восходит к указательному местоимению se 'этот'. /См. Притяжательные суффиксы/.

Местоимение кажне 'каждый'

Это местоимение вошло в марийский язык из русского языка. Ср.русск.обл. кажный 'каждый'. Оно, как и в русском языке, обозначает 'всякий в данном индивидуализированном количестве', 'любой из себе подобных'.

I Грузов Л.П. Следы финно-угорских аффрикат в диалектах марийского языка. Советское финно-угроведение, № 4, I965, стр.25I.

2 Лыткин В.И. Этимологии из пермских языков. Советское финно-угроведение, № 2, I966, стр.II9-I20.

3 Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. I964, стр.24.

4 Там же, стр.76.

В северо-западном наречии из-за перехода гласного а > ӓ возник вариант кӓжнӓ 'каждый'.

Кроме рассмотренных определительных местоимений, в марийском языке посредством прибавления к вопросительно-относительным местоимениям частиц керек и кеч, хоть, коть, занимающих препозиционное положение, образовались местоимения: керек-кӧ 'кто-угодно, любой', кеч-кӧ, хоть-кӱ 'кто-угодно, любой', керек-мо, кеч-мо, хоть ма 'что-угодно, любой' и т.д. /О происхождении частиц см.частицы/.

История возвратно-определительного местоимения шке 'сам,свой'

Местоимение ышке /орф.шке/ 'сам, свой' во всех диалектах имеет одно значение. В горном наречии это местоимение имеет переднюю огласовку: ӹшке 'сам, свой'.

Прямое соответствие рассматриваемому местоимению имеется в пермских языках коми-зыр.асьӧ 'свой', удм.асьӥ /ср.асьмеос 'мы сами'/, в мордовских языках: эрзя-морд. эсь /ср.эсень 'меня самого'/, эсь прям 'мою голову, свою'[I].

В прибалтийско-финских языках марийскому ышке, по-видимому, соответствуют, фин.itse 'сам', эст.ise 'сам'. Из обско-угорских языков в качестве соответствий марийскому ыш-, иш- обычно приводятся: хант.ис 'душа, дух', манс.ис, йис 'душа, тень'[2]. Х.Паасонен полагает, что возвратные местоимения в финно-угорских языках по значению тождественны с понятием

I Бубрих Д., Эрзя-мордовская грамматика минимум, Саранск, 1947, стр.23-24.

2 Itkonen E. Lapische Chrestomathie mit Grammatikalischen Abriss und Wörterverzeichniss. Helsinki, 1960, стр.130. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I, Helsinki, 1955, стр.110.

души[1]. Поэтому марийское шке 'сам' первоначально должно было означать 'душа же'. О том, что это местоимение когда-то было именем существительным говорит также его включение в систему притяжательных суффиксов: шкемым 'я сам себя', шкендым 'ты сам себя' и т.д. Форма шкет 'сам, один' представляет собой сокращенный вариант инструктивной формы шкетын 'сам, один', где элемент -т является, как правильно заметил Э.Беке, тем же суффиксом, который встречается в полных формах имен числительных: кок-кокыт 'два'[2]. Исходя из мордовских данных, мы устанавливаем домарийский местоименный корень *es'. В древнемарийском языке гласный e>i, а затем редуцировался. К местоименному корню присоединилась усилительная частица -ке: *es' + ke > iške > əske /əške/. Усилительная частица имеет соответствия в ряде родственных языков. Ср.эст.minagi 'я же', фин.minäkin 'я же'.

Неопределенные местоимения

В современном марийском языке все неопределенные местоимения составные. В литературном языке они образуются сочетанием вопросительно-относительных местоимений с препозитивными неопределенными частицами ала, иктаж и постпозитивной частицей гынат. Ср.ала-кӧ 'кто-то', иктаж-кӧ 'кто-нибудь', кӧ-гынат 'кто-нибудь' и т.д.

В горном наречии в образовании неопределенных местоимений

---

[1] Paasonen H. Über die ursprünglichen Seelenvorstellungen bei den finnisch-ugrischen Völkern und Benennunger der Seele in ihren Sprachen, SUSA, XXVI, 4, cmp.7.

[2] Beke Ö. CsNy, cmp.266.

участвуют частицы: тӓ, та, шон: тӓгӱ "кто-то', кӱ-шон 'кто-то' и т.д.

В северо-западном наречии, как указывает Г.Тужаров, в образовании неопределенных местоимений участвуют следующие частицы: препозиционные - незнӓй, ӓлӓ, ыктӓж, нӓт, постпозитивные - гӓлӓ, гай, гынӓт, нӓт: незнӓй-кӱ 'кто-то', ӓлӓ-кӱ 'кто-то', иктӓж-кӱ 'кто-нибудь', кӱ-гӓлӓ 'кто-то', нӓт-кӱ 'кто-то', кӱ-нӓт 'кто-нибудь', кӱ-гай 'кто-нибудь', кӱ-гынӓт 'кто-нибудь'[I] и т.д.

Таким образом, собственно-неопределенных местоимений марийский язык не знал.

Отрицательные местоимения

Все отрицательные местоимения, за исключением местоимения иктат 'ни один, в значении никто', в марийском языке образованы путем прибавления к вопросительно-относительным местоимениям русской отрицательной частицы ни. Структура отрицательных местоимений марийского языка представляет кальку структуры отрицательных местоимений русского языка. Например: лит. нигӧ ни + кӧ, серн.ныгӧ, горн.нигӱ, северо-зап.нӱгӱ 'никто' и т.д.

В сернурском говоре ни в результате редукции гласного и превратилось в ны, в северо-западном наречии в зависимости от качества гласных последующего местоимения меняется гласный отрицательной частицы: нӱгӱ < ни + кӱ 'никто', нима 'ничто',

[I] Тужаров Г. Яранский говор марийского языка /морфологическая характеристика/, Тарту, I966, рукопись, стр.I83.

нһгһдо 'некоторый'.

Местоимение иктат 'ни один, в значении никто' представляет собой по происхождению имя числительное икте 'один' с усилительное частицей -ат. Отрицательное значение это местоимение приобрело, по всей видимости, в отрицательных предложениях типа: иктат ок тол 'никто не придет'. Первоначально это предложение значило 'даже один не придет'.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имена прилагательные в марийском языке по своему значению и грамматическим признакам делятся на две группы: на качественные и относительные. Притяжательных имен прилагательных в марийском языке нет. Их роль выполняют имена существительные в форме именительного или родительного падежей: рывыж поч 'лисий хвост', ачан упшыжо 'шапка отца'.

При соединении с именем существительным имена прилагательные по падежам не изменяются, например: канде пеледыш 'синий цветок', канде пеледышым 'синий цветок' /вин.п./, канде пеледышлан 'синему цветку' и т.д.

Незначительное число имен прилагательных в марийском языке имеет полную и краткую формы. Краткая форма образуется вследствие отпадения конечного гласного основы /ош - ошо 'белый'/ или конечного слога /йошкар-йошкарге 'красный'/. Как и в других языках, марийские прилагательные могут образовывать степени сравнения.

История сравнительной степени

О происхождении суффикса -рак

Во всех диалектах современного марийского языка сравнительная степень имен прилагательных образуется при помощи суффикса -рак. Например:

Луговое наречие:

сай 'хороший' - сайрак 'лучше'; уда 'плохой' - ударак 'хуже'; неле 'тяжелый' - нелырак 'тяжелее'.

Восточное наречие:

ямле 'красивый' - ямлырак 'красивее'; тутло 'вкусный' - тутлырак 'вкуснее'; ашака 'злой' - ашакарак 'злее'.

Горное наречие:

яжо 'хороший' - яжорак 'лучше'; нелӹ 'тяжелый' - нелӹрӓк 'тяжелее', худа 'плохой' - хударак 'хуже'.

Северо-западное наречие:

удей 'плохой' - удейрак 'хуже', изи 'маленький' - изирӓк 'меньше'.

Особенностью данного суффикса в современном марийском языке является то, что он часто выражает неполную степень качества, наличие ослабленного, уменьшенного качества или свойства в предмете. Прилагательные с этим суффиксом в таких случаях соответствуют русским прилагательным с суффиксом -оват, -еват. Например: ошо 'белый' - ошырак 'беловатый, белее'. Ср. лум кагаз деч ошо 'снег белее бумаги', лум кагаз деч ошырак 'снег несколько белее бумаги'.

Происхождение этого суффикса убедительно доказано еще Ф.Видеманом, который считает его заимствованным из чувашского языка[I]. Затем это мнение никем не опровергалось, а наоборот, поддерживалось[2]. Конечно, нет сомнения, что суффикс -рак чувашского происхождения. Он и в чувашском языке выражает неполную степень качества[3]. Подобный суффикс встречается во всех тюркских языках. Например, чув.ӑшӑ 'теплый' - ӑшӑрах 'теплее', яка 'гладкий' - якарах 'гладковатый', ҫӗнӗ 'новый' - ҫӗнӗрех 'новее'; тат. матур 'красивый' - матуррак 'красивее', яхшы 'хороший' - яхшырак 'лучше'; башк.з,ур 'большой' - з,ураҡ 'больше', якшы 'хороший' - якшырак 'лучше'; узбек.майда 'мелкий' - майдарок, 'мелковатый', совук, 'холодный' - совук,рок, 'довольно холодный'; тур.ufak 'мелкий' - ufarak 'мельче', küçük 'маленький' - küçürek 'меньше'.

Таким образом, суффикс -рак вне всякого сомнения в марийском языке тюркского происхождения и, вероятнее всего, заимствован из чувашского языка, с которым марийский язык издавна имел очень тесные связи.

Вопрос о сравнительной степени в древнемарийском языке

Современный суффикс сравнительной степени имен прилагательных в марийском языке, как мы видели, заимствован из чувашского языка. Возникает вопрос, как же сравнительная степень выражалась в древнемарийском языке до чувашско-марийских языковых

I Szinnyei J. FUSp2 стр.72-73.

2 Wiedemann F. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval, 1847, §43.
Budenz J. Cseremisz tanulmányok, Nyk, III, Pest, 1864.

3 Материалы по грамматике современного чувашского языка, ч.I, Морфология, Чебоксары, I957, стр.97-98.

взаимоотношений? Был ли какой-либо суффикс сравнительной степени в древнемарийском языке?

В финно-угроведении существует мнение, что финно-угорский язык-основа знал сравнительную степень имен прилагательных, которая выражалась в нем при помощи суффикса -*мр* /-*мп*/[I]. Однако некоторые языковеды отрицают наличие суффикса сравнительной степени в финно-угорском языке-основе. По их мнению, сравнительная степень имен прилагательных в различных финно-угорских языках развилась самостоятельно, т.е. после распада финно-угорской языковой общности[2].

Предполагаемый суффикс сравнительной степени -*мр* /-*мп*/ встречается в ряде финно-угорских языков. Так в финском языке сравнительная степень выражается суффиксом -*mpi*: *vanha* 'старый' - *vanhempi* 'старее', *suuri* 'большой' - *suurempi* 'больше', *korkea* 'высокий' - *korkeampi* 'выше'; в саамском - суффиксом -*мр* /-*мп*/: *пуэрр* 'хороший' - *пурэамп* 'лучше'; в венгерском языке: *nagy* 'большой' - *nagyobb* 'больше'. В коми языке этот суффикс находят в глаголах уменьшительного вида: *узӧбтыны* 'поспать' - *узны* 'спать'[3]. Финно-угорское -*мп* в венгерском и пермских языках дало -*б*, например: удм.*ыбыны*, фин. *ampua* 'стрелять'; венг.*hab* 'волна', хант.*хумп* 'волна', коми *'гыбавны* 'плескаться'.

I *Szinnyei J.* FUSp[2] стр.72-73.

2 *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка, ч.I, М. I953, стр.98. *Бубрих Д.В.* Историческая морфология финского языка, Л. I955, стр.46.

3 *Лыткин В.* Примечания к книге Бубриха "Историческая морфология финского языка, Л. I955, стр.I78.

Некоторые финно-угроведы полагают, что в марийском и мордовском языках древний финно-угорский суффикс сравнительной степени -*mp* сохранился в таких словах: мар.*тумбал* 'далекий', *тембал* 'близкий', морд.*томбале* 'по ту сторону'[I].

К.Е.Майтинская эти слова выводит из **tu* + *mb* + *bal* ~ *ßal* 'сторона, половина'. По ее мнению, здесь произошло лишь выпадение одного из *b*: **tumbal* > *tumbal* 'далекий'[2].

Указанные марийские слова, в которых предполагают наличие древнего суффикса сравнительной степени, Рамстедтом правильно считаются сложными: *тен* + *пал* 'близкий' и *тун* + *пал* 'далекий'[3]. Эти слова образовались путем сложения формы родительного падежа /первоначально притяжательного прилагательного/ от указательных местоимений *те* 'этот', *ту* 'тот' и существительного *вал* / *пал*/ 'поверхность, место, сторона', ср.горн.*вӹлвӓл* 'верх', удм.*пал* 'сторона, страна, местность'. Развитие проходило следующим образом: **тен* + *пал* > *тем* + *пал* > *тембал* 'близкий' /первоначально 'здешняя поверхность, местность'/, **тун* + *пал* > *тум* + *пал* > *тумбал* 'далекий' /первоначально 'тамошняя поверхность, местность'/. Согласный -*н* перед губным согласным -*п* превратился в -*м*, который затем закономерно превратил согласный -*п* в -*б*. Подобные случаи в марийском языке имеются, например, диал.*тымбек* 'сюда', *тумбек* 'туда' из *тын* + *пелке* 'сюда', *тун* + *пелке* 'туда', ср.*пелыл* 'посторонний', но *тун пелке* 'в его сторону', или *ломбо* < *лом* + *пу* 'черемуха'. Очень

I Szinnyei J. Указ.соч., 85-86.

2 Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. I964, стр.67-68.

3 Ramstedt G. Suomalais-ugrilaisen komparatiivin syntyperä, Virittäjä, 1917, стр.37-39.

доказательным в этом отношении является и удмуртский пример: тупал 'заречная сторона, дальная сторона, чужбина' из ту - указательное местоимение 'тот' и - пал 'сторона, страна, местность'. Как видно, в удмуртском языке и в настоящее время оба слова существуют самостоятельно.

Кроме того, наличие в марийском языке форм луг.тывел ~ тымбел 'эта сторона, здешний', тувел~тумбел 'та сторона', тамошний' явно доказывает, что здесь никакого суффикса - не было, а произошло лишь простое развитие: тын + вел > тымбел 'здешний', тун + вел >тумбел 'тамошний', ибо определением имя в марийском языке может быть только в форме родительного и именительного падежа. В данном случае мы наблюдаем обе формы.

Таким образом, в современном марийском языке никаких следов, указывающих на былое наличие суффикса сравнительной степени -тр не обнаруживается. Вполне возможно, что в марийском языке, так и в других финно-угорских языках, сравнительная степень имен прилагательных возникла после распада финно-угорской языковой общности. Поэтому-то, очевидно, мы и имеем такое различное оформление сравнительной степени в финно-угорских языках. Например: коми-зыр.бур 'добрый' - бурджык 'добрее'; мича 'красивый' - мичаджык 'красивее'; удм.тӧдьыгес 'белее' от тӧдьы 'белый', капчигес 'легче' от капчи 'легкий'; манс.пелуп 'острый' - пелупнуве 'острее', тарватынг 'тяжелый' - тарватынгнуве 'тяжелее'.

По-видимому, морфологической формы сравнительной степени прилагательных в древнемарийском языке не было. Сравнение качества предметов выражалось синтаксически: лум кагаз деч ошо

"снег белее бумаги" букв. "снег белый от бумаги". Аналогичное явление наблюдается и в других финно-угорских языках. Например: морд. минек кудонок чувтодо сэрей "наш дом выше деревьев", букв. "наш дом от деревьев высокий";ман. ам асюмныл карыс "я выше своего отца", букв. "я от своего отца высокий".

История описательных форм степеней сравнения

Превосходная степень имен прилагательных образуется в марийском языке синтаксическим способом. Для выражения превосходства качества предмета перед прилагательным положительной степени ставятся слова: пеш,горн. пиш "очень",моткоч "очень", эн "самый", путырак "слишком",горн. сек "всех", самый "самый". Например: пеш кугу "очень большой",эн кугу "самый большой", моткоч кугу "очень большой", путырак кугу "слишком большой", горн. пиш кого "очень большой", сек кого "самый большой, больше всех", самый кого "самый большой". Кроме того, превосходная степень может выражаться при помощи послеложных конструкций с послелогами: луг. деч "от", горн. гӹщ "из". Например: луг. чевер деч чевер "красивее красивого" букв. "красив от красивого";горн. цевер гӹщ цевер "красивее красивого" букв. "красив из красивого".

Образование описательных форм степеней сравнения первой группы в марийском языке относится к относительно недавнему времени, о чем красноречиво свидетельствуют те слова, при помощи которых эти формы образуются. Так, слово пеш "очень" является иранским заимствованием, ср. перс. пиш "до,раньше" / см. частицы /, слово эн " самый"

тюркского происхождения, ср. узбек. энг"самый",энг яхши "самый хороший". Слова же сек "всех" и самый "самый"-русского происхождения. Марийским по происхождению является только: моткоч мо+эт коч "очень" /первоначально:"от чего, через чего"/.

Следовательно, можно смело полагать, что превосходная степень в марийском языке, выражаемая с помощью слов: пеш "очень", эн "самый", моткоч "очень", путырак "слишком",сек "всех" и т.д., возникла не раньше соприкосновения мари с ираноязычными и тюкоязычными народами и является главным образом тюркским по происхождению. Лишь позднее в марийский язык вошли русские слова сек "всех" и самый "самый".

Формы, образующие с помощью послелогов, по всей вероятности, представляют собой более древнее явление, они возникли до тюркского влияния. К тому же периоду относится, по-видимому, форма превосходной степени со словом моткоч "очень" из моэт коч "от чего, через чего". Подобное построение степеней сравнения характерно и другим финно-угорским языком. Ср. морд. сон весемеде виев "он сильнее всех", букв. "он от всех сильный"; удм. тук чебер муне "очень красивая кукла", самой чебер юртъер "самое красивое здание"; коми-зыр. медся еджыд "самый белый", коми-перм. медся кокнит "самый легкий", самӧй басӧк "самый красивый"; манс.сака нӧт нэ " самый красивый".

Таким образом, в древнемарийском языке степени сравнения имен прилагательных выражались описательно /синтаксически/ при помощи послелогов; для выражения сравнительной степени бралось слово, выражающее сравниваемый предмет,за ним ставилось имя послелогом и затем имя прилагательное, выража

ющее сравниваемое качество или свойство предмета: Юл Какшан деч кугу 'Волга больше Кокшаги'. Для выражения же превосходной степени прилагательное повторялось дважды с послелогом или без послелога: ошо ошо 'белый белый' или ошо деч ошо 'белее белого' /букв. 'белый от белого'/.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

История количественных числительных до I0

В современном марийском языке количественные числительные от I до 9 выступают в двух вариантах: в полной форме - при счете и самостоятельном употреблении /икте 'один', визыте 'пять'/ и в краткой форме - в роли определения перед именем существительным /ик пӧрт 'один дом', вич пӧрт 'пять домов'/.

В наличии краткой и полной формы Б.А.Серебренников усматривает чередование меченых и немеченых пар в древней финно-угорской системе числительных. Он предполагает, что это явление отражает какие-то особенности счета по парам. Меченая пара от немеченой отличалась присоединением дейктической частицы -*t8 местоименного происхождения[I]. Вполне возможно, что элементы -те, -то, -ч, -т в числительных икте 'один', кокыто 'два', вич /< вите/ 'пять', кут 'шесть' являются древними дейктическими частицами местоименного происхождения, но вряд ли они связаны своим происхождением с элементом -те /-то/ в формах: иктыте 'один',коктыто 'два', кумыто 'три', нылыте 'четыре',визыте 'пять', кудыто 'шесть',шымыте 'семь', так как последний выступает последовательно во всех числительных до семи, независимо от меченой или немеченой пары/см.также поряд.чис-ные/.

[I] Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М. I963, стр.2I5-2I6.

Марийский	Финский	Саамск.	Мордовск.	Коми	Удмурт.	Манси	Венгерск.
икте/ик/	yksi (yhte-)	akt (xt?	вейке	öти	одиг	аква	egy
кокыт /кок/	kaksi (kahte-)	kikt	кавто	кык	кык	китыг	kettö
кумыт /кум/	kolme	kолm	колмо	куим	куинь	хурум	harom
нылыт /ныл/	nelja	n'iel'l'a	ниле	нёль	ньыль	нила	negy
визыт /вич/	viisi (viite-)	vidt	вете	вит	вить	ат	öt
кудыт /куд/	kuusi (kuute-?	kudt	кото	квайть	куать	хот	hat
шымыт /шым/	seitsemän	kidzim (ciscem)	сисем	сизим	сизьым	сат	hét
кандаше /кандаш/	kahdeksan	какс'а	кавксо	кӧкъямыс	тямыс	нёлолов	nyole
индеше /индеш/	yhdeksän	акса	вейксэ	öкмыс	укмыс	онтолов	~~tiz~~ kilenc
лу	kymmenen	логк'е	кемень	дас	дас	лов	tiz

Как видно из таблицы, числительные до 7 во всех финно-угорских языках в той или иной степени совпадают, поэтому нет никакого сомнения в общности их происхождения[I]. Числительные же 8 и 9 в марийском языке одинаковы с финскими соответствующими числительными, что тоже не вызывает сомнения. Общность происхождения этих числительных в мордовском и пермских языках также доказуема.

Сравнительный анализ числительных позволяет установить их древнюю форму. Рассмотрим каждое числительное в отдельности.

Числительное икте 'один'

Числительное икте в современных марийских диалектах представлено более или менее однообразно, например, луговое наречие: икте /сернур, морки/, икыт /икте/ (Ронга), иктыт /Й-Ола/, икте /иктыт/ (Волжск). горное наречие: икты; северо-западное наречие: иктыт, восточное наречие: икте /иктыт/. При сравнении диалектных данных с данными родственных языков мы видим, что в марийском языке в отличие от других финно-угорских языков числительное один имеет две формы икте, иктыт, из которых более древней является икте, восходящая к домарийскому *ekte /ср.мордовские и саамские данные/.

Форма же иктыт развилась на марийской почве путем присоединения суффикса -те /-т/, который первоначально, очевидно, был суффиксом порядковых числительных /см.порядковые числительные/. Диалектная форма икыт развилась через вставку слогообразующего гласного и отпадения конечного -е.

I Szinnyei J. FUSp^2, стр.92.

Числительное кокыт 'два'

В диалектах современного марийского языка это числительное имеет следующие варианты: луговое наречие: кокыт /Сернур/, кокыт/о/ (Ронга), коктыт /Й-Ола/, кокто /коктыт/ (Волжск); горное наречие: кокты; северо-западное наречие: коктыт; восточное наречие: коктыт.

В родственных языках данное числительное не имеет двух -т /см.примеры выше/, что дает основание предполагать домарийскую форму числительного два в виде *kakte. /В пермских и угорских языках произошло сужение гласного в корне слова/[I]. В марийском же языке произошел переход а > о, что дало форму *kokte. Но под влиянием редукции конечного безударного гласного в горном наречии возникла форма кокты, в луговом же наречии из-за лабиальной гармонии возникла форма кокто. Таким образом, развитие происходило так: *kakte > kokte > kokta ~ /kokto/. В форме кокыт редуцированный гласный вклинился как слогообразующий, вследствие отпадения конечного гласного. В форме коктыт, конечный согласный -т является тем же суффиксом, что и в числительном иктыт /см.выше/.

С Числительное кумыт "три'

Числительное три в диалектах марийского языка не имеет почти никаких различий, за исключением междиалектных соответствий гласных, например, луговое наречие: кумыт /Сернур/; кумʰт/о/ (Волжск); кʰмʰт/о/ (Й-Ола, Ронга, северо-зап./, горное наречие: кымыт, восточное наречие: кумыт, кумут. В

[I] Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка, Сыктывкар, 1957, стр.82.

родственных языках это числительное выступает без конечного -т, но с дополнительным согласным -л или -р л в середине слова ср.манси хурум, ханты колэм, фин.kolme и т.д. /см. примеры выше/. Данные родственных языков указывают на то, что конечный согласный в марийском числительном кумыт появился в древнемарийское время и является тем же суффиксом, что и в числительных один и два. В домарийское время числительное три, по-видимому, как это показывают данные других языков, имело два слога: *kəlmə . В древнемарийском языке срединный согласный -л выпал под влиянием присоединившегося т -ового суффикса. В первый период древнемарийского языка это числительное должно было иметь следующую форму: *кулме. Затем к нему присоединился суффикс -те: *кулмете, что вызвало выпадение -л: *кумете. Современная форма развилась вследствие редукции и губной гармонии гласных: *кумыты > кумыт /диал.кымыт, кʰмʰт, кумыто/.

Числительное нылыт 'четыре'

Числительное нылыт в финно-угорское время не имело на конце согласного -т, что явствует из данных родственных языков /см.выше/. Домарийской, вернее, финно-угорской его формой, по-видимому было *nele. В волжское время е перешло в і , что дало: *ниле ср.нилыт /Волжск, Калтаса, Малмыж/ и морд.э.ниле. Затем в древнемарийское время присоединился суффикс -те: *нилете. Безударный гласный е перед суффиксом -те редуцировался: *нилыте /ср.волжск.нилыте/. Впоследствии произошла редукция гласного также первого слога: нӹлӹт /горн./ нылыт /лугов.вост./.

Числительное визыт 'пять'

Числительное визыт в марийских диалектах имеет следующие варианты: луговое наречие: визыт, визыте /Сернур, Морки, Ронга, Торъял, Волжск/, вызыт /Й-Ола, северо-зап.наречие/, восточное наречие: визыт, горное наречие: вӹзӹт.

В родственных языках это числительное не имеет больше двух слогов /см.примеры выше/. Полагают, что в финно-угорском языке-основе оно выступало в виде: *vete [I]. В марийском языке последний слог -те является тем же суффиксом, что и в предыдущих числительных /см.выше/. Гласный е на древнемарийской почве перешел в -и, что дало *вите. Но согласный -т между гласными озвончился в -д, а затем перешел в -з: ср.луг.нудо, перм. нузо 'золовка', фин.nato 'золовка'.

Древний согласный -т проявляет себя еще в сложном числительном лугового и восточного наречий витле 'пятьдесят' из вит 'пять' + лу 'десять'.

После присоединения суффикса -те произошла редукция безударного гласного второго слога, что дало: визӹте /луг. визыте/. В горном наречии и в йошкар-олинском говоре лугового наречия произошла редукция гласного так же и первого слога: вӹзӹт /вызыт/. В краткой форме числительного пять вместо ожидаемого -з в диалектах современного марийского языка мы встречаем -ч или -ц: вич /вӹщ, выщ/. Это объясняется переходом -т в -ч или -ц после гласного -и. Ср.толат 'придешь', но тольыч, тольщ 'ты пришел' из первоначального толит 'ты пришел', ср.фин.tulit 'ты пришел'.

[I] Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка, Сыктывкар 1957, стр.82.

Числительное кудыт 'шесть'

Числительное кудыт во всех марийских диалектах представлено одинаково: луговое наречие: кудыт, кудыто, восточное наречие: кудыт; горное наречие: кудыт. В родственных языках соответствия также весьма близки к марийскому числительному /см.выше/. Трудно судить о прафинно-угорской форме числительного шесть. Если верно, что пять имело форму *вете /vete/, то шесть должно было иметь: *куте. В марийском языке глухой согласный -т в интервокальном положении озвончился. Ср.кит /орф.кид/.'рука', кидым 'руку', тер 'сани', издер /из изи тер/ 'санки'. Во втором слоге финно-угорского числительного куте 'шесть' выступал гласный -е, так как в непервых слогах в то время не было лабиализованных гласных[I] /ср.фин.kuute- 'шесть'/. В древнемарийском языке к числительному куте присоединился суффикс -те, перед которым гласный -е впоследствии редуцировался.

Таким образом, историю развития числительного кудыт можно представить в следующем виде: *куте > кутете > кутыт > кудыт.

Числительное шымыт 'семь'

Рассматриваемое числительное в современных марийских диалектах имеет различные варианты, например, луговое наречие: шымыт, шымыте; восточное наречие: шымыт /Калтаса, Бирск/, шишимыт, шышымыт /Шурма, Малмыж/; горное наречие: шымыт.

В родственных языках это числительное имеет также немалые фонетические различия. Согласно общему мнению, это чис-

---

[I] Лыткин В.И. К вопросу о конечной гласной основы глаголов настоящего времени в финно-угорских языках, Труды МарНИИ, вып.ХУ, стр.57.

лительное заимствовано еще в период финно-угорского языка-основы из индоевропейских языков.

По мнению Й.Синнеи, таких индоевропейских источников было несколько. Манс.сат, хант.лӓвӓт, венг.het он связывает с древнеиндийским sapta 'семь', а для фин.seitsemän , морд. сисем, коми-зыр.сизим рекомендует искать другой источник, поскольку здесь появляется согласный -т, отсутствующий в числительных угорских языков[1]. Этим источником Орбан Габор полагал славянские языки[2], Б.А.Серебренников также считает, что индоевропейский язык, из которого заимствовано числительное сизим, сизым в пермских языках, несомненно, принадлежал к языкам балтийско-славянского типа[3]. Марийское же числительное шымыт, шишимыт 'семь' несомненно одного происхождения с финским seitsemän 'семь', пермским сизим, сизым и мордовским сисем 'семь'. Данные мордовских и пермских языков указывают на то, что малмыжско-шурминская форма числительного семь наиболее близка к домарийской его форме. Первоначально это числительное не оканчивалось на согласный -т. Этот согласный, тот же суффикс, что и в числительном один. Он появился позже на древнемарийской почве. Первоначальная форма этого числительного - - *сисиме, к которой присоединился суффикс -те: *сисимете. Затем в марийском языке безударные гласные редуцировались, а согласные -с перешли в -ш /ср.фин.suoni 'жила', мар.шӧн 'сухожилие'/. В горном и луговом наречиях с переходом ударения на второй слог первый слог ши- эмфатически отпал.

---

1 Szinnyei J. FUSp^2, стр.109.

2 Orbán Gábor. A finnugor nyelvek számnevei, Bratislava, 1932, стр.41.

3 Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М.1963, стр.221.

Числительные кандаш 'восемь', индеш 'девять'

В диалектах современного марийского языка эти числительные имеют несколько фонетических вариантов, например, луговое наречие: кандаш, кандаше /Сернур, Морки, Волжск, Ронга/, канданыш /Й-Ола/; восточное наречие: кандаш, кандаше; горное наречие: кӓндӓкшӹ 'восемь'. Луговое наречие: индеш, индеше /Сернур, Морки/, ындеш, ындеше /Ронга/; ындиныш /Й-Ола/; восточное наречие: индеш, индеше; горное наречие: ӓндекшӹ 'девять'.

Числительные 8 и 9 по происхождению сложные: они образовались из первого слога /кратких форм/ числительных I и 2 и числительного десять какого-то индоиранского языка. Древняя общеиндоевропейская форма этого числительного предполагается следующая: dek'mtis 'десять'[I]. В современных индоевропейских языках оно представлено следующим образом: ягнобск.das, пам. в δas; орм.das, афг.las, перс.dah /диал.das/, пехл.dah, ав. dasa-, др.инд.das'a-, арм.t'asn, лит.dešimt, гот.táihun, греч. δεκα, лат.decem , брет.dek и т.д. Предполагают, что числительное десять в древнеиранском языке имело форму *dasa-[2].

В настоящее время еще недостаточно материалов, чтобы установить, из какого именно языка заимствована вторая часть марийских числительных 8 и 9. Трудно также установить, что представляет собой согласный -н в слогах ин-, кан-. Можно лишь предположить, что этот согласный был показателем винительного падежа, поэтому первоначально 8 должно было обозначать два

I Korsch T. Zur Frage von den finnisch-ugrischen Zahlwörtern für 7-10. SUSA, XXX, 20, Helsinki, 1913-1918, стр.4.

2 Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т.I, М.-Л. I958, стр.359.

от десяти, 9 - один от десяти.

Предполагая то, что числительные 8 и 9 образовались путем сложения формы винительного падежа числительных ик 'один' и как 'два' с заимствованным из индоевропейских языков числительным deksa 'десять', мы можем приблизительно представить историю развития этих числительных:

I. *икым + декса > икымдекше > имдекше > индекше > индеше 'девять' из 'один от десяти'.

2. *какым + декса > какымдекше > камдакше > кандакше > кандаше 'восемь' из 'два от десяти'.

Диалектные варианты ындинше 'девять' и канданше 'восемь' развились позже вследствие редукции начального гласного и-, перехода гласного второго слога е в и /ср.фин.yhdeksän 'девять'/ в числительном девять и вследствие перехода е в а во втором слоге числительного восемь по закону прогрессивной ассимиляции. Конечный гласный -а заимствованного числительного deksa перешел в -е по закону гармонии.

В горном наречии числительное восемь приобрело переднюю огласовку.

Числительное лу 'десять'

Числительное лу диал. луо 'десять' в марийском языке возникло самостоятельно. Данное слово первоначально значило 'счет'. Ср.финское: luku 'счет', lukea 'считать'; марийск. диал.лудаш 'считать'.

Интересно отметить, что в современных финно-угорских языках числительное десять не имеет общего источника. Ср.фин.kymmen, морд.кемень, коми-зыр.дас, удм.дас, манс.лов, венг. tíz, норв.-саам. loge , мар.лу, хант. ӧн.

Другой любопытный факт заключается в том, что для обозначения десятка в большинстве финно-угорских языков, наряду с вышеуказанными словами, в некоторых сложных числительных встречаются еще и другие слова, ср.мар.даш, дӓкшӹ /кан + даш, кӓн + дӓкшӹ 'восемь'/, фин.deksan /kah - deksan 'восемь'/, морд.ксо /кав + ксо 'восемь'/, коми-зыр.мыс, мын /кӧкъя + мыс 'восемь', ко + мын 'тридцать'/, удм. мыс, дон /ук + мыс 'девять', ньыль + дон 'сорок'/, венг.van, ven /hat - van 'шестьдесят'/, хант.лэу /ны + лэу 'восемь'/, манс.ман, пан /нали + ман 'сорок', ат + пан 'пятьдесят'/. Однако все эти слова, за исключением заимствованных deksan; даш, дӓкшӹ; ксо, этимологически совершенно не связаны с понятием количества десяти счетных единиц. Так, например, фин.kymmenen 'связывается с фин.kämmen 'ладонь'[I], удм.дон возводится к удм.дун, коми дон 'цена'[2], коми мын, по мнению некоторых исследователей, первоначально обозначало просто 'количество'[3].

Все это позволяет полагать, что финно-угорский праязык не знал десятичной системы счета, она появилась в нем лишь в период контакта финно-угров с индоевропейцами. Различные финно-угорские племена, как видно из заимствованного числительного десять в современных финно-угорских языках, контактировали, по-видимому, с различными индоевропейскими племенами. Так, в венгерский и пермские языки числительное десять проникло из иранских языков алано-сарматской группы[4], в марийский, мордов-

---

I Orban Gábor. A finnugor nyelvek szamnevei. Bratislava, 1932, стр.54.

2 Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М. 1963, стр.223.

3 Orban Gábor. Указ.соч., стр.58.

4 Серебренников Б.А. ИМПЯ, стр.222.

ский и прибалтийско-финские языки это числительное, по всей видимости, вошло из более западной группировки иранских языков.

Образование сложных числительных

История образования сложных числительных в марийском языке довольно прозрачна и не требует широких пояснений, поэтому мы ограничимся лишь констатацией факта. Образование этих числительных произошло поздно и только на марийской почве. В современном марийском языке они представлены следующим образом:

	луговое и восточное наречия:	горное наречие:	северо-западное наречие:
I1	латикте	луатиктӹ/т/	латиктӹ/т/
I2	латкокыт	луаткоκы/т/	латкоктыт
I3	латкумыт	луаткумыт	латкһмһт
I4	латнылыт	луатнӹлӹт	латнӹлӹт
I5	латвизыт	луатвӹзӹт	латвӹзӹт
I6	латкудыт	луаткудыт	латкудыт
I7	латшымыт	луатшӹмӹт	латшӹмӹт
I8	латкандаш	луаткӓндӓкшӹ	латкӓндӓнгӹш
I9	латиндеш	луатӹндекшӹ	латӹндингӹш

Древняя форма сложных числительных наиболее четко сохранилась, как видно, в горном наречии марийского языка. В нем и по сей день прозрачно выступают их составные элементы: к числительному лу 'десять' посредством союзной частицы -ат 'и' прибавляются количественные числительные, обозначающие единицы. Так, лу + ат + икты 'одиннадцать' обозначает 'десять и один', лу + ат + кокты 'девять и два' и т.д. до девятнадцати.

В луговом, восточном и северо-западном наречиях марийского языка произошло более тесное сращение составных элементов сложных числительных, вследствие чего гласный числительного лу 'десять', эмфатически выпал, а гласный союзной частицы -ат, как наиболее интенсивный гласный марийского языка, сохранился.

В марийском языке наряду с числительным латвизыт 'I5' имеется числительное лучко с тем же значением. Образование этого числительного более затуманено, но объяснимо. Оно образовалось путем сложения числительного лу 'I0' и вич '5' в форме совместного падежа с суффиксом -ке: *лу + вич + ке > лувычко > лучко > лучко 'пятнадцать'. Конечный гласный -о появился по закону лабиальной гармонии, ср.горн.луцкы 'I5', согласный -в после губного -у выпал, вследствие чего получилось зияние гласных, что вызвало выпадение краткого гласного -ы, возникшего из -и путем его редукции в безударном положении. Таким образом, первоначально числительное лучко 'I5' означало: 'десять с пятью'.

Числительные, обозначающие десятки, кроме десяти, образовались присоединением числительного лу 'десять' к соответствующему количественному числительному до I0 в краткой форме луг.коло, горн.коклы '20', луг.кумло, горн.кымлы '30', луг.нылле, горн.нӹллы '40', луг.витле, горн.вӹцлы '50' и т.д.

Происхождение этих числительных опять-таки весьма четко прослеживается в горном наречии марийского языка: они образовались присоединением к числительным от I до 9 числительного лу 'десять'. В луговом наречии под влиянием лабиальной гармонии гласных произошло видоизменение гласного -у числительного лу 'десять', в горном же наречии этот гласный подвергся лишь редукции.

Числительное шӱдӧ, шӱды "сто'

Давно установлено, что числительное шӱдӧ 'сто' в марийском языке, как и в других финно-угорских языках, заимствовано из индоиранских языков еще в период финно-угорского языка-основы. В современных финно-угорских языках марийскому шӱдӧ 'сто' соответствуют следующие числительные: фин.sata, эст.sada, морд.сядо, сяда, коми-зыр.сё, удм.сю, манс.сат, хант.сат, сот, саам.čuode 'сто'.

Аналогичные названия сотни имеются в различных индоиранских языках: осетинско-дигорск.sade, säde, новоперсид.sad, курд.sed, пехлевийск.sat, авестийск.sata, др.-инд.ç̌ata 'сто'.

Исходя из этих соответствий, Б.А.Серебренников указывает, что в финно-угорские языки название сотни проникло из индоевропейского языка так называемой группы сатэм[I].

Индоиранская праформа числительного сто восстанавливается в виде: *ś̌ata , дальнейшее развитие которое в финно-угорских языках, по мнению П.Нурмекунда, протекало следующим образом:

Индо-иранская форма

*ś̌ata

В финно-угорском языке-основе

*ś̌ata

*ś̌ata, *ś̌ata — *s'oto

В угорских языках, т.е. в венгерском и некоторых диалектах хантыйского и мансийского языков, в прибалтийско-финских и мордовских языках.

В пермских языках. В марийском языке и в некоторых диалектах хантыйского и мансийского языков[2].

I Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М. 1963, стр.225.

2 Nurmekund P. Sõna sada päritolust, Emakeele Seltsi Aastaraamat, IV, Tallinn, 1959, стр.176.

Несомненно марийское шӱдӧ 'сто' развилось в результате постепенного сужения былого гласного *-а > о > ы > ӹ. Сужение это началось в период контакта с пермскими племенами, в чем вполне можно согласиться с П.Нурмекундом, ср.коми-зыр. сё, удм. сю 'сто'.

Развитие протекало приблизительно следующим образом: *śata > śoto > śuto > šüdö 'сто'.

Появление š вместо ś и d вместо t в марий ском языке фонетически оправдано, ср.морд.сюло, мар.шоло 'кишка', фин. nato, мар.нудо 'золовка'.

Числительное тӹжем 'тысяча'

В современных марийских диалектах это числительное имеет несколько различных вариантов: моркин.-серн.тӹжем, волжск. тӹжем, часть йошкар-олин.тыжем, горн.тӹжем, северо-зап.тӹжем 'тысяча'.

Это числительное также заимствовано из индоевропейских языков. П.Нурмекунд считает, что оно имеет балтийское, т.е. лето-литовское происхождение[I].

В родственных языках числительное тӹжем 'тысяча' находит параллели только в мордовском и прибалтийско-финских языках, ср.морд.Э тёжа, М. тёжянь, фин.tuhat, эст.tuhat. Причем, наиболее близки к марийской мордовские формы.

Из индоевропейских языков типологически наиболее близки формы славянских и балтийских языков, ср.старо-сл.тысѧшта, тысѫшта, укр.тисяча, белорусск. тисеща, словац.tisoča,

I Nurmekund P. Sõna sada päritolust, ESA, IV, Tallinn, 1959, стр.174.

tisuča, чешск.tisic, лит,tūkstantis, прус.tūsimtons 'тысяча'[1].

Первоначальное значение числительного тысяча определяется как 'большое /толстое/' сто'[2].

Появление согласного -ж в мордовском и марийском языках и -h - в прибалтийско-финских языках делает более вероятным заимствование числительного тысяча в них из славянских языков.

История порядковых числительных

Порядковые числительные в современном марийском языке образуются при помощи суффикса -ымше /-о, -ӧ/, который присоединяется к краткой форме количественных числительных. Например: ик 'один' - икымше 'первый', кок 'два' - кокымшо 'второй', ныл 'четыре' - нылымше 'четвертый', вич 'пять' - визымше 'пятый', куд 'шесть' - кудымшо 'шестой', кандаш 'восемь' - кандашымше 'восьмой', индеш 'девять' - индешымше 'девятый', лу 'десять' - лумшо 'десятый'.

Только числительные кум 'три и шым 'семь' имеют другую форму порядкового числительного: кумшо 'третий' ∠ *кумымшо 'третий', шымше ∠ *шымымше 'седьмой', где, очевидно, из двух согласных -м один выпал.

В диалектах современного марийского языка, кроме горного наречия, эта картина последовательно одинакова. В горном же наречии наблюдается больше случаев выпадения согласного -м суффикса -ымшы. Например: ик 'один' - икшы 'первый', кок

[1] Преображенский А. Этимологический словарь русского языка, М. 1959, стр.1168.

[2] Шанский Н., Иванов В., Шанская Т. Краткий этимологический словарь русского языка, М. 1961, стр.345.

'два' - кокшы 'второй', кым 'три' - кымшы 'третий', нӹл 'четыре' - нӹлӹмшӹ 'четвертый', вӹщ 'пять' - вӹзӹмшӹ 'пятый', куд 'шесть' - кудымшы 'шестой', шым 'семь' - шымшы 'седьмой', кӹндӑкш 'восемь' - кӹндӑкшӹмшӹ 'восьмой', ӹндекш 'девять' - ӹндекшӹмшӹ 'девятый', лу 'десять' - лушы 'десятый'.

Необходимо отметить тот факт, что в разговорной речи в некоторых диалектах /Пижанка, Уржум, Шаранга Кировской обл./ современного марийского языка порядковые числительные бытуют только до 7. От остальных же числительных порядковые не образуются, особенно это заметно в речи старшего поколения. Это явление наталкивает нас на ту мысль /явление это проверено нами почти во всех марийских диалектах на местах во время экспедиционных работ 1954-1962 годов/, что в древности в марийском языке порядковые числительные не были распространены широко.

Происхождение порядковых числительных - весьма сложное явление. Современный суффикс порядковых числительных образовался, очевидно, после распада финно-угорской языковой общности. Первоначально порядковый счет выражался, должно быть, несколько иначе. В современных финно-угорских языках прямых соответствий данному суффиксу нет. Можно лишь указать на удмуртские дробные числительные, который, по всей вероятности, одного происхождения с марийскими порядковыми числительными. Например: куинь витьмос 'три пятых', кык дасмос 'две десятых'. Но есть подобный суффикс в чувашском языке, например: пӗрӗмӗш/ӗ/ 'первый', иккӗмӗш/ӗ/ 'второй', виҫҫӗмӗш/ӗ/ 'третий'. По Ашмарину Н.И., этот суффикс -мӑш /-мӗш/ в чувашском языке представляет собой не что иное, как слияние древнего суффикса

порядковых числительных -ăм (-ĕм) с притяжательным суффиксом 3-го лица -ăш (-ĕш), далее с прибавлением суффикса того же лица -е (-măшĕ, -мĕшĕ)[I], поэтому Э.Беке считает его чувашским[2]. Однако, в других тюркских языках такого суффикса нет. Например, тат.икə 'два' - икəнчə 'второй', башк.бер 'один' - беренсе 'первый', алты 'шесть' - алтынсы 'шестой, узб.бир 'один' - биринчи 'первый', икки 'два' - иккинчи 'второй', тур.bir 'один' - birinci 'первый', iki 'два' - ikinci 'второй' и т.д. Поэтому в чувашском языке суффикс порядковых числительных, очевидно, возник под влиянием марийского языка. Рамстедт предполагает, что первоначально, до суффикса -məs' в чувашском наличествовал суффикс порядковых числительных -ĕi[3].

П.Равила считает, что в марийских кумшо 'третий', шымше 'седьмой', сохранился след древнемарийского суффикса порядковых числительных, который одного происхождения с мордовским -це /-t's'e), а суффикс -мше чувашский[4]. Представляется, что суффикс порядковых числительных в марийском языке по происхождению сложный, он образовался путем слияния двух самостоятельных суффиксов - *м + ше > м + ше. Элемент -м рассматриваемого суффикса Лехтисало считает древнеуральским суффиксом отыменных прилагательных[5]. Но Хакулинен называет его финно-угорским уменьшительным суффиксом[6].

I Материалы по грамматике современного чувашского языка, ч.I, Чебоксары I957, стр.II5.

2 Beke Ö. A cseremisz sorszámképzöröl, NyK, XLIV, Budapest 1915-17, стр.474-477.

3 Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. М., I957, стр.67.

4 Ravila P. Suomalais-ugrilaisten kielten ordinaalit, SKST 263, Helsinki 1959, стр.79.

5 Lehtisalo T. Указ.соч., стр.89.

6 Хакулинен Л., Указ.соч., стр.99, I29.

Исходя из того, что порядковые числительные ведут себя как имена прилагательные, можно заключить, что элемент -м первоначально являлся суффиксом прилагательных. Прилагательные с подобным суффиксом имеются во многих родственных языках, а в некоторых есть даже числительные. Например: фин.wasemelle 'налево' /у Агриколы/, ensimmäinen 'первый' диал.ensimäinen 'первый' от ensi - 'передний', саамск.nuorramuš 'моложе' от nuorra 'молодой', морд.кодама 'который', ср.мар.кудо 'который', удм.бадзым 'большой', ханты: тарым 'сильный' и т.д. Вторым же элементом рассматриваемого суффикса является суффикс относительных имен прилагательных -се /-со, -сӧ/,превратившийся в -ше /-шо, -шӧ/, ср.горн. кынамшы 'когдашний' и лушы 'десятый', малм.когымсо 'второй', аулысо 'деревенский'.

В луговом наречии в относительных именах прилагательных -се не дало -ше, очевидно, лишь из-за новых их грамматических значений. /О происхождении суффикса -се относительных прилагательных будет сказано в разеделе "словообразование"/. Таким образом, современные порядковые числительные в марийском языке были когда-то именами прилагательными. Образование этого сложного суффикса произошло, по всей очевидности, на марийской почве.

В ряде современных финно-угорских языков порядковые числительные образуются при помощи суффикса с -т -овым элементом. Например: морд./дракинский диалект/: нилитэ 'четвертый' от нилэ 'четыре', удм.тямыс 'восемь' - тямысэти 'восьмой', ньыль 'четыре' - ньылети 'четвертый', коми-зыр. дас 'десять' - дасӧд 'десятый'; нёль 'четыре' - нёльӧд 'четвертый', манси сат 'семь' - сатит 'седьмой', лов 'десять' - ловит 'десятый',

венг.hat 'шесть' - hatodik 'шестой', hét 'семь' - hetedik 'седьмой' /-ik в венгерском языке является притяжательным суффиксом 3 лица/[1]. Элемент -t в пермских языках Синней считает остатком финно-угорского -nd -ового показателя порядковых числительных[2].

Поразительное сходство в оформлении количественных числительных с указанными выше порядковыми числительными мы находим в диалектах марийского языка. Мы видели, что в современных марийских диалектах имеются две формы числительных один и два: ӥкте - ӥктыт 'один', кокыт - коктыт 'два'. В других числительных, в отличие от других финно-угорских языков, последовательно выступает опять-таки этот дополнительный элемент -т. На наш взгляд, было бы вернее считать его древним финно-угорским суффиксом порядковых числительных.

Исходя из сказанного, можно полагать, что в финно-угорском языке-основе суффикс порядковых числительных -nt < *mt был сложным /хотя Рясянен считает его уральским3/ и не успел еще в то время укрепиться в данной форме во всех языках: оба его компонента могли быть приняты как суффиксы порядковых числительных.

В марийском же языке -т -овый суффикс потерял свое порядковое значение и стал употребляться в системе количественных числительных, как суффикс счетных числительных, -м -овый же

---

[1] Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М. 1955, стр.166.

[2] Szinnyei J. FUSp2, стр.95

[3] Räsänen M. Ural-altailaisia ordinaaleja, SKST, 263, Helsinki, 1959, стр.87.

суффикс осложнился другим суффиксом имен прилагательных и выполняет функцию порядковых числительных.

Таким образом, современный суффикс порядковых числительных в древнемарийском языке был первоначально суффиксом прилагательных и прошел следующее развитие: *mes'e > məs'e > ms'e > mše(o, ö).

История форм кумылянна 'нам троим', кумыням 'нас троих'

В современном марийском литературном языке эти формы называются совместными числительными. История формы кумылянна 'нам троим' очень проста. Она представляет собой форму дательного падежа числительного кум 'три', с наращением притяжательного суффикса I-го лица множественного числа. Смягчение согласного -л произошло, очевидно, под влиянием предшествующего мягкого -н'- показателя комитатива-инструктива и последующего мягкого -н' былого показателя направительного падежа /см.выше/.

В современных марийских диалектах рассматриваемая форма имеет вариант кумыньланышт 'им троим' /Пермская область/, что отчетливо раскрывает его этимологию.

Форма же кумыням 'нас троих' представляет собой винительный падеж от кумынь 'трое'. Происхождение обеих форм - общее с происхождением наречий коктын 'двое', кумытын 'трое', нылытын 'четверо' и т.д. - это форма древнего комитатива-инструктива /совместного падежа/ (см.выше).

В диалектах встречаются варианты /Ронга/: кумынам 'нас троих', йошкар-олинск.кумыльнам 'нас троих', горное: кымыньнам 'нас троих', в которых сохранились все составные элемен-

ты формы. Форма кумыням 'нас троих' является результатом выпадения одного согласного -н из двух, В йошкар-олинском говоре былой мягкий -н' перешел л', что фонетически вполне объяснимо: ср.мын'ык, выльык 'веник'. Таким образом, развитие рассматриваемых форм происходило следующим образом: I/ *кумин'лан'на > кумын'лан'на > кумыл'анна 'нам троим'; 2/ *кумин'нам > кумын'нам 'нас троих'. Элемент -н' Беке считает древним локативным суффиксом, что, конечно, не выдерживает критики[I]. В восточном наречии встречается еще другая форма, соответствующая луговому и горному когыньнам 'нас двоих', в виде: когысьнам 'нас двоих'. Эта форма, по-видимому, развилась из той же формы когыньнам 'нас двоих'. Здесь получилось только парадигматическое обобщение притяжательного суффикса Ш лица множ. числа -s'<-s, т.е. из формы Ш лица множ.числа когысьтым 'их двоих' элемент -s' перешел и на формы I и П лица, т.к. согласный -n' выпал и носителем значения совместности по сути дела стал притяжательный суффикс Ш лица.

ГЛАГОЛ

В современном марийском литературном языке глагол является весьма развитой и сложной частью речи. Он обладает 7-ю формами времени, двумя спряжениями, тремя наклонениями и тремя залогами.

Происхождение двух типов спряжения

Своеобразие марийского языка, в отличие от других финно-

[I] Beke Ö. Cseremisz nyelvtan, Budapest, 1911, стр.280.

угорских языков состоит в том, что в нем наличествуют два типа спряжения глаголов, которые в современном марийском языке различаются двумякачественно различными гласными в личных окончаниях I-го лица единственного числа настояще-будущего времени изъявительного наклонения. Для первого спряжения таким гласным является а- /ӓ-/, для второго спряжения - е-:

I спряжение

луг.,вост.,северо-зап.	горн.	
I. лудам	лыдам	'читаю'
2. лудат	лыдат	'читаешь'
3. лудеш	лыдеш	'читает'

II спряжение

луг., вост.	горн.,северо-зап.	
I. возем	сирем	'пишу'
2. возет	сирет	'пишешь'
3. воза	сирӓ	'пишет'.

В зависимости от гласного марийские спряжения нередко называют: ам -овое спряжение, ем -овое спряжение.

Такое противопоставление проходит по всем формам глагольного словоизменения и находит отражение в отлагольных словообразованиях /лудым, лудынам 'я читал', возышым, возенам 'я писал', лудшо 'читающий' - возышо 'пишущий', лудмаш 'чтение' - возымаш 'письмо'/.

Эта особенность марийского языка привлекала внимание многих финно-угроведов и давала повод к различным толкованиям.

Если в первых грамматиках марийского языка, составленных не специалистами-языковедами, а позднее и в грамматике из-

вестного финно-угроведа М.Кастрена признавалось наличие двух спряжений в марийском языке[I], то в грамматике Ф.И.Видемана это категорически отрицается. Свою точку зрения Видеман оправдывает тем, что подобное явление не свойственно другим финно-угорским языкам[2].

Ошибку Видемана в некоторой мере исправил венгерский ученый Й.Буденц, который вновь признал в марийском языке наличие двух спряжений. Он отметил, что глаголы П-го спряжения чаще переходные, а глаголы I-го спряжения - непереходные. Исходя из этого, Буденц пришел к выводу, что в глаголах I-го спряжения скрыт финно-угорский возвратный суффикс -*v , для доказательства чего он апеллирует примерами из мордовского языка.

П.Равила считает, что различие двух спряжений в марийском языке объяснить переходностью и непереходностью глаголов не представляется возможным, т.к. в обоих спряжениях и тех и других глаголов достаточно много[3]. Анализируя оба спряжения в сравнительном плане с другими финно-угорскими языками, Равила пришел к выводу, что глаголы П-го спряжения представляют собой первоначальные глаголы с основой на -*a /-ä/, а глаголы I-го спряжения представляют частью глаголы с древним узким конечным гласным основы и частью глаголы с каким-то словообразовательным суффиксом, в котором наличествовал

I Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. Спб., I775, стр.72; Черемисская грамматика. Казань, I837, стр.50. Castrén M. Elementa Grammatices tscheremissae. Kuopio, 1845, стр.35.

2 Wiedemann F. Указ.соч., стр.I07.

3 Ravila P. Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugationsystems, FUF, XXV, стр.1-25.

звук -а /-ə/. Для доказательства своего положения Равила берет примеры со словообразовательным суффиксом и без суффикса, как ßolem - ßolalam. Мнение Равилы о происхождении двух спряжений в марийском языке наиболее вероятно, но требует некоторых уточнений и дополнений.

К той части глаголов I-го спряжения, в которых Равила предполагает первоначальное существование какого-то словообразовательного суффикса, относятся, прежде всего глаголы типа кодаш: кодам 'остаюсь', кодем 'оставлю'. Глаголы этого типа являются двухзначными, т.е. переходными и непереходными в самой инфинитивной форме. Этих глаголов в марийском языке всего лишь немногим более десятка:

кодем 'оставлю'	кодам 'останусь'
урем 'обваливаю'	урам 'обваливаюсь'
велем 'лью'	велам 'льюсь'
пӧртем 'верчу'	пӧртам 'верчусь'
тугем 'сломаю'	тугам 'сломаюсь'
шумем 'точу'	шумам 'устаю'
шуэм 'брошу'	шуам 'успею'.

Такое четкое разграничение переходности и непереходности, причем непереходности с моментом возвратности, заставило Буденца подобные глаголы сравнить с мордовскими возвратными глаголами с суффиксом -во, -ве. Например: морд.кадовомс 'остаться', мар.кодам из *кодавам 'останусь', в отличие от кодем 'оставлю'. Буденц считал, что I спряжение в марийском языке образовалось вследствие выпадения согласного -в финно-угорского возвратного суффикса -ва и сохранения его гласного -а.

Анализируя глагольные суффиксы мордовских языков, В.Хал-

лап пришел к заключению, что мордовский суффикс -во, -ве восходит к домордовскому -*ре или -*ve, а не -*va[1]. Поэтому никак нельзя говорить, что с исчезновением согласного предполагаемого суффикса в глаголах I-го спряжения остался гласный данного суффикса, иначе мы бы не имели разницы в типах спряжений. На наш взгляд, предполагаемый возвратный суффикс -*ve был только в глаголах типа кодаш 'оставить, остаться'. Эти глаголы без суффикса -*ve были переходными с основой на -*а /-*ä/. Гласный основы, будучи между переднеязычными согласными, исторически перешел в -е, что дало впоследствии II-ое спряжение /см.также ниже/. С исчезновением предполагаемого возвратного суффикса в производных глаголах этого же типа гласный основы -а /-ä/ без изменения перешел в личное окончание. Этим самым такие глаголы получили второй тип спряжения и сохранили этот тип как различие от первого, т.к. они семантически уже различались при налиции суффикса -*ve. Приблизительную картину развития подобных глаголов можно изобразить следующим образом: *kodaʋemə > kodabem > kodavm > kodam 'останусь'. Лишь в форме 3-го лица гласный основы глаголов типа кодаш 'оставить, остаться' /-а, -ä/ по аналогии с глаголами I спряжения развился в -е, т.к. причастным показателем здесь был -*še, поэтому мы имеем форму: кодеш 'останется', *kodaveše > kodavəš > kodevš > kodeš.

Примечание: Кроме того, следует указать, что в марийском языке имеется небольшое количество омонимичных глаголов, которые по происхождению являются словами от разных корней, напри-

[1] Халлап В., Суффиксы образования глаголов в мордовских языках /общемордовские суффиксы/, автореферат канд. диссерт. Таллин, 1955, стр.16.

мер: толам 'приду' - толем 'граблю', ср.тат. талау 'грабить', шолам 'киплю' - шолем 'брошу', коштам 'хожу' - коштем 'сушу', шулам 'режу' - шулем 'таю', колам 'слышу' - колем 'умру', пурам 'грызу, кусаю' - пурем 'зайду'. Как видно из примеров, первые три глагола при значении непереходности имеют форму первого спряжения, а последние три - наоборот. Здесь омонимичные глаголы разного корня, поэтому и гласные основ их были, очевидно, разными. Что касается глагола толаш 'грабить', то его отношение ко П-ому спряжению вполне объясняется тем, что он является заимствованным глаголом из татарского языка, а заимствования в марийском языке всегда оформляются во П-ом спряжении. Ср.тат.мактану 'хвалиться', мар.моктанем 'хвалюсь'.

Как известно, в финно-угорском языке-основе в непервых слогах слова могли выступать только три гласных: -*а, -*ӓ, -*е[I]. Надо думать, что и в марийском языке-основе не исключена такая возможность.

Весьма показателен в отношении истории марийского спряжения сравнительный анализ фонетического оформления глаголообразовательных суффиксов марийского языка с соответствующими глаголообразовательными суффиксами в родственных языках. При сравнении наблюдается такая закономерность, что все суффиксы, восходящие к общефинно-угорским суффиксам с конечным гласным -*е, образуют глаголы, относящиеся к I-ому спряжению, а все суффиксы, восходящие к общефинно-угорским суффиксам с гласным -*а /-*ӓ образуют глаголы, относящиеся ко П-ому спряжению. Так, например, луг.поремеш, горн.пуремеш 'улучшается, поправляется' от поро, пуры 'добрый, хороший', коми-зыр.бурмыны 'стать добрым, улучшиться' от бур 'доброта, добрый', эст.paranema 'поправляться' ср.paras 'лучший', мар.луг.поктылеш 'отгоняет' от

[I] Халлап В. Указ.соч., стр.7.

покташ 'гнать', фин.juoksentelee 'бегает' от juostaa 'бежать', мар.луг., вост.кондылеш, горн., северо-зап.кандылеш, ср.фин. kantelee 'носит' от kantaa 'нести'; морд.Э. кантлемс 'приносить' от кандомс 'принести', мар.луг.ошкылта, горн.ашкылта 'ведет, заставляет шагать', ср.фин.askeltaa 'заставляет шагать', мар.луг., вост.шулыкта 'растопляет' от шулаш 'таять', фин.sulattaa 'растапливает, расплавляет' от sulaa 'таять, расплавляться'; мар.луг.йӱкта, вост., горн., северо-зап.йӱктӓ 'поит' от йӱаш, йӱӓш 'пить', ср.фин.juottaa 'поит' от juoda 'пить', удм.люктаны 'поить' от юыны 'пить' и т.д. Для различения типов спряжения производных глаголов категория переходности и непереходности также не имеет значения. Например: непереходный глагол йошкарга 'краснеет' от йошкар 'красный' имеет форму П спряжения, а переходный глагол шӱкалеш 'толкнет' от шӱкаш 'толкать' имеет форму I-го спряжения; и наоборот - непереходный глагол петыралтам 'запрусь' от петыраш 'запереть' имеет форму I-го спряжения, а переходный глагол пералтем 'постучу' от пераш 'стукнуть' имеет форму П-го спряжения.

Таким образом, если в основе двух различных спряжений марийского глагола лежали переходность и непереходность, то и производные глаголы в зависимости от переходности и непереходности должны были бы регулярно оформляться по разным спряжениям. Однако этого мы не наблюдаем. В силу различных поздних фонетических условий типы спряжений, конечно, могли частично смешаться, но если бы их формы носили какую-то семантическую подкладку / а именно переходность и непереходность/, то вряд ли было возможно такое смешение типов спряжений. Например, в современном марийском языке глагол калас-

калаш 'рассказывать' относится ко П-ому спряжению, но в устной речи иногда можно встретить этот же глагол в форме I-го спряжения: Боголюбов дек кай докан, тудо ала-мом тылат каласкылеш 'сходи-ка ты к Боголюбову, он тебе нивесть что расскажет' /Алексеевка, Советского района/ или ӧндалам, ӧндалем 'обниму' и др.

Более вероятно, что формы спряжений не имели принципиальной семантической подкладки, а возникли лишь как результат фонетической обусловленности присоединения лично-числового показателя к той или иной основе глагола.

Как и в производных глаголах, в непроизводных глаголах при сравнительном анализе можно установить ту же закономерность: первоначальная основа глагола на -*а /-ӓ/ дает форму глагола П-го спряжения, первоначальная основа на -*е - форму глагола I-го спряжения. На это обстоятельство достаточно убедительно указал еще П.Равила. Особенно показательны в этом отношении сравнения с материалами прибалтийско-финских языков. Например: фин.askelee, мар.ошкылеш 'шагает', фин.kantaa, мар.горн.канда 'несет', фин.sulaa, мар.шула 'тает', морд.Э. соламс 'таять, растопиться'; фин.olen 'я есть', мар.улеш 'он есть', морд.Э. улемс 'быть'; фин.tulee 'придет', мар.толеш 'придет'; фин.elää 'живет', морд.Э. эрямс 'жить', мар.ила, ӹлӓ 'живет'; фин.säle 'осколок', норв.-саамск.čallet 'отрезать, расколоть', мар.шелеш 'раскалывает, делит'; фин.pätke 'рвать, срывать', морд.Э. печкемс 'зарезать', норв.-саамск.baesket 'стричь', мар.пӱчкеш 'режет'; фин.puren 'кусаю, грызу', морд.Э.поремс 'жевать, грызть', мар.пуреш 'кусает, грызет'. Как видно из примеров, два типа спряжений современного марийского языка распадаются соответственно двум разным домарийским основам

глаголов на -*а /-ӓ/ и -*е[I].

Итак, можно думать, что два типа спряжения в марийском языке возникли из-за двух типов гласных в основе слова, которыми были -*а /-ӓ/, что дало глаголы П-го спряжения, и -*е, что дало глаголы I-го спряжения. Только в глаголах типа кодаш 'оставить, остаться' развитие прошло несколько иным путем - через посредство словообразовательного суффикса глаголов /см.выше/.

Мы установили, что два типа спряжения в марийском языке возникли из-за двух качественно различных гласных в основе древнемарийского глагола. Теперь нужно выяснить, почему же гласные основ в парадигме спряжения настояще-будущего времени не одинаковы. В формах третьего лица обоих спряжений гласные основ отличаются от гласных основ форм первых двух лиц: у глаголов I-го спряжения в Ш-м лице выступает гласный -е, в формах первых двух лиц - -а, причем, гласный -а выступает только в формах первых двух лиц ед.числа, ср.толам 'приду' толына 'придем', толат 'придешь', толыда 'придете', толеш 'придет', толыт 'придут'. У глаголов же П-го спряжения в формах Ш-го лица выступает гласный -а, в формах первых двух лиц - гласный -е.

Нам ясно, что гласные основ Ш-го лица - это те же древнемарийские гласные глагольной основы, за исключением формы I-го спряжения глаголов типа кодаш 'оставить, остаться', где по аналогии с глаголами I-го спряжения в процессе выравнения

[I] Лыткин В.И. полностью поддерживает эту точку зрения и дает хорошее подтверждение из удорского диалекта коми языка. См. труды МарНИИ, вып.ХУ, Йошкар-Ола, I96I, стр.52.

парадигмы спряжения возник гласный -е из -а /см.выше/.

В глаголах I-го спряжения в формах мн.числа настояще-будущего времени гласный -ы также можно вывести из древнемарийского гласного основы -е, как результат редукции в безударном положении: *толена > толына. Это явление не вызывает каких-либо сомнений. Нас не смущает также появление формы -ам в глаголах типа кодаш 'оставить, остаться' как результат сохранения гласного основы вследствие выпадения возвратного *-v -ового суффикса. Но неясно, как возник гласный -а в других глаголах I-го спряжения на месте былого *-е. Прямых указаний на переход гласного -е в -а в марийском языке мы не обнаружили. Однако такое явление вполне возможно. Так в прибалтийско-финских диалектах в окончаниях внешнеместных падежей наблюдается совпадение форм адессива/-lla/ и аллатива /-lle/ в одном -lla. По мнению М.Хямяляйнена это объясняется переходом редуцировавшегося -е в -а, -ä[I].

По всей вероятности, и в марийском языке появление гласного -а вместо былого -е в формах первых двух лиц ед.ч. настояще-будущего времени изъявительного наклонения объясняется также ассимиляторно-обобщающим действием глаголов типа кодаш 'оставить, остаться', где форма на -ам развилась из-за исчезновения *-v -ового суффикса. Первоначальный гласный -е в указанных формах подвергся сначала редукции, ибо он находилсяв безударном положении, т.к. ударение, как известно, первоначально было на первом слоге слова, а после редукции

I Хямяляйнем М.М. Внешне-местные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков. Вопросы финно-угорского языкознания, М.-Л. I962, стр.I23-I24.

под ассимиляторно-обобщающим влиянием глаголов типа кодаш в форме на -ам гласный -е перешел в -а.

Об этом же говорит и тот факт, что гласный -а встречается только в формах первых двух лиц ед.ч. настояще-будущего времени, а в остальных же случаях мы встречаем редуцированный гласный или гласный -е. Кроме того, в современном марийском языке во всех диалектах без исключения отрицательное слово спрягается по I-ому спряжению, однако в указанных формах он не имеет гласного -а. Например:

Луговой, восточный:

ед.число	мн.число
I. огым 'я не'	I. огына 'мы не'
2. огыт 'ты не'	2. огыда 'вы не'
3. огеш 'он не'	3. огыт 'они не'.

Горный, северо-западный:

I. агым 'я не'	I. агына 'мы не'
2. агыт 'ты не'	2. агыда 'вы не'
3. агеш 'он не'	3. агеп, агет 'они не'.

Как видно, отрицательное слово во всех формах лица имеет гласный -е или -ы. Последний несомненно появился вследствие редукции гласного -е.

Таким образом, развитие форм первых двух лиц ед.ч. настояще-будущего времени изъявительного наклонения можно изобразить следующим образом: *toleme > tolə̑mə̑ > tolə̑m > tolam 'прихожу', *tolete > tolə̑tə̑ > tolə̑t > tolat 'приходишь, придешь'.

Что касается современного ударения на гласном -а личного окончания, то нужно отметить, что это - явление позднего происхождения.

История лично-числовых форм

В трудах по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков этот вопрос в основном уже освещался. Однако в деталях, в частности в истории форм отдельных финно-угорских языков, имеется до сих пор немало неясностей.

В современном марийском языке показатели лично-числовых форм во всех наклонениях и временах более или менее одинаковы, поэтому на первый взгляд их историческое развитие кажется весьма прозрачным и ясным. В парадигме спряжения глаголов современного марийского языка мы имеем следующие показатели лично-числовых форм по типам спряжения глаголов.

Изъявительное наклонение

Настояще-будущее время

Единственное число:

I спряжение		II спряжение	
1. тол + ам	'приду'	конд + ем	'принесу'
2. тол + ат	'придешь'	конд + ет	'принесешь'
3. тол + еш	'придет'	конд + а	'принесет'.

Множественное число:

I спряжение		II спряжение	
1. тол + ына	'придем'	конд + ена	'принесем'
2. тол + ыда	'придете'	конд + еда	'принесете'
3. тол + ыт	'придут'	конд + ат	'принесут'

I-ое прошедшее время

Единственное число:

I спряжение	II спряжение
I. толь + ым 'пришел я'	конд + ышым 'принес я'
2. толь + ыч 'пришел ты'	конд +ышыч 'принес ты'
3. толь + о 'пришел он'	конд + ыш 'принес он'.

Множественное число:

I спряжение	II спряжение
I. тол + на 'пришли мы'	конд + ышна 'принесли мы'
2. тол + да 'пришли вы'	конд + ышда 'принесли вы'
3. толь + ыч 'пришли они'	конд + ышт 'принесли они'.

В горном, северо-западном наречиях, в волжском и йошкар-олинском говорах лугового наречия марийского языка 3-е лицо множественного числа I-го прошедшего времени имеет форму с показателем -еве: тол + еве 'пришли они', конд + еве 'принесли они'. В некоторых деревнях Волжского района встречается форма пуыштеп 'дали', кок кило дене пуыштеп 'дали по два килограмма'.

II-ое прошедшее время

Единственное число:

I спряжение	II спряжение
I. тол + ынам 'пришел я'	конд + енам 'принес я'
2. тол + ынат 'пришел ты'	конд + енат 'принес ты'
3. тол + ын 'пришел он,	конд + ен 'принес он'.

Множественное число:

I спряжение		II спряжение	
I. тол + ынна	'пришли мы'	конд + енна	'принесли мы'
2. тол + ында	'пришли вы'	конд + ената	'принесли вы'
3. тол + ыныт	'пришли они'	конд + еныт	'принесли они'.

В Мишкинском говоре восточного наречия и емангашском говоре горного наречия марийского языка формы I-го и II-го лица множественного числа II-го прошедшего времени имеют следующий вид: тол + ыннан 'пришли мы', конд + еннан, канд + еннан 'принесли мы', тол + ындан 'пришли вы', конд + ендан, канд + ендан 'принесли вы'.

Желательное наклонение

Единственное число:

I спряжение		II спряжение	
I. тол + нем	'я хочу прийти'	конд + ынем	'я хочу принести'
2. тол + нет	'ты хочешь прийти'	конд + ынет	'ты хочешь принести'
3. тол + неже	'он хочет прийти'	конд + ынеже	'он хочет принести'

Множественное число:

I спряжение		II спряжение	
I. тол + нена	'мы хотим прийти'	конд + ынена	'мы хотим принести'
2. тол + неда	'вы хотите прийти'	конд + ынеда	'вы хотите принести'
3. тол + нешт	'они хотят прийтий'	конд + ынешт	'они хотят принести'.

В горном наречии форма 3-го лица множественного числа желательного наклонения оканчивается на гласный звук -ы: тол + нешты 'они хотят прийти', канд + ынешты 'они хотят принести'.

Повелительное наклонение

Единственное число:

	I спряжение	II спряжение
I.	-	-
2.	тол 'прийди'	конд + о 'принеси'
3.	тол + жо 'пусть придет'	конд + ыжо 'пусть принесет'

Формы -жо, -жӧ зависят исключительно от лабиальной гармонии гласных. В горном наречии, где отсутствует лабиальная гармония гласных, подобных форм нет, а вместо них мы имеем: -жы, -жӹ: тол + жы 'пусть он придет', ке + жӹ 'пусть он идет'.

Множественное число:

	I спряжение	II спряжение
I.	-	-
2.	тол + за 'придите'	конд + ыза 'принесите'
3.	тол + ышт 'пусть придут'	конд + ышт 'пусть принесут'.

В горном, северо-западном наречиях и в йошкар-олинском говоре лугового наречия во II-м лице множественного числа повелительного наклонения вместо литературного -за выступает показатель -да; тол + да 'придите', конды + да 'принесите'.

Форма III-го лица множественного числа повелительного наклонения в горном наречии марийского языка оканчивается, как и в желательном наклонении, на гласный -ы /-ӹ/: тол + ышты 'пусть придут', канд + ышты 'пусть принесут'. В тоншаевском говоре северо-западного наречия форма III -го лица множественного числа повелительного наклонения имеет совершенно отличительный вид: -ыштеп: тол + ыштеп 'пусть они придут', конд + ыштеп 'пусть они принесут'. В некоторых деревнях йошкар-олинского

говора лугового наречия встречается почти подобная же картина, но лишь с метатезой -евышт: тол + евышт 'пусть они придут', конд + евышт 'пусть они принесут'.

Таким образом, в лично-числовых показателях всех времен и наклонений в утвердительной форме мы находим весьма поразительное сходство. В формах первых двух лиц обоих чисел во всех временах и наклонениях, за исключением форм П-го лица I-го прошедшего времени, как элемент лично-числового показателя выступают: для I-го лица -м или -н, для П-го лица -т или -д. Как раз эти элементы в современном марийском языке являются различителями лиц и чисел. Возникает вопрос, откуда же взялись эти элементы и что они представляли собой когда-то?

История форм I-го и П-го лица единственного числа

В единственном числе, как мы видели, для первых двух лиц выступают показатели с согласным элементом -м и -т. Возникновение этих элементов в финно-угорском языкознании изучено очень обстоятельно и не вызывает никаких сомнений. Установлено, что эти элементы исторически восходят к первому слогу личных местоимений I-го и П-го лица[I]. Это наглядно видно даже из самого марийского языка, где личные местоимения I и П-го лица имеют формы: мый /в диал.мыне, мынь, мӹнь, минь/, тый /тыне, тынь, тӹнь, тинь/.

Как в местоимениях I и П-го лица ед.ч., так и в формах первых двух лиц глаголов ед.ч. изъявительного наклонения почти во всех финно-угорских языках имеются прямые соответствия.

I Szinnyei J. Указ.соч., стр.97-98, I29-I30.

Так, например, в спряжении:

ср.марийское:

I. лудам 'читаю'

2. лудат 'читаешь'

финское:

I. luen из luyem (< *lukem) 'читаю'

2. luet из luyet (< *luket) 'читаешь'

морд.-эрзя:

I. кундан 'поймаю'

2. кундат 'поймаешь'

ханты:

I. вэрлӓм 'делаю'

2. вэрвӓн 'делаешь'

венгерское:

I. olvasom 'читаю'

2. olvasod 'читаешь'.

Сравним личные местоимения: фин. minä 'я', удм. мон 'я', морд.эрзя мон 'я', венг. én / < *mén/ 'я', мар. минь, фин. sinä < *tina 'ты', удм. тон 'ты', морд.-эрзя тон 'ты', мар. тинь 'ты', венг. te 'ты' и т.д.

Ясно, что личные показатели первых двух лиц в марийском языке, как и в других финно-угорских языках, по происхождению восходят к первому слогу личных местоимений указанных лиц. Конечный гласный первого слога личного местоимения в личном показателе глагола отпал в процессе редукции, так же как отпали конечные гласные в других словах, например: лум 'снег',

фин.lume- 'снег', удм.лымы 'снег'.

История форм I-го и П-го лица множественного числа

Во множественном числе первый слог личного местоимения I-го лица не совпадает с показателем лица. Здесь мы встречаем местоимение ме 'мы' но -на - показатель I-го лица глагола множественного числа. Во втором же лице совпадение налицо: те 'вы' и -да - показатель П-го лица глагола мн.числа. Ясно, что элемент -д здесь исторически не что иное, как звонкий вариант согласного -т личного местоимения те 'вы', озвончившийся в положении между двумя гласными, как например, кит 'рука', но кидем 'рука моя' ср.фин.käte- 'рука'. В этом легко убедиться, если посмотреть горно-марийские формы, где сохранилась наиболее древняя форма: личное местоимение П-го лица мн.числа -тӓ 'вы', личный показатель П-го лица мн.числа изъявительного наклонения глагола -дӓ: кеедӓ 'идете'. Тут сомнений быть не может.

В форме же I-го лица множественного числа, как мы видели, такого совпадения нет. Возникает вопрос почему вместо ожидаемого -м мы встречаем -н.

В современном марийском языке переход -м в -н непервых слогах слова не наблюдается. Поэтому, казалось бы, объяснить это явление, нет возможности. Но это не так.

Следует учесть то обстоятельство, что рассматриваемая форма является формой множественного числа, выражающая значение 'я' и другие или другой'. Из этого вытекает, что первоначально специального местоимения множественного числа не было, как

не было и специального показателя лица для мн.числа; множество выражалось посредством особого показателя. Материалы других финно-угорских языков показывают /это уже вполне доказано/, что в финно-угорском языке-основе было 4 показателя множественности: *-i, *-k, *-t, *-n[1]. Таким образом, в личных формах множественного числа должен был выступать какой-то показатель множественного числа.

Рассмотрим, как представлены эти формы в родственных языках в сравнении с марийским:

марийский

1. ме /луг./ мӓ /горн./ толына 'мы идем, придем',
2. те /луг./ тӓ /горн./ толыда 'вы идете, придете',
3. нуно /луг./ нӹнӹ /горн./ толыт 'они идут, придут'.

мордовский /дракинск./

1. минь моратама 'мы поем'[2],
2. тынь моратада 'вы поете',
3. сынь морыть 'они поют'.

финский

1. me tulemme / tulekmek/ 'мы придем',
2. te tulette / tulektek/ 'вы придете',
3. he tulevat 'они придут'.

водский

1. mö elämmäG 'мы живем',
2. tö elättäG 'вы живете',
3. nämä eläväD 'они живут'[3].

---

[1] Лыткин В.И. Примечание к Исторической морфологии...Бубриха, №11-16, стр.176-177. См.так же Хакулинен, РСФЯ, ч.I, стр.229.

[2] Якушкин А.В. Особенности морфологии дракинского диалекта эрзя-мордовского языка, Саранск 1959, стр.34-35.

[3] Ariste P. Vadja keele grammatika, Tartu, 1948, стр.73-74.

удмуртский

I. ми сылӥськомы 'мы стоим',

2. тӥ сылӥськоды 'вы стоите',

3. соос сыло 'они стоят'.

коми-язвинский

I. мэйоз мунамӧ 'мы идем'

2. тэйоз мунатӧ 'вы идете'

3. нийа муӧнӧс 'они идут'[I].

мансийский

I. ман минэв 'мы идем',

2. нан минэгын 'вы идете',

3. тан минэгыт 'они идут'.

хантыйский

I. мӧн, вэрлӧɣ 'мы /многие/ делаем'

2. нӧн, вэрлӧт 'вы делаете',

3. лӧɣ вэрвӧлт 'они делают'.

венгерский

I. mi /miuk/ tanulunk 'мы учимся',

2. ti /tik/ tanultok 'вы учитесь',

3. ök tanulnak 'они учатся'.

саамский

I. mii sarnep 'мы говорим',

2. tii sarnveh'te 'вы говорите',

3. sii sarna 'они говорят'.

[I] Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект, М. 1961, стр.67.

Как видно из приведенных примеров, в исключительном большинстве родственных языков множественность в личных окончаниях глаголов выражается -к -овым показателем. Только в мордовских языках выступает -т -овый показатель, но он не является местоименным. В пермских языках -к -овый показатель отпал[1]. В ижорском языке, по свидетельству П.Аристэ, выступает еще -н -овый показатель, ср.tuleman 'мы придем'[2].

В марийском языке в личных окончаниях глаголов настоящего времени нет никакого показателя множественного числа. Основываясь на диалектных примерах: толыннан 'вы пришли', пуреннан 'мы зашли' /Мишкино, Баш.АССР,Емангаши, МАССР/, мы в одной из своих работ высказали мысль о былом существовании в личных формах мн.числа -н -ового показателя множественности[3]. Однако эта мысль требует коренного пересмотра, ибо, во-первых, в диалектных примерах конечный -н, по всей вероятности является поздним элементом и не показателем множ.числа; во-вторых, н -овый показатель множественности был связан с категорией притяжательности для показа множества обладаемых предметов, а не обладателей и тем более, не множества действователей. При анализе истории притяжательных форм мы видели, что множество обладателей выражалось -к -овым показателем. Если принять во внимание то, что при ме толына 'мы придем' действие одно, а действователей много, то показатель множественности был необходим именно для выражения множества действователей, которое выражалось личным местоимением во множественном числе.

---

[1] Лыткин В.И. Примечания к книге Д.Бубриха "Историческая морфология финского языка", прим.№ 13, стр.176.

[2] Аристэ П. Примечания к книге Л.Хакулинена, Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1955, стр.304.

[3] Галкин И.С. К истории форм I и II-го лица мн.числа марийского глагола, Труды МарНИИ, вып.ХУ, стр.89.

Факты большинства родственных языков указывают на то, что местоимение имело -к -овый показатель. Это же подтверждает и история притяжательных форм марийского языка /см.выше/. Но чем же объяснить в таком случае появление личного окончания -на в I-ом лице мн.числа вместо ожидаемого -ма? По всей вероятности, здесь мы наблюдаем обобщающее влияние притяжательных форм имен на личные формы глагола, ибо они своими суффиксами восходят к одному источнику. Первоначальное *толымак 'мы придем' развилось из-за отпадения конечного -к в *толыма 'мы придем' и под влиянием притяжательного суффикса -на превратилось в толына 'мы придем'. К тому же согласные -н и -м весьма близки по своему образованию и легко взаимозаменяемы. Ср.лит. лондем - ломдем /д.Кай-сола Серкурского р-на/, лит.кундем - кумдем /там же/.

История форм Ш-го лица

Форма Ш-го лица исторически восходит к причастной форме, что доказывается историей многих даже разносистемных языков. Из финно-угорских языков это особенно ясно прослеживается на материалах прибалтийско-финских языков. Например, в финском языке форма Ш-го лица восходит к причастию на -va /-vä/: tulevat 'они придут' из 'они есть приходящие'[I]. В марийском языке также можно с уверенностью полагать, что форма Ш-го лица глагола исторически - это причастие.

Начнем с формы Ш-го лица единственного числа. В современном марийском языке в третьем лице соответственно типам спря-

[I] Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.52.

жения глаголов мы имеем два различных окончания: -ешӹ - для глаголов I-го спряжения и -а - для глаголов II-го спряжения. Происхождение этих двух различных окончаний рассматривалось в специальной статье Э.Беке[I].

Э.Беке не отрицает того, что III-е лицо - это историческое причастие. Происхождение окончания -ешӹ у глаголов I-го спряжения он связывает с современным марийским причастием на -шӹе /о, ӧ/, что, конечно, на наш взгляд, правильно. Но здесь же Беке говорит, что окончание -ешӹ развилось путем метатезы компонентов -шӹе, с чем нельзя согласиться: здесь нужно признать не метатезу, а лишь утрату конечного гласного причастного суффикса -шӹе из-за редукции его в безударном абсолютном исходе, а гласный э /орф.е/ перед -ш представляет собой гласный глагольной основы /см.стр.I8I/.

Таким образом, форма толеш 'придет' развилась не из толше, как думает Беке, а из *толеше > толеш /мы умышленно упускаем здесь мысль о временном показателе/. О причастном происхождении формы III-го лица на -ешӹ красноречиво говорит также и то, что эта форма и в современном марийском языке нередко употребляется с причастной функцией, например: кӱлешыжым кондо 'нужное принеси'.

Форму же III-го лица ед.ч. настояще-будущего времени глаголов II-го спряжения Беке рассматривает как "чистую" основу, гласный же -а, по его мнению, возник из редуцированного гласного. Мы согласны с Беке в том, что в данной форме сохранилась только основа глагола, но никак не можем согласиться с

I Beke Ö. Zur Geschichte der tscheremissischen Konjugation, FUF XXIII, Helsinki, 1943, стр.130.

мыслью о редуцированности гласного. Напротив гласный -а в форме Ш-го лица ед.числа настояще-будущего времени глаголов П-го спряжения, является как раз оставшимся древним гласным основы глаголов данного типа. Рассмотрим, почему этот гласный остался и не подвергся редукции.

В современных марийских диалектах в Ш-м лице мн.ч. встречаются формы: толеве 'пришли' в I-м прошедшем времени и ок толеп 'они не придут', агеп тол 'они не придут' в отрицательной форме настояще-будущего времени. В этих формах элемент -ве/-п/ выступает как показатель Ш-го лица. Он исторически является тем причастным показателем, который некогда оформлял Ш-е лицо глаголов П-го спряжения. Подобный показатель имеется или был во многих финно-угорских языках /саамском, финском, коми, удмуртском/[I]. Былое наличие в форме Ш-го лица ед.ч. настояще-будущего времени глаголов П-го спряжения причастного показателя с элементом -в, который, очевидно, оканчивался на гласный -*а /-ə/, как это наблюдается в финском языке /kantava 'несущий'/ и послужило причиной сохранения гласного -а основы глаголов П-го спряжения без редукции. Таким образом, форма Ш-го лица глаголов П-го спряжения развилась из формы: */кандава/ кондава > кондав > конда 'приносящий'. О том, что гласный -а в форме Ш-го лица ед.ч. возник не из редуцированного гласного, говорят также и финно-угорские соответствия, ср.фин.kantava 'несущий', горн.-мар.канда 'принесет' из *кандава 'приносящий'. Присоединение показателя -ва /-вə/ только к основам глаголов П-го спряжения объяс-

[I] См. В.И.Лыткин, Примечания к "Исторической морфологии финского языка Д.В.Бубриха, стр.179, п.21.

няется тем, что первоначально основы этих глаголов оканчивались именно на гласные -*а /-ӓ/ (см.стр.184). Во множественном числе форма Ш-го лица настояще-будущего времени изъявительного наклонения в современном марийском языке имеет окончания: -ыт - для глаголов I-го спряжения и -ат - для глаголов П-го спряжения. Например: толыт 'они придут', кондат 'они принесут'. Происхождение этих окончаний полностью связано с происхождением окончаний в единственном числе, дополнительным элементом здесь является только показатель множественного числа -т, ср.фин.tuleva 'приходящий', tulevat 'придут', где - является тем же показателем множественного числа, что и в марийском языке. В последнем наблюдается лишь исчезновение причастных показателей: -*va /-vä/ и -*še.

Но в современных марийских диалектах /горное, северо-западное наречия, йошкар-олинский говор лугового наречия/, в отличие от формы Ш-го лица ед.числа настояще-будущего времени, где причастные показатели различаются по типам спряжения глаголов, в отрицательной форме настояще-будущего времени и I-ом прошедшем времени множественного числа вместо ожидаемых двух причастных показателей, встречается лишь один показатель -ве /-п/. Например: ак /ок/ толеп 'они не придут', ак /ок/ кандеп /кондеп/ 'они не принесут', толеве 'они пришли', кандевы /кондеве/ 'они принесли'. Этот диалектный вариант, на наш взгляд, объясняется явлением аналогии с формами настояще-будущего времени изъявительного наклонения и обобщением причастного показателя -ве /-п/ на глаголы I-го спряжения, так как по семантике суффикс -*va /-vä/ не мог выражать прошедшее время и, тем более, множественное число. Современное значение

его в диалектах - это результат позднего фонетико-семантического развития: утрата показателя множественного числа - т дала возможность суффиксу -ве /-п/ наряду с причастным значением приобрести значение множественности.

Таким образом, первоначальное развитие формы Ш-го лица мн.ч. настояще-будущего времени происходило следующим образом: у глаголов первого спряжения: *толышт >толышт >толыт. У глаголов П-го спряжения развитие прошло проще: *кандават> кандавт > кандат /кондат/ 'принесуёт'. В луговом наречии переход гласного а >о произошло позже, поэтому мы вместо горного канда ср.фин.kantaa 'несет' находим конда 'принесет'.

О показателе настоящего времени

Согласно общепринятому мнению финно-угорский язык-основа знал особый тип настоящего времени, отличительной приметой которого был специальный суффикс -*к.

В парадигме спряжения глагола современного марийского языка в форме настояще-будущего времени не устанавливается никакого временного показателя. Тем самым создается впечатление, будто бы марийский глагол не имел никакого показателя настоящего времени, тогда как другие финно-угорские языки имели и в настоящее время сохранили следы такого показателя, например, финский язык имел -к -овый показатель презенса, следы которого остались в форме множественного числа презенса /tulemme из *tulekmek/; в диалектах финского языка и по сей день можно наблюдать эти следы довольно четко. В мансийском языке показателем настоящего времени считают -эг: минэгум 'я иду'.

При более тщательном анализе парадигматических форм настоящe-будущего времени глаголов марийского языка также можно убедиться в былом наличи -к -ового показателя. Так в отрицательном спряжении в настоящe-будущем времени выступает отрицательный глагол с -к -овым элементом:

I. огым 'я не'	I. огына 'мы не'
2. огыт 'ты не'	2. огыда 'вы не'
3. огеш /ок/ 'он не'	3. огыт 'они не'.

В горном наречии вместо гласного о везде а. Если сравнить этот отрицательный глагол с древнефинским отрицательным глаголом *ekmek, где первое к - показатель презенса, а конечное к - показатель множественного числа, то можно убедиться, что и в марийском языке элемент г из к тоже не что иное, как показатель презенса[I]. Подобное отрицание с -к -овым показателем презенса встречается и в других финно-угорских языках, например удм. уг мыниськы 'я не иду', коми-зыр. ог мун 'я не иду'.

В современном марийском языке мы -к -овый элемент наблюдаем во всех диалектах, но только в отрицательном спряжении, причем последовательно в формах всех лиц. Поэтому есть все основания полагать, что он некогда выступал также в утвердительной форме.

Правда, Б.А.Серебренников к -овый показатель называет показателем будущего времени. По его мнению, в протоуральском языке было не одно настоящe-будущее время с показателем -к, два самостоятельных времени - настоящее и будущее. Настоящее время не имело никакого показателя, личные окончания присоеди-

---

I Setälä E. Zur Geschichte der Tempus - und Modusstammbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen, SUSA, II, Helsingfors, 1887, cmp.63-64.
Szinnyei J. FUSp2, cmp.120.

нялись непосредственно к основе глагола, а будущее время имело специальный показатель -*к. С течением времени, как полагает Б.А.Серебренников, формы настоящего и будущего времени смешались и объединились в одной форме еще в период существования протоуральского языка[I].

Мысль Б.А.Серебренникова весьма интересна и правдоподобна. Действительно, если основа повелительного наклонения генетически связана с основой презенса, то, при учете направленности действия в повелительном наклонении в план будущего, вполне можно допустить мысль о былом наличии специального будущего времени с показателем -*к. Но если контаминация настоящего и будущего времен произошла уже в период существования протоуральского языка, то хронологически для протофинно-угорского, тем более для древнемарийского языка, мы не можем говорить о двух временах - это было уже настояще-будущее время с показателем -*к.

Поэтому первоначальную парадигму спряжения глагола марийского языка можно представить следующим образом:

I спряжение:

ед.число	мн.число
1. *tolekme	1. *tolekmak
2. *tolekte	2. *tolektak
3. *tolekše	3. *tolekšet

[I] Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.86-87.

П спряжение:

ед.число	мн.число
1. *kandakmə	1. *kandakmak
2. *kandaktə	2. *kandaktak
3. *kandava	3. *kandavat

В форме Ш-го лица глаголов П спряжения показатель презенса не выступал, т.к. само причастие выражало настоящее время. В форме же Ш-го лица глаголов I спряжения -*к -овый показатель выступал, так как причастие на -ш выражало как настоящее, так и прошедшее время, поэтому различитель времени здесь был нужен. Однако и в глаголах П-го спряжения по нивелирующему действию показатель настоящего времени к позднее мог выступать и в Ш-ем лице.

Дальнейшее развитие этих форм проходило следующим образом: в ед.числе исчезновение конечного гласного в безударном абсолютном исходе вызвало за собой исчезновение показателя презенса -к в первых двух лицах: *tolekmə > tolekm > tolәm > tolam . Во мн.числе конечный согласный -к - показатель мн.числа исчез, что вызвало за собой исчезновение показателя презенса -к, затем согласный -м под обобщающим влиянием притяжательного суффикса -на перешел в -н. *tolekmak > tolәkma > tolәma > tolәna.

В третьем лице ед.числа произошло выпадение конечного гласного причастного показателя, вследствие его редукции в абсолютном безударном исходе, а затем и выпадение -к, ср.шӱраш < шӱракш.

В третьем лице мн.числа наблюдается выпадение целого слога -*šə. Этому, очевидно, содействовало, с одной стороны, совпадение данной формы с формой Ш-го лица повелительного накло-

нения /толшт/ с другой - взаимозаменяемое употребление двух причастных показателей в дальнейшем. Причастный же показатель *v в формах глаголов П-го спряжения в ед.ч. выпал последовательно вслед за отпадением конечного гласного: *kandava > kandav > kanda. Сетяля и Синнеи считают, что марийское -*ve /-р/ является генетическим показателем презенса[I]. Однако с мнением Сетяля и Синнеи в этом отношении согласиться полностью нельзя. Здесь более правдоподобно мнение Бубриха, который считает его признаком причастия[2].

Во мн.числе выпадение его объясняется также вслед за полной редукцией гласного данного показателя, т.к. вследствие этого образовалось бы сочетание согласных -пт /перед глухим согласным -в оглушается в -п/, а подобное сочетание марийскому языку в конце слова не свойственно: *kandavat > kandapt > kandat.

О конечном гласном личного окончания ед.ч.

Известно, что личные окончания первых двух лиц исторически восходят к личным местоимениям - первый слог личных местоимений некогда стал личным окончанием. К тому же, финно-угорский язык-основа, по мнению большинства финно-угроведов, не знал слов, оканчивающихся на согласный. Поэтому современные личные окончания, оканчивающиеся на согласный звук должны были иметь в конце какой-то гласный звук.

В современном марийском языке личные местоимения первых

I Setälä E. Указ.соч., стр.25-27. Szinnyei J. Указ.соч., стр.I2I-I22.

2 Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.52,55.

двух лиц ед.числа по диалектам представлены весьма разнообразно. Так, например, в луговом наречии мы имеем формы: мый, мынé 'я', тый, тынé 'ты', в восточном наречии: мин' 'я', тин' 'ты', в горном: мӹн' 'я', тӹн' 'ты'.

Рассматривая эти формы, мы обнаруживаем, что, кроме лугового наречия, гласным первого слога личного местоимения является переднерядный гласный, во всех наречиях согласный -н мягкий, и в большинстве случаев местоимение имеет два слога. Само смягчение согласного -н говорит о былом наличии после него какого-то гласного переднего ряда. Таким гласным в некоторых говорах марийского языка, как видно, выступает гласный -э. Был ли первоначально этот же гласный в конце личного местоимения, сказать трудно. /Об этом см."местоимения"/. Но ясно одно, что по закону гармонии гласных в древнемарийском языке и в первом слоге местоимения должен был выступать гласный переднего ряда. Таким образом, появление гласного смешанного ряда средневерхнего подъема -ы в первом слоге местоимения лугового наречия нужно считать явлением позднего характера, а не первоначальным. Теперь нужно выяснить, что было первоначально: -ӹ или -и, ибо в горном наречии мы встречаем гласный -ӹ, в восточном -и. В родственных языках, особенно в прибалтийско-финских, которые в отношении гласных весьма показательны, встречаются формы с -i, ср.фин.minä 'я', sinä 'ты', эст.mina 'я', sina 'ты', но в них этот гласный возводится к первоначальному -e[I]. Это говорит о том, что гласный -и в личных местоимениях I-го и II-го лица ед.ч., который встречается в восточном наречии,

---

[I] Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.44.

для марийского языка является более древним, чем редуцированные гласные -ы, -ӹ. В марийском языке финно-угорский -э нередко переходил в -и, например: фин.penikka, мар.пинеге 'щенок', морд.вете, мар.вич 'пять', а затем гласный -и редуцировался и дал в горном наречии -ӹ, в луговом -ы. Например: ср.морд. вете, фин.viisi, мар.горн.вӹщ, луг.выщ, вост.вич 'пять', морд. пель, фин.pilvi, мар.горн.пӹл, луг.пыл, вост.пил 'облако'. Таким образом переход финно-угорского -э в -и, а затем в горном наречии в -ӹ, в луговом -ы и восточном его сохранение вполне закономерно. Конечно, это явление отнюдь не во всех случаях, есть и отклонения, но они, очевидно, другого характера. Ср. фин.piha 'двор' горно-мар.пиӹ 'огород', лугов.пече, пеце 'огород'.

Однако, в абсолютном исходе гласный е мог редуцироваться без перехода в i. Поэтому развитие парадигмы спряжения глаголов ед.числа в настояще-будущем времени изъявительного наклонения можно представить предположительно в следующем виде:

ед.ч.

1. *tolekme > tolə̑kmə̑ > tolə̑km > tolə̑m > tolam
2. *tolekte > tolə̑ktə̑ > tolə̑kt > tolə̑t > tolat
3. *tolekše > tolekšə̑ > tolekš > toleš.

Полагают, что личное местоимение множественного числа генетически восходит к личному местоимению ед.числа, к нему лишь присоединился показатель мн.числа для выражения значения 'я и со мной другие'[I]. Рак так, то первоначальным гласным лично-

[I] Бубрих Д.В. Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках. Язык и мышление, УI, М.-Л. 1948, стр.79.

го местоимения мн.числа должен быть тот же -е. Однако как в личных, так и притяжательных формах современного марийского языка конечным гласным во мн.числе выступает гласный -а /-ӓ/, что, конечно, никак не соответствует гласному -е, и говорить, что гласный -е перешел в а тоже нет никаких оснований. Поэтому вероятнее всего предположить, что в древности марийский язык имел две формы множественности личных местоимений:
а) форму двойственного числа: мен 'мы двое', тен 'вы двое',
б) форму множ.числа - мӓк 'мы', тӓк 'вы'. В дальнейшем исчезновением двойственного числа в марийском языке произошло смешение форм двойственного и множественного числа /см.выше/.

Таким образом, развитие форм мн.числа в парадигме спряжения настояще-будущего времени изъявительного наклонения проходило следующим образом:

I. *tolekmak > tolәkma > tolәma > tolәna

2. *tolektak > tolәkta > tolәda

3. *tolekšet8 > tolәkšet8 > tolәkšt8 > tolәšt > tolәt ( ).

Это очень хорошо подтверждается повелительным наклонением, которое берет начало в презенсе: tolәšt 'пусть придут' /см. выше/.

В глаголах П-го спряжения, как известно, основа глагола оканчивалась на гласный -*а /-ӓ/, причастным показателем был -*va /-vӓ/, который оформлял Ш-е лицо. Исходя из этого, мы устанавливаем следующую картину развития парадигмы глаголов П спряжения:

ед.число

I. *kandakme > kandakmi > kandakmә > kandemә > kandem

2. *kandakte > kandakti > kandaktә > kandetә > kandet

3. *kandava > kandavә > kandav > kanda (konda).

мн.число

I. *kandakmak > kandakma > kandema > kandena (kondena)

2. *kandaktak > kandakta > kandeda (kondeda)

3. *kandavat8 > kandavat > kandapt > kandat (kondat).

Конечно, весь этот процесс, который мы изобразили схематически, происходил не обязательно в такой строгой последовательности, некоторые явления могли происходить и одновременно. Однако для большей наглядности схему развития рассматриваемых форм мы сочли необходимым построить более развернуто. Процесс исторического развития - это процесс взаимосвязанный и взаимоусловленный, причина непременно за собой вызывает следствие, которое может в то же время вновь стать причиной другого следствия. С этой точки зрения мы и говорим о возможности одновременного протекания процесса некоторых исторических изменений в рассмотренных формах.

Происхождение форм I-го прошедшего времени

Анализ форм спряжения в настояще-будущем времени дает общую канву о происхождении двух типов спряжения в современном марийском языке. Но было бы исследование не полным, если оставить в стороне формы других времен.

В современном марийском языке формы I прошедшего времени по типам спряжения глаголов четко различаются: каждое спряжение имеет свою форму времени.

I прошедшее время:

луговое наречие

ед.число

I спряжение	II спряжение
I. тольым 'я пришел'	I. возышым 'я написал'

2. тольыч 'ты пришел'	2. возышыч 'ты написал'
3. тольо 'он пришел'	3. возыш 'он написал'

мн.число

I. толна 'мы пришли'	I. возышна 'мы написали'
2. толда 'вы пришли'	2. возышда 'вы написали'
3. тольыч 'они пришли'	3. возышт 'они написали'

восточное наречие

ед.число

I спряжение	II спряжение
I. тольым 'я пришел'	I. войзы́шым 'я написал'
2. тольыч 'ты пришел'	2. войзы́шыч 'ты написал'
3. тольо 'он пришел'	3. войзы́ш 'он написал'

мн.число

I. толна 'мы пришли'	I. войзы́шна 'мы написали'
2. толда 'вы пришли'	2. войзы́шда 'вы написали'
3. тольыч 'они пришли'	3. войзы́шт 'они написали'

горное наречие

ед.число

I. тольым 'я пришел'	I. сирӹшӹм 'я написал'
2. тольыщ 'ты пришел'	2. сирӹшӹщ 'ты написал'
3. тольы 'он пришел'	3. сирӹш 'он написал'

мн.число

I. толна 'мы пришли'	I. сирӹшнӹ 'мы написали'
2. толда 'вы пришли'	2. сирӹшдӹ 'вы написали'
3. толевы 'они пришли'	3. сиревӹ 'они написали'

Северо-западное наречие

ед.число

I спряжение		II спряжение	
I.	толӹым 'я пришел'	I.	сирӹшӹм 'я написал'
2.	толӹыщ 'ты пришел'	2.	сирӹшӹщ 'ты написал'
3.	толӹы 'он пришел'	3.	сирӹш 'он написал'

мн.число

I.	толна 'мы пришли'	I.	сирӹшнӓ 'мы написали'
2.	толда 'вы пришли'	2.	сирӹштӓ 'вы написали'
3.	толевы 'они пришли'	3.	сиревӹ 'они написали'

Как видно из парадигмы, у глаголов I-го спряжения для современного марийского языка установить показатель прошедшего I-го времени весьма трудно: мы наблюдаем лишь смягчение согласных -л и -н в формах ед.ч. и в форме Ш-го лица множественного числа. У глаголов же II-го спряжения показателем I-го прошедшего времени ясно выступает согласный -ш. Таким образом, нам нужно выяснить, какой показатель прошедшего времени был у глаголов I-го спряжения и к чему восходит показатель -ш у глаголов II-го спряжения.

Начнем с глаголов первого спряжения. О формах прошедшего времени имеется богатая литература. Э.Н.Сетяля считает, что в глаголах I-го спряжения выступал -*j -овый финно-угорский показатель прошедшего времени, который, по его мнению, одного происхождения с причастным показателем -ja /ср.фин.kuolija 'умерший'/[1]. Этого же мнения придерживается Д.В.Бубрих[2]. Одна-

[1] Setälä E. Указ.соч., стр.170.

[2] Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.58.

ко В.И.Лыткин сомневается в этом[I].

Конечно, на наш взгляд, сомнение Лыткина имеет достаточное основание, так как не исключена возможность, что уже в финно-угорское время наряду с именем существовал и глагол. Поэтому вполне возможно, что -i - свое прошедшее время выполняло уже в финно-угорское время свою основную функцию. Для древнемарийского языка это, конечно, несомненно. Гласный -i - как показатель прошедшего времени проявляется в ряде современных финно-угорских языков. Например: фин.tulen 'приду', tulin 'пришел', sanon 'скажу', sanoin 'сказал', эрзя-морд.кундан 'ловлю', кундынь 'ловил', удм.мынысько 'иду', мыни 'я шел' и т.д.

Да и в современном марийском языке есть прямые доказательства былого наличия показателя прошедшего времени -i у глаголов I-го спряжения. Не случайно именно в формах прошедшего I-го согласные глагольных основ -л и -н подвергаются смягчению. Например: тольым 'я пришел', тольыч 'ты пришел', маньым 'я сказал', маньыч 'ты сказал'. Указанные согласные перед -i смягчаются и в других положениях, ср.лишне 'близко', горн. мыни 'лягушка' и др. Поэтому нет никаких сомнений, что и в марийском языке, как и в других финно-угорских языках, в глаголах I-го спряжения прошедшее I-ое образовалось при помощи *i -ового показателя прошедшего времени.

Как же тогда выглядел сам процесс развития этих форм? Мы установили, что первоначально основы глаголов I-го спряжения оканчивались на гласный -е, так же установили первоначальную

I Лыткин В.И. Примечания к Исторической морфологии финского языка Д.В.Бубриха, п.24.

форму личных окончаний из личных местоимений. Исходя из этого, нам не так уж трудно будет реконструировать и парадигму спряжения I-го прошедшего времени.

Э.Сетяля, например, реконструирует следующим образом: тольым из толйом или толйем[I]. По нашему мнению, парадигму древнемарийского прошедшего I-го можно представить в следующем виде:

ед.число

I. *toleime > tolimə > tol'əmə > tol'əm

2. *toleite > tolič̆ə > tol'ač̆ə > tol'əč̆

3. *tolei > toli > tol'ə > tol'o.

Появление в форме П-го лица ед.ч. в личном окончании согласного -č̆ вместо ожидаемого -t объясняется тем, что последний находился после гласного -i, ср.фин.täyte- - "полный', мар.тич 'полный', фин.tulit 'ты пришел', мар.тольыч 'ты пришел', фин.manoit 'ты заклинал, проклинал', мар.маньыч 'ты сказал', эрзя-морд.ловнытъ 'ты читал', мар.лудыч 'ты читал' и т.д.

Выпадение гласного -e в основе глагола, по всей очевидности, объясняется тем, что марийскому языку не было свойственно зияние гласных, поэтому гласный основы сначала редуцировался, а затем выпал. Гласный -i, как показатель времени, носил смысловую нагрузку, поэтому сохранился. Выпадение конечного гласного основы наблюдается и в других финно-угорских языках[2]. Лишь впоследствии, находясь в безударном положении, он подвергся

I Setälä E. Указ.соч., стр.98.

2 Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.100-101.

редукции, а в форме Ш-го лица ед.ч. под действием возникшей лабиальной гармонии в лугов. и восточн.наречиях перешел в -о, но оставил свой след на смягчении согласных основы.

Следы былого и -ового показателя прошедшего I-го времени весьма последовательно сохранились в парадигме спряжения глагола улаш 'быть':

ед.число	мн.число
I. ылым 'я был'	I. ылна 'мы были'
2. ылыч 'ты был'	2. ылда 'вы были'
3. ылэ 'он был'	3. ылыч /ылэвэ/'они были'.

Исходя из реконструированной формы ед.числа, а также беря во внимание историю личных форм в настояще-будущем времени мы можем восстановить древнюю форму парадигмы мн.ч. прошедшего I-го:

I. *toleimak > tolima > tol'əma > tol'əna > tol'na ~ tolna

2. *toleitak > tolita > tol'əta > tol'əda > tol'da ~ tolda

3. *toleitə > tolitə > tolič̌ə > tol'əč̌.

Вся закономерность развития этих форм та же, НА что было уже указано выше.

Диалектная форма Ш-го лица мн.числа tol'eve 'они пришли' является явлением более поздним, перенесенным по аналогии из сферы настояще-будущего времени в сферу прошедшего времени, причем на глаголы обоих спряжений, но не всюду. Так, например, в пижанском подговоре лугового наречия форму Ш-го лица множественного числа на -еве могут принимать только глаголы I-го спряжения: толеве 'они пришли', но кондышт 'они принесли'.

Теперь рассмотрим глаголы П-го спряжения. Мы видели, что в глаголах П-го спряжения выступает другой показатель прошед-

шего времени, а именно -š . Этот показатель финно-угорского происхождения и находит прямые соответствия в других финно-угорских языках. Так, например, в отрицательном спряжении эрзя-морд.языка форма эзинь 'я не', и эстонская диалектная форма диал.Кодавере esin tule 'я не пришел' полностью соответствуют марийской диалектной форме ыжым тол 'я не пришел'. Как в мордовском, так и в марийском языке согласные -з и -ж являются звонкими вариантами согласного -с между гласными. Форма же -ш также возникла из -с, т.к. в марийском языке финно-угорское с во многих случаях дало -š /ср.фин.suoli, эст.sool, мар.шоло 'кишка', фин.askel., мар.ошкыл 'шаг', фин.maksa, морд.максо, мар.мокш 'печень', эст.moskma, мар.мушкаш 'мыть, стирать'.

Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что в глаголах П-го спряжения марийского языка выступал и выступает финно-угорский s -овый показатель прошедшего времени. Исходя из этого мы можем представить развитие форм прошедшего времени глаголов П-го спряжения следующим образом:

ед.число

I. *kandasime > kandešəmə > kandəšəmə > kandəšəm

2. *kandasite > kandešəčə > kandəšəč > kondəšəč

3. *kandasi > kandešə > kandəšə > kandəš ~ kondəš

Развитие форм множественного числа проходило гораздо сложнее. Здесь мы вновь сталкиваемся с показателем мн.числа -к.

I. *kandasimak > kandešəma > kandəšma > kandəšna

2. *kandasitak > kandesəta > kandəšta.

По аналогии с другими формами иногда слышится kandəšda.

3. *kandasit8 > kandesət8 > kandəštə > kandəšt.

В современных диалектах марийского языка наблюдается такое явление, когда в форме I-го прошедшего времени смешиваются типы спряжений глаголов: глагол II-го спряжения в III-ем лице ед.числа приобретает форму глагола I-го спряжения. Так, например, в восточном наречии марийского языка, встречается следующая парадигма:

I. пуышым 'я дал'

2. пуышыч 'ты дал'

3. пуо 'он дал' вм.пуыш.

В таких формах мы не должны искать что-то сверхвозможное: в диалектах некоторые отклонения по тем или иным причинам всегда наблюдаются. Форма пуо 'он дал' скорее всего является результатом аналогии с глаголами I-го спряжения с односложной основой на гласный, ср.муо 'он нашел' и др.

Остается, однако, неясным, почему в формах спряжения мн.ч. настояще-будущего и I-го прошедшего времени глаголов I-го спряжения при общих показателях лица: -на, -да, -ыт, -ыч /<ыт/ в одном случае перед элементами -н, -д выступает гласный -ы, в другом он отсутствует. По каким же причинам в одном случае гласный основы сохраняется, хотя, правда, в редуцированном виде, в другом - полностью исчезает, причем только в формах первых двух лиц?

Рассмотрев историю этих форм, можно прийти к заключению, что в сохранении или исчезновении указанного гласного играли большую роль показатели числа и времен. В I-ом прошедшем времени, как известно, показателем времени был -i, который вытеснил гласный звук основы, а сам редуцировался и полностью исчез, т.к. показатель лица оканчивался на гласный, который не

легко подвергался редукции. В настояще-будущем же времени -к -овый показатель времени наоборот помог сохраниться гласной основы. В форме Ш-го лица I прошедшего времени -i -овый показатель времени сохранился в редуцированном виде лишь потому, что конечный гласный -t -ового показателя множественного числа отпал вследствие редукции. Не исключена возможность, что древнемарийские глаголы I-го спряжения различали две основы: основу на гласный -э, от которой образовались формы настояще-будущего времени, и основу на согласный, от которой образовались формы I-го прошедшего времени. На эту мысль наталкивает, с одной стороны, наличие двух показателей прошедшего времени /i -овый и s -овый/ в марийском языке по типам спряжений глаголов, с другой стороны, поразительное сходство марийских глаголов I-го спряжения с прибалтийско-финскими глаголами, имеющими две основы /эст.tulen 'приду', tulin 'я пришел', мар.толам 'приду', тольым 'я пришел'/ и марийских глаголов П-го спряжения - с эстонскими глаголами, которые в прошедшем времени имеют показатель -si /эст.kandan 'несу', kandsin 'я нес', мар.горн.кандем 'принесу', кандышым 'я принес'/.

Если встать на эту точку зрения, то древнемарийскую парадигму спряжения для глаголов I-го спряжения в I-ом прошедшем времени можно представить в следующем виде:

I. *tolime > tolimə > tol'əmə > tol'əm 'я пришел'.

2. *tolite > toličə > tol'əč ə > tol'əč 'ты пришел'.

3. *toli > tol'ə > tol'o 'он пришел'.

В настоящее время весьма трудно установить причину сохранения в марийском языке двух показателей I-го прошедшего времени. Б.А.Серебренников предполагает, что в глубокой древности

существовали какие-то семантические различия между с -овым и и --овым прошедшими временами и, что с -овое прошедшее время возникло раньше и -ового[I]. Вполне возможно, что дело обстояло и именно так, но семантические различия, по-видимому, были очень незначительны, т.к. иначе не произошла бы контаминация этих времен в марийском и мордовском языках. По всей очевидности, в сохранении обоих показателей I-го прошедшего времени немалую роль сыграли и фонетические факторы, на что указывает их четкое разграничение по типам спряжения.

Происхождение форм П-го прошедшего времени

Во втором прошедшем времени в литературном марийском языке временными показателями выступают для I-го спряжения -ын, для П-го спряжения -эн /орф.-ен/:

	ед.число	
I.	толынам 'я пришел'	конденам 'я принес'
2.	толынат 'ты пришел'	конденат 'ты принес'
3.	толын 'он пришел'	конден 'он принес'
	мн.число	
I.	толынна 'мы пришли'	конденна 'мы принесли'
2.	толында 'вы пришли'	конденда 'вы принесли'
3.	толыныт 'они пришли'	конденыт 'они принесли'.

В диалектах современного марийского языка во мн.числе встречаются сложные формы: толын улына 'мы пришли', конден улына 'мы принесли' и т.д. В формах ед.ч. такого аналитического

[I] Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.107.

выражения прошедшего П-го не наблюдается, зато подобная форма выступает в отрицательном спряжении: лудын омыл 'я не читал', г.лыдтелам 'я не читал' из лыдте ылам 'я не читал'.

В работах Л.П.Васиковой и др.убедительно доказано, что П-е прошедшее время образовалось путем сложения н -ового деепричастия /первоначально причастия, ср.шужен ий 'голодный год'[I] и спрягаемой формы настояще-будущего времени глагола улаш 'быть'[2]. Таким образом, картина развития П-го прошедшего времени довольно ясна:

ед.число

I. толын + улам > толынам 'я пришел' из 'я есть пришедший'
2. толын + улат > толынат 'ты пришел' из 'ты есть пришедший'
3. толын + улеш > толын 'он пришел' из 'он есть пришедший'.

мн.число

I. толын + улына > толынна 'мы пришли' из 'мы есть пришедшие'
2. толын + улыда > толында 'вы пришли' из 'вы есть пришедшие'
3. толын + улыт > толыныт 'они пришли' из 'они есть пришедшие'.

Конечно, выпадение целого слога произошло не сразу, развитие проходило постепенно: *толын + улам > толын + лам > толынам 'я пришел', *толын + улына > толын + улна > толынылна > толынна 'мы пришли'.

В форме Ш-го лица мн.ч. развитие прошло несколько иначе, о чем говорят факты диалектов, например: толнут 'они пришли'. Исходя из такой диалектной формы, можно установить следующую

I Исанбаев Н.И. Н -овые деепричастия в марийском языке, автореферат канд.диссерт.М. I955, стр.5.

2 Васикова Л.П. Прошедшее время глагола в марийском языке, Автореферат, Тарту, I955, стр.I3.

картину развития формы Ш лица мн.ч. толын + улыт толынулт толынут > толыныт 'они пришли'.

Правда, Б.А.Серебренников придерживается иной точки зрения относительно возникновения формы П-го прошедшего времени. По его мнению, оно не является по происхождению сложным, а образовалось путем присоединения к деепричастию на -н личных глагольных окончаний[I]. Однако с мнением Б.А.Серебренникова вряд ли можно согласиться: в диалектах марийского языка можно встретить почти все ступени постепенного превращения аналитической формы П-го прошедшего времени в синтетическую: ср.луг. налын + улыт, налын + улт, налын + ут, налыныт 'они взяли', северо-зап. йӱнлат 'ты пил'. Кроме того, отрицательные формы также явно указывают на аналитическую форму: налын омыл налын ом ул /ср.ом тол 'не приду'/ 'я не взял' 'я не есть взявший'. Таким образом, налынам несомненно должно восходить к налын улам 'я есть взявший', ибо язык - явление такого порядка, которое не терпит нарушения стройности своей системы. Построение отрицательной формы с деепричастием на -н и вспомогательным глаголом улаш 'быть', при употреблении деепричастия на -н в отрицательной форме логически требует вспомогательного глагола улаш 'быть' и в утвердительной форме, асимметрии не должно быть: при налын ом ул 'я не есть взявший, т.е. я не взял' должно быть обязательно налын улам 'я есть взявший, т.е. я взял', ср.горн.нӓлтелӓм из нӓлте ылам 'я есть не взявший, т.е. я не взял' и нӓлӹнӓм из нӓлӹн ылам 'я есть взявший, т.е. я взял'. Поэтому марийский перфект /П-ое прошедшее или прошед-

---

[I] Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, М. 1960, стр.160. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.112.

шее неочевидное/ никак нельзя отнести к восточному типу без вспомогательного глагола, типологически он близок к западному типу, т.к. он образуется из форм настоящего времени вспомогательного глагола быть и причастия прошедшего времени, ср. фин.olen ottanut 'я взял' из 'я есть взявший'.

В глаголах П-го спряжения развитие проходило аналогично. В Мишкинском говоре восточного наречия и Емангашском говоре горного наречия встречается форма П-го прошедшего времени отличная от литературной нормы: те пурендан 'вы зашли', тӓ толындан 'вы пришли', ме пуреннан 'мы зашли', мӓ толыннан 'мы пришли'.

Наряду с личным показателем в указанных диалектных формах выступает согласный -н, который встречается только в формах мн.числа и представляет собой позднее явление[I].

Что касается описательных форм прошедшего времени, то их происхождение ярко видно из современного их состояния:

I. толам улмаш 'я приду было, оказывается'

2. толам ыле 'я приду было'

3. толынам улмаш 'я пришел было, оказывается'

4. толынам ыле 'я пришел было'.

Здесь в одном случае сочетание формы настояще-будущего времени, в другом - прошедшего П-го с отглагольным именем от вспомогательного глагола улаш 'быть' и формой I-го прошедшего от того же глагола.

В северо-запажном и горном наречиях в образовании описательных прошедших времен имеется некоторое отличие от лите-

---

[I] Гордеев Ф.И. О происхождении конечного -н в личных формах глаголов /рукопись/.

ратурного марийского языка. В горном наречии в прошедшем длительном П-ом и предпрошедшем П-ом вместо вспомогательного глагола улмаш употребляется вспомогательный глагол ылын 'был': лыдам ылын 'я читал', лыдынам ылын 'я читал /было/'. Как видно здесь вместо отглагольного имени улмаш употребляется деепричастие на -н от вспомогательного глагола ылаш 'быть'. В северо-западном наречии, в отличие от литературной нормы, предпрошедшее I-ое /плюсквамперфект/ образуется сочетанием деепричастия на -н со спрягаемой формой вспомогательного глагола hлаш 'быть' в форме I-го прошедшего времени, например: сирен hлһм 'я писал', сирен hлһц 'ты писал', сирен hлһ 'он писал'. Ср.лит.возенам ыле 'я писал', возенат ыле 'ты писал', возен ыле ,он писал'. Подобные формы предпрошедшего I-го были отмечены и в луговом наречии автором первой марийской грамматики[I] и в материалах А.Регули: tolon elem 'я приходил', tolon eleč 'ты приходил', tolon ele 'он приходил'[2]. В йошкар-олинском говоре они и сейчас бытуют. Модель образования плюсквамперфекта в северо-западном наречии весьма напоминает прибалтийско-финский плюсквамперфект, где последний также образуется сочетанием спрягаемой формы вспомогательного глагола olla 'быть' в имперфекте и причастия законченного действия: olen kirjoittanut 'я написал'.

Все это, как совершенно правильно указывает Г.Тужаров, дает основание полагать, что в северо-западном наречии /яранский говор/ сохранились древнемарийские формы плюсквамперфек-

---

[I] Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка, С.-Петербург, 1775, стр.106.

[2] Budenz J. Cseremisz tanulmányok. Nyk, IV, 1866, стр.78.

та, которые как по значениям, так и в структурном отношении имеют определенную общность с плюсквамперфектом прибалтийско-финских языков[I]. Формы литературной нормы /толынам ыле 'я пришел было', толынат ыле 'ты пришел было', толын ыле 'он пришел было'/ возникли позже по аналогии с формами предпрошедшего П-го времени /толынам улмаш 'я пришел было оказывается'/ как результат выравнивания форм. Это выравнивание произошло совсем недавно, где-то в середине I9 века.

В связи с этим следует сказать несколько слов о форме ыле из улаш 'быть'. Форма ыле возникла посредством прибавления показателя прошедшего I-го и- и редукции начального у: *ulei uli > hl'i > əl'ə > əl'ə̑ ~ əl'e или uli > hli > əl'ə ~ əl'e.

НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА

Общие сведения

Вопрос о наклонениях глагола в современном марийском языке, не говоря уже об их истории, пока что окончательно не решен.

Различные авторы по-разному определяют их количество. Одни[2] насчитывают для современного марийского литературного языка три наклонения /изъявительное, повелительное, желательное/, другие[3] - четыре /изъявительное, повелительное, желательное, условно-сослагательное/, а третьи[4] /изъявительное, повелитель-

I Тужаров Г. Плюсквамперфект в яранском говоре марийского языка. Советское финно-угроведение, № 3, I966, стр.I99.

2 Гордеев Ф.И. Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, рукопись, М.I96I, стр.284. Григорьев Я.Г. Марий йылме учебник, Й-Ола, I958.

3 Пенгитов Н.Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, Йошкар-Ола, I958, стр.I06.

4 Васильев В.М. Наклонения и некоторые отглагольные формы в марийском языке. Труды МарНИИ, вы.УП, Й-Ола, I955, стр.II6 и др. Анисимова Л.Р. Глагол в горно-марийском языке и методика его преподавания в школе, М. I95I, стр.67-78.

ное, желательное, наклонение намерения, наклонение притворного действия, понудительное и др./ это количество доводят до шести и даже до десяти. Такой разнобой мнений объясняется тем, что этому вопросу не было посвящено специальных работ, кроме небольшой статьи Васильева В.М. В 1961 году Ф.И.Гордеев защитил кандидатскую диссертацию, посвященную анализу указываемого вопроса и на основе богатого фактического материала пришел к заключению, что вопрос о наклонениях в современном марийском языке необходимо решать для лугового и горного наречий отдельно. Он считает, что в луговом и восточном наречиях марийского языка имеется 3 наклонения: I/ изъявительное, 2/ повелительное и 3/ желательное, в горном же наречии кроме этих трех, есть еще условно-сослагательное наклонение[I].

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение, как и именительный падеж имени, особого морфологического показателя не имеет, оно осознается нами лишь по соотношению с другими наклонениями, которые имеют специальные морфологические показатели.

Формы изъявительного наклонения обозначают действие или состояние как реальное. В отличие от других наклонений изъявительное наклонение обладает многообразием форм времени. Историю этого наклонения мы рассмотрели в связи с историей форм времени и спряжения /см.выше/.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение выражает побуждение к совершению

[I] Гордеев Ф.И. Указ.соч., стр.284.

действия, направленное со стороны говорящего к другому лицу. Так же как и изъявительное наклонение, повелительное наклонение в современном марийском языке не имеет специального морфологического показателя, оно имеет лишь свои специфические формы 2-го и 3-го лица. Парадигма спряжения глаголов в повелительном наклонении по диалектам марийского языка выступает в следующем виде:

Луговое наречие

Единственное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол 'приди'	2.	возо 'пиши'
3.	тол + жо 'пусть придет'	3.	возы + жо 'пусть пишет'.

Множественное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол + за 'придите'	2.	возы + за 'пишите'
3.	тол + ышт 'пусть придут'	3.	возы + шт 'пусть пишут'.

В йошкар-олинском говоре лугового наречия в форме 2 лица множественного числа личное окончание вместо литературного -за имеет форму -да: тол + да 'придите', возыда 'пишите'. В йошкар-олинском же говоре лугового наречия в некоторых деревнях /Туруново/ встречается следующая форма Ш-го лица множ.числа: толэ + ышт 'пусть придут', сиревышт 'пусть пишут'.

Восточное наречие

Единственное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол 'приди'	2.	войзо 'пиши'
3.	тол + жо 'пусть придет'	3.	войзыжо 'пусть пишет'.

Множественное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол + за 'придите'	2.	войзыза 'пишите'
3.	тол + ышт 'пусть придут'	3.	войзышт 'пусть пишут'.

Горное наречие

Единственное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол 'приди'	2.	сирӧ 'пиши'
3.	тол + жы 'пусть придет'	3.	сирӧ + жӧ 'пусть пишет'.

Множественное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол + да 'придите'	2.	сирӧ + дӧ 'пишите'
3.	тол + ышты 'пусть придут'	3.	сирӧ + штӧ 'пусть пишут'.

Северо-западное наречие

Единственное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол 'приди'	2.	сирӧ 'пиши'
3.	тол + жы 'пусть придет'	3.	сирӧ + жӧ 'пусть пишет'.

Множественное число

I спряжение		II спряжение	
I.	-	I.	-
2.	тол + да 'придите'	2.	сирӹ + дӓ 'пишите'
3.	тол + ыштеп 'пусть они придут'	3.	сирӹ + штеп 'пусть пишут'.

Как видно, в современных марийских диалектах нет резкого различия в формах повелительного наклонения. Наиболее пестрит различием форма третьего лица множественного числа. Из вышеприведенных парадигм нетрудно выделить личные окончания повелительного наклонения утвердительной формы.

Единственное число

3. -же /-жо, -жӧ, -жы, -жӹ/.

Множественное число

2. -за, -за /-да, -дӓ/

3. -шт, -ышт /-ышты, -ӹштӹ, -евышт, ыштеп/.

Относительно возникновения повелительного наклонения в финно-угорском языкознании имеются различные точки зрения. Э.Сетяля считал, что в финно-угорском языке-основе не было специального показателя повелительного наклонения[I], для образования форм повелительного наклонения использовались обычные формы настоящего времени с характерным для них показателем -к. Подобного же мнения придерживаются и другие лингвисты[2].

I Setälä E. Zur Geschichte der Tempus - und Modusstammbildung in den finnisch-ugrischen Spachen, SUSA, II, Helsingfors, 1887, стр.139.

2 Хакулинен Л. РСФЯ, стр.224. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, стр.56. Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, стр.227.

Гордеев Ф.И. высказал соображение, что повелительное наклонение развилось из формы настояще-будущего времени изъявительного наклонения не в финно-угорское время, а после распада финно-угорской общности, но повелительное наклонение, по его мнению, в отличие от формы настояще-будущего времени изъявительного наклонения, уже в период его складывания не имело никакого показателя[I].

В последнее время Б.А.Серебренников высказал предположение, что показатель -к относился не к настоящему, а к будущему времени. Но это, по его же мнению, было еще в протоуральском языке. В протоуральском же языке произошла контаминация настоящего и будущего времен. Так возникло настояще-будущее время[2]. Вполне возможно, что это было так, но сам вопрос требует еще тщательного изучения. По крайней мере, в древнемарийском языке будущего времени с показателем -к не было.

В современных финно-угорских языках повелительное наклонение представлено по-разному: в одних языках оно имеет специальный показатель, в других - выражается лишь основой глагола. В прибалтийско-финских и мордовских языках показателем повелительного наклонения является -к. Например, финский: tulkaa 'придите', sanokaa 'скажите' от tulla 'придти'; sanoa 'сказать'. /В финском литературном языке этот -к -овый показатель выступает только во множ.числе, в един.же числе нет никакого показателя, но он еще встречается в некоторых гово-

---

I Гордеев Ф.И. Косвенные наклонения и формы субъектной оценки глагола в марийском языке. Автореферат, 1961, стр.6.

2 Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.86-87.

рах на островах: annak 'дай'/. В ижорском языке и южноэстонских диалектах есть его следы, ср.ижорск.annaG 'дай', южноэстон.annaG 'дай'. Эрзя-морд.эряк 'живи' от эрямс 'жить', кортак 'говори' от кортамс 'говорить', мокша-морд.якак 'ходи' от якамс 'ходить', удок 'спи' от удомс 'спать' и т.д. /В мордовских языках -к -овый показатель выступает обычно после основ на гласный/.

В венгерском языке форма повелительного наклонения образуется при помощи показателя -j , который восходит к финно-угорскому имени действия на -к или - как и в других финно-угорских языках[I], превратившемуся сначала в признак настоящего времени, а затем - повелительного наклонения. Приведем венгерские примеры: várj 'жди' от várni 'ждать', élj 'живи' от élni 'жить'. В этой роли этот показатель выступает, как мы видели, в прибалтийско-финских, мордовских языках. Он есть так же в саамском и самодийских языках[2].

В обско-угорских языках выступает совершенно иной -н -овый показатель. Нам трудно судить, что было в древности в обско-угорских /ханты, манси/ языках, но очевидный факт различия налицо и это различие, на наш взгляд, позднего характера: -н -овый показатель является фактически не показателем наклонения, а лишь личным окончанием. Ср.тотилын 'ты несешь это одно' /изъяв.наклонение/ тотэли 'ты неси это одно' /повелительное наклонение/ при личном местоимении 2-го лица нанг 'ты'.

I Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М. 1955, стр.227.

2 Szinnyei J. FUSp , стр.126-128. Magyar nyelvhasonlítas, Budapest, 1927, стр.113-114.

В пермских языках, как и в марийском, нет специального показателя повелительного наклонения. В них форма П-го лица ед. числа повелительного наклонения представляет основу глагола. Например: коми мун 'иди' от мунны 'идти', удм.мын 'иди' от мыныны 'идти'.

Таким образом, в большинстве финно-угорских языков выступает или выступал специальный показатель повелительного наклонения -к. Нет этого показателя в марийском и в пермских языках.

Из сказанного можно полагать, что повелительное наклонение с показателем -к было известно уже финно-угорскому языку-основе, этот показатель лишь не сохранился в ряде языков, как марийском, пермских, обско-угорских. Поэтому с мнением Гордеева Ф.И. о сложении повелительного наклонения в финно-угорских языках после распада финно-угорской общности вряд ли можно согласиться.

История формы П лица единственного числа

Если принять во внимание то, что повелительное наклонение в финно-угорском языке-основе развилось из изъявительного, то приходится признать -к -овый показатель и для повелительного наклонения. Собственно, это даже не показатель наклонения. Первоначально он был показателем имени действия, затем стал показателем настояще-будущего времени, и лишь впоследствии он в ряде языков превратился в показатель повелительного наклонения. Само повелительное наклонение образовалось еще во времена финно-угорского языка-основы, но оно первоначально не имело показателя: интонация иоформление личных форм этого

наклонения в то время играли основную роль различителя. Основа глагола во П-ом лице единственного числа без личного окончания явилась формой повеления. Материалы родственных языков позволяют высказать предположение, что -к -овый элемент в форме П-го лица единственного числа повелительного наклонения был также в ранний период древнемарийского языка. Например: фин.kanna < kannak < *kandak 'носи', эрзя-морд.кундак 'поймай', мар.кондо /канды/'принеси'.

В финском языке -к -овый элемент отпал. Очевидно, также обстояло дело и в марийском языке. Поэтому развитие формы П-го лица единственного числа повелительного наклонения в марийском языке можно представить следующим образом: *tolek > tole > tolə > tol 'приди'. Отпадение конечного -к вызвало редукцию гласного -е, а затем его утрату.

История формы Ш-го лица единственного числа

В современном марийском языке во всех диалектах в третьем лице единственного числа повелительного наклонения выступает один показатель: -же /-жо, -жӧ, -жы, -жӹ/. Варианты гласного этого показателя лица обусловлены фонетическим законом гармонии гласных. Гордеев Ф.И. его возводит к финно-угорскому s -овому личному местоимению[1] и связывает с происхождением притяжательного суффикса Ш-го лица единственного числа. Однако показатель Ш-го лица единственного числа в марийском языке восходит не к s -овому личному местоимению финно-угорского времени, а к s -овому указательному местоимению /см. выше/[2].

[1] Гордеев Ф.И. Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, диссертация, М.1961, стр.75.

[2] Лыткин В.И. Происхождение личных суффиксов, Современный коми язык, Сыктывкар, 1955, стр.217.

Весьма показательным в этом отношении является мордовское соответствие формы Ш-го лица единственного числа повелительного наклонения: эрзя-морд.кундазо 'пусть поймает', удозо 'пусть спит', молизе 'пусть идет', ср.мар.кондыжо 'пусть принесет', малыже 'пустьспит' и т.д. Развитие формы Ш-го лица единственного числа можно представить в следующем виде: *tolekse >tolәzә >tolžә >tolžo 'пусть он придет'. Элемент -к - после ударного слога из сочетания -ks - эмфатически выпал, вследствие чего согласный s оказался между двумя гласными, подвергся озвончению и превратился в z, впоследствии свистящий z перешел в шипящий ž. Случаи перехода древнего с > з > ж в марийском языке имеются. Например: пыжаш 'гнездо' ср. морд.пиза 'гнездо', удм.пуз 'яйцо', фин.pesä 'гнездо'.

История формы П-го лица множественного числа

Развитие формы П-го лица множественного числа проходило, по всей вероятности, почти тем же путем, что и форма П-го лица множественного числа изъявительного наклонения. Если в единственном числе формой П-го лица повелительного наклонения была основа глагола без личного окончания, то во множественном числе личное окончание не оставалось безучастным. В современном марийском языке личное окончание П-го лица множественного числа представлено следующими формами: -за /-са/ /литер.язык/, за /вост.наречие/, -та /-тӓ/, -да /-дӓ/ /горное, северо-западное наречие и некоторые говоры лугового наречия/ /см.стр.227 /.

Из этих форм наиболее древней является -та /-тӓ/. Вариант же -да /-дӓ/ является результатом озвончения глухого -т. Ср. те,тӓ 'вы', фин.te 'вы', венг.ti 'вы' и т.д. Принимая во внимание историю формы настояще-будущего времени изъявительного

наклонения, и то, что повелительное наклонения берет начало именно из этой формы, можно предположительно реконструировать ход исторических изменений в форме П-го лица множ.числа повелительного наклонения: *tolekdak > tolekta > tolәda > tolda 'придите'. Сохранение ударения на первом слоге, как средства выражения повеления, вызвало выпадение срединного узкого гласного через его редукцию.

Показатель П-го лица множ.числа повелительного наклонения -за /-ʒa, -ca/ возник из того же -та /-да/ в результате перехода смычного согласного в щелевой. Случаи подобного перехода марийскому языку не чужды и встречаются обычно в положении между гласными. Например: нудо 'золовка', нузо 'то же' /д.Верхний потам Ачитского района Свердловской обл./ или визыт, вӹзӹт 'пять' ср.фин.viide- 'пять', морд.вэта 'пять', мар.витле, висле 'нятьдесят', толда > толза 'придите', кондыда > кондыза 'принесите'. Мягкий вариант указанного согласного -з, очевидно, появился в положении между переднерядными гласными и в некоторых говорах /Малмыж/ обобщился.

История формы Ш-го лица множ.числа

Развитие формы Ш-го лица множ.числа повелительного наклонения весьма прозрачно: она образовалась путем присоединения показателя множественного числа -t к форме Ш-го лица един. числа. Таким образом, развитие формы Ш-го лица во множ.числе выглядело приблизительно так: *tolekset8 > tolәsәtә > tolәštә ~ tolәšt 'пусть они придут'.

Согласный -к выпал на тех же основаниях, что и в единственном числе. Согласный s не подвергся озвончению вследствие соседства с глухим согласным t. Такое же явление наблюдается

в притяжательных суффиксах. Ср.книгаже 'его книга' - книгашт 'их книга'.

Диалектные варианты формы III-го лица мн.числа на -евышт, -ыштеп, по всей вероятности, образовались в ранний период древнемарийского языка и сохранились лишь в некоторых диалектах. Причем форма на -евышт сохраняет более древний вид, форма же на -ыштеп возникла в результате поздней перестановки элемента -еп по аналогии с формами изъявительного наклонения.

Как в изъявительном наклонении, так и в повелительном древний причастный суффикс -*va /-vä/ сначала выступал только в глаголах II-го спряжения и лишь позже, через обобщение, распространился на глаголы I-го спряжения. Реконструкцию развития рассматриваемых форм предположительно можно представить в следующем виде: *kandavaset8 > kandevesətə > kandebʊ̈št ~ kondevəšt 'пусть они принесут' из 'пусть эти приносящие'.

Рассмотренные выше диалектные формы показывают, что форма III-го лица повелительного наклонения глаголов II-го спряжения в марийском языке развилась самостоятельно. В образовании этой формы участвовали форма III-го лица изъявительного наклонения /бывшее причастие/ и указательное местоимение *se'этот'. Во множественном числе к ним присоединился показатель множественности -*t.

Таким образом, для единственного числа -множ.число см.выше/ процесс развития этой формы можно представить так: *kandavase > kandevezə > kandəvəžə > kandəvžə > kandəžə ~ kondəžə 'пусть он принесет' из 'пусть этот приносящий'. Так как причастный показатель -*va /-vä/ показывал также настояще-будущее время, то -к -ового временного показателя в глаголах II-го спряжения,

как и в изъявительном наклонении не было нужно.

Возникает вопрос, почему в глаголах II-го спряжения для образования формы III-го лица повелительного наклонения понадобилась форма III-го лица изъявительного наклонения, а в образовании той же формы в глаголах I-го спряжения - только основа глагола. Это объясняется, по нашему мнению, той простой причиной, что у глаголов I-го спряжения в самой основе был *-к -овый показатель настояще-будущего времени, в то время как глаголы II-го спряжения его не имели, а эту роль выполнял причастный суффикс *-va /-vä/.

Не исключена возможность, что и у глаголов I-го спряжения в образовании формы III-го лица повелительного наклонения приняла участие форма III-го лица изъявительного наклонения. У нас нет на это убедительных данных, поэтому мы не утверждаем. Но вполне возможно, что *-s' -овый причастный показатель в них при присоединении - *s -ового указательного местоимения выпал, как мы наблюдаем выпадение м -ового деепричастного суффикса при присоединении к ним послелога мӧнгӧ 'после' ср. тол мӧнгӧ из толмо + мӧнгӧ 'после прихода'.

Желательное наклонение

В современном марийском языке во всех его диалектах показателем желательного наклонения является суффикс -не. Это наклонение имеет два времени: настояще-будущее и прошедшее.

Настояще-будущее время

Луговое наречие

Ед.число	Мн.число
I. толнем 'хочу /намерен/ прийти'	I. толнена 'хотим /намерены/ прийти'

2. толнет 'хочешь /намерен/ прийти'
2. толнеда 'хотите /намерены/ прийти'
3. толнеже 'хочет /намерен/ прийти'
3. толнешт 'хотят /намерены/ прийти'.

Горное наречие

Ед.число	Мн.число
I. толнем 'хочу /намерен/ прийти'	I. толнена 'хотим /намерены/ прийти'
2. толнет 'хочешь /намерен/ прийти'	2. толнеда 'хотите /намерены/ прийти'
3. толнежы 'хочет /намерен/ прийти'	3. толнешты 'хотят /намерены/ прийти'.

В восточном наречии формы желательного наклонения одинаковы с формами лугового наречия.

Прошедшее время

Желательное наклонение имеет две формы прошедшего времени. Эти формы образуются описательно путем сочетания формы настоящее-будущего времени со вспомогательными глаголами в первом случае: ыле /ылы, горн./ 'было' и во втором случае улмаш 'оказывается, было', ылын /горн./ 'оказывается, было'. Например:

Луговое наречие

Ед.число	Мн.число
I. толнем ыле 'я хотел прийти'	I. толнена ыле 'мы хотели прийти'
2. толнет ыле 'ты хотел прийти'	2. толнеда ыле 'вы хотели прийти'
3. толнеже ыле 'он хотел прийти'	3. толнешт ыле 'они хотели прийти'.

В горном наречии разница только в редукции конечного гласного и в наличии гласного -ы после т в Ш-ем лице множ.числа:

толнешты ылыы 'они хотели прийти'.

Луговое наречие

Ед.число	Множ.число
I. толнем улмаш 'я, оказывается, хотел прийти'	I. толнена улмаш 'мы, оказывается, хотели прийти'
2. толнет улмаш 'ты, оказывается, хотел прийти'	2. толнеда улмаш 'вы, оказывается, хотели прийти'
3. толнеже улмаш 'он, оказывается, хотел прийти'	3. толнешт улмаш 'они, оказывается, хотели прийти'.

В восточном наречии форма одинакова с луговым наречием.

Горное наречие

Ед.число	Мн.число
I. толнем ылын 'я, оказывается, хотел прийти'	I. толнена ылын 'мы, оказывается, хотели прийти'
2. толнет ылын 'ты, оказывается, хотел прийти'	2. толнеда ылын 'вы, оказывается, хотели прийти'
3. толнежы ылын 'он, оказывается, хотел прийти'	3. толнешты ылын 'они, оказывается, хотели прийти'.

Значения форм прошедшего времени желательного наклонения в основном совпадают со значениями подобных же описательных форм изъявительного наклонения. Здесь лишь прибавляется значение самого желательного наклонения: желание или намерение.

Происхождение суффикса желательного наклонения в марийском языке впервые подробно исследовано Ф.И.Гордеевым, который, вопреки традиционному мнению, относящему его к финно-угорскому условному суффиксу -*n8[I], считает, что он восходит

[I] Szinnyei J. FUSp[2], стр.I56, I82. В.И.Лыткин, Примечания к "Исторической морфологии финского языка" Д.В.Бубриха, стр.I80.

к финно-угорскому условно-сослагательному суффиксу -na, -ne[1]. Правда, А.Шимони первоначальным считает желательное значение[2]. Б.А.Серебренников его называет условно-возможностным наклонением[3] и считает, что круг его значений был довольно широк.

В современных финно-угорских языках этому суффиксу имеются прямые соответствия в двух значениях: то с возможностным значением /ср.финск.ottanee 'он пожалуй возьмет' от ottaa 'взять, брать'; саамск.кӯскнэм 'я могу прикасаться' от кӯскэ 'прикасаться'/, то с условно-сослагательным значением /ср.манси: миннэн 'ты пошел бы' от мин 'идти', венгерск. várnék 'я ждал бы' ср.várok 'я жду'/.

В современном марийском языке, как мы видели, этот суффикс выражает то желание, то намерение, в зависимости от контекста. Однако в горном наречии этот же суффикс может выражать и условно-сослагательное значение. Например: ма, мӹнят тыменяш кешӓш гӹньы? Вот линежы ӹлӹмӓштӹ цӓш /Н.Ильяков, Опак Микита, 63/ 'а что, если я тоже поеду учиться? Вот это было бы счастье! Гордеев Ф.И. нашел весьма ценное и убедительное соответствие этому в луговом наречии марийского языка, где для выражения условно-сослагательного значения употребляется не суффикс -не, а описательная форма[4]. Кроме того необходимо заметить, что в йошкар-олинском говоре лугового

---

[1] Гордеев Ф.И. Наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, Йошкар-Ола, 1961, рукопись, стр.180.

[2] Simonyi A. Az ugor módalakok, Nyk, 13, Pest, 1887, стр.165.

[3] Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М.1964, стр.146.

[4] Гордеев Ф.И. Указ.соч., стр.126.

наречия и по сей день суффикс -не в вспомогательном глаголе сохраняет условно-сослагательное значение. Например: пазарыш каяш сай лиеже 'хорошо бы пойти на базар'. Таким образом, условно-сослагательное значение свойственно не только горному наречию марийского языка, но и его луговому наречию. Поэтому прав Гордеев, когда говорит, что в древнемарийское время суффикс -не образовывал не желательное, а условно-сослагательное наклонение. Очевидно, также обстояло дело и в финно-угорском языке-основе, ибо от условно-сослагательного значения до желательного лишь один шаг. Ср. я пошел бы - условно-сослагательное значение, хорошо бы пойти - желательное значение.

Поэтому точка зрения Гордеева Ф.И. о былом значении суффикса -не наиболее вероятна. Трудно только согласиться с ним относительно первоначальной формы суффикса. Здесь, по всей вероятности, правомочно мнение Майтинской К.Е.[I], которая считает финно-угорской форму -*пе.

Возникает вопрос, что послужило причиной почти полной утраты суффиксом -не условно-сослагательного значения. На этот вопрос прямой ответ мы находим в современном марийском языке. В нем условно-сослагательное значение выражается аналитическим способом, использованием системы сложных прошедших времен изъявительного наклонения. Например: таче чодраш каем ыле, но йӱр йӱреш 'пошел бы сегодня в лес, но идет дождь'. Прав Гордеев Ф.И.[2], что использование аналитических форм прошедшего времени изъявительного наклонения для выражения условно-сослагательного значения послужило причиной утраты

I Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М. 1955, стр.71.
2 Гордеев Ф.И. Указ.соч., стр.133.

суффиксом -не условно-сослагательного значения и возникновения желательного наклонения.

Личные окончания желательного наклонения, за исключением окончания Ш-го лица, одинакового происхождения,что и в изъявительном наклонении /см.выше/.

Личное же окончание третьего лица одинаково по происхождению с личным окончанием того же лица повелительного наклонения /см.стр.232/.

Считают, что суффикс желательного наклонения /в древности условно-сослагательного/ когда-то являлся суффиксом отглагольного словообразования с повторным или длительным значением[I]. Однако вряд ли приходится полагать так для финно-угорского, тем более древнемарийского времени, ибо личные окончания этого наклонения восходят к личным окончаниям изъявительного и повелительного наклонений.

Реконструкцию личных форм желательного наклонения предположительно можно представить следующим образом:

Единственное число:

I. *toleneme > tolənemə > tolnemə > tolnem

2. *tolenete > tolənetə > tolnetə > tolnet

3. *tolenese > toləneze > tolənеže > tolneže ~ tolnežə

Множественное число:

I. *tolenemak > tolənema > tolnema > tolnena

2. *tolenetak > tolənetа > tolneda

3. *toleneset8 > tolənesətə > tolneštə ~ tolnešt

I Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, стр.225. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.62.

Условно-сослагательное наклонение

Вопрос об условном наклонении в современном марийском языке до сих пор является спорным. Одни[I] признают это наклонение, другие[2] - нет. Нам кажется Гордеев Ф.И. вполне убедительно доказал, что в современном марийском языке нет особого условно-сослагательного наклонения, а его значение выражается при помощи описательных форм прошедшего времени изъявительного наклонения, и явление это представляет собой результат влияния тюркских языков[3]. Действительно, ни в одном из финно-угорских языков, кроме марийского, описательные прошедшие времена не употребляются для выражения условно-сослагательного значения, в то время как в тюркских языках это явление обычное. Ср.башкирский: алыр ине 'он бы взял', узбекский: ёзар эди 'он написал бы', марийский: воза ыле 'он написал бы' и т.д.

Наряду с этим в горном наречии марийского языка имеется суффикс -гецы, который в основном употребляется со вспомогательными глаголами ылаш 'быть', лияш 'быть, становиться' и выражает условно-сослагательное значение. Например: та Идыр агыл ылгецы, Андрей солашкыжат ак ке ылы /Леледшы сән-

I Васильев В.М. Наклонения и некоторые отглагольные формы. Труды МарНИИ, вып.УП,стр.II8. Пенгитов Н.Т. Сопоставительная грамматика,I06-I07. Саваткова А.А., Учаев З.В. Краткий грамматический очерк марийского языка,Марийско-русский слов.М.1956, 840.

2 Григорьев Я.Г.Марий йылме учебник, Йошкар-Ола,I96I, Апатеев А.И Мары йылмы учебник,Йошкар-Ола I958, Гордеев Ф.И. Наклонения /в кн.Современный марийский язык, морфология, Йошкар-Ола I96I, стр.I78-I80.

3 Гордеев Ф.И. Наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, Йошкар-Ола, I96I /рукопись/, стр.220. Влияние других языков на развитие категории наклонения марийского языка, Труды МарНИИ, вып.ХУ, I96I, стр.8I.

далык, 1950, № 19, стр.155/ 'если бы не эта девушка, то Андрей не уехал бы в деревню'.

В Еласовском говоре, как указывает Гордеев Ф.И. /см.диссертацию, стр.217/ суффикс -гецы может употребляться и с другими глаголами: тӓнгем кинош билетым нӓлгецы /д.Кузнецово Горно-Марийского района/ 'если бы друг мой взял билет в кино'. Суффикс -гецы в форме -гече выступал и в других диалектах марийского языка. Он был отмечен автором первой марийской грамматики в переходном говоре от горного к луговому наречию[1], в текстах Паасонена /1898 г./ также имеется подобный суффикс. Правда, в восточном наречии марийского языка в старых песнях и сейчас можно встретить его. Приведем пример из Паасонена: sarə ɣənaj püken, sarə üstel, ajβat jeŋβlak tolən šit´ške,t´še /Паасонен, 1939, стр.165/ 'на коричневый стул за коричневый стол хорошие люди сели бы'. Много примеров и парадигмы спряжения глаголов с этим суффиксом из разных диалектов марийского языка дает Э.Беке[2].

Таким образом, рассматриваемый суффикс знаком не только горному наречию марийского языка, он является общемарийским, и значение его условно-сослагательное. Значит, в древнемарийском языке были два условно-сослагательных суффикса -не и -геце /-гецы/, один из которых вследствие развития условно-сослагательного значения в системе описательных прошедших времен изъявительного наклонения превратился в показатель желательного наклонения, другой же -вообще исчезает из упот-

---

[1] Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка, С.-Петербург, 1775, стр.93.

[2] Беке Ӧ. Cs Ny, стр.353-356.

ребления.

Относительно происхождения суффикса -гече /-гецы/ существует два мнения: одни считают его возникшим из послелога гӹщ, гыч 'из'[I], другие возводят к финно-угорскому условному суффиксу -*ks[2]. Гордеев Ф.И. этот суффикс связывает по происхождению даже с деепричастным суффиксом -дегече /дегызе/, и реконструирует его былую форму в виде -*кесе /kese/[3]. Э.Беке также считает суффикс -гече /-гецы/[4] с тем же деепричастным суффиксом по происхождению общим.

Однако происхождение суффикса -гече /-гецы/ остается неясным. Конечно, с мнением, выводящим этот суффикс из послелога -гыч 'из' нельзя согласиться, ибо послелог с исходным значением никак не мог выражать условно-сослагательное значение. Возможно ли возвести -гецы /-гече/ к финно-угорскому суффиксу условного наклонения -*ks?

В современных финно-угорских языках подобный суффикс имеется: в прибалтийско-финских он образует условное наклонение, ср.финск.-isi: olisi 'был бы' от olla 'быть', tulisi 'пришел бы' от tulla 'приходить' и т.д., эстонск.saaks 'получил бы' от saama 'получать', oleks 'было бы' от olema 'быть' и т.д. В мордовских языках суффикс -ксо, -ксе образует желательное наклонение: кучекселинь 'я хотел послать'. Но в этих языках формы на -ks употребляются только в прошедшем времени. В марийском же языке -гече /-гецы/ может употребляться и в

I Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, § 260, В.р.144.

2 Гордеев Ф.И. Наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, Йошкар-Ола 1961, рукопись; стр.223.

3 Гордеев Ф.И. Там же, стр.226, 228.

4 Беке Ӧ. Указ.соч., стр.377.

прошедшем и будущем времени. Причем марийская форма имеет более сослагательное значение с оттенком пожелания, нежели условное. Например: tə̂ šin'd'žalše ške šot'ššem, ümeəržö kužo lijγet'šet? /Паасонен, 1939, 175/ 'у сидящей здесь родни да был бы долог век! Вполне возможно, что рассматриваемый суффикс является общим по происхождению с мордовским -ксо, -ксе, употребление его в глагольных формах прошедшего времени не может быть большим аргументом для отрицания общности происхождения. Условное значение обычно предполагает прошедшее время, желательное - будущее, поэтому условно-сослагательный суффикс -гече /-гецы/ не придерживается определенной временной формы глагола.

Фонетически финно-угорский, вернее прибалтийско-финско-волжский /в других языках его нет/ суффикс - *ks8 в марийском языке вполне мог дать современные варианты. Ср.финский: täysi мар.горн.циц, луг.тич 'полный', мар.лаче, фин.lohna из *losna саамск.laste, läste 'пестерь'. В марийском языке варианты -кече /-гецы/ вместо былого -*ks8 могли появиться из-за добавочного слогообразующего гласного -е вследствие полной редукции гласного основы слова: *tolekse > tolγese > tolγeče 'пришел бы, прийти бы'.

Таким образом, более вероятным является возведение марийского суффикса -гече /-гецы/ к прибалтийско-финско-волжскому -*ks8 с условно-сослагательным значением. Связывать его происхождение с послелогом гыч 'из' или деепричастным суффиксом -дегече /дегызе, дегузе/ нельзя.

О системе наклонений в древнемарийском языке

Рассмотрев в сравнительно-историческом плане имеющиеся в

современном марийском языке формы наклонений, можно сказать, что система наклонений в нем не была всегда одинаковой: есть наклонения, которые берут начало с времен финно-угорской языковой общности, и есть формы, которые возникли несколько позже - в прибалтийско-финско-волжское время. Но для древнемарийского языка они были все присущи. К финно-угорскому периоду восходят современные: I/ изъявительное, 2/ повелительное и 3/ желательное наклонения. К прибалтийско-финско-волжскому периоду относится сохранившееся более или менее в горном наречии условное наклонение на -гецы. Первоначально древнемарийский язык знал следующие наклонения: I/ изъявительное - без показателя, 2/ повелительное - основа изъявительного наклонения, 3/ условно-сослагательное на -не, 4/ условно-сослагательное на -гече /-гецы/. В связи с развитием аналитических форм выражения условно-сослагательного значения условно-сослагательное наклонение на -не превратилось в желательное, а условно-сослагательное наклонение на -гече /-гецы/ стало исчезать из употребления.

ИСТОРИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

Отрицательные формы глагола в современном марийском языке во всех диалектах и по всем наклонениям, за исключением П-го прошедшего времени изъявительного наклонения, строятся по одной модели: спрягаемая форма отрицания плюс основа глагола. Например:

Изъявительное наклонение

Настояще-будущее время

Луговое наречие

Ед.число	Мн.число
I. ом тол 'я не приду'	I. она тол 'мы не придем'
2. от тол 'ты не придешь'	2. ода тол 'вы не придете'
3. ок тол 'он не придет'	3. огыт тол 'они не придут'.

В йошкар-олинском говоре форма Ш-го лица множественного числа образуется иначе: ок толеп 'они не придут'.

В восточном наречии образование отрицательной формы полностью совпадает с луговым наречием.

Горное наречие

Ед.число	Мн.число
I. ам тол 'я не приду'	I. ана тол 'мы не придем'
2. ак тол 'ты не придешь'	2. ада тол 'вы не придете'
3. ак тол 'он не придет'	3. ак толеп 'они не придут'.

Отрицание в марийском языке может иметь и полную форму, например:

Луговое наречие

Ед.число	Мн.число
I. огым 'я не'	I. огына 'мы не'
2. огыт 'ты не'	2. огыда 'вы не'
3. огеш 'он не'	3. огыт 'они не'.

В йошкар-олинском говоре Ш-е лицо множественного числа огеп 'они не'.

Горное наречие

Ед.число	Мн.число
I. агым 'я не'	I. агына 'мы не'
2. агыт 'ты не'	2. агыда 'вы не'
3. агеш 'он не'	3. агеп 'они не'.

В северо-западном наречии в Ш-ем лице множественного числа встречается форма агет, авет 'они не', а в остальном одинаково с горным наречием.

I-е прошедшее время

Луговое наречие

Единств.число	Множ.число
I. шым тол 'я не пришел'	I. шына тол 'мы не пришли'
2. шыч тол 'ты не пришел'	2. шыда тол 'вы не пришли'
3. ыш тол 'он не пришел'	3. ышт тол 'они не пришли'.

В диалектах лугового наречия встречаются несколько другие формы, например:

Единственное число

Морки	Сернур	Косолапово
I. ыжым	шым	ишым 'я не'
2. ыжыч	шыч	ишыч 'ты не'
3. ыш	шыш	иш 'он не'.

Множественное число

Морки	Сернур	Косолапово	Пектубаево
I. ыжна	шына	ишна	шына 'мы не'
2. ыжда	шыда	ишда	шыда 'вы не'
3. ышт	шышт	ишт	шывет 'они не'.

Горное наречие

Ед.число	Множ.число
I. шӹм тол 'я не пришел'	I. шӹна тол 'мы не пришли'
2. шӹщ тол 'ты не пришел'	2. шӹда тол 'вы не пришли'
3. шӹш тол 'он не пришел'	3. шӹш толеп 'они не пришли'

Северо-западное наречие имеет такое же оформление, что и в горном наречии, отличие имеется лишь в форме Ш-го лица множественного числа: в Тоншаево шӹвет тол 'они не пришли', в Шаранге: шӹгеп, шыгет, шывет тол 'они не пришли'.

П-е прошедшее время

Во П-ом прошедшем времени отрицательная форма образуется несколько по иной модели: в луговом и восточном наречиях берется деепричастие на -н и прибавляется к нему отрицательная форма от вспомогательного глагола улаш; в горном наречии берется отрицательное деепричастие и прибавляется к нему спрягаемая форма вспомогательного глагола ылаш 'быть', которая сливается с основным глаголом.

Луговое наречие

Ед.число	Множ.число
I. толын омыл 'я не пришел'	I. толын огынал /онал/ 'мы не пришли'
2. толын отыл 'ты не пришел'	2. толын огыдал /одал/ 'вы не пришли'
3. толын огыл 'он не пришел'	3. толын огытыл 'они не пришли'.

В йошкар-олинском говоре лугового наречия форма Ш-го лица множественного числа иная: толын огылеп 'они не пришли'.

Горное наречие

Ед.число	Множ.число
I. толделам 'я не пришел'	I. толделна 'мы не пришли'
2. толделат 'ты не пришел'	2. толделда 'вы не пришли'
3. толде 'он не пришел'	3. толделыт 'они не пришли'.

Повелительное наклонение

Луговое наречие

Ед.число	Множ.число
I. -	I. -
2. ит тол 'не приходи'	2. ида тол 'не приходите'
3. ынже тол 'пусть не придет'	3. ынышт тол 'пусть не приходят'.

Горное наречие

Ед.число	Множ.число
I. -	I. -
2. ит тол 'не приходи'	2. идӓ тол 'не приходите'
3. ӓнжӓ тол 'пусть не приходит'	3. ӓнжӓштӓ тол 'пусть не приходят'.

В восточном наречии отрицательные формы повелительного наклонения совпадают с формами лугового наречия.

Северо-западное наречие

Ед.число	Множ.число
I. -	I. -
2. ит тол 'не приходи'	2. идӓ тол 'не приходите'
3. ӓнцӓк тол 'пусть не приходит'.	3. ӓнцӓш тол 'пусть не приходят'.

Желательное наклонение

Луговое наречие

Ед.число	Множ.число
I. ынем тол 'не хочу прийти'	I. ынена тол 'не хотим прийти'
2. ынет тол 'не хочешь прийти'	2. ынеда тол 'не хотите прийти'
3. ынеж/е/ тол 'не хочет прийти'	3. ынешт тол 'не хотят прийти'.

В Мари-Турекском районе отрицание начинается с гласного и: инем 'я не', инет 'ты не', инешт 'они не' и т.д.

Горное наречие

Ед.число	Множ.число
I. ӹнем тол 'не хочу прийти'	I. ӹненӓ тол 'не хотим прийти'
2. ӹнет тол 'не хочешь прийти'	2. ӹнедӓ тол 'не хотите прийти'
3. ӹнежӓ тол 'не хочет прийти'	3. ӹнештӓ тол 'не хотят прийти'.

Модель построения отрицательных форм в марийском языке, за исключением прошедшего времени изъявительного наклонения, в целом общая с другими финно-угорскими языками: отрицательные формы строятся из спрягаемой формы отрицания плюс основа глагола. Например: фин. en tule 'не приду', älä tule 'не приходи', en tulene 'возможно не приду', en tulisi 'я не пришел бы'; удм. уг мынӥськы 'не иду', уд мынӥськы 'не идешь', уг мыны 'не идет', эн мын 'не иди', ӧй мынысал 'я не шел бы', ӧд мынысал 'ты не шел бы'; коми ог мун 'не пойду', он мун 'не пойдешь', эн мун 'не ходи', морд.эрзя: эзинь кунда 'я не поймал', эзить кунда 'ты не поймал', иля кунда 'не поймай', аволинь кунда 'я не поймал бы', а кундан 'я не поймаю'.

Существует предположение, что в финно-угорском языке-основе было два отрицательных глагола, которые спрягались. Эти

глаголы хорошо сохранились в финско-пермских языках, но не сохранились в угорских. В венгерском же языке отрицательные формы другого происхождения[I]. Подобного же мнения многие лингвисты[2], но Бубрих их называет глаголоподобными словами[3]. Мы их назовем лишь отрицанием.

Для истории отрицательных форм важно установить историческое развитие самих отрицаний, но к сожалению, сейчас что-либо сказать очень трудно, т.к. от них сохранились лишь по одному гласному. По мнению Лыткина, очень трудно выделить в отрицаниях то, что относится к финно-угорскому времени и что не относится к нему. Все же ясно, что отрицание спрягалось, а глагол, показывающий отрицаемое действие, выступал лишь в виде основы. Эта модель древняя, по крайней мере относится к финско-волжско-пермской общности.

Гордеев Ф.И. считает, что в финно-угорском языке-основе названные два глагольных отрицания начинались со следующих гласных: *а, *э[4]. Конечно, сейчас очень трудно утверждать, каким было конкретно качество тех гласных, которые начинали финно-угорские отрицания. Ясно одно, что они начинались с гласного звука, качество которых мы можем указать лишь предположительно, исходя из данных сравнительного анализа. Если сравнить отрицания в родственных языках, то можно увидеть, что в большинстве из них они начинаются с двух качествен-

---

I Szinnyei J. FUSp², стр.117.

2 Лыткин В.И. Примечания к Исторической морфологии финского языка, Д.Бубриха, стр.181-182.

3 Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Д., 1955, стр.69.

4 Гордеев Ф.И. Наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, Йошкар-Ола 1961 /рукопись/, стр.86.

но различных гласных. Наиболее близок в этом отношении к нам мордовский язык. Ср. а 'я не', мар.горн.ам 'я не', морд.эрзя иля 'отр.повелит.накл.", мар.ит 'отр.повелит.накл.', мар.ишым 'я не' /прош.время/, морд.эрзя эзинь 'я не' /прош.время/. Это дает основание полагать, что первоначально гласными отрицаний были: *а, *э.

Отрицание с начальным гласным и, очевидно, возникло в марийско-мордовское время вследствие сужения гласного -*е /э/. Ср.финское elää 'жить', мар.илаш 'жить', финск.penikka 'щенок', мар.диал.пинеге 'щенок'. Впоследствии в некоторых диалектах марийского языка гласный и из былого финно-угорского -*е /э/ подвергся редукции: ынже 'пусть он не'. Ср.тоже самое, финск.elää 'жить', мар.илаш, ылаш, ӹлӓш 'жить', финск.penikka 'щенок', марийск.пинеге, пӹнегӹ, пынеге 'щенок' /см.также Räsänen, Tatarische Lehnw).

Исходя из изложенного выше, можно предположительно восстановить процесс исторического развития отрицательных форм.

В настояще-будущем времени изъявительного наклонения в марийском языке участвовало отрицание с гласным *а, ср.горн.ам тол 'не приду', луг.ом тол 'не приду'. В луговом наречии гласный о возник позже /см.выше/. Первоначально отрицание спрягалось и имело следующие спрягаемые формы:

Единственное число

I. *akeme > agemə > agəmə > agəm ~ /огым/ 'я не'

2. *akete > agetə > agətə > agət ~ /огыт/ 'ты не'

3. *akese > agešə > ageš ~ /огеш/ 'он не'

Множественное число

I. *akemak > agəma > agəna ~ /огына/ 'мы не'

2. *aketək>agətə >agəda ~/огыда/ 'вы не'

3. *akeset8 >agešətə >ageštə >agešt >aget~/огыт/ 'они не'.

В единственном числе развитие отрицания ничем не отличается от развития личных форм глаголов I-го спряжения. Во множественном числе в современных марийских диалектах мы находим различные формы: огыт, агет, авет, агеп, огеп 'они не'. Это обстоятельство заставляет нас думать, что диалектально в форме Ш-го лица множественного числа в древнемарийском языке произошло смешение двух причастных форм: формы на *-śe и формы на *-va /-vä/, ибо отрицание в настояще-будущем времени было одно. Из-за подобного смешения диалектные формы Ш-го лица множественного числа: агеп, огеп 'они не' развились из формы: *akevat8 >agevetə >agevət >agept >agep 'они не'.

В I-ом прошедшем времени в развитии отрицательной формы, как и в других глаголах, участвовал временный показатель: *s'i> ši >šə. Здесь уже употреблялось отрицание не с первоначальным гласным, а, а другое - с гласным финно-угорского времени: *e, позднее давшим и >ы. Ср.ыжым, ишым тол 'я не пришел'.

Единственное число

I. *es'ime >is'ime >išimə >išim /~əžəm~əžəm / 'я не'

2. *es'ite >is'iče >išičə >išič (~əžəč~əžəč) 'ты не'

3. *es'ise >is'ise >išišə >išiš >šiš~iš /~əšəš>šəš~əš/ 'он не'.

Наиболее интересной представляется форма Ш-го лица, где несмотря на формальное совпадение временного показателя с показателем лица, диалектально оба сохранились. Ср.сернур. шыш тол 'он не пришел'. Весьма доказательно в этом отношении

полное совпадение этих форм в марийском и эрзя-мордовском языках. Ср.эрзя-морд.эзизе кунда 'он не поймал', мар.шыш кондо 'он не принес' /см.спряжение/.

В некоторых диалектах марийского языка /д.Кадам Ново-Торъяльского района, Тоншаево Горьковской области/ форма Ш-го лица множ.числа I-го прошедшего имеет отрицание шывет 'они не'. В Шарангском же говоре северо-западного наречия это отрицание имеет форму шыгеп 'они не'. Эти формы еще раз доказывают, что и в прошедшем времени причастный суффикс Ш-го лица, т.е. показатель лица, был в наличии. Форма шывет 'они не' состоит из показателя времени шы, выполняющего в то же время роль отрицания вследствие отпадения последнего, причастного суффикса -ве /< ва/ и показателя множ.числа -т. Первоначально рассматриваемое отрицание должно было иметь следующую форму: *es´ivät > ešəvet > əšəvet > šəvet 'они не'. Начальный гласный отрицания вследствие перехода ударения на последний слог редуцировался и отпал.

Подобную же историю развития прошло и отрицание шыгеп 'они не'. Это отрицание представляет собой, очевидно, позднее явление, возникшее по аналогии с отрицанием того же лица настояще-будущего времени агеп 'они не', здесь произошел переход древнего -в > г и замена показателя мн.ч. -т через -р: *es´əvet > es´əɣep > ešəɣep > šəɣep 'они не', чередование ɣ и у в марийском языке наблюдается, ср.л.тувыр, горн.тыгыр 'рубашка', авыраш, агураш 'задержать'.

Сама форма П-го прошедшего времени в марийском языке явление довольно позднее, она развилась не на общефинноугорской почве, возможно, лишь в период волжской общности. Так как в

образовании этой временной формы участвовало причастие прошедшего времени, то естественно, здесь не было необходимости наличия временного показателя. Отрицательная форма П-го прошедшего времени сложилась из причастия прошедшего времени, спрягаемой формы отрицания настояще-будущего времени и основы вспомогательного глагола улаш 'быть'.

Единственное число

I. толын огым ул > толын ом ул /омыл/ 'я не пришел'
2. толын огыт ул > толын от ул /отыл/ 'ты не пришел'
3. толын огеш ул > толын ок ул /огыл/ 'он не пришел'.

Множественное число

I. толын огына ул > толын ода ул /онал/ 'мы не пришли'
2. толын огыда ул > толын ода ул /одал/ 'вы не пришли'
3. толын огыт ул > толын огыт ул /огытыл/ 'они не пришли'.

Первоначально эта форма значила: "я /ты, он/ и т.д. не есть пришедший'.

Диалектная форма толынам огыл 'я не пришел', образующаяся из спрягаемой формы основного глагола в форме П-го прошедшего времени и отрицания Ш-го лица единственного числа, по-видимому, возникла по аналогии с именными отрицательными формами. Ср. тиде маска огыл 'это не медведь', изам пӧртыштӧ огыл 'брат не в избе'. В горном наречии марийского языка отрицательная форма П-го прошедшего времени образовалась иными средствами: отрицательное причастие /абессивная /лишительная/ форма причастия/ плюс спрягаемая форма вспомогательного глагола ылаш 'быть'. Толделам < толде ылам 'я не пришел' из 'я есть не пришедший'.

Вполне вероятно, что сначала в марийском языке употреблялись обе отрицательные конструкции, и лишь позже произошло подобное разделение по диалектам. В некоторых говорах горного наречия, расположенных на левобережье Волги /Кузьмино Юринского района/ можно и сейчас встретить формы, одинаковые с луговым: ужын амыл 'я не видел', шон агыл 'не успел'. /Тетрадь Акцорина л.2/, но они употребляются редко. Таким образом, окончательное закрепление той или иной отрицательной формы по наречиям произошло после разделения древних мари на луговые и горные.

Двоякое выражение отрицания встречается и в родственных языках, например, фин. Hän ei ole tullut 'он не пришел', Hän on tulematta 'он не пришел'. Это лишний раз подтверждает возможность параллельного существования двух отрицательных конструкций в древнемарийском языке.

В повелительном наклонении участвовало отрицание с начальным гласным -i /-и/, восходящим к финно-угорскому *e /э/. Очевидно, в отрицании не было необходимости наличия показателя множ.числа, ибо повелительное наклонение берет начало от изъявительного, в котором эти формы были уже установившимися. Развитие отрицаний в повелительном наклонении простое: гласный отрицания /первоначально отрицание полное, но неизвестное нам/ плюс показатель лица соответственно числу. Только форма Ш-го лица имеет другую историю, она берет начало от формы желательного наклонения, ибо повеление в Ш-ем лице выражается всегда в виде пожелания. Итак, развитие отрицаний можно представить в следующем виде:

Единственное число

I, -

2. *ete >ite tolek >ite tole >ite tolə>it tol не приходи'

3. *enese >inese tolek >inəše tole >inše tol >inžə /anžə/ tol 'пусть не приходит'.

Множественное число

I. -

2. *etäk >itä tolek >idä tole >idä tolə >idä tol 'не приходите'

3. *enesetə >inesetə tol >inəšətə tol >inəštə /ənəštə, anəšt/ 'пусть они не приходят'.

В том, что отрицание II лица единственного числа оканчивалось на гласный -е, нет никакого сомнения, ибо до сих пор в марийском языке при сильном повелении без глагольной основы этот гласный в соответствии с фонетическими законами современного языка выступает в виде: ите, иты 'не тронь'.

Возникает вопрос, почему отрицание III-го лица повелительного наклонения, восходящее к отрицанию желательного наклонения[I], не одинаково с отрицанием последнего. На наш взгляд, здесь немалую роль сыграло место ударения в слове. В желательном наклонении ударение грамматикализовано и падает на показатель наклонения, поэтому гласный этого показателя сохранился без изменения, в повелительном же наклонении ударение падает на I-й слог, в грамматикализации его не было необходимости, т.к. здесь желание лишь сопутствовало повелению. Вследствие этого гласный показателя -*не /-не/ редуцировался и выпал, а конечный гласный отрицания сохранился как слогообразующий. Во множ.числе сохранились оба гласных звука, ибо здесь дополнительно присутствовал показатель множ.числа, оканчивавшийся на гласный ср.горн. [illegible] 'пусть они не', ко-

---

I Гордеев Ф.И. Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке. Автореферат канд.диссерт. Тарту 1961, стр.11

торый образовал дополнительный слог. Поэтому здесь выпал гласный после -š былого местоимения -*še 'этот' /см.стр.232/. Фонетическая обусловленность образования современной формы отрицания Ш-го лица, выпадение того или иного гласного из-за места ударения, весьма ярко подтверждается данными диалектов, где имеется форма: ынцыж 'пусть он не'. В этой форме мы наблюдаем отпадение конечного гласного, что объясняется очень просто: появление добавочного звука -ц[I] после сонорного н создало новое слогоделение, а это способствовало сохранению гласного П-го слога и отпадению конечного.

В желательном наклонении приняло участие также отрицание, начинавшееся с гласного -i /и/, восходящего к финно-угорскому *e /э/. Это отрицание спрягалось по той же модели, что и все глаголы в желательном наклонении, поэтому реконструировать его историческое развитие в парадигме спряжения нет никакой необходимости.

Таким образом, можно заключить, что отрицательные формы в марийском языке образовались посредством отрицаний, которые некогда принимали личные формы. Эти отрицания начинались с гласных: *a, *ə.

История инфинитивов

Инфинитивы своими корнями уходят в весьма далекую глубину исторического прошлого языка. В финно-угорских языках инфинитивы, как в качественном, так и в количественном отношении представлены довольно разнообразно. В одних языках имеется одна, в других - две и больше инфинитивных форм.

В современном марийском языке в основном два инфинитива:

[I] Гордеев Ф.И. Наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, Йошкар-Ола 1961, рукопись.

инфинитив на -аш или основной инфинитив и инфинитив на -ман /в диалектах -мыла/ или инфинитив долженствования. Первый инфинитив по своему значению соответствует неопределенной форме русского глагола, второй же инфинитив выражает долженствование. Ср. олаш каяш 'ехать в город', олаш кайман 'нужно ехать в город', диал.олаш каймыла 'нужно ехать в город'.

История инфинитивов в марийском языке до сего времени не подвергалась специальному исследованию.

По своему происхождению инфинитивы и вообще инфинитивные /неспрягаемые/ формы глагола /инфинитивы, причастия и деепричастия/ в финно-угорских языках восходят к древним отглагольным именам в различной падежной форме. Не случайно поэтому эти формы характеризуются чертами глагольного и именного характера, ибо они унаследовали эти черты с тех незапамятных времен /притяжательные суффиксы, падежные формы, глагольное управление/.

Инфинитивным глагольным формам в финно-угорских языках посвящена специальная кандидатская диссертация Х.Рятсепа[I].

Нет сомнения в том, что инфинитивы первоначально являлись отглагольными именами: это уже давно доказано[2] и ясно из данных современных языков. Ср.мар.каяшлан ямдылалтам 'готовлюсь к отъезду'. Здесь -лан является суффиксом дательного падежа при инфинитиве; фин.tulla < *tuldak 'прийти', что представляет лативную форму имени действия[3]. Но какие отглагольные имена

I Рятсеп Х. Инфинитивные формы глагола в финно-угорских языках, Тарту 1954.

2 Szinnyei J. FUSp^2, стр.81-82.

3 Хакулинен А. РСФЯ, ч.I, стр.233. Бубрих Д.В.ИМФЯ, стр.72.

легли в основу современных марийских инфинитивов?

Относительно происхождения инфинитива на -аш существует две точки зрения. Одни полагают, что этот инфинитив представлял первоначально форму обстоятельственного /первоначально латива/ падежа отглагольного имени[I], другие, наоборот, в нем находят лишь отглагольное имя с финно-угорским *s' -овым суффиксом, который по их мнению, одного происхождения с причастиями на -ше /ǫ, ӧ/ и -шаш[2].

В современных финно-угорских языках, кроме марийского, нет инфинитивов с s' -овым и š -овым показателем. В них мы находим только причастия и деепричастия с подобными суффиксами да и то не во всех финно-угорских языках, например: морд.эрзя -зь: кундазь 'поймав, пойманный', коми-зыр. сь: вурысь 'шьющий'. Причем в марийском языке так же есть причастия на -ше /о, ӧ/ < *s'e: ср.толшо 'приходящий, пришедший', налше 'берущий, взявший' и т.д. Таким образом, финно-угорское отглагольное имя с *s' -овым суффиксом и сейчас продолжает свое существование в марийском причастии на -ше /о, ӧ/.

Конечно, если судить только по согласному -š /ш/, то вполне возможно возвести современный марийский инфинитив на -аш к одному источнику с причастием на -ше /о, ӧ/. Но возникает вопрос, почему инфинитивный показатель, в отличие от причастного, имеет гласный -а, вместо причастного -е и этот гласный предшествует согласному -ш, в то время как в причастном показателе гласный -е последует ему. Очевидно, это явление не случайное, оно вызвано какими-то закономерностями.

I Beke Ö. Cs Nyp стр.155.

2 Рятсеп Х. Указ.соч., стр.16-17.

В образовании инфинитивов обычно участвовал направительный падеж, ибо инфинитив прежде всего выражал цель действия. Это свойственно не только марийскому языку, но и другим финно-угорским языкам. Поэтому совершенно справедливо замечание Б.А.Серебренникова о том, что широкое использование форм латива в образовании инфинитивов объясняется тем, что эти лативные формы первоначально использовались как супины, т.е. инфинитивы, выражающие цель действия[I]. Направительный же падеж с s -овым элементом в древнемарийском языке был и продолжает свое существование в современном обстоятельственном падеже /см.выше/. Это подтверждает предположение Коллиндера об общности происхождения показателя инфинитива и суффикса обстоятельственного падежа.

Необходимо заметить, что инфинитив на -аш в основном может приобретать форму только дательного падежа, который в древности был также направительным, а присоединение одинаковых суффиксов по значению в языке возможно. Ср.-шке ш + ке, где оба компонента являются древними суффиксами направительных падежей. Форма инфинитивного суффикса -аш развилась, очевидно, вследствие того, что гласный -а основы глаголов П-го спряжения обобщился и стал употребляться также с глаголами I-го спряжения. Впоследствии этот обобщенный гласный путем переразложения основы перешел в суффикс. Обобщению гласного -а могла способствовать отчасти форма Ш-его лица ед.числа этих глаголов.

Таким образом, более вероятно выводить современный марий-

I Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр.179.

ский инфинитив на -аш из ӹ -овой лативной формы имени действия и он не имеет никакой связи с причастным суффиксом -ше /-шо, -шӧ/. Суффикс дательного падежа присоединяется к нему лишь в определенных случаях для усиления значения цели действия.

М.Р.Федотов марийский инфинитивный суффикс -аш считает чувашским суффиксом причастия будущего времени на -ас /-ес/[I], которое в чувашском языке может выступать в значении инфинитива и обозначать действие, которое нужно совершить или которое совершиться[2]. Но следует заметить, что другие тюркские языки, однако, не подтверждают мнение Федотова М.Р. Не исключено, что здесь мы имеем дело с формальным совпадением.

Второй инфинитив или инфинитив долженствования в современном марийском языке имеет два варианта: -ман /литературная норма/ и -мыла /диалектная форма/.

Обе эти формы по происхождению вторичны и весьма поздние. Общим элементом обеих форм является формант -ма /-мы/, отличительными являются: -н, -ла. Нет сомнения в том, что инфинитив на -ман чисто марийское явление. Правда в современных финно-угорских языках имеются инфинитивы с элементом -м, ср. морд.кандомс 'принести', фин.tulemaan 'прийтий; в образовании которых приняли участие имя действия на -м + суффикс направительного падежа. Это наталкивает на ту мысль, что и в марийском языке могло быть подобное явление.

I Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары, 1965, стр.41.

2 Материалы по грамматике современного чувашского языка, Чебоксары 1957, стр.225.

Во всех финно-угорских языках имеется имя действия с м /m / -овым элементом: ср.фин.syömä 'еда', juoma 'питье', морд.сокамо 'пахота', удома 'спасенье' и т.д. В мар.языке это имя действия дало пассивное причастие: кондымо 'принесенный' и т.д. Первоначальной финно-угорской формой этого форманта имени действия было: -ma /-mä/.

В современном марийском языке так же нередко можно встретить форму на -ma /-mä/, ср.Микита мыйым опкын петырыма гычын лукто /Мар.йомак, 24/ 'Никита вывел меня из заключения людоеда'. Все это позволяет думать, что и в древнемарийский период имя действия имело суффикс *-ma /-mä/.

В современном марийском языке встречаются также слова, где -ман совершенно не имеет инфинитивного значения: турыктыман мыжер 'кафтан со сборками', но мыжерым турыктыман 'сделать сборки на кафтане'.

Имя прилагательное в позиции определения в современном марийском языке не согласуется с существительным и, будучи поставлено в позицию после определяемого слова, становится сказуемым - приобретает функцию глагольного слова. Ср.кечан кече 'солнечный день', кече кечан 'день солнечный'.

В диалектах современного марийского языка первоначальный гласный -м /-m/ -ового суффикса -а /-ä/ имеет редуцированный вариант /горн.кандымы 'принесенный'/ или различные варианты в зависимости от лабиальной гармонии /кондымо, кайме, шӱрымӧ/.

Что же представляет собой элемент -н? Известно, что во всех языках инфинитив обычно образуется из формы косвенных падежей отглагольного имени /в славянских - дательный, в германских - винительный, в финно-угорских - различные местные/,

поэтому в инфинитиве на -ман можно предположить сохранение древней лативной формы на -н' от имен действия на -ма /-мӓ/. Однако Н.Т.Пенгитов считает, что марийский инфинитив на -ман развился из имен прилагательных с суффиксом -ан от пассивных причастий в результате употребления в роли сказуемого в бесподлежащных односоставных предложениях[I]. Формы на -ман, употребленные в роли сказуемого, по мнению Н.Т.Пенгитова, в бесподлежащных предложениях приобрели новую функцию - функцию инфинитива. Например: таче кече гыч арам илыман огыл. Комсомолыш пурен, пашам ышташ тӱналман /М.Шкетан, Эренер, 1933, 99/ 'с сегодняшнего дня нельзя жить бесцельно. Надо, вступив в комсомол, приступить к работе /букв.начать работать/'.

Все же на наш взгляд, более вероятным является происхождение -н -ового элемента в суффиксе -ман из лативного н. Ср. кушан? 'где, куда', тышан 'здесь, сюда', ончылан 'впереди', шенгелан 'позади' и т.д. Присоединившись к имени действия на -ма /-мӓ/, лативный суффикс -н утратил свою мягкость, как это наблюдается в дательном падеже: пӧртлан 'дому'. В образовании суффикса -ман, по всей вероятности, принял участие сложный лативный суффикс -а + н > ан. Слияние суффиксов -ма /-мӓ/ и -ан вызвало выпадение гласного -а, относящегося к суффиксу имени действия, и формальное совпадение с прилагательными, образованными от пассивных причастий при помощи суффикса -ан /ср.уш 'ум' - ушан 'умный', туртыктымо 'уменьшенный, собранный' ~ туртыктыман 'со сборками'/, которых,

---

I Пенгитов Н.Т. Причастия в марийском языке, М.-Л. 1951, рукопись, стр.160-162.

к стати сказать, в марийском языке очень мало.

Таким образом, инфинитив на -ман возник на марийской почве сравнительно недавно, точнее - после отделения лугового наречия от горного.

Инфинитив на -мыла встречается в горном, северо-западном наречиях и в некоторых говорах лугового наречия /волжский/. По значению он полностью совпадает с инфинитивом на -ман. Например, горн.пӓшӓшкӹ кемӓлӓ 'нужно идти на работу', киндым веремӓштӹ поген нӓлмӓлӓ 'хлеб надо убрать вовремя'. В восточном наречии и в большинстве говоров лугового наречия инфинитива на -мыла нет, а имеются лишь наречия с подобным суффиксом, например, чодраште ӱнгӧ кычкыралмыла шоктыш 'в лесу послышалось, будто крикнул филин'. В Звениговском районе МАССР имеются как наречия, так и инфинитив на -мыла. Например: Звенигово манмыла, кудышко каймыла 'по-звениговски говоря, нужно, идти домой' И.А.Андреев, суффикс -мыла в марийском языке считает чувашским заимствованием и сравнивает его с чувашским -малла /-мелле/, употребляемым для образования причастий долженствования типа[I]: например, тытанмалла ӧс 'дело, которое нужно начать' /от глагола тытан 'начать'/, килмелле хӑна 'гость, который должен приехать, прийти' /от глагола кил 'прийти, приехать'/.

Однако с этим нельзя согласиться, так как отглагольные наречия на -мыла встречаются во всех диалектах марийского языка и этимологически составные элементы суффикса -мыла восходят к финно-угорским источникам. Чувашским влиянием

I Андреев И.А. Причастие долженствования на -малла /-мелле/ в чувашском языке, Ученые записки Чувашского пединститута, вып.УI, /серия филологическая/, Чебоксары 1958, стр.162.

в какой-то мере можно объяснить лишь развитие значения долженствования.

Суффикс -мыла сложился из двух элементов: из суффикса пассивного причастия /имен действия/ на -ме /о, ӧ/ и наречного /лативного/ суффикса -ла. Формы на -мыла первоначально употреблялись только как деепричастия для обозначения второстепенного действия, впоследствии за такими формами закрепилось наречное значение, а в некоторых диалектах они стали употребляться в роли сказуемого безличного предложения и за ними закрепилось инфинитивное значение. Это произошло после разделения марийского языка на горное и луговое наречия.

ИСТОРИЯ ПРИЧАСТИЙ

В современном марийском языке имеется четыре вида причастий: I/ активные с суффиксом -ше /-шо, -шӧ, -шӹ/, 2/ пассивные с суффиксом: -ме /-мо, -мӧ, -мӹ/, 3/ отрицательные на -дыме /дымо, -дымӧ, -дымы, -дӹмӹ/ и 4/ причастия будущего времени с суффиксом -шаш.

Относительно современного состояния, синтаксических функций и значений этих причастий написана работа Н.Т.Пенгитова[I], в которой автор дает обстоятельный анализ современного состояния марийских причастий, но, к сожалению, не освещает их исторических судеб.

В современных марийских диалектах все указанные причастия представлены в основном одинаково.

I Пенгитов Н.Т. Причастия в марийском языке, М.-Л. 1951, /рукопись/

Луговое наречие

Глагол кондаш 'принести': I/ кондышо 'приносящий', 2/ кондымо 'принесенный', 3/ кондыдымо 'не принесенный', 4/ кондышаш 'то, что будет принесено'. В восточном наречии все формы причастий одинаковы с луговыми.

Горное наречие

Глагол кандаш 'принести': I/ кандышы 'приносящий', 2/ кондымы 'принесенный', 3/ кандыдымы 'не принесенный', 4/ кандышаш 'то, что будет принесено'.

В северо-западном наречии все формы причастий совпадают с горными.

Причастия некогда были отглагольными именами. Даже в настоящее время мы не можем отрицать их характер имен действия или действователя.

Так как действия в целом характеризуются как активные и пассивные, то и причастия противопоставляются как активные и пассивные. Что же касается причастий отрицательных, то и они возникли как отражение объективной реальности, как антиподы утвердительным формам. Причастия же будущего времени - плод позднего развития языка. Нужно заметить, что причастия в древности почти не имели временной дифференциации, что подтверждается даже их современным состоянием.

Активные причастия марийского языка по своему значению соответствуют, с одной стороны, русским действительным причастиям настоящего и прошедшего времени: малыше 'спящий, спавший', толшо 'приходящий, пришедший', с другой - русским отглагольным именам существительным и прилагательным: шылше

'беглец, беглый', тунемше 'ученик, грамотный', так что слово колышо может соответствовать русским 'умирающий, умерший и мертвец, мертвый'.

В финно-угорском языкознании давно утвердилось мнение, что финно-угорский язык-основа знал имена действия с *s'-овым суффиксом[I]. Этот суффикс в дальнейшем послужил исходным материалом для образования морфологических показателей различных грамматических категорий: причастий, деепричастий, различных форм времени и т.д.

Рассматриваемый причастный суффикс марийского языка находит прямые соответствия в ряде финно-угорских языков, например, морд.эрзя: кундазь 'ловящий', коми, удм.ужась 'работающий'. Правда, в прибалтийско-финских и угорских языках нет причастий с s' -овым суффиксом, но там имеется *s' -овый показатель прошедшего времени, ср.вст.kandsin 'я нес'. Таким образом, нет сомнения в финно-угорском происхождении причастного суффикса -ше /o, ӧ/.

В древнемарийском языке этот суффикс имел форму: *-še и употреблялся в основном для образования имен действователя. Впоследствии в результате расширения синтаксических функций это имя превратилось в причастие. Развитие причастных форм на -ше исторически происходило следующим образом: *toles'e > toleše > toləšə > tolšə > tolšo 'приходящий, пришедший'.

Пассивные причастия марийского языка, как и активные, могут быть образованы от любого глагола. Если пассивные причастия образованы от переходных глаголов, то они по значению со-

---

I Рятсеп Х. Инфинитивные формы глагола в финно-угорских языках, автореферат канд.диссерт.Тарту, 1954, стр.25.

ответствуют страдательным причастиям русского языка /книга лудмо - книга прочитана/. Если же пассивные причастия образованы от непереходных глаголов, то на русский язык они переводятся либо отглагольными прилагательными /илыме пӧрт - жилой дом/, либо отглагольными именами существительными /каныме кече - день отдыха/[I].

Во временном плане пассивные причастия могут обозначать как прошедшее, так и настоящее время. Например: лудмо книгатым ончыкто 'покажи книгу, которую читаешь /букв.читаемую книгу твою/' и покажи книгу, которую ты читал /прочитал/'.

По происхождению пассивные причастия марийского языка весьма древние, они восходят к именам действия финно-угорского, возможно даже уральского времени. Соответствия марийским пассивным причастиям имеются во всех финно-угорских языках вплоть до венгерского, ср.мар.мурымо 'пение' от мураш 'петь', морд. морамо 'пение' от морамс 'петь', фин.juoma 'питье' от juoda 'пить', эст.jooma 'пить', удм.пӧзем 'вареный' от пӧзьыны 'вариться, кипеть', урдым 'плетень' от урдыны 'поставить стоймя' /жерди, доски/, коми-зыр.мурзӧм 'кряхтенье, стон' от мурзыны 'кряхтеть, стонать', куталӧм 'ловля' от кутавны 'ловить', манси аюм 'питье' от аюнгкве 'пить', таюм 'еда' от тэнгкве 'кушать', венгерск.álom 'сон' от alni 'спать', öröm 'радость' от örni 'радоваться'[2].

Таким образом, в финно-угорском происхождении причастного суффикса -ме не приходится сомневаться. Варианты гласного

I Пенгитов Н.Т. Причастия в марийском языке, автореферат, М. 1951, стр.8.

2 Lehtisalo T. Über die primären ururalischen Ableitungsuffixe, Helsinki, 1936, стр.105.

после согласного -м в современном марийском языке зависят от гармонии гласных. Первоначально этот суффикс имел гласный -*а /-ӓ/. Особенно показательны в этом отношении данные прибалтийско-финских языков /см.выше/. В том, что рассматриваемый суффикс в древнемарийском языке имел форму -ма /-мӓ/, легко убедиться даже из данных современных марийских диалектов. Поныне встречаются формы пассивного причастия на -ма /-мӓ/, ср. /Пӧтыр/ адрес возыма гычак возышын кидшым пален налнеже /М.Шкетан, Эренер, 5/ 'Петр хочет узнать руку автора из того, как написан адрес /букв.из написания адреса/'.

Правда Э.Беке[I] этот вариант суффикса считает по происхождению другим, но вряд ли с ним можно согласиться, так как нет никаких различий в употреблении формы на -ма и -ме /о,ӧ/.

Отрицательные причастия на -дыме /о, ӧ/ указывают на отсутствие действенного признака. Например: кондыдымо 'непринесенный, не принесший', колтыдымо 'не отправленный, не отправивший' и т.д. По значению эти причастия сходны с отрицательными прилагательными с подобным же суффиксом: киддыме 'безрукий', йолдымо 'безногий', последние лишь указывают на отсутствие чего-либо.

Происхождение этих причастий освещено давно и не вызывает никаких сомнений. Суффикс -дыме имеет прямые соответствия в ряде родственных языков, как в системе причастий, так и прилагательных, ср.мар.уждымо 'невиданный', колдымо'неслыханный'. В мордовском языке этот суффикс широко распространен в именах

I Beke Ö. Cseremisz nyelvtan, Budapest, 1911, стр.140.

прилагательных, а в сфере существительных образует даже изъятельный падеж[I], ср.вармавтомо чи 'безветренный день' от вармa 'ветер', чи 'день', кудовтомо 'без дома', бездомный' от кудо 'дом'. В финском языке он образует только имена прилагательные с отрицательным значением silmätön /основа слова: silmättömä- / 'безглазый' от silmä 'глаз', jumalaton 'безбожный' от jumala 'бог'. В пермских языках, как и в марийском, имеются и причастия и прилагательные с соответствующим суффиксом, например, коми: лыддытӧм книга 'непрочитанная книга', велӧдчытӧм морт 'неучившийся /неученый/ человек', тӧлысьтӧм вой 'безлунная ночь'; удм.гажантэм 'неуважаемый' от гажаны 'уважать', туштэм 'безбородый' от туш 'борода' и т.д.

В угорских языках имеются и причастия и прилагательные, но суффикс в них имеет несколько другой вариант: -тал /-тел/ и, очевидно, другую историю. В них лишь первый -т -овый компонент является общим с марийским. Ср.манси: самтал 'слепой' от сам 'глаз', вартал 'неделанное', венг.kezetlen 'безрукий' от kez 'рука', kéretlen 'непрошенный' от kérni 'просить'. Суффикс -tal, -tel в угорских языках считается древним угорским суффиксом, который в венгерском языке осложнился локативным суффиксом -n[2].

По мнению Л.Хакулинена, суффикс -ttoma /-ttömä/ финского языка находит соответствия вплоть до самодийских языков. М -овый элемент, по его мнению, является именным уменьшительным суффиксом[3]. Д.Бубрих м -овый компонент суффикса называет

I Шестакова А.С. Образование существительных и прилагательных от именных основ в мордовских языках, автореферат, М. 1952, стр.13.

2 Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.П, М. 1959, стр.70.

3 Хакулинен Л. РСФЯ, ч.I, стр.158.

выделительным[1]. Э.Беке в марийском языке этот же элемент называет суффиксом отглагольного имени[2].

Исходя из данных родственных языков, с уверенностью можно говорить, что суффикс -дыме является исторически сложным и возник не раньше финско-пермско-волжской общности. Составные же элементы этого суффикса относятся к более древнему периоду. Сравнить отрицательные причастия по происхождению с пассивными причастиями на -ме как-будто бы нельзя, так как абессивный суффикс -т когда-то был падежным суффиксом, и находится перед словообразовательным -м. Но если учесть, что сам абессивный суффикс происходит от отрицательных /каритивных/ имен прилагательных[3], то такое местоположение вполне возможно.

Таким образом, суффикс -дыме /о, ӧ/ сложился из двух суффиксов: каритивного прилагательного на -*та /-тä/ и имени действия на -*ma /-mä/.

Причастия будущего времени указывают на признак предмета по тому действию, которое он будет производить или подвергаться ему со стороны другого предмета в будущем: толшаш уна 'гость, который должен прибыть', ыштышаш паша 'работа, которая должна быть выполнена'[4]. Подобных причастий нет в других родственных языках, некоторое сходство в значении

---

1 Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.30.

2 Beke Ö. Cs. Ny. § 129.

3 Лыткин В.И. Примечания к Исторической морфологии финского языка Бубриха, стр.176.

4 Пенгитов Н.Т. Причастия в марийском языке, автореферат, М. 1951, стр.13.

имеют лишь причастия на -ен в коми языке и причастия на -ndö в венгерском языке, но генетически они совершенно другие. Поэтому смело можно утверждать, что рассматриваемые причастия в марийском языке возникли самостоятельно на древнемарийской почве.

Суффикс -шаш по происхождению сложный. Он сложился из двух элементов -ш + аш, из которых первый является суффиксом активного причастия -ше из финно-угорского *-s'e, второй же элемент восходит к древнему суффиксу имен прилагательных с *-s'- овым элементом, который представлен в -аш /икияш 'одногодка, годовалый'/.

Соответствия обоим элементам имеются в ряде родственных языков. О первом элементе сказано выше. Второму элементу прямое соответствие имеется в финском языке, ср.vuotias 'годовалый', мар.икияш 'годовалый, одногодка', в эрзя-мордовском языке этот суффикс представлен в слове: комсь 'двухгривенный', ср.мар. кумыташ 'трехрублевый', удм.нырысь 'первый, начальный' от ныр 'нос, клюв', коми-зыр.вирӧсь 'кровавый' от вир 'кровь'. В финском языке Л.Хакулинен в суффиксе -as гласный -а считает несуффиксальным, возникшим путем переразложения основы[I].

Трудно, однако, судить относительно этого гласного. Мы можем лишь констатировать, что в древнемарийском языке этот гласный был суффиксальным, так как иначе нельзя объяснить его появление в суффиксе -шаш. Исходя из вышеизложенного историческое развитие суффикса -шаш можно представить так: *-še + aš > -šaš.

I Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I,М.-Л. 1953, стр.118.

Итак, причастие будущего времени сложилось из активного причастия на -ще и имени прилагательного на -аш со значением потенциальной возможности. А от значения потенциальной возможности до значения будущего времени всего лишь один шаг.

В горном наречии суффикс причастия будущего времени имеет форму: -шашлык. Такая же форма встречается в некоторых говорах лугового наречия /йошкар-олинский/ и в северо-западном наречии.

Элемент -лык в этом суффиксе является словообразовательным суффиксом имен существительных, образующий существительные, обозначающие предметы по их назначению: нерлык 'намордник' от нер 'нос, клюв', чыралык 'полено для лучины' от чыра 'лучина' и т.д. Суффикс -лык тюркского происхождения, ср. тат.батырлык, чув.паттăрлăк 'храбрость, смелость'[I].

На том основании, что причастие будущего времени может приобретать тюркский суффикс -лык, Федотов М.Р. склонен считать и суффикс -аш за чувашский по происхождению[3]: Однако он не учитывает того обстоятельства, что значения этих суффиксов довольно близки и поэтому возможно их объединение, тюркский суффикс лишь усиливает значение будущности.

История деепричастий

В современном марийском литературном языке различаются пять видов деепричастий: I/ деепричастия образа действия с

I Современный марийский язык, Морфология, Йошкар-Ола, 1961, стр.79.

2 Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары 1965, стр.41-42.

суффиксом -ын /-ен/, 2/ отрицательные деепричастия с суффиксом -де,3/ деепричастия предшествующего действия с суффиксом -меке, 4/ деепричастия последующего действия с суффиксом -мешке, 5/ деепричастия одновременного действия с суффиксом -шыла /диал.-мыла/.

По происхождению деепричастия обычно восходят к причастиям[I], т.е. они, как это установлено на основе широкого и глубокого сравнительно-исторического анализа инфинитных форм глагола в финно-угорских языках, первоначально представляли собой падежные формы имен действия[2], которые, как мы видели, приняли непосредственное участие в образовании причастий.

Деепричастия образа действия в современном марийском языке наиболее широко употребительны. Они образуются путем прибавления к основе глагола суффикса -ын /-ен/. Различие гласных в начале суффикса объясняется типом спряжения глаголов: для I-го спряжения -ы, для П-го спряжения -е во всех диалектах современного марийского языка. Например: луг.лудын 'читая' от лудаш 'читать', модын 'играя' от модаш 'играть', ончен 'смотря' от ончаш 'смотреть', шонен 'думая' от шонаш 'думать'; горн.лыдын 'читая' от лыдаш 'читать', мадын 'играя' от мадаш 'играть', анжен 'смотря' от анжаш 'смотреть', шанен 'думая' от шанаш 'думать'. /В восточном наречии нет различий от лугового наречия/.

Происхождение деепричастий на -н уже доказано и не вызывает никаких сомнений. Установлено, что суффикс марийского

I Исанбаев Н.И. Деепричастия в марийском языке, Йошкар-Ола 1961, стр.3.

2 Рятсеп Х. Указ.соч., стр.17.

деепричастия -н исторически восходит к древнему финно-угорскому суффиксу инфинитивных глагольных форм с элементом *-н, который после распада финно-угорской языковой общности в отдельных финно-угорских языках получил различное развитие и значение. Так, например, по мнению Х.Рятсепа[I] этот финно-угорский суффикс инфинитивных глагольных форм в современных прибалтийско-финских языках выступает в активных причастиях прошедшего времени: фин.-nut, -nyt: kirjoittanut 'написавший', lähtenyt 'отправившийся' от kirjoittaa 'писать', lähteä 'отправиться', в пермских языках этот суффикс сохранился в признаке инфинитива -ны: коми мунны 'идти', удм.мыныны 'идти', в мордовских языках выступает он как суффикс причастия прошедшего времени -н: кандонь 'принесенный' от кандомс 'нести', в мансийском языке он является признаком причастия н настоящего времени -н /-нэ, -ын, -ан/: миннэ 'идущий' от минункве 'идти', мурмын 'ныряющий' от мурмынункве 'нырять', в венгерском языке этот суффикс выступает в составе признака инфинитива -n: menni 'идти', olvasni 'читать'. Таким образом, соответствия марийскому деепричастному суффиксу -ын /-ен/ имеются во всех родственных языках, вплоть до венгерского. Лехтисало этот суффикс считает уральским суффиксом отглагольных имен[2], этого же мнения придерживается и Рятсеп для финно-угорского времени, но он считает, что в марийском языке древние отглагольные образования с признаком -n с самого начала

I Рятсеп Х. Указ.соч., стр.II-I2.

2 Lehtisalo T. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe, Helsinki, 1936, стр.123-129.

сложились в деепричастия[1].

Исанбаев Н.И. на основе тщательного анализа -н -овых деепричастий в марийском языке пришел к выводу, что -н -овые деепричастия развились не прямо из отглагольных имен финно-угорского времени, а через причастия на -н[2].

Действительно, в диалектах современного марийского языка встречаются н -овые отглагольные формы, которые внешне полностью совпадают с современными деепричастиями на -н, но выполняют совершенно иную функцию - функцию определения при имени существительном. Например: шужен мӱшкыр 'голодный желудок' ср.шужаш 'проголодаться'. Это словосочетание встречается в некоторых говорах лугового наречия, в калтасинском и мишкинском говорах восточного наречия. Шужен ий 'голодный год', шужен пире 'голодный волк' встречаются в восточном наречии. Йогын вӱд 'проточная вода', ср.йогаш 'течь' - встречается во всех наречиях марийского языка; пидын йолын 'с обутыми ногами, в лаптях' - встречается в луговом и восточном наречиях марийского языка. Шочын ава 'мать-богородица', первоначально, по-видимому, просто 'родная мать' - встречается в луговом и восточном наречиях: пӧрдын мардеж 'вихрь', ср.пӧрдаш 'кружиться, крутиться' - встречаетсяв луговом наречии марийского языка[3].

В подобных словосочетаниях суффикс -н выражает не деепричастное, а причастное, атрибутивное значение, и оно как пра-

---

[1] Рятсеп Х. Указ.соч., стр.18-19.

[2] Исанбаев Н.И. О некоторых следах древнего значения деепричастия на -н в марийском языке, NyK, LX, Budapest, 1958, стр.59-64.

[3] Примеры взяты у Исанбаева, стр.61-62.

вильно полагает Н.Исанбаев, является древним. Древнее отглагольное имя в марийском языке первоначально развилось в причастие, и затем это причастие дало деепричастие. Причастное значение деепричастия на -н часто проявляется даже в сочетании его с приименным вспомогательным глаголом лияш 'быть, становиться'. Например, пален лий 'знай' букв. 'будь знающим'.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что н -овые деепричастия возникли из н -овых причастий. Из этих же н -овых причастий в марийском языке развились формы прошедшего П-го времени, например: толынам <толын улам 'я пришел' из 'я есть пришедший' ср.диал.луг.толын улам 'я пришел' толын улыда 'вы пришли' и т.д. /см.выше/.

Исходя из вышесказанного, а также соответствий из родственных языков, можно полагать, что уже в домарийское, по крайней мере прибалтийско-финско-волжское время -н -овое причастие имело значение прошедшего времени.

Отрицательные деепричастия образуются посредством прибавления к основе повелительного наклонения суффикса -де. Например, луговое наречие: лудде 'не читая' ср.луд 'читай', толде 'не приходя' ср.тол 'приди', кайде 'не уходя' ср.кай 'уходи' и т.д.; горное наречие: лыдде 'не читая' ср.лыд 'читай'; толде 'не приходя' ср.тол 'приходи'; кеде 'не уходя' ср.ке 'уходи' и т.д.

В восточном наречии и в некоторых говорах лугового наречия марийского языка деепричастный суффикс имеет две формы: простую -де и сложную: -дегече с диалектными вариантами: -дегызе, -дегыч, -дегыц, например, восточное наречие: шинчыде 'не зная' от шинчаш 'знать', лектегече 'не выходя' от лекташ

'выходить' /Х.Паасонен, Черемисские тексты, SUST, 78, стр.5/. Луговое наречие: луддегыц 'не читая' от лудаш 'читать', толдегыц 'не приходя' от толаш 'придите' /Йошкар-олинский говор/; толдегызе 'не приходя' от толаш 'прийти', шонылегызе 'не думая' от шонаш 'думать' /Ронга, МАССР/. Северо-западное наречие: луттегыцы 'не читая' от лудаш 'читать', уждегыцы 'не видя' от ужаш 'видеть'.

Происхождение этого суффикса одинаково с происхождением наречного суффикса -де /йолде 'без ног' от йол 'нога', кидде 'без рук' от кид 'рука, озаде 'без хозяина' от оза 'хозяин'/- это финно-угорский суффикс каритивного /отрицательного/ прилагательного, давшего в отдельных финно-угорских языках лишительный падеж /абессив/. Соответствия этому суффиксу с лишительным значением имеются во многих родственных языках /см.стр.272 /.

Однако Исанбаев Н.И. считает, что деепричастия на -де первоначально были падежной формой /абессивной/ отглагольного имени[I]. Для обоснования своего положения он приводит такие примеры, где деепричастие на -де сочетается наречным послелогом посна 'отдельно, кроме, без'. Например: служанка деч йоддэ посна тидэ кайык шӱмым кочкыт /с.Мари-Билямор, МАССР, запись Ефремова, фонд МарНИИ/ 'не спросив у служанки, они кушают сердце этой птицы', луддэ посна мылет /д.Кужмар, Ронгинского района/ 'не читавши, как поймешь?'.

На первый взгляд это объяснение кажется вполне правомочным. Но если учесть все формы с суффиксом -де, то невольно

[I] Исанбаев Н.И. Деепричастия в марийском языке, Йошкар-Ола 1961, стр.49-50.

возникает вопрос, каким же образом падежный суффикс мог присоединиться прямо к глагольной основе. И если принять во внимание то, что абессив сам берет начало из каритивных или абессивных прилагательных[I], то более вероятным было бы считать деепричастия на -де возникшими из отрицательных причастий.

Причастный характер происхождения деепричастия на -де очень хорошо аргументируется формой П-го прошедшего времени изъявительного наклонения в горном наречии марийского языка: толделам из толде ылам 'я есть не пришедший' и лишь затем - 'я не пришел' /см.выше/. Эта форма горного наречия /в древности, возможно, и всего марийского языка/ возникла как противоположность утвердительной форме толынам из толын ылам 'я есть пришедший', 'я пришел', где также участвовало причастие /см.выше/.

Что же касается истории диалектных форм деепричастного суффикса: -дегызе, -дегече, -дегыц, -дегыч, то здесь нужно согласиться с Исанбаевым[2]: они возникли путем слияния деепричастия на -де с послелогом -гыч /-гыц/. Беке Э.[3] и Гордеев Ф.И.[4] формант -гыч /-гыц/ -гече /-гызе/ считают общим по происхождению с условно-сослагательным суффиксом горного и восточного наречий марийского языка -гецй, -гече. С этой точкой зрения мы также не можем согласиться: здесь только формальное

I Хакулинен Л. РСФЯ, ч.I, стр.90, Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка, М.-Л. 1955, стр.29-30.

2 Исанбаев Н.И. Указ.соч., стр.50.

3 Beke Ö. Cseremisz nyelvtam, Budapest, 1911, стр.377.

4 Гордеев Ф.И. Указ.соч., стр.226, 228.

совпадение. /См.наклонения/.

Деепричастия предшествующего действия образуются посредством присоединения суффикса -меке к основе повелительного наклонения. Они выражают второстепенное действие, происходящее раньше действия основного глагола. Например: лудмеке 'читавши, после чтения' от луд 'читай', шичмеке 'после того, как сел' от шич 'садись' ; толмеке 'после прихода' от тол 'приди' и т.д. Суффикс -меке может выступать и без конечного гласного: лудмек 'читавши, после чтения', толмек 'после прихода', каймек 'после ухода' и т.д.

Деепричастия предшествующего действия встречаются во всех диалектах марийского языка, за исключением шаранского говора восточного наречия. В диалектах суффикс деепричастия имеет различные варианты. В горном наречии этот суффикс имеет форму -мыкы /-мыкӹ/: вацмыкы 'после того, как лег' от вац 'ложись', кемыкӹ 'после ухода' от ке 'уходи'.

В диалектах лугового и восточного наречий встречаются варианты: -мӧнгӧ, -менге, например, сернурский говор лугового наречия: лекменге 'после выхода' ср.лек 'выходи', толменге 'после прихода' от тол 'приди', калтасинский говор восточного наречия: толмӧнгӧ 'после прихода' от тол 'приди', малмыжский говор восточного наречия: котмӧнгӧ 'после того, как остался' от кот 'остаться'. В северо-западном наречии этот суффикс имеет вариант: -мӱнгӧ; каштымӱнгӧ 'после высушки', от кашты 'суши' /Шаранга Горьковской области/. Вариант -мӱнгӹ употреблялся и в горном наречии, так, например, его отмечают М.Кастрен[I], Видеман[2].

I Castrén M. Elementa grammatices tscheremissae, Kuopio, 1845, §43.

2 Wiedemann F. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval, 1847, § 143.

Беке Э. и Исанбаев Н.И. считают, что суффикс -меке /горн. мыкы/ сложился из суффиксов отглагольного имени -ме /-мы/ и направительного падежа -ке /-кы/[I]. Варианты же -мӧнгӧ, -менге, -мӱнгы Исанбаев Н.И. считает возникшими позднее из послелога мӧнгӧ 'после' в результате грамматической абстракции последнего[2].

В родственных языках нет прямых соответствий суффиксу -меке /-мыкы/. Правда, есть -м -овые имена действия и -к -овый латив, несмотря на это, с уверенностью можно сказать, что суффикс -меке /-мыкы/ возник на древнемарийской почве.

На первый взгляд очень убедительным кажется мнение Беке и Исанбаева относительно возникновения рассматриваемого суффикса, ибо действительно подобные элементы существуют не только в марийском языке, но и в родственных языках. Но возникает вопрос, как могло развиться из направительного значения -к -ового латива временное значение 'после', так как нет случаев, когда направительное значение дало бы значение 'после'.

Исходя из этих соображений, точку зрения Беке и Исанбаева признать за решение вопроса, на наш взгляд, нельзя. Нужно искать истину в чем-то другом.

В мордовских языках имеются наречия места: эрзя мекев 'назад, обратно', мокша меки 'назад, обратно', которые полностью совпадают по значению и происхождению с марийским мӧнгӧ 'обратно, назад, домой' и послелогом мӧнгӧ 'после', возникшим из того же наречия. Подобное наречие имеется поч-

---

I Beke Ö. Cs Ny, стр.146, Исанбаев Н. Деепричастия в марийском языке, Йошкар-Ола 1961, стр.60.

2 Исанбаев Н. Указ.соч., стр.60.

ти во всех финно-угорских языках вплоть до венгерского. Например, фин. myöhään 'поздно, после', саамск. man,n,e, 'поздний, задний', коми-зыр. мысть 'через, по истечении какого-либо времени', манси мӓнт 'в течение времени', венг. mögé 'назад'[I]. Причем, эти наречия употребляются как послелоги, а значение 'назад, обратно' очень легко могло дать значение 'после'. Поэтому есть все основания считать, что суффикс -меке /-мекы/ в марийском языке одного происхождения с наречием мӧнгӧ 'назад, обратно, после'. Первоначальной формой этого наречия в древнемарийском языке, как показывают данные мордовских языков, было *менге, что и сохранилось в некоторых диалектах.

Фонетически превращение менге в -меке вполне объяснимо эмфатическим выпадением -н. Диалектные варианты мӧнгӧ, мӱнгы возникли под огубляющим влиянием согласного м.

Таким образом, суффикс -меке возник из наречия менге 'назад, обратно, после' путем сращения его с именем действия на -ме и полной грамматической абстракции. Но эта абстракция не везде достигла своего завершения. Развитие происходило, очевидно, так: *толмо менге > толменге > толмеке 'после прихода', ср. диал. йошкар-олин. налме мӱнгӧ 'после взятия', малмыжск.: шичме мӧнгӧ 'после того, как сел', красноуфимск. пурмо мӧнгӧ 'после захода' и т.д. Причастный суффикс -ме /о, ӧ/ выпал из-за стечения одинаковых слогов эмфатически, ср. ачам вм. ачамым 'моего отца', но ачатым 'твоего отца'.

Деепричастия последующего действия в современном марийском

I Suomen kielen etymologinen sanakirja, Helsinki, 1958, стр. 357.

языке образуются путем присоединения суффикса -мешке к основе повелительного наклонения. Например: лудмешке 'до чтения' от луд 'читай', кочмешке 'до еды' от коч 'кушай', лекмешке 'до выхода' от лек 'выйди' и т.д.

Рассматриваемые деепричастия встречаются во всех современных диалектах марийского языка. При этом нет разницы в употреблении и значении этих деепричастий, наблюдается лишь редукция конечного гласного суффикса. Например: луговое наречие: мемнан миймешке, чайым шолто /д.Б.Вележи, Звениговского района МАССР/ 'до нашего прихода, вскипяти чаю', вост.наречие киндем Москош шумеш ситен /д.Кинерь,Малмыжского района Кировской области/ 'хлеба хватило до Москвы', горное наречие: пӹщкемӹшӓлтмеш, Ваня токыжы толын шо 'до наступления темноты Ваня пришел домой'.

Деепричастия на -мешке выражают два основных значения: I/ выражение второстепенного действия, происходящего после действия основного глагола, например: пашаш каймешке, книгам лудам 'до ухода на работу почитаю книгу', 2/ выражение второстепенного действия, предпочитаемого действию, выраженному основным глаголом. Например: шонгемын колымешке, революций верч вием пуэм!- манеш Оляна /Д.Орай, Онар калык, 103/ 'чем умереть от старости, отдам свои силы за революцию!- говорит Оляна!

Суффикс -мешке может иметь и краткую форму на -меш: лудмеш вм.лудмешке 'до чтения', толмеш вм.толмешке 'до прихода'. Например: маскат тудым пеле колмеш кырен кышка /д.Шиньша, МАССР, запись Грузова/ 'медведь его бьет до полусмерти', нуно пӱжалт пытымеш тыршат /Н.Лекайн, Кугезе мланде, 96/ 'они ста-

раются до пота'.

Происхождение и современное состояние деепричастий на -мешке в основном правильно описано Исанбаевым[I]. Он считает, что рассматриваемый деепричастный суффикс сложный. В нем слились два суффикса: суффикс имен действия /ныне пассивных причастий/ -ме и суффикс направительного падежа -ше.

Таким образом, деепричастия на -мешке первоначально были формой направительного падежа имен действия на -ме.

Направительное значение этих деепричастий весьма отчетливо проявляется и по сей день. Например: Москош шумешке 'до Москвы' пеле колымешке 'до полусмерти', волгалтмешке 'до зари, до рассвета' и т.д.

Второе значение - значение предпочтения второстепенного действия основному развилось из первого значения 'до'.

Э.Беке полную и краткую формы суффикса -мешке называет разными суффиксами[2]. Но он не учитывает того, что в марийском языке эмфатическое отпадение конечного слога является обычным. Например, другой деепричастный суффикс -н также отпадает: парем шумешке вм.паремын шумешке 'до излечения', кычкырал колташ вм.кычкыралын колташ 'крикнуть' и т.д.

Суффикс -мешке /горн.-мешкы/ не находит соответствий в родственных языках - это явление чисто марийское, хотя составные элементы его -м + е + ш + ке являются финно-угорскими /см.так же направ.падеж/.

Гласный а /ä/ суффикса -ма /ä/ > ме /о, ӧ/, очевидно, под действием лативного -е из-за несвойственности зияния гласных,

---

I Исанбаев Н. Указ.соч., стр.62, 66. Некоторые примеры взяты у Исанбаева.

2 Beke Ö. Cs. Ny, § 151-152.

редуцировавшись, выпал. Развитие происходило: *tolemeške > tolə̑meške >tolmeške (ə̑)'до прихода'.

Деепричастия одновременного действия образуются присоединением суффикса -шыла к основе повелительного наклонения и выражают в основном второстепенное действие, совершающееся одновременно с действием основного глагола. Например: толшыла 'идучи, в то время, когда шел' ср.тол 'приди', куржшыла 'во время бега, в то время, как бежал' ср.курж 'беги' и т.д. Эти деепричастия встречаются не во всех диалектах марийского языка. Их нет в калтасинском и шаранском говорах восточного наречия. В северо-западном наречии вместо деепричастия на -шыла употребляется деепричастие на -мыла, например: толмыла карáным военкоматыш /запись автора, Тоншаево Горьковской области/ 'возвращаясь /букв.когда шел/ я завернул в военкомат'.

В Шурминском районе Кировской области вместо формы -шыла употребляется -ышла, например: шогышла пӧрт пурам чонá /д.Тюм-Тюм/ 'стоя рубит сруб'.

Во всех других диалектах форма суффикса одинакова с приведенной выше литературной нормой. Ср.луговое наречие: ожно Шернур поп, ял воктен коштшыла, марийын тошкемыште презым ужын /д.Кугунур/ 'в старину сернурский поп, гуляя за деревней, увидел на задворках мужика теленка'. Горное наречие: школ гӹщ вӓкш докы кэшылажы, Сакар Якуш Вӧдырын окняшты тылым ужын /М.Шкетан/ 'идя из школы к мельнице, Сакар в окне Якуша Вэдыра увидел огонь.

Относительно происхождения рассматриваемых деепричастий Н.Исанбаев высказал мнение, что они восходят к древним отгла-

гольным именам, имевшим в качестве своего грамматического показателя суффикс -ш, который в финно-угорское время имел форму -*s'. К этим отглагольным именам, по мнению Исанбаева, присоединился древний суффикс направительного падежа -ла[1].

Мы уже видели раньше, что в древности действительно существовали отглагольные имена на -*s', которые дали в современном марийском языке активные причастия на -ше, I-е прошедшее время у глаголов П-го спряжения, участвовали в образовании причастий будущего времени на -шаш /см.стр.274/. Известно также, что древнемарийский язык знал -л -овый направительный падеж /см.выше/. С этой точки зрения мнение Исанбаева вполне справедливо.

Мы не можем согласиться с Исанбаевым лишь в том, что наречный суффикс -ла по происхождению является особым суффиксом сравнительного падежа[2]. Сравнительное значение, как было видно, вполне может развиться из общенаправительного значения /см. выше/. Таким образом, деепричастия на -шыла представляют собой результат слияния причастного суффикса -ше с былым падежным суффиксом -ла. Диалектный вариант суффикса -ышла полностью зависит от фонетических условий: в одних диалектах полностью редуцировался гласный основы глагола, в других - конечный гласный причастного суффикса, что мы видим и в форме -ышла: шогышыла > шогышла 'стоя', толышыла > толышла 'во время прихода' и т.д.

Диалектная форма на -мыла употребляется в некоторых говорах /северо-западное наречие и переходные говоры от горного

[1] Исанбаев Н. Указ.соч, стр.71-72.

[2] Исанбаев Н. Указ.соч., стр.73.

к луговому наречию/ вместо деепричастий на -шыла. По происхождению они идут к одному источнику с диалектной формой инфинитива долженствования на -мыла /см.стр.267/. В образовании этих деепричастий участвовали пассивные причастия на -ме /древние имена действия/ и наречный суффикс -ла /древний суффикс направительного падежа/.

Диалектная форма на -шын встречается в восточном наречии и некоторых говорах лугового наречия марийского языка /Ронга/. В восточном наречии деепричастия на -шын употребляются для выражения такого второстепенного действия, которое предшествует непосредственно действию основного глагола. Например: изи рвезе пурышынак кычкырале /Ялкайн, Я. Онго, 17/ 'мальчик, войдя /как только вошел/, крикнул', кучерыш шичмеке, озалан ватыже капкам почшынак пелештыш: "Вашке пӧртыл!" /там же, 24/ 'когда хозяин сел на козлы, его жена, открыв ворота, сказала: "Вернись скорее!"'. Эти деепричастия образуются присоединением указанного суффикса к основе повелительного наклонения: пурышын 'войдя' от пуро 'зайди', почшын 'открыв' от поч 'открой' и т.д.

В говорах лугового наречия деепричастия на -шын сохранились лишь в отдельных словосочетаниях. Эти деепричастия очень сильно сохраняют свое причастное значение. Например: толшын толам 'идя иду /букв.идущим иду/', кайшын каем 'уходя ухожу /букв.уходящим ухожу/'.

Происхождение рассматриваемых деепричастий пока что не освещено никем. Однако их история довольно интересна. Деепричастия на -шын ведут свое начало от активных причастий на -ше. Об этом очень ярко свидетельствует их значение и упот-

ребление в говорах лугового наречия. В родственных языках подобного суффикса деепричастий нет, поэтому есть все основания считать суффикс -шын сложившимся на марийской почве. По происхождению суффикс -шын сложный. Он сложился из причастного суффикса -ше и суффикса древнемарийского падежа инструктива *-ин /-in/, который сохранился в современном марийском языке как словообразующий суффикс наречий.

НАРЕЧИЕ

Наречия представляют собой довольно пеструю категорию, составленную из разных разрядов слов, одни из которых соотносительны с современными падежными формами имен, другие утратили всякую связь с именами и осмысливаются как непроизводные, а третьи представляют сочетания слов различных частей речи. Все они объединяются по функциональному признаку, т.е. по их роли конкретизатора глагольного действия.

Все наречия в марийском языке можно разделить на четыре группы: I/ наречия, морфологически не разложимые; 2/ наречия, соотносительные с падежными формами имени; 3/ наречия, образованные посредством особых суффиксов[I]; 4/ наречия, образованные из сочетаний слов.

Наречия, морфологически не разложимые

Эта группа наречий в современном марийском языке не особенно многочисленна. К ним можно отнести: луг.кызыт, вост.

[I] О наречиях, соотносительных с падежными формами имени и образованных посредством особых суффиксов см. словообразование.

кызыт, горн., северо-зап. кӹзӹт 'сейчас'; луг., вост., горн., северо-зап.вара 'потом'; луг.арам, вост.әрәм 'зря'; луг., вост.ожно, горн.ажны 'прежде'; луг.чот, горн., северо-зап.цат 'сильно'; луг.пыкше 'едва', горн.лӹп 'едва'; луг., вост.пырля 'вместе'; луг., вост.посна, горн., северо-зап.пасна 'врозь'; луг., вост.йыр, горн., северо-зап.йӹр 'кругом'; луг., вост. шып, горн., северо-зап.шӹп 'тихо'; луг.лыӈ, северо-зап.лиӈ 'много, достаточно' и т.д.

История происхождения этих наречий не всегда ясна. Для определения их образования необходим этимологический анализ. Наречие кызыт 'сейчас', по-видимому, связано с каким-то ныне уже исчезнувшим именем существительным, где элемент -т был суффиксальным, очевидно, одного происхождения с локативным -т, ср.таӈыт 'до'.

Наречие вара 'потом' восходит к чувашскому вара 'потом, после', которое считается арабским заимствованием[I].

Наречие арам 'зря' вошло в марийский язык из татарского языка, ср.тат.әрәм 'зря'. Этимология наречия ожно 'прежде не ясна. Возможно, оно представляет локатив на -н от какого-то исчезнувшего имени. Наречие пырля 'вместе' заимствовано из чувашского языка, ср.чув.пӗрле 'вместе'.

Происхождение наречий чот 'сильно', пыкше 'едва',неясно.

Наречия лӹп 'тихо', посна 'врозь', шып 'тихо' заимствованы из чувашского языка, ср.чув.лӑп 'тихо', пус,на 'врозь', шап 'тихо'.

Происхождение наречий лыӈ 'много', йыр 'кругом' неясно,

I Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары 1965, стр.76.

последнее возможно имеет общий источник с чувашским йер 'след'.

Наречия, образованные из сочетаний слов

Эта группа наречий довольно многочисленна. Возможны следующие сочетания:

I/ Сочетание имени существительного, прилагательного, числительного, местоимения, причастия и деепричастия с наречием на -а: чарайола 'босиком', пидын йола 'в лаптях', шке вуя 'самостоятельно', кокйола 'на дыбы' и т.д.;

2/ Сочетание имени существительного, прилагательного, числительного или местоимения с послелогом: утыждене 'слишком', тӱргоч 'чересчур', кастене 'вечером', угыч 'снова', пелыгыч 'пополам', йӱдвошт 'всю ночь', кечыгут 'целый день', икана 'однажды', вескана 'в другой раз', тыгодым 'в это время', тывеч 'с этой стороны', тувеч 'с той стороны' и т.д.;

3/ Сочетание имени существительного, обозначающего временное понятие, с послелогом и с тем же существительным в направительном падеже: ий гыч ийыш 'из года в год', тылзе гыч тылзыш 'из месяца в месяц', кече гыч кечыш 'изо дня в день' и т.д.;

4/ парные сочетания наречий: шуко-шагал 'ни много, ни мало', таче эрла 'не сегодня-завтра', уэш-пачаш 'вновь и вновь', тышке-тушко 'туда-сюда', мӧнгеш-оньыш 'взад и вперед', тыгат-тугат 'и так и сяк', тырын-тӱрын 'вкривь и вкось', кыдач-покшеч 'как попало, путанно', тореш-кутынь 'вдоль и поперек', пачаш-пачаш 'несколько раз подряд', кида-кида 'рука в руку' и т.д.

5/ Наречия, образованные из различных сочетаний: тений

'нынче' образовано из сочетания формы родительного падежа указательного местоимения те 'это' и существительного ий 'год'; ончыли 'позапрошлый год' из ончыл + ий букв. 'передний год'; ончыгече 'позавчера' из ончыл + кече 'букв.передний день'; таче 'сегодня' из та + кече 'этот день'; тенгече 'вчера' из тен + кече букв. 'этого дня'; тыманмешке 'вмиг' состоит из указательного местоимения ты 'этот' и деепричастия манмешке 'до того как сказать'; иквереш 'вместе' из ик 'один' и вереш - формы обстоятельственного падежа от существительного вер 'место'; вуяваш 'неожиданно встретиться', букв.'головой навстречу' и т.д.;

6/ Сочетание деепричастия на -н с наречием на -ын: шижын-шиждымын 'незаметно', вучен-вучыдымын 'нежданно-негаданно', койын-койдымын 'еле заметно' и т.д.;

7/ Сочетание деепричастия на -н с деепричастием на -де: чытен-чытыде 'с нетерпением', кочкын-кочде 'впроголодь' и т.д.;

7/ Сочетания деепричастий из составных глаголов: илен-толын 'со временем', утен-каен 'до упаду', шижде-кодде 'нечаянно' и т.д.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги в марийском языке обычно служат для выражения различных нюансов локальных значений. Современная система послелогов возникла относительно поздно, надо полагать, в тот период, когда количество древних локальных падежей заметно сократилось и контаминация их окончаний утратила свое прежнее значение. Нет сомнения в том, что послелоги возникли

из категории знаменательных слов. По происхождению они чаще всего являются падежными формами последних. Многие из этих слов в современном марийском языке уже не употребляются и об их значении можно судить лишь путем специальных этимологических разысканий.

В современном марийском языке послелоги делятся на две большие группы: I/ собственно послелоги и 2/ послеложные слова[I]. Различие между этими двумя группами состоит в том, что собственно послелоги, в отличие от послеложных слов, полностью утратили свои лексические значения, сменив их грамматическими, в то время как послеложные слова сохраняют свое лексическое значение и в положении независимого самостоятельного слова функционируют как члены предложения.

Собственно послелоги

Эта группа послелогов не особенно многочисленна. Они подразделяются на две разновидности: I/ послелоги, не имеющие падежных суффиксов и 2/ послелоги, имеющие архаические падежные суффиксы.

Послелоги, не имеющие падежных суффиксов

Таких послелогов нами обнаружено всего лишь два: луг.чоло 'около, приблизительно', кӧра 'из-за, ради'.

Происхождение послелога чоло 'около, приблизительно' неясно.

Послелог же кӧра 'из-за, ради', по всей видимости, заим-

[I] Современный марийский язык, Морфология, Йошкар-Ола, 1961, стр.288.

ствован из татарского языка, ср.тат.күрә, чув.кара, азерб.көрә, туркм.гёрә, тур.гёре, узб.кура, чаг.корә, каракалп.көре 'смотря по..."

Послелоги, имеющие архаические падежные суффиксы

Все эти послелоги когда-то представляли собой формы древних пространственных падежей имени. История их нами рассмотрена в связи с историей развития системы марийских падежей, поэтому мы здесь ограничимся лишь их перечислением.

Послелог дене 'с,около, у, по' представляет собой локативную форму на -*ne от имени *тер, дер, значение которого неясно. Ср. северо-зап.дӧнӧ, горн.доны, но тӧнӧ, тоны 'дома'. Возможно это слово этимологически связано со словом тӧр 'край', ср.ӱстел тӧрыш шинчаш 'сесть за стол'.

Послелог деке 'к', горн.докы 'к', северо-зап.тӧркӧ 'к' является формой древнего латива на -*ке от того же имени *тер, дер.

Послелог деч 'с , от', горн.дорц 'с, от', северо-зап.тӧрц 'с, от' восходит к аблативной форме на -*t от того же имени *тер, дер.

Послелог деран 'около, у, возле', северо-зап.тӧрӓн 'у, возле, около' представляет собой форму латива на -*n' от имени *дер.

Послелоги гыч 'с, из', горн., северо-зап.гӱщ 'с, из', гоч, горн.гач, северо-зап.гац 'через' возникли из аблативной формы каких-то неизвестных нам имен.

Послелог верч 'за, из-за, ради' является аблативной формой от имени вер 'место'. Первоначально этот послелог, очевидно, выражал значение 'от, с места'.

Послелоги марте 'до', диал.мартке 'до', йотке, горн., северо-зап.йакте 'до' возникли из лативной формы на -*ке. /О происхождении послелога марте 'до' см.местный падеж/.

Что же представляет исторически корневая часть послелога йотке 'до' не совсем ясно. Вполне возможно, что она имеет генетическую связь с прибалтийско-финской jo- /joka 'который'/, которая считается основой указательного местоимения[I]. Правда, исходя только из прибалтийско-финских данных весьма трудно определить ее первоначальное значение, однако, такая связь возможна, ибо указательное местоимение в лативной форме вполне может дать значение 'до'.

Послелог еда 'по' характерен только для лугового наречия марийского языка. По происхождению он представляет, по-видимому, локатив на -*та /-т/ от местоименного корня *je-, который, очевидно, имеет одно происхождение с корнем послелога йотке 'до'.

Послелоги вошт 'сквозь, насквозь, через', горн., северо-зап. вашт 'сквозь, через' и таныт 'до' также представляют собой локативную форму имени. В горном наречии послелог таныт 'до' имеет другую форму: дӓнгынь 'до', которая, по всей очевидности, представляет лативную форму на -*н'. Корень этого послелога, по-видимому, восходит к чувашскому тан 'равный, одинаковый', ср.древне-тюрк.тең, уйг.тәң, якут.таӈ и т.д. В современ-

I Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч.I, М. 1953, стр.69.

ном марийском языке выражение шӱй даныт 'до шеи' первоначально могло означать 'вровень с шеей'. Этимология корня послелога вошт 'насквозь' не ясна.

Послелог гай 'подобно, как', горн., северо-зап.гань 'подобно, как', йошкар-олин.ган'е 'подобно, как' несмоненно является формой инструктива на -*n /-in/. Этимология корня послелога не ясна.

Послелог гана 'раз', по-видимому, имеет один корень с послелогом гай 'подобно, как' и представляет собой форму древнего локатива на -*na.

Послелоги нерген 'о, об, обо', горн.гишӓн 'о, об, обо' также представляют форму *n -ового локатива. Не случайно поэтому в диалектах /Сернур/ можно встретить вместо нерген другую форму нергеште 'о, обо, об', которая является формой современного местного падежа. Происхождение горномарийского корня гишӓ- неясно. Что же касается корня послелога нерген 'о, об, обо', то можно с уверенностью сказать, что он представляет не что иное, как имя существительное нерге 'ряд, порядок, венец'.

Послелог наре 'около, до, с' является лативом на -*e от имени нар, которое первоначально выражало значение количества. Ср.мыняре < монаре 'сколько'. Само слово нар сравнивается с мордовским мар 'куча, груда, кипа', что вполне убедительно[I].

Послеложные слова

Послеложные слова в современном марийском языке составляют более многочисленную группу. По своим функциям они нахо-

[I] Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. 1964, стр.20.

дятся между послелогами и другими знаменательными частями речи, так как они могут в определенных условиях выполнять как служебную, так и неслужебную функции. По образованию они весьма различны. В современном марийском языке различают наречные, отыменные, отглагольные и сложно-составные послеложные слова[I].

Такая группировка послеложных слов исходит из способности той или другой части речи выполнять функцию послелога. Обычно в роли послелогов могут выступать формы пространственных падежей имени и наречия - застывшие формы древних пространственных падежей.

Наречные послеложные слова

К наречным послеложным словам в современном марийском языке относятся: луг., вост., горн., северо-зап.ваштареш 'напротив, против'; луг., вост. йыр, горн., северо-зап.йӹр 'вокруг, кругом'; луг., вост.почеш, горн.пачеш 'по, за'; луг., вост. олмеш, горн.вӓреш 'вместо, за'; луг., вост., горн.пелен 'рядом, около'; луг.вашеш 'к, против'. Все эти послеложные слова, кроме слова йыр 'кругом', являются формами обстоятельственного падежа какого-нибудь имени, ср.олмо 'место' - олмеш 'вместо', они возникли относительно недавно.

Что же касается послеложных слов воктене 'рядом, около,у', воктеке 'к', воктеч 'от', воктелан 'около', ӱмбалне, северо-зап.вӹлнӧ 'на, над', ӱмбаке, северо-зап.вӹлкӧ 'на', ӱмбач северо-зап.вӹлщ 'от, с', ӱмбалан, северо-зап.вӹлӓн 'над,на', йымалне 'под', йымаке 'под', йымач 'из-под', йымалан 'под',

I Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр.288.

шенгелне 'за', шенгеке 'за', шенгеч 'из-за', шенгелан 'за', ончылно 'перед', ончыко 'перед', ончыч 'спереди', ончылан 'перед', лишне 'вблизи', лишке 'к, до', лишыч 'от', лишан 'вблизи', покшелне 'посредине', покшеке 'посредине', покшеч 'с середины', покшелан 'посредине, среди', то история их образования нами рассмотрена в связи с историей падежей. Здесь представлены формы: локатива на - *nə, латива на - *kе, аблатива на - č < *ə, и латива на - *a + n', отвечающие на вопросы: где /быть/?, куда?, откуда? и где /оставить/?.

Послеложное слово семын 'как, подобно' представляет собой инструктивную форму от существительного сем 'мелодия'. Послелог годым 'во время' возник из формы винительного падежа имени существительного код /> год/ 'время', которое уже самостоятельно не употребляется.

Отыменные послеложные слова

В эту группу относятся обычно имена существительные в форме современных пространственных падежей, которые выступают в роли послелогов. Поэтому резкой границы между наречными и отыменными послеложными словами нет: одни представляют застывшие формы древних архаических падежей, другие являются формами живых падежей и в определенных условиях могут проявить свое знаменательное значение. К отыменным послеложным словам относятся: луг.коклаште 'в, между', горн.лошты 'в, между', северо-зап.лонкышто 'в, между', коклашке 'в, между', горн. лошкы 'в, между', северо-зап.лонкышко 'в, между', луг.кӧргыштӧ, кӧргеш, горн.кӧргӹштӹ, кӧргеш 'в, внутри'; кӧргышкӧ 'в, внутрь, во внутрь'; шотышто, шотышко, шотыш, шотеш 'в отноше-

нии, за'; тура, тураште, турашке, тураш 'около, до'; тӧрыштӧ, тӧрышкӧ, тӧреш 'за около, у'.

Отглагольные послеложные слова

К отглагольным послеложным словам относятся послелог шумеш 'до', образованный от деепричастия шумешке 'доходя', послелог лийын 'из-за, ради', образованный от деепричастия лийыт 'будучи, являясь' и послелог йӧре, йаре 'совместно', образованный от глагола йӧраш 'смешивать', заимствованного из чувашского языка[I].

Сложно-составные послеложные слова

Сложно-составные послеложные слова образованы из двух основ: I/ собственно послелога и наречия: деч ончыч 'до, перед', деч вара 'после', деч посна, гӹц пасна 'без', деч моло 'кроме, за исключением'; 2/ существительного и собственно послелога: кокла гыч 'из-за'.

В северо-западном наречии отмечен еще ряд послеложных слов и послелогов: пӱтнеш 'вместо, за', пӱтньӧ 'вместо, за', мѣцаш 'об, из-за', мацын 'словно, как, подобно', пелӓкш 'как, подобно', тӓпӹр 'раз', парше 'подряд', тӓтӹштӹ 'во время', пелтык 'из-за', шѣмлѣк 'о, об, обо'.

Послелог пӱтнеш 'вместо, за' представляет собой форму обстоятельственного падежа какого-то имени, которое в самостоятельном употреблении не сохранилось.

Послелог пӱтньӧ 'вместо, за' имеет форму локатива на - *ne

I Федотов М.Р. ИСЧЯ, стр.I57.

от того же имени[1].

Послелог мʰцаш 'об, из-за', по-видимому, является формой обстоятельственного падежа от существительного мʰц 'конец', ср.мучно 'на конце', мучко 'на конец'.

Послелог мацын 'словно, как, подобно', по мнению Тужарова образовался из местоимения ма 'что', притяжательного суффикса П-го лица единственного числа и суффикса инструктива: *ma + t + ən > macən[2].

Послелог пелӓкш 'как, подобно' представляет имя существительное с транслативным значением, образованное от существительного пел /пеле/ 'половина' с суффиксом -ӓкш /см.словообразование/.

Послелог парше 'подряд' несомненно восходит лативной форме на -*e от имени пач > парш 'хвост', здесь лишь наблюдается явление ротацизма[3].

Послелог пелтык 'из-за' возник, по всей очевидности; из лативной формы существительного пеле 'половина'. Причем суффикс -тык сложный, где элемент -т является ничем иным; как локатичным -*t.

Послелог тӓпӓр 'раз', ср.вост.тапкыр 'в одно время' восходит к чувашскому тапхӑр 'раз'[4].

Послелог тӓтӹштӹ 'во время', по мнению Тужарова, образовался путем контаминации местоимения тӹ 'этот' и наречия тӹштӹ

---

1 Тужаров Г. Яранский говор марийского языка /морфологическая характеристика/, Тарту 1966, рукопись, стр.314.

2 Там же, стр.333.

3 Там же, стр.339.

4 Там же, стр.342.

'здесь'[1].

Послелог шӹмлӹк, луг.шумлык 'о, обо, об' обязан своим происхождением чувашскому слову сумлăх 'почетный, уважаемый, почет, уважение, достойный внимания'[2].

СОЮЗЫ

Как и в других языках, по своей функции в предложении союзы в марийском языке делятся на две группы: сочинительные и подчинительные.

К сочинительным союзам относятся: а 'а', но 'но', да 'да', ден 'и', ала 'не то', але 'или', я 'или', то 'то'. К подчинительным союзам относятся: гын 'если', гынат 'хотя', кеч 'хотя', пуйто 'будто', потому что 'потому что', манын 'чтобы, что'.

История союзов в современном марийском языке почти не освещалась, только в диссертации В.Тимофеевой имеются некоторые замечания по истории некоторых сочинительных союзов[3]. Союзы в марийском языке, как и в других финно-угорских языках[4], возникли сравнительно недавно. По происхождению союзы очень тесно связаны с послелогами, наречиями, а некоторые из них заимствованы из других языков.

Сочинительные союзы

Союз а 'а' относится к группе противительных союзов и по

---

[1] Тужаров Г. Яранский говор марийского языка /морфологическая характеристика/, Тарту 1966, рукопись, стр.343.

[2] Там же, стр.344.

[3] Тимофеева В. Сложносочиненные предложения в марийском языке, рукопись, Йошкар-Ола 1959.

[4] Карелсон Р. Союзы в прибалтийско-финских языках, автореферат, Тарту, 1959, стр.4.

значению совершенно одинаков с подобным же союзом русского языка. Например: кайык пунжо дене мотор, а айдеме - ушыж дене /пословица/ 'птица хороша пером, а человек - умом. Он употребителен во всех наречиях марийского языка. В.Тимофеева этот союз отнесла к заимствованным из русского языка[I], что, конечно, ни у кого не вызывает сомнения. Таким образом, союз а 'а' появился в марийском языке только в период тесного соприкосновения мари с русскими.

Союз но 'но' имеет также противительное значение. Он заимствован из русского языка. Например: йӱр пеш чот йӱрӧ, но кас велеш чарныш /Н.Лекайн, Кугезе мланде, 96/ 'дождь шел очень сильно, но к вечеру перестал. Союз но 'но' употребляется во всех наречиях марийского языка.

Союз да 'да' может выражать как противительное, так и соединительное значение, одинаково с таким же союзом русского языка. Например: кушкеш ола ден ял, да илыш саемеш /В.Сапаев, Пиалан жап, 3/ 'растут города и деревни, да все краше становится жизнь', олмаже чевер, да кӱшнӧ /пословица/ 'красно яблоко, да высоко'. Союз да 'да' встречается также во всех наречиях марийского языка. По происхождению он является русским заимствованием.

Повторяющийся союз то... то 'то... то' относится к группе разделительных союзов. По значению он одинаков с подобным же союзом русского языка, Например: кугу ӱстел йыр тӱрлӧ чиеман ен-влак: то шонго, то рвезе, то ӱдрамаш, то пӧръеҥ - ала-могай кагазым шаркалат /Н.Лекайн, Шӧртньӧ падраш, 109/ 'вокруг

I Тимофеева В. Современный марийский язык, Йошкар-Ола 1961, стр.13

большого стола сидят люди в разной одежде: то старые, то молодые, то женщины, то мужчины - перелистывают какие-то бумаги. Рассматриваемый союз вошел в марийский язык из русского языка[I].

Союз але 'или' также относится к группе разделительных. Он употребляется в повторении и без повторения. По значению союз але 'или' сходен с русским союзом 'или'. Например: эрла вашмут лийшаш: але трактор, але отказ /С.Николаев, Волгыдо корно, I59/ 'завтра должен быть ответ: или трактор, или отказ', толат але уке? 'придешь или нет?'.

По происхождению союз але 'или' нужно признать также заимствованным из русского языка[2]. В русских диалектах на территории Марийской АССР, Кировской и Горьковской областей, где также имеются марийцы, вместо литературного 'или' в речи старшего поколения нередко можно встретить союз али 'или'. Например: придешь али нет? По свидетельству В.Даля в русских диалектах встречается и форма але[3]. В горном наречии марийского языка этот союз имеет форму яль ср.русское аль:Аль ты ослеп? В луговом наречии по закону гармонии после ударного а в конце слова обычно выступает е /ср.канде 'синий', таче 'сегодня' и т.д./.

Союз ала 'не то' также относится к группе разделительных. Он выражает сомнение, неуверенность, колебание говорящего, т.е. его значение полностью сходно со значением неопределен-

---

I Тимофеева В. Сложно-сочиненные предложения в марийском языке, автореферат канд.диссерт., Йошкар-Ола I959,стр.I7.

2 Там же, стр.I7.

3 Даль В. Толковый словарь русского языка, т.I, стр.I0-II.

ной частицы ала. Например: ала йӱр йӱреш, ала лум лумеш 'не то идет дождь, не то - снег /союз/', ала, ала, ончыкылым ойлаш йӧсӧ /С.Николаев, Акпарс/ 'может быть, наперед сказать трудно /частица/! Общность происхождения частицы ала и союза ала 'не то' вызывает сомнений.

Ни союз, ни частица ала в родственных языках соответствий не имеют, кроме удмуртского: оло-оло 'не то, нето'. Но в тюркских языках есть подобная частица и союз, ср.чув.елле, тат. әллә; башк.әллә-әллә 'не то -не то'. Все это говорит о том, что союз ала 'не то' вошел в марийский язык из тюркских языков и в первую очередь из татарского. Этот союз встречается только в луговом и восточном наречиях марийского языка, в горном и северо-западном наречиях его нет.

Союз я 'или' имеет разделительное значение, употребляется в повторении я-я 'или-или' и одиночно. Значение его сходно со значением русского 'или'. Встречается не во всех диалектах марийского языка /его нет в горном наречии/. Из родственных языков этот союз встречается в удмуртском и коми-пермяцком языках: я... я 'или... или'. Ср.я газетысь лыдзеч мон выль машина сярысь, я эше вераз мыным со сярысь 'или я в газете читал о новой машине, или товарищ сообщал мне о ней[1].

Правда, подобный союз имеется в прибалтийско-финских языках, но в них он совершенно другого значения, ср.фин. ja 'и', т.е. он является соединительным и считают его древнегерманским заимствованием[2]. В тюркских языках, вплоть до узбек-

---

[1] Удмуртско-русский словарь, М. 1948, стр.383.

[2] Карелсон Р. Союзы в прибалтийско-финских языках, автореферат, Тарту 1959, стр.28.

ского, встречается союз с подобным звучанием и значением. Например, чув. е - е 'или-или': предложени хыҫҫăн точка, е ыйту палли, е кăшкăру палли лартаҫҫĕ 'в конце предложения ставят или точку, или вопросительный знак, или восклицательный знак'[I]. Узб.ё-ё 'или-или'. Ё мен берай, ё сен кел 'или я пойду, или ты приди'[2].

Наиболее близкими являются татарский союз я 'или', ср. иртәгә я берсекенгә 'завтра или послезавтра'[3] и башкирский йә 'или' ср.богон йә иртәгә 'сегодня или завтра'[4].

Таким образом, смело можно утверждать, что рассматриваемый союз заимствован из тюркских языков и, прежде всего, из татарского и башкирского. В удмуртском языке он одного происхождения с марийским.

Союз ден 'и' в современном марийском языке употребляется только для соединения однородных членов предложения, выраженных именами существительными. Он встречается во всех современных марийских диалектах с различной огласовкой гласного: горн.дон, северо-западное дӧн.

По происхождению союз ден 'и' является послелогом дене 'с', который имеется во всех диалектах марийского языка: горн.доно, доны 'с', северо-западное: дӧн 'с', луговое: дене 'с', восточное: дене 'с'. Сам же послелог дене 'с' представляет собой древнюю локативную форму какого-то имени ср.

I Материалы по грамматике современного чувашского языка, стр.328.

2 Кононов А. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.-Л., I960, стр.329.

3 Русско-татарский словарь, т.2, Казань I956, стр.2I.

4 Русско-башкирский словарь, М. I954, стр.I83.

диал.терне 'дома', терке 'домой', деке 'к', деч 'от', тоны 'дома', токы 'домой', докы 'к' и т.д. Послеложное значение 'с кем, с чем' развилось в союзное соединительное значение 'и'. Книга ден тетрадь 'книга и тетрадь', первоначально должно было означать 'с книгой тетрадь'.

Союз тӓ... тӓ 'не то... не то' встречается только в горном наречии марийского языка и является синонимом к союзу ала... ала 'не то...не то'. Например: тӓ толеш, тӓ уке, келесен ам керд 'не то придет, не то нет, не могу сказать'.

В родственных языках этот союз соответствий не находит. Прямое соответствие ему мы находим в чувашском языке. Ср. ку чул ҫине ҫырни те чӑн, те суя, ӑна никам та пӗлмест 'написанное на этом камне - не то правда, не то ложь,- этого никто не знает'[I]. В других тюркских языках подобного союза тоже нет. Учитывая, что рассматриваемый союз встречается только в чувашском языке и горном наречии марийского языка, можно полагать, что он чувашский по происхождению.

Подчинительные союзы

Союз кеч 'хотя' имеет уступительное значение, сходное со значением русского союза 'хотя, хоть', например: кеч ойло, кеч уке, садыгак шке семынже мура 'хоть говори, хоть нет, все равно по-своему поет.

В современных марийских диалектах этот союз имеет следующие варианты: луговое наречие: кеч, коч, коть, горное наречие: хоть. Этот же союз в марийском языке чаще выступает

I Материалы по грамматике современного чувашского языка, стр.328.

как частица ср.кеч-мо 'хоть-что', кеч-кӧ 'хоть-кто'. Есть все основания считать рассматриваемый союз заимствованным из русского языка. В горном наречии он сохранил полностью заимствованный вариант, в луговом наречии по законам фонетики он подвергся изменению: мягкое -ть в большинстве говоров лугового наречия закономерно переходит в -ч. Ср.учичыл 'учитель', Качырий 'Катерина'.

Гласный е вместо о в некоторых говорах лугового наречия также закономерен. Ср.лит.кӧ 'кто', морк.ке 'кто'. Очевидно, сначала перед словами с переднерядными гласными о > ӧ, а затем е: *коть > коч > кӧч > кеч 'хоть'.

В луговом наречии марийского языка фонема х только устанавливается под влиянием русского языка, поэтому вместо х мы находим к, ср.русск.хрен, мар.луг.крен 'хрен'.

Союз потому что 'потому что' без доказательств нужно признать русским заимствованием. Он вошел в марийский язык совсем недавно, в связи с двуязычием марийского населения.

Союз пуйто 'будто' сравнительный, одинаковый по значению с русским сравнительным союзом 'будто'. Например: самырык летчик шыпак кавашке онча, пуйто тудо чонештылаш корным шонкала 'молодой летчик молча смотрит на небо, будто он обдумывает маршруты полетов'. В горном наречии этот союз имеет форму вуйта 'будто'.

Рассматриваемый союз также заимствован из русского языка[I]. Так как марийскому языку не свойственна фонема 'б', она устанавливается в нем только в последнее время, то начальный 'б'

I Современный марийский язык, синтаксис сложного предложения, Йошкар-Ола 1961, стр.62.

русского будто закономерно дало в луговом п, в горном - в ср.бочка, мар.луг.вочко, горн.вачкы; Борис, мар.луг.Порис и т.д.

В древнерусском языке /в некоторых говорах и в настоящее время/ в союзе будто согласный д был мягким, а мягкий д русского языка в марийском языке закономерно субституируется согласным й, ср.рус.дежурный, мар.йэжурный.

Союз манын 'чтобы, что' возник сравнительно недавно путем утраты деепричастием манын 'говоря' своего лексического значения и превращения его в служебную часть речи[I].

Союз гын 'если' наиболее древний в марийском языке. Значение его условное. Например: луг.кок мераным поктет гын, иктымат от кучо, горн.кок мореным поктет гӹнь, иктытшӹмӓт ат кычы /посл./ 'если погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь'. Гордеев Ф.И. считает, что этот союз возник из сращения неопределенно-личного местоимения ку- - и падежного суффикса -ини, близкого по своему значению к генитиву и инструктиву[2].

Действительно, в горном наречии этот союз имеет форму гӹнь. В конце прошлого столетия /1898/ финский ученый Рамстедт зафиксировал в горном наречии следующие варианты этого союза: кинь, киньӹ 'если': nu, jara məštet kin' 'ну, ладно, если умеешь', šolten ßuk šet kin'ə, ßara am nänge 'если ты накормишь меня, то я не заберу тебя'[3]. В малмыжском говоре

I Исанбаев Н.И. Особенности употребления манын и лийын в марийском языке, Труды МарНИИ, вып.ХУ, стр.105.

2 Гордеев Ф.И. О происхождении условного союза гын в марийском языке. Труды МарНИИ, вып.ХУ. стр.142.

3 Ramstedt G. Bergtscheremissische Sprachstudien, Helsingfors, 1902, стр.185.

восточного наречия этот союз имеет также мягкий согласный н, например:

Сиреньжыматэ тугем иле,
Розаж гане лиеш кынь /запись автора/
'И сирень бы поломала,
Если бы была как роза'.

В родственных языках рассматриваемому союзу соответствуют: удм.ке 'если': тодыскал ке, озьы ӧй лестысал /русско-удмуртский словарь, М. 1956, 238/ 'если бы знал, так бы не сделал'. Коми кӧ 'если': эн мун, абу кӧ охота / коми-русский словарь, М., 1961, стр.904/ 'не ходи, если нет желания'. Эст.kui 'если': kui ma tulen, siis näen 'если я приду, то увижу'. Манси ке 'если': тэнут ке ат осьсыт, тэнутыл мисанэ /Баландин и Вахрушева, Мансийский язык, Л. 1957, стр.167/ 'если у них не было пищи, дал им пищу'. Венг.ha 'если': ha nem tudod, akkor nem mondd 'если не знаешь, то не говори'.

В финском языке имеется союз kuin 'как, чем', наиболее близкий по звучанию к марийскому гӹнь, кынь 'если' и общий по происхождению с эстонским kui 'если'[1]. Финский союз kuin 'как, чем' представляет собой инструктив местоимения ku[2].

Если учесть то, что в древнемарийском языке тоже был инструктив на -ин /см.стр.37 /, то можно полагать, что и марийский союз гын /гынь, гӹнь/ также является инструктивом от местоимения ку- /ср.кушко 'куда', кудо 'который' и т.д./. Об этом отчетливо говорят диалектные варианты, где конечный -н

---

1 Suomen kielen etymologinen sanakirja, II, Helsinki, 1958, стр.230

2 Хакулинен, РСФЯ, ч.I, стр.90.

мягкий. Мягкость эта объясняется только влиянием предшествовавшего гласного и /i/.

Таким образом, союз гын 'если' возник из инструктивной формы местоимения ку. Значение инструктива 'как' вполне могло развиться в значение 'если', о чем говорит даже эстонский союз kui 'если' общий с финским kuin 'как, чем'. Фонетически развитие союза гын /гынь/ выглядело примерно так: *kuin > kin' > kən' > kən' /kən/. Начальный согласный озвончается только после сонорных согласных и гласных предшествующего слова. Гласный -у - первого слога выпал, потому что марийскому языку не характерно зияние гласных. Ср.кугыза 'старик' из кугу + иза 'большой старший брат'. Конечный согласный -н под влиянием предшествующего гласного -и - смягчился, что сохранилось в некоторых диалектах, а в луговом наречии конечный мягкий согласный -н утратил свою мягкость. Ср.кестен из рус.кистень.

Союз гынат 'хотя' имеет уступительное значение, сходное с русским союзом 'хотя'. Встречается во всех современных марийских диалектах и имеет одну и ту же форму. Только в горном наречии и в некоторых говорах восточного наречия /Малмыж/ согласный н мягкий. Например: лугов.Макарлан коло ик ий гынат, Чужган кува тудым але эре изилан шотла /С.Чавайн, Элнет, 22/ 'Макару хотя двадцать один год, жена Чужгана его все еще считает маленьким'. Горн.кечӹ шайык вален кен гӹнят, Сергелан со ироклаок чучын /Д.Орай/ 'хотя солнце уже спустилось, Сергею все еще казалось утро'.

Происхождение данного союза связано с происхождением союза гын 'если', хотя Пенгитов Н.Т. считает его татарским[I]. Союз

[I] Пенгитов Н.Т. Причастия в марийском языке, М.-Л. 1951, /рукопись/ стр.125.

гынат 'хотя' сложился из союза гын 'если' и усилительной частицы ат в значении 'даже'. Поэтому первоначально союз гынат 'хотя' имел значение: если даже. Это первоначальное значение очень хорошо прослеживается в сочетании рассматриваемого союза с наречием туге 'так'. Например: туге гынат, мый ом кай 'если даже так, я не пойду'. Так как союз гынат 'хотя' встречается во всех диалектах марийского языка, можно уверенно сказать, что он возник еще в древнемарийском языке. Составными элементами его явились собственно-марийские материалы.

В северо-западном наречии марийского языка встречается форма дӹкӹнӓт 'хотя'. Ср.аты сӓй дӹкӹнӓт, мӹнь тhшко ам кейе 'хотя лес и хорош, но я туда не пойду /запись автора/'. Эта форма сложилась из русского областного дак /ср.дак я ведь тебе говорил/ и марийских усилительных частиц -ын и -ат, ср.дӹк, дӹкӹн 'хотя', дӹкӹнӓт 'хотя', тушеч 'оттуда', тушечын 'оттуда'.

Правда, Тужаров считает, что и элемент дӹк является финно-угорским, он сравнивает его с мордовским -dak~vak[I]. Однако с этим вряд ли можно согласиться, ибо частицы -ак и -дык и по сей день сосуществуют параллельно в одном и том же диалекте. Ср.каетак мо? 'уходишь что-ли?', кает дык йӧра 'уйдешь дак ладно'. Причем значения этих частиц совершенно различны. В одном случае частица усилительная, в другом - уступительная. А эти два значения весьма трудно совместимы. В то время как русская областная частица дак по значению полностью совпадает с марийской. К тому же, нужно учесть и то обстоятель-

I Тужаров Г. Яранский говор марийского языка /морфологическая характеристика/, Тарту 1966, рукопись, стр.356.

ство, что в марийском языке усилительные частицы -ак, -ат всегда имеют ударение на гласном -а, а это ни в коем случае не позволяет этому гласному редуцироваться. В частице же дык 'хотя' мы имеем редуцированный гласный. Учитывая все это, мы не можем назвать частицу дык марийской по происхождению. В марийском языке русский дак фонетически дал дык. Ср. туге дык йӧра 'так дак ладно'. Марийское дык употребляется и в уступительном значении. Например: туге дыкат, мый ом каласе 'хотя и так, я не скажу'. Русский дак соединился с марийскими -ын, -ат, что дало форму дӹкӹнӓт ← дӹк + ӹн + ӓт.

Исходя из вышеизложенного о союзах, мы можем заключить, что союзы в марийском языке появились в основном поздно. Из всех имеющихся в марийском языке союзов собственно-марийскими являются только четыре: гын 'если', гынат 'хотя', ден 'и', манын 'чтобы, что'. Все эти союзы когда-то были самостоятельными словами: имя, местоимение, глагол, которые с течением времени утратили свое лексическое значение, грамматически абстрагировались и перешли в разряд служебных слов. Почти все они возникли на древнемарийской почве, а не в период финно-угорской языковой общности, что позволяет высказать мысль о позднем развитии в марийском языке сложных предложений.

Три союза марийским языком заимствованы из тюркских языков тӓ... тӓ 'не то... не то', ала 'не то' и я 'или'. Остальные союзы вошли в марийский язык из русского языка.

Таким образом, система сложных предложений в марийском языке начала свое развитие до связи мари с русскими и татарами и получила свое развитие лишь в период тесных сношений с последними.

ЧАСТИЦЫ

Состав частиц в современном марийском языке довольно богат и разнообразен. По значению они делятся на следующие группы: I/ усилительно-выделительные, 2/ выделительно-ограничительные, 3/ определительные, 4/ указательные, 5/ присоединительные, 6/ утвердительные, 7/ вопросительные, 8/ частицы, выражающие степень распространения влияния, 9/ модально-волевые частицы, I0/ модальные частицы, II/ отрицательные частицы.

Частицы не имеют самостоятельного лексического значения, не выражают синтаксических отношений между словами, а служат для выражения различных смысловых оттенков отдельных слов, групп слов или целых предложений. Смысловых оттенков в языке много, поэтому много и частиц.

Рассмотрение возникновения и исторического развития частиц поможет глубже понять историю развития морфологической структуры марийского языка, ибо ряд частиц уходит своими корнями в весьма отдаленную древность. Частицы когда-то были самостоятельными словами, имели самостоятельное лексическое значение, но в современном состоянии корневое слово большинства частиц установить почти нет возможности, т.к. от этих слов остались лишь по одному звуку или же само слово вышло из употребления. Ряд частиц возник довольно поздно и их первоначальный источник можно легко установить, хотя история их до сих пор не рассматривалась.

Усилительно-выделительные частицы

К усилительно-выделительным частицам в современном марий-

ском языке относятся: -ак, -ат, -вет, -эсогыл, -с /-ыс/, -лай. Эти частицы употребляются для выделения слов в предложении с логическим ударением.

Частица -ак встречается во всех диалектах современного марийского языка. В горном, северо-западном наречиях и в некоторых говорах лугового наречия /волжский/ она имеет форму -ок. Например: лугов.тидым тачак ыштена 'это сделаем сегодня же', горн.Герой лӱддеок анзыкыла кэӓ 'герой идет вперед без страха /же/'.

Подобных частиц в родственных языках нет. Имеется только в мордовском языке усилительная частица -гак, -як в прибалтийско-финских: фин.-ка, эст.-gi /-ki/, с которыми марийская усилительная частица вряд ли имеет общность происхождения, хотя Видеман и считает их общими[I]. Но подобная частица есть в тюркских языках: чув.-ах: чынахах 'правда же', ср.мар.луг.чынакак 'то же', тат.-ук: буген ук 'сегодня же', башкир.-ук: богон ук 'сегодня же'.

С прибалтийско-финской частицей -ка марийская частица -ак не может считаться общим по фонетическим причинам, ибо метатеза подобного рода при интенсивности гласного -а вряд ли возможна. Скорее всего мы могли бы допустить отпадение конечного -к, но и этого не случилось. Ближе фонетически стоит к марийской частице мордовская частица -гак, -як /тоже, очевидно, из -гак > -jak/. Но возникает вопрос, почему в акающем наречии марийского языка /горном/, где фонетически частица должна была иметь форму -ак выступает в виде -ок, а в

I Wiedemann F. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval, 1847, § 49.

луговом наречии, где произошел во многих случаях переход а в о, мы имеем обратное явление -ак.

Это заставляет нас думать о том, что рассматриваемая частица вошла в марийский язык из тюркских языков. Очевидно, в луговое наречие она вошла из древней основы чувашского языка, а в горное - из древней основы татарского языка. Встречающаяся непоследовательность в восточном наречии, где можно встретить оба варианта -ак и -ок, объясняется, по-видимому, поздним явлением губной гармонии, ибо вариант -ок встречается только в тех случаях, где в первом слоге имеются губные гласные ср.тугок 'так же', но тыгак 'так же'.

Другого мнения относительно происхождения частицы -ак придерживается Тужаров. По его мнению, эта частица одного происхождения с финской частицей -ка /-кӓ/, для доказательства чего он приводит частицу яранского говора -кы /-кӹ/: толайкы 'приходи же'[I]. Однако, на наш взгляд, этот довод не может быть доказательством общности происхождения финской частицы -ка /-кӓ/ и марийской -ак, а наоборот он только подкрепляет наше мнение, так как частица -кы /-кӹ/ яранского говора, как говорит и сам Тужаров, имеет, бесспорно, общность происхождения с финской частицей -ка /-кӓ/[2]. Таким образом, нельзя смешивать в одно две частицы -ак и -кы, которые имеют разные источники происхождения. Не случайно поэтому обе они сосуществуют в одном и том же диалекте.

I Тужаров Г. Яранский говор марийского языка. /Морфологическая характеристика/ Тарту, 1966, рукопись, стр.355.

2 Тужаров Г. Частицы, употребляющиеся с формами императива в яранском говоре марийского языка, Советское финно-угроведение № 2, 1966, стр.105.

Частица -ат также широко распространена и встречается во всех диалектах. Кроме усилительно-выделительного значения, она имеет и соединительное значение, поэтому в синтаксисе ее называют союзной частицей[I]. В родственных языках эта частица прямых соответствий не имеет. Нет также соответствий в тюркских языках. Из родственных языков только в угорских имеется частица с элементом т: венг.hát 'уже, уж', манси ти, та 'и'. Ср. венг.hát ki volna úr más széles e határban 'уж кто же иной мог бы быть хозяином в этой округе?'[2]; манси: август этпости холи 'на исходе и август месяц'[3]. По значению мансийская частица полностью совпадает с марийской. Очевидно, эти частицы имеют общий источник. Трудно, конечно, сейчас судить, что представляла в древности эта частица. Но одно можно предполагать, что она финно-угорского происхождения.

Частица -с (-ыс) встречается не во всех диалектах современного марийского языка, ее, например, нет в северо-западном наречии. В горном наречии она имеет форму -ш (-ыш). По происхождению она древняя, финно-угорская. Соответствия ей имеются в ряде родственных языков вплоть до угорских. Так, например, мар.уке-с 'нет же', улы-с 'есть же', ср.удм.угось 'именно,же' (уг + ось) 'нет же' И.Г.). В прибалтийско-финских языках есть частица -s, вносящая фамильярный оттенок ср.фин.mikäs asia

---

I Пенгитов Н.Т. Марий йылме учебник. Синтаксис, Йошкар-Ола 1960, стр.37, 51. Современный марийский язык, Синтаксис сложного предложения, Йошкар-Ола 1961, стр.21.

2 Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.I, М. 1955, стр.289.

3 Баландин А. и Вахрушева М. Мансийский язык, М. 1957, стр.164.

tässä on? 'какое же тут дело?'.

В угорских языках имеется усилительная частица: венг.is 'и, даже', манси:ос 'опять, тоже, также', которая, по всей вероятности, восходит к одному источнику.

Наиболее близки к марийскому по значению частицы финского и удмуртского языков. Впрочем, различные смысловые оттенки в разных языках могли развиться позже. Основное значение частицы усилительное. Таким оно было, очевидно, и в древности. Исходя из соответствий в родственных языках, мы приходим к заключению, что первоначально рассматриваемая частица имела мягкое звучание *s'.

Частица эсогыл 'даже' не встречается в горном и северо-западном наречиях марийского языка. Происхождение ее на первый вз взгляд как бы можно связать с происхождением предыдущей частицы, однако, смущает то обстоятельство, что она занимает препозитивное положение. Сама частица, как видно, сложная. Она состоит из компонентов эс - и - огыл. Происхождение второго компонента не требует доказательств: оно ясно без того. Огыл - это глагольное отрицание из ог + ул 'не есть'. Нас интересует, что представлял собой компонент эс- и какого он происхождения. Сравнительные данные родственных языков и диалектов почти ничего не дают. Имеется лишь в коми-зырянском языке приглагольная частица эськӧ 'бы', которая по форме имеет некоторое сходство с марийской частицей и, очевидно, одного происхождения. Нет также подобной частицы в тюркских языках. То, что частица эсогыл усложнена приименным отрицанием огыл, говорит об именном начале элемента эс. В современном марийском языке нет подобного имени, есть только определительное местоимение шке 'сам' (əške), которое исторически состоит из местоименного корня -ыш (əš) из

эсь и -ке - усилительной частицы (см.стр.146). Частица эсогыл, по-видимому, сложилась из местоименного корня эсь и приименного отрицания огыл. Первоначально это сочетание должно было означать: 'не сам', что развилось в 'даже'. Об этом говорит также то, что эта частица употребляется всегда совместно с другой усилительной частицей, например: эсогыл тидат уке 'даже этого-то нет'. Первоначально, видимо, это выражение означало: 'не только самого, но и этого нет'.

Частица лай в современном марийском языке мало употребительна. Она встречается обычно в песнях и не во всех диалектах. Нет ее в горном наречии, а также в переходных говорах от горного к луговому наречию. Значение частицы лай не просто усилительное, а с оттенком ласкательности. Например: ик кече эрта, вес кече эрта, рвезылай ӱмыремжат тыгак эрта (д.Шуми-Сола, Советского района, МАССР) 'день проходит, второй проходит, также пройдет молодость моя'. Данная частица не находит прямых соответствий в родственных языках. По всей очевидности,она берет начало от слова лай 'нежный'. Ср.лай мардеж 'нежный ветер'.

Частица -кын (-кӹн) встречается только в северо-западном наречии марийского языка. Например: толжайкын 'пусть приходит же', толдайкын 'приходите же', шӹптӓйкӹн 'будьте тише же'.

Тужаров эту частицу сравнивает с финской частицей -kin[I]: sittenkin 'все-таки, несмотря на то', kumpikin 'и тот и другой'. Такое сравнение вполне правомочно. Частица эта сложная, состоит из двух усилительных частиц: -кы (-кӹ) и -н.

[I] Тужаров Г. Частицы, употребляющиеся с формами императива в яранском говоре марийского языка, Советское финно-угроведение, № 2, 1966, стр.105.

Частица вет 'ведь' заимствована из русского языка, в) этом не может быть никакого сомнения.

Выделительно-ограничительные частицы

К выделительно-ограничительным частицам относятся: веле, гына, гын, кеч, иже.

Частица веле 'только' встречается во всех современных марийских диалектах. Происхождение ее неясно. Возможно является общим с прибалтийско-финским: эст.veel, фин.vielä 'еще'.

Происхождение частицы гын одинаково с происхождением союза гын 'если'. В качестве частицы гын употребляется весьма редко и обычно в сочетании с частицей веле 'только'.

Частица кеч 'хоть' одного происхождения с союзом кеч 'хотя'.

Частица гына 'только, лишь' вошла в марийский язык из тюркских языков, ср.чув.кăна, тат.гына, башк.гына 'только, лишь'. В горном наречии этой частицы нет. Она наиболее распространена в восточном наречии, реже употребляется в луговом, что дает основание считать ее татарским заимствованием.

Частица иже 'только' имеет ограничительное значение во временном плане. Например: пич йӱд лиймеке иже толын пурышна 'вернулись только по наступлении темной ночи'. Она в горном наречии не встречается. Происхождение неясно, возможно: и 'год, время' + же - притяжательный суффикс.

Определительные частицы

Их в марийском литературном языке только две: чылт 'совсем', лач 'точь-в-точь'. Обе заимствованы из чувашского языка, ср. чув.чалт 'совершенно, совсем', лач 'точь-в-точь'. В восточном наречии вместо чылт употребляется ялт 'совершенно, совсем', ко-

торая в луговом и горном имеет вариант йылт, йӹлт, ср.чув. йалт 'совершенно, совсем'.

Указательные частицы

К указательным частицам в современном марийском языке относятся: теве 'вот', уна 'вот', вот 'вот'. В горном наречии встречается еще: тӹве 'вот', указывающая на дальний предмет. В восточном наречии имеется ее варианты: тува, тӱвӧ 'вот'.

Частицы теве, тӹве, тува, тӱвӧ 'вот' по значению различаются в пространственном отношении. Частица теве употребляется для указания на близкий по отношению к говорящему предмет, а частица тува, тӹве, тӱвӧ употребляется для указания на дальний по отношению к говорящему предмет. Ср.тува тушто 'вот там', теве тыште 'вот здесь'.

Рассматриваемые частицы возникли из корней указательных местоимений те и ту, ср.тиде 'этот', тудо 'тот', ты 'этот', ту 'тот'. Второй компонент частиц -ве, -ва является суффиксом, который сохранился еще в таких диалектных словах, как: тушкеве 'до тех пор' тышкеве 'до сих пор' (йошкар-олинский говор), ср.тушко 'туда', тышке 'сюда' и, очевидно, восходит к одному источнику с мордовским усилительным суффиксом -vək: t'aftamə-vək af 'никакой'[I].

Частица уна 'вот' употребляется не во всех диалектах марийского языка. Ее нет в горном, северо-западном наречиях. Не везде имеется и в восточном наречии. По происхождению она является татарским заимствованием, ср.тат.менэ 'вот'. В марий-

---

[I] Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках, М. 1964, стр.16, 63.

ском языке начальный согласный отпал, но до отпадения оставил свой след в лабиализованном гласном -у: менэ > муна > уна 'вот'.

Частица вот 'вот' вошла в марийский язык из русского языка.

Присоединительные частицы

К присоединительным частицам в марийском языке относятся эше 'еще', адак 'опять', але 'ка'.

Частица эше 'еще' заимствована из русского языка. В диалектах она имеет варианты: луг.эша, эшо, горн.эче.

Частица але 'ка' выражает смягчение просьбы, приказания. Например: тол-але 'приди-ка', колышт-але 'послушай-ка'. По происхождению эта частица является татарским заимствованием, ср. тат.бир-але 'дай-ка'. Частица але не употребляется в горном наречии марийского языка, что говорит о том, что она вошла в марийский язык после его распада на горный и луговой наречия.

Частица адак 'еще, опять' также отсутствует в горном наречии марийского языка. Происхождение ее не совсем ясно. Возможно ат + ак.

Утвердительные частицы

Утвердительными в марийском языке являются следующие частицы: ане 'да', да 'да', ну-да 'ну-да'. В горном наречии имеется еще мане 'да'. В Звениговском районе имеется частица амо 'да'. Из этих частиц да и ну-да являются русскими заимствованиями.

Частицы мане, ане 'да' не находятся соответствий в родственных языках, нет также подобных частиц в соседних неродственных языках. Поэтому нужно полагать, что они возникли на марийской почве. Частицы мане, ане 'да' по устному высказыванию Н.Т.Пенгитова восходят к форме III лица ед.числа прошедшего [illegible] первого

глагола манаш 'сказать'. С чем вполне можно согласиться. Частица амо 'да' образовалась в результате слияния вопросительных частиц а и мо 'что'.

Вопросительные частицы

Вопросительные частицы в марийском языке разнообразны. В литературном языке имеются следующие вопросительные частицы: мо, вара, гала, а, ну. В горном наречии имеются еще: разве, неужели. Правда, эти русские частицы употребляются и в луговом наречии. В некоторых говорах лугового наречия есть частица и /Исменцы/. В северо-западном наречии вместо частицы мо (горн.ма) употребляеися частица май.Ср.кеет май? 'пойдешь ли?'. Из всех приведенных частиц, частицы а, ну, разве, неужели без всякого сомнения являются русскими заимствованиями в марийском языке. Рассмотрим историю остальных.

Формально частица мо (горн.ма, северо-запад.май) очень сходна с вопросительным местоимением мо 'что'. В некоторых говорах (Пижанка Кировской области и др.) она употребляется в сочетании с русской вопросительной частицей -ли: моли, молье 'что-ли'. С другой стороны, рассматриваемая частица весьма сходна с вопросительной частицей татарского языка мы 'ли', особенно, в горном наречии. Ср.тат.яхшы мы? 'хорошо ли?'.

Однако, вряд ли марийскую частицу можно признать за татарское заимствование, тк. наряду с мо в марийском есть и татарское мы: тыге мо, туге ма 'так ли, этак ли'. На наш взгляд, частица мо 'ли' произошла из вопросительного местоимения мо, горн.ма 'что'. Не случайно поэтому эта частица сочетается с частицей -ли, а в северо-западном наречии имеет за собой элемент -й, который, очевидно, был модально-волевой частицей ай.

Частица вара своим происхождением восходит к наречию вара 'потом'.

В с.Исменцы Звениговского района вместо частицы мо употребляется частица -и, которая является чувашским заимствованием. Ср.эсӗ полк ывӑлӗ - и? 'ты сын полка?'.

Частица гала придает вопросу значение некоторой неуверенности, предположительности: кузе гала? 'как же?'. Она встречается не во всех современных марийских диалектах: ее нет в горном наречии. Происхождение ее неясно. Возможно является сложной, состоящей из га + ла, из которых первый компонент, очевидно, одного происхождения с послеложным корнем гай, гане 'подобный', второй является утвердительной частицей -ла, которая встречается в некоторых говорах лугового наречия. Ср.туге ла 'так, конечно' (Ронга). Частица -ла тюркская. Ср.ол бард ла 'он действительно ушел'[I].

Неопределенная частица ала не встречается в горном наречии. По происхождению она является тюркским, вернее татарским заимствованием. В горном наречии в этом значении употребляется другая частица: ӓнят, например: мӹндырны тамаӓнят каеш 'вдали что-то виднеется'. В северо-западном наречии употребляется эта же частица, только без начального гласного: нят, ср.нят-кӱ 'кто-то'.

Происхождение этой частицы неясно. Видимо, в древнемарийском языке было какое-то слово ань, к которому присоединилась частица -ат.

Частицы, выражающие степень распространения влияния

К этой группе относятся частицы, образующие превосходную

I Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из восточного туркестана, М.-Л. 1961, стр.191.

степень имен прилагательных и наречий, которыми являются: эн "самый", пеш "очень". Частица эн "самый" вошла в марийский язык из тюркских языков.

Прямые соответствия частице эн "самый" имеются во всех тюркских языках, кроме чувашского, вплоть до турецкого, например, тат. ин "самый", башк. ин "самый", узб. энг "самый", турецк. en " самый".

Татарский и башкирский варианты этой частицы, очевидно, не древние. В текстах X-XIII вв. из восточного туркестана эта частица, по данным А.М. Щербак[1], имеет форму: ӓн "самый": ӓн ӱстӥн "самый высокий". Поэтому можно полагать, что частица эн "самый" в марийский язык вошла в относительно древнее время.

Частицу пеш / горн. пиш/ "очень" Ф. Видеман[2] считает тюркским заимствованием. Правда, в тюркских языках имеется подобная частица, ср. тат. бик "очень", башк. бик "очень", чув. пит " очень", но в них, как видно, конечным согласным частицы является не-ш, как это в марийском языке. В родственных языках нет ни в одном, кроме мордовского, и намеков на подобную частицу. В мордовском же языке она весьма сходна с тюркской частицей бик "очень", ср. морд.Э. пек"очень". В марийском языке, по-видимому, она иранского происхождения, ср. перс. пиш "до, раньше".

Модально-волевые частицы

К модально-волевым частицам в марийском языке относятся:

---

[1] Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов XXIII вв. из восточного туркестана, М.-Л. 1961, стр. 114-115.

[2] Wiedemann F. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval 1847, § 230.

-ан, -ян, -я, тек, керек, ну-ка, айда, айста. В диалектах еще: ай.

Частице -ан имеются прямые соответствия в родственных языках, ср.фин.varmaankaan 'наверное же'. Она в финском языке состоит из частиц -ka (-kä) и -an (-än). Это наводит нас на ту мысль, что частица -ан в марийском языке довольно древняя, по крайней мере, периода прибалтийско-финско-волжской общности.

Частица -я находит прямое соответствие в мансийском языке, ср.хумус-я, Трофим Сергеевич? 'так как же, Трофим Сергеевич?'. Правда в мансийском языке она имеет усилительное значение, но весьма близкое к марийской -я. Например: нал-я 'бери-ка', 'бери-же'. Поэтому и эту частицу мы должны считать по происхождению финно-угорской.

Частица -ян по происхождению сложная. Она сложилась из частиц -я и -ан (ja + an), где путем стяжения один из гласных -а исчез.

Частица тек 'пусть' выступает только в луговом и восточном наречиях. Она вошла в марийский язык из чувашского языка. Ср. чув.тек каласатар 'пусть говорит'[I], мар.тек каласа 'пусть скажет'.

Частица керек 'пусть' заимствована из тюркских языков, скорее всего из чувашского, ср.чув. кирек. Как и в чувашском языке, в марийском эта частица употребляется как словообразующая, ср.мар.керек-мо 'что-то, что бы ни было', ср.чув.кирек мен 'что бы ни было'.

Частица ну-ка в марийском языке без сравнительных данных

I Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары, 1965, стр.50.

может быть отнесена к русским заимствованиям.

Частицы айда, айста, айтса / диал./ являются тюркскими заимствованиями[1], ср. чув. диал. айта "айда", тат. айда "тоже".

Частица-ай по происхождению является финно-угорской. Она имеет соответствия в некоторых родственных языках, например, удм. ветлы ай "сходи же"; манси: тай "то, уж", ср. та "и", мар. тол-ай "приди-же, приди-ка".

Модальные частицы, выражающие отношение к достоверности высказывания

К ним в современном марийском языке относятся: шол, чай, дыр, пуйто, докан, аман.

Частица шол в марийский язык вошла из татарского языка, ср. тат. шул "то-то", шулай шул, башк. шулай шул "так именно, да", мар. туге шол "так именно, да". Рассматриваемая частица отсутствует в горном наречии.

Частица чай вошла в марийский язык из русского языка. В русском языке Марийской АССР и Кировской области есть частица чать, придающая оттенок предположения /наверно/, например: придешь чать? "придешь, наверно?". Эта частица в разговоре может иметь и форму чай:
чай так? "так, наверно?". В горном наречии она имеет форму сай, которая возникла, очевидно, под чувашским влиянием.

Частица дыр встречается в некоторых говорах лугового и восточного наречий марийского языка. Она вошла в марийский язык из тюркских языков, ср. мар. толат дыр "придешь, наверно", чув. вĕсем кайнă -тăр "они, должно быть, уже уехали"; тат. килгән-

[1] Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка, ч. I, М. 1959, стр. 4.

дер 'он, вероятно, пришел', кайдадыр 'где-то'.

Происхождение частицы пуйто 'будто' одинаково с происхождением союза луг.пуйто, горн.вуйта 'будто'.

Частица докан встречается в луговом и северо-западном наречиях марийского языка. Правда в последнем ее форма несколько иная: докон. Такая же форма выступает в волжском говоре лугового наречия[I]. По значению она одинакова с частицей дыр. Эта частица не находит соответствий ни в родственных, ни в неродственных языках, даже в луговом наречии она выступает не во всех говорах.

Происхождение рассматриваемой частицы Тужаровым Г. объясняется контаминацией частицы -док с усилительным н -овым элементом посредством соединительного гласного -о[2]. В принципе мысль Тужарова Г. верна, но требует некоторых уточнений, так как он не объяснил, почему в луговом наречии эта частица имеет вместо так называемого соединительного гласно -о гласный -а: докан. На наш взгляд, было бы вернее эту частицу считать сложной, сложившейся из двух частиц: док и -ан. Ср.толан 'приди же', пуан 'дай же'.

Форма докон появилась вследствие прогрессивной ассимиляции и аналогии с усилительной частицей -ок: толок 'приди же'.

Поэтому гласные -о и -а нельзя считать за соединительные: они органически входили в состав усилительной частицы.

Частица аман также употребляется только в луговом наречии

I Лаврентьев Г.И. Императив и оптатив в волжском говоре марийского языка, Советское финно-угроведение, № I, I965, стр.20I.

2 Тужаров Г. Частицы, употребляющиеся с формами императива в яранском говоре марийского языка, Советское финно-угроведение, № 2, I966, стр.I05.

марийского языка. Она придает оттенок очевидности. Например: кает аман 'идешь, все-таки'. По происхождению является тюркским заимствованием, ср.тат.һаман 'все еще', башкир.һаман 'все еще'. Отпадение начального һ (х) в луговом наречии марийского языка вполне закономерно, ибо оно подобного звука не знало вообще.

Отрицательные частицы

К отрицательным частицам в современном марийском языке относятся приглагольные отрицания, историю которых мы рассмотрели в связи с отрицательными формами глаголов. Кроме того, в марийском языке есть отрицательная частица уке 'нет', которая употребляется во всех диалектах. В диалектах она имеет следующие варианты: уко (йошкар-олинский говор лугового наречия), укей (тоншаевский говор северо-западного наречия), уки (некоторые говоры горного и лугового наречий).

По происхождению эту частицу Видеман считает татарским заимствованием[I]. Действительно, в тюркских языках есть подобное отрицание, ср.тат.юк 'нет', чув.сук 'нет', каракалп.жок 'нет', турец.уок 'нет' и т.д. Однако подобное совпадение нельзя еще считать доказательством. Если принять точку зрения Видемана за правду, то чем объяснить, во-первых, отпадение начального й (j), когда марийскому языку такое начало отнюдь не чуждо, ср. йӱк, йук 'голос, звук', во-вторых, откуда появились гласные в конце слова е и о более того - согласный -й (j) в конце слова. Эти обстоятельства заставляют нас подойти к решению вопроса

[I] Wiedemann F. Указ.соч., § 234.

более осторожно и отнестись к мнению Видемана скептически.

Поразительное сходство мы находим в монгольских языках. Ср. монг.угуй 'нет', бурят.угы 'нет'. Это дает нам право полагать, что марийское уке, укей 'нет' обязано своим происхождением монгольскому угуй 'нет'. В северо-западном наречии эта частица сохранила более древнюю форму. Таким образом, рассматриваемая частица появилась не раньше XIII века. До этого, по-видимому, отрицание выражалось при помощи отрицательного глагола в сочетании с глаголом улаш 'быть', как в прибалтийско-финских языках, ср.фин.ei ole 'нет', удм.ӧвӧл < ӧ + вӧл 'нет'.

Из вышеизложенного видно, что в современном марийском языке собственно-марийских частиц довольно мало, основная масса их вошла в марийский язык из соседних тюркских языков и русского языка.